

М. В. НЕЧКИНА

ФУНКЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОБРАЗА
В ИСТОРИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва, 1987. 160 с.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Академик
М. В. НЕЧКИНА

ФУНКЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОБРАЗА
В ИСТОРИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ

СБОРНИК РАБОТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАУКА»
МОСКВА. 1982

Восприятие множеством людей — творцами истории — художественного образа и последующее воздействие этого восприятия — такова основная тема книги академика М. В. Нечкиной. Эти явления, слитые во взаимодействие, и становятся функцией художественного образа в историческом процессе.

Автор исследует связи писателей с русским общественным и революционным движением (творчество А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, И. И. Лажечникова, Н. А. Некрасова, Вольтера), а также использование художественных образов в науке и политике (работы Карла Маркса и В. И. Ленина).

Книга представит несомненный интерес для историков, литературоведов, студентов, аспирантов, учителей и всех, интересующихся культурой России XVIII—XIX вв.

ОТ АВТОРА

Настоящая книга является сборником моих работ, посвященных вопросам художественной литературы. Он получает название от первой статьи, его открывающей. Именно эта тема — функция художественного образа в историческом процессе — и является выражением основной идеи сборника. Идея эта подтверждает право историка на изучение художественного образа и на необходимость этого изучения для исторической науки. Далее следует серия статей о художественном образе и общественном движении, она касается творчества А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, И. И. Лажечникова, Н. А. Некрасова. Завершается сборник статьями о художественном образе в науке и политике (образы художественной литературы у К. Маркса и В. И. Ленина).

Разумеется, автор далек от мысли исчерпать свою тему. Она почти необъятна. Но вместе с тем она мало изучена, что и дает особое право на научные поиски. Историки до сих пор уделяли не так много внимания этой огромной проблеме. Художественный образ тщательно изучался лишь литературоведами со своих специальных позиций. Касались его и другие науки, история в том числе. Их участие в разработке вопроса необходимо.

Мои работы о А. С. Грибоедове и декабристах примыкают к этому же циклу, но, поскольку книга «Грибоедов и декабристы» вышла особо, в данном сборнике публикуется лишь один отрывок по данной теме.

М. В. Нечкина

ФУНКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Художественное творчество могущественно воздействует на массы людей — творцов истории

Кто должен изучать художественный образ? Литературовед? Искусствовед?

Может ли историк обойтись без этого изучения?

Конечно, не может. Исторический процесс включает в себя широкий спектр явлений культуры, а в их составе художественное творчество занимает большое место. Немыслимо изучение исторического процесса без такой могущественной силы, как художественное творчество, воздействующее на массы людей — творцов истории.

Но эта сторона дела, на мой взгляд, как-то мало тревожит литературоведов и искусствоведов.

Сказать по правде, она недостаточно тревожит и историков. Но сдвиг уже произошел: не только в многотомных изданиях по истории СССР или всемирной истории, но и в вузовских учебниках и в учебных пособиях по истории для средней школы — всюду вы встретите главы по истории культуры. А в них немалое место занимает художественное творчество: вы прочтете там и о Пушкине и Достоевском, о Брюллове и Репине, о Глинке и Римском-Корсакове... Можно добавить еще великое множество великих имен. Но одного перечисления мало. Вопрос о *работе* художественного образа в историческом процессе, в росте и преобразовании людей (а историю делают люди!) как-то мало затронут.

Не просто художественный образ как таковой, а именно *функция* художественного образа в сознании читателя подлежит изучению.

Художественный образ не остается ли тайной, хотя целое море исследовательской литературы плещется в его берега? В раздумьях об этом можно застать не только литературоведа. Тут есть свои заботы и у историка.

Начать с того, что налицо расхождение в объеме и направлении исследования художественных произведений

у искусствоведа и у историка. Существует множество работ о художественных произведениях с позиций критика и литературоведа и самая малость — с позиций историка. Великое множество искусствоведческих работ занято анализом содержания и формы произведения. Вопрос, как оно сделано, в чем состоят приемы авторского творчества, — в центре внимания исследователя. Изучаются стиль, характер образов, приемы их построения. Последние раздроблены на мелкие и мельчайшие единицы. Появились даже «стилемы» при изучении стиля, выявлены тончайшие оттенки троп — метафор, метонимий, изучены цветовые, звуковые и прочие эпитеты. В сфере исследования языка художника существуют писательские словари и точные подсчеты слов, употребленных писателем. Особая группа работ, весьма многочисленная, занята творческой историей произведения, выявлением процесса его создания, его черновыми вариантами, их последовательным расположением, постепенным возникновением образа и всей ткани произведения. Изучаются прототипы героев, реальные зародыши сюжета. Но все это для историка — лишь первая половина проблемы. Вторая ее половина — функция произведения, его работа в воспринимающей читательской среде изучаются куда меньше. Для историка же она самая главная.

Специфика изучения «формы» и «содержания», их соответствий и противоречий, исследования приемов построения образа и «значения» образа обособилась в исследовательские течения почти в полном отрыве от исторических задач. Произведение лежит перед нами, развинченное на мелкие и мельчайшие винтики, пружинки, колесики, рычажки; каждый из них характеризуется с той или иной степенью тонкости и проникновения. Но часы не тикают. Функция пружинки и колесиков в их совокупности (а действуют они лишь вместе, в живом целом!), действие их в исторической среде (а вне ее вообще нет их функции!), в сущности, не исследуются до конца. Видимо, это целая уйма будущих исследований, методику которых еще предстоит разработать.

Художественное творчество принадлежит явлениям культуры, а история культурного развития — неотъемлемая часть общего исторического процесса. Поэтому положение, что работа художественного образа в историческом развитии — обязательная для историка тема, представляется мне не требующим доказательств.

Конечно, литературоведы и специалисты по другим отраслям искусства — живописи, музыке, театру — своими изысканиями в области художественного образа оказывают историку неоценимую помощь. Уже имеющийся классический фонд марксистских положений о существовании художественного образа необходим историку. Очень существенны для него изыскания последних лет, когда особенно оживилась теоретическая работа литературоведов и — шире — искусствоведов вообще. Однако было бы неискренним и неправильным по существу назвать этот нужный, уже завоеванный комплекс выводов вполне достаточным для отправки предпосылок в решении поставленной задачи. Он необходим, но недостаточен. Есть еще малоисследованные звенья, над которыми нужно работать, — в современной науке о художественном образе историку многого не хватает.

Тема, избранная мною, расположена на границе двух наук — литературоведения и истории. Для ее постановки нужны не только опорные данные, почерпнутые из обеих наук. Их, оказывается, недостаточно для решения вопроса. Как всегда, пограничный характер проблемы требует еще чего-то «третьего», порождаемого самой новизной предмета. Моя работа (я смотрю на нее как на первую в ряду задуманных последующих) не преследует, разумеется, цели исчерпать тему и дать ее окончательное решение. Она лишь намечает постановку некоторых вопросов избранной проблемы и ограничивается отбором некоторых сторон, практически необходимых для историка. Однако начать придется с коренных вопросов, кажущихся давно решенными. Иначе никак нельзя.

Для простоты восприятия мы будем часто употреблять конкретный термин «писатель» взамен более общего «художник», который вмещает и писателя, и музыканта, и живописца, и скульптора, и творческого деятеля театра, и архитектора. В этом отношении термин «художник» был бы очень выгоден и удобен. Но — увы! — у него нет соотносящегося «парного» понятия обобщенного характера. А у писателя есть: это — читатель.

Почти каждый вид искусства имеет свои «парные» термины для «воспринимателя» данного искусства. Писатель имеет ясное и навеки с ним соединенное слово «читатель». Театр не существует без «зрителя», правда для ясности часто прибавляют «театрального». Хуже с живописью и скульптурой. Некоторые живописцы и

скульпторы также удовлетворяются тем же понятием — «зритель». Но «зритель картины» как-то плохо звучит, а «зритель скульптуры» — еще хуже. Хотя некоторые художники удовлетворены словом «зрители картин», но термин пассивен и уже как бы «занят» театром. Еще хуже с музыкой. Напрасны уверения, что музыкант удовлетворен словом «слушатель». Здесь еще острее режет слух явная пассивность наименования «слушатели музыки». Музыку переживают, а не слушают, но, конечно, никому не нужен термин «переживатель музыки». «Слушатель» же ушел на лекции и так крепко там устроился, что стал почти равносильным слову «студент».

А обобщенному понятию «искусство», обнимающему сразу все его виды, вообще нет никакого «парного» слова со смыслом «восприниматели» искусства. А ведь это те, для которых оно возникло и во имя которых существует. Обидно, но делать нечего.

Может быть, ни в чем не сказывается более наглядно неразработанность проблемы, как в отсутствии «парного» термина к слову «художник» в его обобщенном значении. Кто объект его функции? На кого он воздействует? На некоего «воспринимателя искусства»? На «воспринимающую искусство человеческую среду»? Громоздко. На «потребителя» искусства? Как-то грубовато и исключает момент сотворчества. Поэтому придется преимущественно пользоваться столь близкими сердцу понятиями, как «писатель» и «читатель», органически связанными между собой и привычными для всех. Это оправдано и в силу преобладания в настоящей работе литературного материала. Но все же в ряде случаев мы будем понимать под этой «парой» более обобщенную: «художник» и «восприниматель его искусства».

Как передается художественный образ читателю?

Все множество взаимосвязанных вопросов нельзя решить сразу. Надо начать с узловых, решение которых повлияет на последующие, исходящие из них ряды. В числе узловых и находится вопрос об *основных законах воздействия художественного образа на читателя*. Естественно, мы сначала должны иметь дело с Настоящим писателем и Настоящим читателем. Для простоты мы далее будем, как указано, именовать их просто писателем и читателем. Писатель наш пишет (а не пописывает), чи-

татель читает (а не почитывает). При этом читатель читает потому, что хочет прочесть, а писатель пишет, потому что *не может не писать*.

Начиная работу, необходимо остановиться и на основном составе понятия художественного образа. Исторiku пужно прежде всего проанализировать взаимосвязь его структуры и функции, т. е. *работы* художественного образа.

Писатель является и первым читателем своего произведения — огромное количество поправок, переделок, вычеркнутых и вставленных строк в рукописи писателя возникают по требованию его «читательского» критерия. С внутренним вопросом автора при перечитывании рукописи — «выразил ли я то, что хотел?» — всегда слит вопрос: «Как меня поймут, будет ли понятно читателю, дойдет ли до него то, что я хотел сказать?» Анализ писательской правки с этих позиций был бы очень интересен, но, к сожалению, литературоведение и искусствоведение мало им заняты, хотя отдают большое внимание творческой истории художественного произведения. По-настоящему этот вопрос должен специально анализироваться в истории художественного творчества.

В. О. Ключевскому принадлежит меткое изречение: «Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего произведения». Это очень верно.

Конечно, история создания образа художником — факт, важный для историка даже в том случае, если произведение осталось запертым в столе писателя, никому не известным, не воспринятым современниками. И в этом случае оно является свидетельством чьей-то писательской жизни, личного творчества, формирования чьего-то мировоззрения и развития чьего-то искусства; оно памятник какой-то реальной личности и с этой точки зрения сохраняет для историка свое значение. Но более всего историка интересуют читатели, зрители, слушатели, широкая, воспринимающая искусство общественная среда. Иначе говоря, для него особенно важна реальная функция художественного образа в живой, воспринимающей человеческой среде.

Разумеется, написанный, но неизданный роман, ведомый лишь автору и оставшийся навсегда в его архиве, — явление литературы. Но автор был его единственным читателем. Поэтому здесь не приходится в точном смысле слова говорить о функции, о работе произведения: для

этого нужны живые люди — читатели, без которых произведение не функционирует.

Как же, каким же образом переходит художественный образ в сознание читателя?

В учебниках теории литературы привычно встретить определение художественной речи как речи особой, насыщенной тропами — метафорами, метонимиями, гиперболами, специфически только ей присущими. Как историк, я никогда не знала, что мне делать с этим определением. Тропы не только не исчерпывают вопроса о характере художественного изложения, но и не ставят его. Конечно, они существуют, эти метонимии и метафоры, и некоторые из них чудо как хороши, работая на замысел писателя. Но самая словесная ткань художественного образа состоит прежде всего из «простых» слов, простых констатаций, отражающих реальные признаки жизненного явления в авторском понимании: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки...». «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Тут нет никаких метафор, но с этих же первых, дорогих вашему сердцу слов вы уже взяты в плен Н. В. Гоголем и Л. Н. Толстым и действуете как читатель «Мертвых душ» или «Анны Карениной». Вы уже в избранном их авторами русле, и в ответ им добровольно звучите в их же музыкальном ключе. Художник сказал еще самую малость и самыми «простыми» словами о въехавшей во двор гостиницы бричке или поразил и сразу заинтересовал вас глубокой мыслью о разнице между счастливыми и несчастливыми семьями. Еще не было никаких метафор, и дальше их будет не так уж много, и не в них главное дело. Главное дело в том, что в вас, в читателе, рождается отражение богатой и щедрой действительности через скупой отбор конкретных признаков и обобщенных понятий, воссоздающих в вашем сознании не скупой отбор, а богатое целое.

«Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом; прочие в рассеянности сидели перед пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговор оживился, и все приняли в нем участие...» Это цепь «простых констатаций», первый аккорд «Пиковой дамы» Пушкина, введение в оживленный разговор и

его обстановку, с веселой иронией подчеркивающее деление всех участников на выигравших и проигравших — необходимый мотив последующего сюжета.

Приведенные выше начальные фразы произведений, как и какие-либо другие, даны автором в определенном ритме, в них уже присутствует то, что можно назвать чуть слышной, ненавязчивой, но исключительно важной «музыкой прозы». Без этого внутреннего ритма в восприятии читателя — художественного изложения вообще не существует. Мы вернемся к этому ниже. Замечу лишь, что по моей просьбе Г. Г. Нейгауз легко проигрывал «внутреннюю музыку» отдельных фраз пушкинской, гоголевской, толстовской прозы. В начальной фразе «Анны Карениной»:

«Все счастливые семьи
похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья
несчастлива по-своему» —

было четыре музыкальных такта.

Художественный образ — отражение жизни, это общеизвестно. Но — удивительное дело — стоит образу попытаться вместить в себя *«все»* признаки жизненного явления, им отраженного, как, до предела отягощенный, он теряет легкость полета, лишается силы, рушится.

Прежде всего немислимо вместить в слова *все* присущие жизненному явлению признаки. Попробуйте исчерпать их в описании чьего-либо лица, дивана, заката, леса — легко убедиться в невозможности этого. Всегда найдется что-либо «пропущенное». Структура художественного образа совсем иная. Он отражает, несет в себе, как правило, не только не все признаки, а даже просто немногие черты описываемого явления. Но волшебство их отбора состоит в том, что они, эти скупые, отображенные истинным художником признаки, вызывают в читателе представление о конечном, полнोजизненном богатстве явления. Это богатство восприятия сосредоточено в читателе, но ведает им поэт, писатель. Он знает тайну такого отбора нескольких, а иной раз и одного признака, который влечет за собой просто *всё*.

Мне уже случалось однажды по другому поводу приводить пример, без которого я и сейчас не могу обойтись. Мазепа в «Полтаве» Пушкина похищает Марию ночью — вы полнोजизненно воспринимаете эту ночь в волшебстве

пушкинского слова. Но, посмотрите, как мало признаков явления дал поэт и какое богатство восприятия возбудил он в вас, и именно такого богатства, каким он его задумал. Пушкин упомянул лишь о рыбаке, слышавшем конский топот, о казачьей речи и женском шепоте да о следе восьми подков на росистом лугу... Отзвук разговора двух людей да след восьми подков,— кажется, немного.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шепот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Эти скудные признаки полножизненно воссоздали всю картину ночного бегства: и неупомянутый Пушкиным ветер на вашем лице от промелькнувших, мчавшихся коней, и тихое журчанье реки, у которой сидел рыбак, и шум раarit на ее склоне, и свежесть росной темноты, и женское волнение, и согласие ее на бегство, и уверенность в себе казака, и быстрота бега, и тысяча других подвластных Пушкину, но не упомянутых им признаков воскрешены им в вашей читательской душе. Они воскрешены не только магическим словом, но и всем ритмом стиха, его музыкой, пением звуков в слове, контекстом поэмы.

Разумеется, личный опыт человека может расширить, ограничить, вообще видоизменить круг этих признаков. Одним будет созданный Пушкиным образ в восприятии человека, бывавшего на Украине и дышавшего благоуханием ее ночей, и немного другим у того, кто там не был. Но тайна Пушкина в том и состоит, что при всех этих условиях любой вариант образа пребывает во власти поэта, вызывается им и остается пушкинским. Пушкин прикоснулся лишь к трем клавишам, а в вас почему-то зазвучала многоголосая симфония — и не счесть инструментов в оркестре. В симфонии полножизненного образа тысячи звуков, отражающих подлинность жизни: «На холмах Грузии лежит ночная мгла, шумит Арагва предо мною...». И Грузия почему-то встает и перед глазами грузина, и перед глазами человека, не бывавшего в Грузии...

Вот образ другого плана — появление некрасовского «мужичка с поготовок» перед читателем. Студеная зимняя

пора, сильный мороз, в гору медленно поднимается лошадка, везущая воз хворосту. Рядом шествует в чинном спокойствии мужичок... Собственно — налицо лишь «взрослое» понятие «мужичка» и чинного спокойствия, с теплым юмором противопоставленное образу ребенка. И налицо всего-навсего три конкретных признака в только что появившемся образе: большие сапоги, очевидно валеные, овчинный полушубок и большие рукавицы. Вот собственно, и все в момент появления. Но целый мир собственного опыта, собственных читательских представлений и чувств — в точном русле некрасовского образа (это очень важно!) — поднят, вызван к жизни в читателе: и нежность к детству, и взволнованное уважение к труду, и понимание тяжелой трудовой жизни, не страшщей «мужичка». И весь «мужичок» с тысячью неупомянутых писателем конкретных признаков стоит перед вами. Вы видите старую отцовскую теплую шапку, наползающую «мужичку» на глаза? Некрасов не упоминает о ней. Но сотни раз воспроизведенный художниками в детских хрестоматиях облик «мужичка с ноготок» всегда содержит в своем составе эту бесспорную и обязательную шапку, не упомянутую автором. Она — в русле некрасовского образа, она вызвана волею Некрасова в представлении читателя. Но она не упомянута! И не нашлось еще такого критика, который, оспаривая иллюстрации к некрасовскому мужичку, глубокомысленно заметил бы, что отцовская шапка, спускающаяся мальчишке на глаза, лишняя, ибо не упомянута в стихотворении Некрасова.

Вернемся к романтике. Вот мы несемся с вами вечером по синим волнам океана — лишь звезды блеснут в небесах — на одиноком корабле к оваяпной легендой могиле. Из гроба тогда император, очнувшись, является вдруг, на нем треугольная шляпа и серый походный сюртук... Только две конкретные приметы. Но вашему читательскому сознанию уже «видны» скрещенные на груди руки раньше, чем вы читаете о них в следующей строке. Вы уже ощущаете обстановку походной простоты (сюртук простой, походный) каждодневного появления полководца, за нею «само собою» следует появление усачей-гренадеров, и гвардии, и всего того, что — в контрасте со скромной простотой походного образа — окружено дальше трагическим одиночеством Наполеона, потерявшего и армию, и былую силу, и наследника-сына.

Какие-то два штриха имеют силу воскресить множество других.

Можно привести немало образов, охарактеризованных только одним признаком, но ничуть от этого не проигравших. У тетушки кпяжны Елены все тот же тюлевый чепец; все белится Лукерья Львовна, все то же лжет Любовь Петровна, Иван Петрович так же глух, Семен Петрович так же скуп, у Пелагеи Николавны все тот же друг, мосье Финмуш, и тот же шпиц, и тот же муж... Как видим, лишь Пелагее Николавне Пушкин подарил целых три конкретных признака, правда говорящих сразу об одном качестве. И самое главное — в сознании читателя рождено личное, читательское, но руководимое Пушкиным яркое художественное обобщение пустой московской дворянской застоявшейся среды, того старшего поколения «бабушек» и «скучных теток» дворянской Москвы (младшее следует далее), с которым придется иметь дело Татьяне Лариной, приехавшей с матерью в Москву из деревенской глуши. Существует рассказ о том, как один из друзей застал в слезах писателя Гаршина над раскрытой страницей «Евгения Онегина». Гаршин плакал, восхищенный строчкой: «Ведут на двор осьмнадцать кляч»; раньше он как-то не замечал ее, а теперь заметил.

Даже если Диккенс и Тургенев упоминают по пятнадцать признаков явления, а Маяковский — всего два, то это ничего не меняет в принципе создания образа, свидетельствуя лишь об индивидуальных писательских манерах изложения. Принцип остается тем же, ибо при бесконечной множественности признаков явления пятнадцать, условно говоря, «равно» трем: принцип состоит в воссоздании богатейшей жизненной множественности через наименование малого числа ее признаков. Но писатель называет такие признаки — в этом-то и состоит его мастерство и даже волшебство, — какие именно и «ведуют», управляют воскрешением бесконечной жизненной множественности, воссоздаваемой литературой. Бездарный же писатель, назови он два или двадцать два признака, почему-то ничего не воскрешает. Названное им болтается в одиночестве своих двух или двадцати двух упоминаний: оно не работает, не функционирует — вот и всё.

Функция образа с особой ясностью видна на примерах тех художественных текстов, которые оставляют главное в сфере невысказанного и рождаемого лишь сознанием

читателя. Маяковский умел делать это.

«Приду в четыре», — сказала Мария.

Восемь.

Девять.

Десять»

Здесь *не сказано*, что она не пришла. Тут ни слова не произнесено о том, что пережил из-за этого любящий человек. Но тут *сказано*, что она не пришла. Тут с огромной силой доведено до сознания читателя, что пережил любящий человек. И в этих с виду взаимоисключающих утверждениях нет ни малейшего противоречия. Тут с особой ясностью видны и значение авторской структуры образа, и его функция в читательском сознании.

Разумеется, еще многое может воссоздаваться волею художника в читательском сознании. Но из этих и множества других примеров ясно одно: избранный поэтом волшебный признак безошибочно мобилизует множество явлений, отражение которых хранится в вашем личном опыте. Из вашего личного опыта творится волею художника совсем не ваша — и ранее неведомая вам — жизнь другого героя, иногда даже другого социального строя, другой страны, иного мира, вообще всего, что захочет художник. Это и есть волшебство художественного образа, это и есть тайна сложного, непростого отражения действительности художественным образом и способ ее передачи от образа к читателю. Это и есть функция образа в читательском сознании.

Образ воздействует на читателя. Чем? Только тем, что в нем заключено! Он воздействует «волшебными» признаками явления и «руслom» писательского обобщения, выраженного прямым образом или подразумеваемого. Вся «остальная» писательская работа происходит уже в читателе. Она совершается им самим. Писатель стоит вне его, но стоит у «пульта управления»! И вот по его писательской воле — нажим трех клавиш — и ток бежит сразу по трем проводам к вашему человеческому жизненному опыту.

И в ответ — вспыхивает симфония! Не три, а сто тридцать три признака, и не только признака, а множество понятий. Это моральные, политические — всякие! — принадлежащие вашему же личному опыту обобщения, скопленные вами в вашей жизни и вдруг в долю секунды вырастающие, обогащающие, новые! Лежало что-то

в подвалах души, в кладовых сердца, лежало и не шевелилось, не работало. А тут волею писателя восстало из мертвых, воскресло, соотносилось одно с другим, заиграло, стало активным, нашло свое место в вашем объяснении жизни, захватило вас. Вы и не подозревали, что в вас такое сокровище.

Лишь в результате этого сложного процесса и достигается основная цель писателя — в читательском сознании отражается вся охваченная писательским обобщением действительность. Реализуется познавательная и преобразующая человека функция искусства.

Чтобы почувствовать существо процесса, представьте себе на одну минуту, что писатель передает читательскому сознанию только и исключительно то, о чем прямо и конкретно упоминает. Вы сразу ощущаете, что никакого образа не получится — он вообще не функционирует. Из треугольной шляпы и серого походного сюртука вы бессильны сложить Наполеона: это только сюртук и шляпа, больше ничего. Из больших рукавиц, полупубка и валеных сапог никак не получится даже первичный образ «мужичка с ноготок»: это просто рукавицы, валенки, овчинный полупубок, и только. Если в вас не вызван целый мир ваших личных впечатлений, вашего богатства, перед вами только рыбак, слушающий разговор мужчины с женщиной, и след двух лошадей на траве, а не ночь бегства Марии к Мазепе.

Работа образа в душе читателя неимоверно расширяет человеческий опыт

Но это еще далеко не все. Самое замечательное в том, что при помощи вашего же — малого и ограниченного — жизненного опыта, при участии его «клеточек и молекул» литература, искусство строят широчайший опыт человечества. Это — другое чудо искусства, другая его сторона.

Положим, в 13—14-летнем возрасте вы впервые читаете «Евгения Онегина». Ваш личный опыт еще очень мал, вы не видели ни помещиков, ни их имений, не ездили никогда на лошадях из Петербурга ни в Москву, ни в деревню, не бывали в театре времен Пушкина и еще ни в кого не влюблялись. Но вы обладаете уже *огромным* запасом тех таинственных молекул и клеточек опыта, из которых *Пушкин* (никто другой!) в несколько минут, а то и секунд воссоздает в вас, в вашем вообра-

жении и в системе ваших эмоций экипаж молодого по-весы, который летит в пыли на почтовых; окружающий его пейзаж (о котором ничего не сказано!) и весь об-лик героя. Вы мгновенно представите себе, как Евгений Онегин в театре идет меж кресел по ногам, вас не сму-тит и двойной лорнет, хотя вы его никогда в глаза не видели, но Пушкин так ловко взметнул его перед вами, что вы вместе с Евгением Онегиным уже видите через его стекла логи незнакомых дам!¹ Каким чудом па ос-нове вашего малого, казалось бы, ничтожного запаса извлечен силою Пушкина весь мир «Евгения Онегина», с его светской и деревенской жизнью дворянства начала XIX в., разочарованным героем и Ленским, Татьяной и Ольгой? И каким образом, сложив при участии «молекул» полуребячьего опыта целый мир ранее неведомых чита-телю человеческих отношений и минувшей эпохи, поэт *создает новый опыт*, запечатлевая в читателе художест-венные образы никогда не виданного ранее мира? Пи-сатель, оказывается, может сложить опыт *своей* действи-тельности на базе «клеточек» и «молекул» вашего — сов-сем другого — «бедного» опыта, извлечь из ваших, каза-лось бы, замкнутых и небогатых эмоций богатый мир ранее неведомых вам мыслей и чувств.

Итак, писатель, художник, воссоздает в душе чита-теля *больше*, нежели непосредственно содержит даваемый им образ. Это «больше» у разных читателей несколько разнится, завися от их опыта, возраста, актуально-сти образа в их личной жизни, степени культурного раз-вития, их принадлежности к эпохе автора или более поздней, от их социального положения и от других причин. Но, как правило, — и в этом прямая функция об-раза — настоящий писатель «вѣдает» этим «больше», он держит все вновь возникающее в русле *своих* обобщений, на «пульте» своего управления. Ниже будет разобран ряд отклонений и исключений, но сейчас нам важен ос-новной и типичный процесс, протекающий между Насто-ящим писателем и Настоящим читателем.

¹ Здесь и в ряде других мест я позволяю себе условность — да-вать известные всем и любимые читателями цитаты писателей и поэтов без обычно употребляемых кавычек. Этот прием под-черкивает (условно!), что строчки эти уже «наши», «апроприиро-ваны» нами, приписаны нам по душе и добровольно *подарены* нам Пушкиным или иным писателем.

Теперь — другой случай, текст плохого писателя — творческая неудача. Та же в основном схема. Но писатель взял не те признаки, не попал в живые «точки», вовсе не выбрал или плохо выбрал конкретное, воспроизвел лишь собственные обобщения — тут может быть много типичных промахов. Образ не «работает», действительность не воспроизводится в читательском сознании, а лишь так, какие-то ее обломки. Тут может быть множество вариантов: воспроизводится, отражается не вся действительность, отражается совсем другая действительность, отражается не действительность, а бог знает что. Наконец, решительно ничего не отражается, не воспроизводится. Во всех этих случаях читатель или протестует, выражает несогласие с автором, или даже бросает читать, откладывает книгу.

Проверить наличие функции образа можно только — и единственно — в читательской душе, нигде больше. Коль скоро поэт, писатель завершил работу, художественного образа вне читательского восприятия уже не существует. Читатель, его мозговая деятельность во время чтения — самый существенный и абсолютно необходимый элемент функции художественного образа. Обо всем этом можно было бы не писать, предполагая это само собой разумеющимся. Но мы уже уговорились входить в проблемы, практически необходимые для историка, — тут уж ничего не поделаешь.

Не могу удержаться, чтобы не привести в этом месте один из примеров о функции художественного образа в читательской душе.

В Третьяковской галерее немного растерявшийся в толпе парень (потом оказалось — шахтер из Донбасса) ищет одну картину — «Иван Грозный убивает своего сына», спрашивает, ни к кому не обращаясь, просто вслух: «Где же она?...» — «Да вот же, вот она, идите в эту дверь. Вот она прямо перед вами», — поясняют ему в толпе. Он входит, застывает перед огромным полотном... Его толкают другие желающие: все хотят посмотреть эту картину... Он опоминается, медленно отходит от картины, останавливается и срывающимся голосом — горло сжато! — произносит, ни к кому не обращаясь:

— Неправильное какое название у картины...

— Почему неправильное? А какое же правильное? — спрашиваете вы.

— Да разве он убивает? Он не убивает — он *уже убил!* Разница? Убил. И только что понял это... Он бы теперь все отдал, только бы сын жил... Да нет, обратно нельзя, поздно!... *Ведь в этом-то все дело...* А вы — «убивает»...

Тут больше ничего не надо говорить. Он прав, этот парень. И он глубоко понимает искусство.

Из сказанного ясно: первая, самая «простая» и естественная функция художественного образа в историческом процессе и есть восприятие его читателем. Это кажется очень простым и даже не заслуживающим внимания, но на проверку это оказывается чрезвычайно важным и сложным. Это имеет самое прямое отношение к историческому процессу как органическая его часть. Ведь восприятие художественного образа читателем влечет за собой неимоверное *расширение человеческого опыта*. Это расширение охватывает и сферу настоящего, современность читателя, и сферу прошлого, иногда — и будущего. Жизненный опыт — в его особой форме! — не только расширяется, но еще и неимоверно обогащается, поднимается на новый уровень, углубляется. Могущественно ощущает человек свою связь с современниками и связь себя с прошлыми поколениями.

К этим выводам нам еще придется возвращаться в дальнейшем изложении.

Художественный образ действительно могущественно расширяет жизненный опыт человека — опыт в особой форме. Он не только обогащает его видением других жизней, широким представлением о своих современниках, познанием разных социальных слоев, но и других эпох, стран, не тех, в которых живет человек. Ясно, расширение такого опыта не заменимо ничем другим: ни научной книгой о чем-то новом, ни горами цифр, ни кучей справочников. Опыт этот другого рода — не только познание неведомого ранее, но и восприятие целого потока глубоких *чувств*, нравственных проблем, продумывание с новых точек зрения прежних жизненных решений — решений героев произведения или собственных жизненных поступков. Это, следовательно, богатейшее накопление нового познавательного, эмоционального и этического опыта.

Но этого мало. Опыт этот создает связь поколений. Он соединяет прежде всего отцов и детей, дедов и внуков.

Связь поколений — это не только мир понятий, мыс-

лей о жизни, передаваемый от старшего поколения младшему. Это еще богатейший поток эмоций, сфера любви. Писатель, чьи произведения взволновали и убедили вас, становится для вас близким, любимым человеком. Вот маленькое, недавно опубликованное стихотворение². Всего восемь строчек, а ему прямо цены нет, так точно воспроизведен в нем эмоциональный мир очень юного читателя. Настоящая жемчужина.

Из школы брата долго нет,
Иду его искать к Днепру.
Сидит под ивой, на ветру...
«Иди домой! Остыл обед!» —

«Его убили», — он сказал,
И на щеке слеза дрожит.
Он в школе час назад узпал,
Что Лермонтов убит.

Конечно, не одна литература, искусство содействуют этой исторической связи поколений, но они участвуют и тут, причем могущественно. Особенность их могущества — они незаменимы. Ничто и никогда не заместит именно этой функции искусства. Литература, музыка, живопись, скульптура, театр, кино создают неизмеримое, совершенно изумительное расширение личного жизненного опыта. Если представить себе, что эта функция их выпала из исторического процесса, опыт одного человека ссыхается и суживается до границ его переулка. Если человек сохранит в голове даже решительно все почерпнутое из личной жизни и из учебников, у него все равно не будет гигантского — особого — личного опыта — знакомства с сотнями и тысячами образов своих современников и людей предшествующих поколений. Из его души исчезнут сотни моральных проблем, и высохнет море глубоких человеческих чувств. Разительно уменьшится то, что он может дать своей эпохе. Он, собственно, не будет в полном смысле слова функционировать как человек своего времени. Не потеряет ли он право на вход в эпоху? Не будет ли он иной раз мельтешить в ней, как сор, кружащийся на поверхности потока, лишь по той простой причине, что он легковеснее всего остального? Следовательно, историческое действие современного чело-

² Стихотворение Игоря Шкляревского. — Юность, 1980, № 3, с. 36.

века глубоко обусловлено усвоением им культурных ценностей, накопленных человечеством.

По мере того как история классового общества все быстрее движется к бесклассовому, возрастает особая требовательность к работе сознания человека как творца истории. Тысячелетиями участвовал трудовой человек в историческом творчестве как создатель материальных ценностей — пахал, сеял, собирал урожай, ковал железо, строил дома, шил одежду, прокладывал дороги, возводил мосты. Развитие производительных сил было его живым делом. Тысячелетиями он, участвуя в классовой борьбе, объективно двигал историю к бесклассовому обществу. Его понимание, его сознание, его культура действовали в этих великих процессах. Но в антагонистическом обществе он еще не располагал всей полнотой воздействия на ход истории: руль управления еще не был в его руках, другие — эксплуататорские — классы стояли у власти. В социалистическом обществе впервые в истории он положил наконец руки на штурвал.

Неизмеримо ускорилось движение истории вперед, прямо пропорциональное численности человеческих масс, в ней участвующих, овладевающих всей полнотой исторического действия. Отсюда — великий динамизм нашей эпохи. Он немыслим без роста сознания. А работа сознания немыслима без освоения культурных ценностей, накопленных человечеством. Как это сделать — забота нашего времени. В рядах рабочего класса и восставших трудовых низов шли на штурм Зимнего дворца в Октябре 1917 года и читатели Шекспира и Пушкина. Да, их было еще очень мало. Но в рядах, штурмующих Ангару и строивших Братскую ГЭС, в рядах строителей БАМа их в общей сложности уже куда больше! Предстоят такие дела, что их должно становиться все больше, иначе поколение — воспользуемся образом Н. Г. Чернышевского — *не перенесет из будущего в настоящее столько, сколько может перенести*. В. И. Ленин уже давно предупреждал, что нельзя стать коммунистом, если не обогатишь свою память знанием всего того культурного богатства, которое выработало человечество^{2а}.

Продолжим, однако, разговор о работе читателя — еще сказано далеко не все.

^{2а} «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 305).

Итак, самая ткань художественного изложения состоит, как правило, из ритмично построенной цепи простых конкретных констатаций, не часто перемежающихся обобщающими понятиями или даже отдельными фразами чистого рассуждения, сотканного из абстрактных понятий. Все конкретные слова лежат в русле авторского обобщения, нередко еще не высказанного автором сразу и прямо. Они ведут читателя к известному выводу, который делает *он сам*, — это *его* работа и *его* наслаждение. Писатель и писал для этого внутреннего, глубокого видения читателем его образа, для обогащения познания действительности, для утоления его читательской печали, для возвышения и углубления его радости, а не для того, чтобы читатель мог пересказать словами свойства характера героя или свое о нем впечатление.

Мир не названных автором признаков, конечно, может быть для читателя не так ясен, смутен, вполне может даже вообще не поддаваться читательскому слову. Читатель может не быть в силах его словесно воспроизвести, но отсюда никак не следует, что этого мира в нем нет. Собственно говоря, надо быть великим художником, чтобы воспроизвести процесс *художественного впечатления* от чтения великого произведения. Писатель пишет не для этого. Образ, воссозданный в читателе писательской и его личной читательской работой, и не требует дальнейшего обязательного выражения в слове. Слово писателя прозвучало, уже сработало. Сильнейшее впечатление осталось в читательской душе — непосредственная цель достигнута, ток прошел по кругу.

Но вы просите отзыва о новой книге. А читатель не может назвать словами, охарактеризовать все, вызванное в его душе волшебством писателя. И в ответ читатель говорит или пишет примелькавшееся: «Большое впечатление произвел на меня этот роман», — или что-то в этом роде и более ничего. А за этими словами стоит целое море реального содержания. Иной раз читатель может и более детально характеризовать полученное впечатление. Но можно заранее точно сказать: он не сможет ни исчерпать вопроса о функции в нем писательских образов, ни предвидеть последующей жизни образа в своей душе. С него и спрашивать этого не надо.

Поэтому, кстати говоря, на чисто читательских откликах историку и нельзя построить полной теории функции образа: отклики эти по природе явления не могут быть

ни полны, ни точны. Тысячи школьников пишут в своих «отзывах» (их собирают детские библиотеки и преподаватели литературы): «Мне очень понравилась эта книга». Во множестве случаев отзыв этот верен, но на нем ничего не построишь: он не несет в себе ключа к проблеме. Ее в значительной степени раскрыл Тютчев в своем «Silentium»: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь». Нам нужно вникнуть в самый факт существования богатейшего внутреннего мира читателя, мира, вызванного к жизни словом писателя. Этот мир — его, писателя, гордость и слава. Он (мир этот) непреложно есть, и пока нам достаточно этой констатации.

Образ, уже созданный писателем, существует, как сказано, только в читательском восприятии — *и нигде больше*. Даже если поэт перечитывает собственное, только что написанное стихотворение, он наслаждается им (или проклинаят его) как взыскательный читатель. Он судит о нем по тем же «читательским» законам. Он сознательно или бессознательно спрашивает себя, воспроизводит ли избранное им слово тот мир отношений, который он хотел передать? Или не воспроизводит? Лежит мертвое в строке, не творя волшебства, ничего не воссоздавая? Или живет и творит?

Утоление печали. Рождение мужества

Старинная формула в заглавии раздела как нельзя точнее выражает тему, о которой идет речь. Нет другого глагола, кроме «утолить», который яснее выразил бы ее смысл. Остановимся на нем хоть немного в связи с важностью вопроса.

Художественный образ — утолитель печали. Тема эта огромна. Смысл явления широчайше известен, по почти совсем не изучен.

Почему художественный образ имеет такую силу? И почему в утолении печали он ничем иным не может быть равноценно заменен?

Обычно в нем поэзия сливается с музыкой, с песней. Как он нужен человеку!

Вот выходящая на берег Катюша заводит песню про того, которого любила, про того, чьи письма берегла, — и утоляет печаль миллионов сердец. Ее слушали милли-

оны бойцов. Она отогревала у многих веру в свою Катюшу — и легче становилось на душе. У других она рождала надежду на встречу с еще не найденным любимым человеком. Бывало, что она с острой болью напоминала о нарушенном долге совести. Иной раз она будила дорогие воспоминания. И почти у всех становилось легче на душе.

Есть и другие примеры.

Был у войны тяжелый период, когда об отступлении армии приносила страшную весть чуть ли не каждая военная сводка. Тут уже не печаль, а горечь и растерянность почти надламывали человека. «Что же это? — спрашивал он. — Что же это такое, как понять?» И новая песня за окнами вдруг отвечала: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, — идет война народная, священная война!» С песней этой стало легче жить. Знаю людей, для которых эта песня легла какой-то новой чертой времени на эпоху. Эмоционально — одно было до нее, другое, лучшее — после. Песня эта сразу входила в окопы и дома, в окна и двери, охватывала людей. Высокая мысль о *сути* войны, поднятая, обрамленная, песомая музыкой, вдруг принесла облегчение людям и на фронте и в тылу.

Конечно, в этом примере речь идет уже не только о печали и ее утолении, а об углублении *понимания* действительности. Мысль о сути войны передана была и музыкой, и словом, и мыслью.

Так могли действовать не только песни, но и книги. В редкие свободные минуты, когда человек хотел отвлечь себя от горечи и печали, почти что ни одна из любимых книг не подавала голоса с полки. Гоголь, Тургенев, Гончаров, Островский — все были бессильны. Но была одна книга, она могла! Она утоляла печаль, будила мысль, ослабляла боль... Удивительно, что она вовсе не отводила вас от тяжелых вопросов жизни, она, напротив, говорила именно о них, воскрешала их в художественных образах и, воскрешая, исцеляла боль, рождая надежду. Это была «Война и мир» Толстого. После войны от многих людей случалось слышать, что и они в первые месяцы войны, в те же трудные дни потянулись к «Войне и миру» и поразились, как велико ее целебное, воскрешающее действие.

Утоление печали несет в себе и рождение надежды, это тоже великая и могущественная функция художест-

венного образа. Границы этого изумительного явления в человеческой жизни необозримы. У каждого есть тут то любимые стихотворения, то таинственно действующий музыкальный мотив или какие-то любимые слова дорогого сердцу литературного героя.

Еще надо думать и думать о том, как же изучить все это. Но без функции художественного образа в историческом процессе нельзя восстановить реальную историю человечества. Без нее человечество не могло бы столько лет просуществовать, развиваясь в историческом процессе, и истратить столько неизмеримо трудных усилий на создание культуры своих эпох, т. е. на построение и развитие их жизни.

Функция художественного образа играет огромнейшую роль в религии. Но разбор этого — вопрос особый.

Участие читателя в творческом процессе

Мировая литература несет в себе потрясающие примеры того, как кульминация, сильнейшее напряжение сюжета создается непосредственно не самим поэтом, а доверяется им *творчеству читателя*. Любовная линия Марии — Мазепы играет огромную сюжетную роль в «Полтаве». Множество переживаний Марии: ее волнений, страсти, горя, стыда, наслаждения, гнева — передал нам Пушкин в своем слове. Но вот трагическая кульминация действия: Мария с матерью, «утомлены, запылены», вбегают на поле казни. Они еще полны надежды остановить казнь, умолить Мазепу прервать все... но кто-то говорит: «Уж поздно», — и указывает — смотрите! И далее читатель чувствует взгляд женщин, глаза женщин, безумно устремленные в поле. И он сам смотрит по направлению поднятой, указывающей руки. Пушкин с поразительной силой, лаконично, только в четырех строках рисует то, что женщины там увидели, только это:

Там роковой помост ломали,
Молился в черных ризах поп,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб.

Всё. Дальше не сказано ничего. В то же время дальше сказано всё. Дальше это «всё» погружено в молчание. То, что пережито Марией, доверено читателю. Кульминация событий и вызванных ими сильнейших чувств —

в читателе. По этой линии молчание длится до конца поэмы, до последней встречи уже безумной Марии с Мазепой.

Таким образом Пушкин целиком отдал творчеству читателя сложнейшее и очень важное звено поэмы: *возникновение* безумия Марии, причины и характер этого безумия, место и роль в нем Мазепы, крушение всех — полностью всех! — устоев ее жизни: ее любви, ее личных надежд, привязанностей, понимания смысла своего существования, невозможность пережить все то, что на нее обрушилось. И Пушкин дал читателю решительно все, что было нужно для воссоздания этого важного и сложного драматического звена поэмы, дал возможность *создать* это звено его собственным, читательским воображением, сам не сказав обо всем этом ни слова.

Та же закономерность — в цитированных выше строках Маяковского о том, как любимая девушка не пришла.

Маяковский доверил читателю вывод из своих четырех строчек. Его волнение, горечь и боль были слишком сильны для прямого выражения в слове. И читатель понял все это — горечь и боль воссозданы в читательской душе *молчанием* Маяковского. Они взрываются уже на слове «Восемь»... А потом тяжесть переживания усиливается час за часом: «Девять. Десять.» Воссоздание этой динамики возрастающего страдания также доверено читателю. Властью Маяковского образ работает в *читателе*, воссоздается именно и только им. Так и хотел автор!

И такие случаи в художественном творчестве очень часты. Давно можно и нужно изучить вопрос: *творческая роль* читателя в *сюжете* литературного произведения.

На каком материале?

Да прежде всего на *материале самого произведения!* Вопрос почти не изучен, а по значению первостепенен.

И лишь тогда половина проблемы, мучительно изучаемая сейчас, обогатится и станет целым. А пока изучается только первая половина — *писатель*. А по-настоящему пужны обе половины: писатель — читатель. Причем их надо обе изучать *на одном и том же* текстовом материале произведения, на одной и той же его творческой истории, в этом, скажем опять, основная исследовательская *тайна* вопроса, и дверь, открытая в тайну. Потом привлечется и новый материал с тех же позиций: переписка, дневники, свидетельства друзей и читателей. Но все же остается ощущение неожиданности: кто-то думал, что у него квартира из двух комнат;

какую-то заклеенную обоями дверку на стене принимал за неудавшийся стенной шкаф... И вдруг догадался подергать ручку, открывает — и что же? — там еще две его комнаты... Стало четыре. Стало просторнее для творческого исследования. Из уполовиненной проблема исследования стала целью.

Хочу повторить: художественное произведение после его создания существует только в читателе и нигде больше. Нечитаемое, оно стоит на полке как закрытая книга. Две картонки переплета, корешок с названием и внутри столько-то листов бумаги... Всё. Сам автор с этого момента завершения своего произведения воспринимает его тоже *как читатель*, хотя оно для него самое что ни на есть свое, кровное. Хотя он, может быть, копит поправки для второго издания, он сам читает его, ежесекундно проверяя его деятельность, его функцию в жизни на себе как читателе. Он, разумеется, отличается от обычного читателя тем, что в деталях знает рождение и развитие своего замысла, его творческую историю, отлично представляет себе, что он *хотел* сказать. Но он узнаёт, что же он сказал, только как *читатель*. Он читает, ликуя или проклиная, как уже говорилось выше. Или «вышло», «получилось», или нет. И читатель тоже, читая, ежеминутно чувствует: «вышло», «получилось» или нет, хотя чаще всего вообще не знает всей предшествовавшей лаборатории писателя.

Вне читательского восприятия произведение, как уже говорилось, не существует: это просто публикация в журнале или книга в столько-то страниц, лежащая на столе или стоящая на полке.

Произведение возникает и функционирует лишь тогда, когда читается, перечитывается или воссоздается позже памятью человека — читателя. Писатель и читатель — нерасторжимые понятия; оторванное одно от другого, каждое лишается своей сущности. Изучать литературное произведение без его функции нельзя: закономерности его построения, смысловая взаимозависимость частей — все это определено только и единственно функцией произведения и не существует само по себе. Художественное произведение без изучения его функции мертво и непонятно, ибо все его важнейшие стороны этой функцией обусловлены и вырастают из нее. Следовательно, исследовать его надо как целое, с его функцией, с проблемой писателя — читателя, а не только писателя.

Представим себе, что читатель не справился и не создал образа Марии в этом звене (думаю, случай невозможный), тогда полностью потеряна дальнейшая сюжетная нить. Поэма становится непонятной.

Отсюда видна вся подлинная огромность работы, приходящейся на долю читателя и оказывающейся (при талантливом тексте) наслаждением и духовной потребностью читателя.

Отсюда следует, что читатель работает. И еще как! И чем бóльшая доля этой работы — а стало быть, и радости — успешно обеспечена ему писателем, тем более удовлетворен читатель. *«Успешно»* приходится подчеркивать: упоминалось уже, что можно возложить на читателя работу неудачно, не обеспечив ее радостью и успешностью выполнения. *Понимание* текста уже есть сотворчество — задуманное писателем, ему необходимое, без чего литературный процесс не доведен до конца. Писательский текст как бы становится и «нашим», читательским, в высоком смысле «апроприируется» читателем. Узнав себя или возвысив свою мысль до высокого нового уровня, сделав писательские мысли своими, утешив себя «объективацией» своего горя (или своей радости) *в слове*, читатель завершает цикл, замыкает электрическую цепь творчества. Без этого нет творчества писателя, в этом-то весь смысл проблемы.

В понятие функции художественного образа входит, естественно, и круг возбуждаемых им общественных и этических понятий, вопросов, проблем, воспитательная роль воздействия образа на человека.

Яго, Ричард III и Шейлок могущественно содействовали созданию общественного идеала — высокого образа честного, справедливого, щедрого, подлинно гуманного человека! Читателю ясно, что я говорю не о прямом конкретном смысле образов трех редких злодеев, и не о прототипах Яго или Шейлока, и не о людях, в реальности похожих на них. Нет, я говорю о функции художественного образа в историческом процессе. Никто в сознании читателя так не боролся с клеветником, как образ Яго; никто так не разоблачал палача-властолюбца и прогнившего лицемера, как образ Ричарда III, никто так не сокрушал низкого стяжателя и златолюбца, как образ Шейлока!

Театральная труппа, выехавшая в деревню (дело было в первые годы Советской власти), играла «Отелло».

После представления ни одна изба не приняла на ночлег актера, игравшего Яго. «Злодей ты, злодей,— кричала из-за забора бабка,— всему ты причина! Все через тебя! Зачем на нее напраслину возвел? Вешать вас надо!» Яго пришлось переночевать в конторе со счетами под головой. В ответе за случай — талант Шекспира, а бабка стала на правильную стезю понимания шекспировского образа. Она, правда, по ошибке отождествила искусство с жизнью, в чем, кстати, нет такого уж особого греха, но она — молодец, а актер, конечно,— вдвое.

Домашний парикмахер влюбился в горничную. Он крутился, хитрил, острил, с виду успевал во всем угождать господину, а в конце концов провел графа и все сделал по-своему. Подумаешь — история! Какая-то мелочь. Но зрители первых представлений пьесы Бомарше сокрушали стены театра аплодисментами и приветственными криками, от восторга ломали театральные скамейки и требовали, чтобы «премьера» спектакля была повторена. «Премьеру» повторили сто раз. Никто не сосчитал, кто именно из этих зрителей участвовал через пять лет во взятии Бастилии. Но новая эпоха вступила в их сознание «Женитьбой Фигаро». Рушился старый строй феодальной эксплуатации, свобода провозглашалась от имени нового мира. В пьесе, где то тут, то там мелькал веселый парикмахер, не сказано ни единого слова о крушении старого строя и о приходе нового. Никто из героев не пел «Марсельезы», она еще не была сочинена. И тем не менее пьеса славно сработала на революцию и провозгласила (в сознании зрителей, в их внутренней работе) именно эту свободу. Фигаро стал символом победителя над графским господством. «Севильский цирюльник» (1775) и «Свадьба Фигаро» (1784) сделали Бомарше любимейшим писателем передовой Франции. Вывод о том, что с «Женитьбой Фигаро» взвился занавес революционной драматургии, принадлежит не марксистскому литературоведению, а Наполеону Бонапарту. Конечно, здесь говорится только об одной стороне исторического процесса. Образ Фигаро потому и сработал в истории, что он был угадан автором в жизни, взят оттуда, отразил реальные потребности. Художник отражает жизнь, но, верно отражая ее, он воздействует на жизнь, на действительность.

**Художественное мышление писателя
и восприятие действительности читателем:
единство законов**

Читатель хочет прочесть. Его цель — полностью понять читаемое (объективно — читать для сотворчества), сопережить читаемое и тем обогатить свое познание и мир своих чувств, удовлетворить свою жизненную потребность в художественном образе. Без чтения, без общения с искусством отсечется неповторимый и ничем не заменимый живой корень, по которому притекает в читательскую жизнь понимание действительности, особого рода жизненный опыт, широчайший и крайне ему нужный. И не только опыт, а облегчение его горя, возвышение его радости. Перефразируя известные слова Л. Н. Толстого о писателе, можно сказать о читателе: если можешь не читать художественную литературу, не читай... Но читатель, о котором идет речь, не может не читать ее.

Нельзя реализовать эту душевную потребность без особого рода доверия к писателю, особого вида связи с ним, без которой процесс восприятия вообще не может осуществиться.

Нет, под «доверием к писателю» тут вовсе не понимается слепое согласие с его образами и обобщениями. Дело идет о другом. Настоящий писатель прежде всего человек, в искренности которого не сомневаешься, независимо от того, соглашаешься с ним или нет. Это вовсе не то слепое доверие, которое канонизирует каждое писательское слово. Это доверие к тому, что писатель не мог не написать вот это, что ему *нужно* было все это написать. Это толстовское: «Если можешь не писать, не пиши». Тот писатель, которому веришь, не может не писать. Убежденность в жизненной, душевной необходимости для писателя написать вот это произведение — глубочайшая основа всего последующего художественного процесса, его воздействия на читателя. Десятки и десятки серых произведений серы потому и не читаются именно потому, что они в смысле душевном совершенно не нужны своим писателям, что они, эти писатели, отличным образом обошлись бы в своей душевной жизни без них. В общем, все это чувствуется с первых же строк произведения. На мой (субъективный) взгляд, это сказывается прежде всего не в словах, а в мелодии, ритме прозы. Внутренняя музыка прозы, ее ритм и ме-

лодия каким-то удивительным образом показывают, нужно или не нужно произведение самому писателю. Начальные слова произведения не всегда доносят это, а тон произведения может поведать об этом с самого начала. Тут почему-то решает не слово само по себе, а то, как оно произнесено внутренним голосом писателя.

С самых юных лет у меня установилась привычка, с которой я не могу да и не хочу расставаться. Раскрывая новый номер журнала, приступая к чтению нового художественного произведения, я медленно-медленно, с благоговейным вниманием, так, как я читала бы вновь открытый текст Шекспира или Пушкина, прочитываю первые абзацы, вслушиваясь в музыку прозы. Она скажет о том, нужно или не нужно произведение самому автору. Если не нужно, я не читаю дальше, вернее — не могу читать. У меня нет тогда доверия к писателю.

Музыка прозы подобна тону звучащего человеческого голоса, который сам, даже вне прямого смысла слов, выдает, правду или неправду говорит человек.

Собственно, литература и ориентирована на читателя, который испытывает *жизненную потребность в общении с художественными образами*, не может без этого существовать и поэтому хочет прочесть новую книгу или перечитать старую.

Заметим, что в этом смысле критик как таковой — не читатель. Он читает с другой целью. Он, разумеется, может выступить и в роли настоящего читателя, и тогда другой разговор. Но в установках чтения собственно критика и читателя существует значительная разница. Критик, конечно, возразит, что он именно для реализации своей функции критика должен быть читателем. Разумеется! Но другим читателем. Читателем, который иначе ориентирует свое чтение, нежели читатель, читающий только «для того, чтобы прочесть».

Мнения критиков могут быть различными, дискуссионными. Критики часто могут спорить и даже ошибаться. Но в конечном счете произведение оценивается жизнью, историей. На важнейший и сложный вопрос, типично ли воспроизведенное писателем явление, могут ответить только читатели. Они, наблюдающие жизнь миллионами глаз, и являются судиями типического.

В соответствии со всем сказанным у читателя должно быть бережное отношение к писателю. Нет ужаснее картины, когда критик топчет писателя, иной раз даже

похваливая его. Один из видных критиков 20-х годов, член РАППА, отлично игравший в пинг-понг, вечером спешил закончить партию и уйти к себе работать (дело было в санатории). «Сыграем еще», — просил партнер. — «Не могу», — ответил тот, — скоро юбилей Гейне! Надо написать статью, завтра утром она идет в набор. А ведь Гейне-то я еще не читал!» И он громко захотал, удаляясь в свой номер, страшно довольный разипутым ртом эпатированного современника.

В исследовательской литературе проведена большая работа над существом творческого акта, вдохновения, особенно важного в художественном писательском творчестве. Эти изыскания важны. Но историку нужно еще и другое — то, что не «разъединяет», а объединяет творца и, так сказать, «нетворца», «простого человека», читателя. Он совсем не прост, этот «простой человек», и, как сказано выше, он вовсе не лишен творчества. Напротив, именно его непростота и связь с творчеством — единственное объяснение, почему он реально может быть читателем, а стало быть, «сотворцом» для самых высоких образов литературного творчества. Принцип «художественного мышления», на наш взгляд, *один и тот же* и у художника, и у «простого человека». В этом-то и дело. Это очень важный вопрос, перейдем к нему.

Выделение ведущего конкретного признака в воспринимаемом явлении (или признаков, но, как правило, немногих) и воспроизведение целого на основе малого числа доминирующих признаков — это *закон повседневной жизни* любого человека. Идя по улице на работу, вы вовсе не равномерно воспринимаете весь реальный, безмерный поток протекающих перед вашим сознанием впечатлений. Автобуса еще нет, и сейчас в центре внимания лишь место его остановки, зрительное впечатление наличия ждущих автобуса людей (важно, много их или мало), характер их расположения — небольшая неорганизованная кучка или вытянувшаяся очередь. Запечатлевается общий зрительный образ людей, погоды, привычных домов. Секунда — и критерии меняются. Вы уже влились в ожидающую очередь, волна ваших впечатлений теперь строится иначе, хотя окружающая вас действительность все та же. Теперь в центре внимания — перспектива улицы, даль, из которой появится долгожданный автобус. Эта даль уже мелькнула разок в первой системе, когда вы, подходя, констатировали, что автобуса еще нет.

А теперь она находится *стабильно* в центре внимания, и улица выглядит иначе, вытянувшись перед вами вдаль, получив «длинную» глубину и большую динамичность, чем раньше, потому что вы ждете автобус. В фокусе внимания оказывается в силу этого все движущееся и особенно приближающееся к вам. Уже теперь вы иначе нарисовали бы это, чем при первом подходе, — нужна вторая картина, с другими критериями и центрами. Но вот он, автобус, наконец появился! Подходит... подошел! И хотя вы песколько секунд еще стоите почти на том же самом месте, пока входит в него (как медленно!) очередь перед вами, даль улицы уже совсем ушла из центра вашего внимания, как бы совсем исчезла. В центре теперь — темный зев распахнутой двери, замедленно поглощающий пассажиров; дома, магазины, изгибы уличных фонарей, автомат для продажи воды исчезли совсем, хотя и стоят на улице на своих прежних местах, а толщина протискивающегося вперед дядьки, стоящего перед вами в очереди и еле замеченная ранее при общем обзоре толпы, вдруг приобрела почти центральное значение, угластый его чемодан выплыл как неожиданное и важнейшее осложнение. Вот она, наконец, ребристая ступенька входа. Всё. Сменились три концепции одного и того же вида, три точки зрения, три критерия отбора. Хотя вы все время были на одном и том же месте. Каждый раз вы воспринимали полножизненную реальность, в которой центрировали цель вашего действия, в которой придавали роль «ведущих» разным конкретным признакам.

Вы много лет поднимаетесь по лестнице своего учреждения, но не знаете, сколько у нее ступенек. Это вам, собственно, и не нужно знать. Общий образ лестницы — ее длины и направления, ее качества и эмоциональной окраски (удобная, корявая, светлая, темная) — входит в общий конкретный образ вашего прихода в учреждение. Но инженер, рассчитавший лестницу по чертежу, и камешники, ее клавшие, знали число ступенек: оно было им необходимо с иных позиций, нежели вам. Их образ предмета иначе рисовался перед ними, с другими центральными опорами в конкретных признаках. Художник слова отразит все это в нескольких конкретных чертах, воссоздав тем самым реальный обобщающий образ множественности, богатства действительности.

Таким образом, существо человеческого восприятия мира и существо воспроизведения его художником слова в принципе *едины*. У них общий принцип, общая структура. Иначе человек и не мог бы существовать, задавленный страшным водопадом ненужной ему в данный момент информации. Она «структура» для него: конкретика действительности расположена в разных планах, в разных «очередях» значимости, она перестраивается «на ходу» в потоке жизни. Разница между «простым человеком» и художником слова «только» в том, что последний владеет «обратной связью»: обычный человек «художественно» непосредственно воспринимает действительность, создает для себя ее образ и практически пользуется им в жизни, а писатель владеет волшебством «обратной связи» — через одну или несколько конкретных констатаций воссоздать ее второй сигнальной системой — *словом* — во всей ее полноты жизни в сознании «обыкновенного человека» — своего читателя. Человек от действительности создал ее образ. Писатель совершил не только это. Переведя образ в слово, он вновь воссоздал им действительность и передал ее читателю. Писатель — мастер «обратной связи».

Волшебство это, как уже отмечалось ранее, особо удивительно в том отношении, что конкретно воссоздает перед внутренним взором читателя такую действительность, которую он — реально — никогда раньше не видел. Он зримо воссоздает джунгли и прерии, экватор и Арктику, где читатель никогда не был. Читатель видит бал у Лариных, замок Эльсинор, каморку Оливера Твиста, Париж глазами Растиньяка и поле Бородинской битвы глазами Пьера Безухова. Не только замечательно расширяется сфера его жизненного опыта, но и он вместе с этим растет как читатель и как человек.

Таким образом, художественное изложение полностью соответствует глубоким психологическим законам: в жизни человеку, чтобы распознать знакомый образ, нужно две-три черты, остальное влечется за ними. Мы в долю секунды узнаем знакомый почерк на конверте и чуть ли не в ту же самую малую долю секунды уже извлекаем из сознания целый (при этом нужный!) «синдром» ассоциаций, связанных и с автором письма, и с возможной ситуацией, отсюда в ту же долю секунды — множество (или только одно!) предположений, о чем же в письме написано. И это все успеваем додумать мгновенно.

но, до вскрытия конверта! Опечатки в тексте газеты, как правило, не замечаются. Печатная строка, закрытая в нижней половине, читается по верхней; вовсе не все буквы нужны для чтения слова. В любом слове есть «главные», опорные буквы, которые, собственно, и читаются; их обычно две-три. Следовательно, художник, создавая художественный образ малым числом признаков, влекущих за собой полножизненное целое, взятое в нужной ему установке, прочно стоит на базе основных законов человеческой психики. Он «только» знает, какие именно признаки назвать, чтобы реализовать «обратную связь» с действительностью, вызвать в душе читателя действительность своим художественным образом. Упомянутое «только» и есть талант писателя.

«Допонять» несказанное — наслаждение читателя, но этого мало. Наслаждение тут не самоцель, а сопутствующий элемент. «Допонять» — это и есть творчество читателя. Настоящий писатель не станет топтать этот процесс читательского творчества — залог понимания того, что писателем создано. Пушкинский ветер вдохновения «власы подьѣмлет на челе», когда писатель всем существом понимает: доходит! Единое, найденное поэтом слово вызывает в нем самом и вызовет в читателе целый мир — и именно тот, который он, поэт, хотел. И следующее слово — тоже! И следующее! Цепная реакция творческого счастья!..

**Художественный образ позволяет прожить
множество жизней за одну жизнь**

Но есть еще одна очень важная сторона вопроса — момент времени. Не в смысле «эпохи», «периода», а в самом обычном смысле. Мало сказать, что литература гигантски расширяет жизненный опыт человека — позволяет ему прожить множество жизней в одну жизнь, побывать в разных эпохах и странах, попробовать себя в тысячах героев, продумать поведение сотен и сотен людей. Волшебство художественного образа совершается удивительно *быстро*, просто сказочно быстро. И только поэтому оно может так щедро обогащать одну короткую человеческую жизнь. Действие «Евгения Онегина» охватывает несколько лет, а на чтение поэмы потребно всего семь часов³,

³ Имею в виду чтение «про себя». Чтение вслух требует большего времени.

у некоторых еще меньше. Для восприятия почного бегства Марии в «Полтаве» достаточно двенадцати секунд. «Капитанскую дочку» можно прочесть в один вечер, а в юные годы кто из нас тратил более недели, чтобы проглотить «Войну и мир»? Мы удивляемся быстроте действия электронно-счетных машин, по быстрота волшебства действия художественного образа не менее впечатляет, только она привычнее. Мы ее уже не замечаем, понимая как должное и само собой разумеющееся.

Каким-то удивительным образом работа читателя убыстряет восприятие образа. Может быть, потому что творцов двое — писатель и читатель. Они работают вместе. Работа читателя сильно замедляется, если автор все делает «за него», тычет ему вывод, мучительно долго перечисляет пенужные признаки, множит лишние эпитеты. Текст, перегруженный этим, теряет художественность, проза лишается права на причастность к подлинной литературе.

Я уже слышу возмущенные возгласы педагогов и противоречивые проповеди «медленного или быстрого чтения». Да, я сама люблю читать медленно: это дает, особенно с возрастом, больше художественного наслаждения. Но, каюсь, медленно я лишь перечитываю. А при первом чтении нового произведения власть быстрого волшебства сама диктует темп и работает на славу. Упреки тут излишни. Живопись по природе своей воспринимается еще быстрее: «Блудный сын» Рембрандта в первом «чтении» потрясает нас в одну минуту; исполнение величайших музыкальных произведений нередко занимает десять-пятнадцать минут. Чем больше накоплена вами культура чтения, слушания, зрительного восприятия произведений искусства, тем более отчетливо работает «структура» образа на реализацию его «функции». Только потому — не могу не повторить этого — короткая жизнь одного человека может через это волшебство вместить тысячи жизней, объять в своем опыте опыт многих эпох, поколений, столетий, пройти через горнило великих страданий и тайн человечества.

Тут очень важно подчеркнуть, что функция искусства в этой области не заменима ничем. Никакие, самые подробные объяснения о человечности и о прощении вины не смогут заменить той минуты у картины Рембрандта, о которой упомянуто. Взглянувший на картину уже потрясен душевным состоянием двух людей, отца и блуд-

ного сына. Зритель сам воплощается в них, мгновенно вживается в их чувства, в глубоком порыве решает — прощать вину? не прощать? Человек, задержавшийся у картины, длит это состояние. Скорее не он длит его, а оно само длится в нем, охватило его, не отпускает его, держит его у картины.

А если не длит? Если отпускает? Если не держит? Если смотрящему все равно?

Тогда чуда, естественно, не происходит. Тогда образ не функционирует... Когда же это бывает?

Человек может просто не знать библейского сюжета и не понимать, что совершается на картине.

Человек может знать сюжет, но не иметь опыта смотреть картины. Особенно на библейские сюжеты. Неприязнь к Библии при незнании происходящего может надломить хрупкий (в данном случае) провод какого-то «тока» от картины к человеку. Основных вариантов два. Или все-таки — хотя бы отчасти — победит Рембрандт, и в надломе провода вспыхнет звезда тока — все-таки что-то поймется, запомнится, всплывет в душе позже, требуя раздумья, без слов, лишь эмоционально — воскреснет. Или же победит незнание, неподготовленность, даже тупость. Какой-то бродяга в рубище на коленях перед стариком и почему-то левый туфель свалился у него с ноги... Вот и всё.

Естественно, что лишь *сопереживание* может воспитывать человека.

Этим самым искусство могущественно воспитывает, оно содействует развитию человечества, приобщению людей одной нации к культуре другой, содействует возникновению личности, обогащенной достижением всего лучшего, что выработала человеческая культура.

О плохом читателе

Но все это так, если читатель настоящий, правильный. Давно пора подойти к проблеме «плохого читателя». Она отлично, хотя и очень кратко, раскрыта Александром Твардовским: читатель, действительно, бывает «разным»! Тема сложна и требует специального освещения. Остановлюсь кратко лишь на отдельных сторонах вопроса.

Художественный образ может быть превосходен, но читатель плох. Никакой «обратной связи» тогда, конечно, не получится. Самые мощные электростанции при

всем своим великолепием не осветят вашей скромной комнаты, если ваша лампочка перегорела или если у вас ее вообще нет.

Конечно, восприятие любого образа не однозначно в каждом читательском сознании и не одинаково на разных этапах жизненного пути и в разных ситуациях одного и того же читателя, об этом говорилось выше. Но до сих пор мы рассматривали случаи, которые в общем, в чем-то основном и главном, несли в себе адекватное писательскому замыслу восприятие. Читательское творчество при всех его вариантах не отклоняло понимания образа от русла, избранного писателем. Теперь перед нами другие случаи — далеко не адекватного восприятия, в чем-то основном и решающем отклоняющегося от замысла писателя или в корне от него отличного.

Первый, очень частый и требующий внимания случай — это незнание, «темнота» читателя. Случай, когда он не подготовлен к чтению.

Опыт читателя должен иметь какую-то необходимую протяженность во времени, какое-то минимальное наполнение. Без этих условий не получится чуда — образ не получит функции в сознании читателя вследствие ничтожного запаса читательских сведений, неподготовленности читателя. Строить-то не из чего! Что-то уже надо знать о предмете, чтобы обогатить свой опыт через чтение, чтобы образ писателя сработал в читателе.

Позволю себе сослаться здесь на личный пример.

В ребяческом возрасте мне раньше, чем нужно, попался в руки пушкинский «Пророк». Обычно за чтением надзирала мать, пресекавшая то, что было рано или не нужно, по ее мнению, но к Пушкину она была полна либерализма. «Пушкин? Пожалуйста!» — такова была лаконическая формула разрешения. Лежа в соответствии с возрастом в детской на крашеном полу, я читала без малейших стеснений. Пророк! По условиям воспитания и некоторой первичной осведомленности (закон божий) я могла понять сюжет и внешний ход событий, даже известную условность, символичность образа. Слова «персты», «виждь», «внемли», «зеницы» не затрудняли меня и были мне попятны, а шестикрылый серафим оказался не только знакомым (по церковному изображению), но даже еще раньше обдуманым: шесть крыл всегда казались мне, правда, излишеством — достаточно бы и двух (ведь хватает их птицам), но мне нравился

этот возникавший в моем воображении мощный шелестящий шум сразу шести крыл, шум, которого не было больше ни у кого. Поэтому к шестикрылому серафиму я относилась в общем с симпатией. Уже замороженная первым мрачным аккордом и глубиной торжественной музыки начальных пушкинских слов, я с верой в правоту поэта впервые стала узнавать, строка за строкой, что же делает с бедным пророком шестикрылый серафим. Мне сначала понравились персты, легкие как сон, и еще можно было как-то принять первую замену: вместо человеческих глаз — глаза «испуганной орлицы». Конечно, орлица видит дальше человека. Но почему испуганной? И что ей высматривать? Добычу? (орлов я видела и на Кавказе, и в зоопарке). Слабая тревога все же зарождалась в сердце. Вот персты касаются ушей — что же услышал пророк, кроме шума и звона? Он услышал теперь неба содроганье (но ведь он и раньше слышал гром, видел грозу — содроганье неба, это каждый и так слышит!), и горный ангелов полет — это, по-видимому, хорошо. Но слышать гад морских подземный ход было отвратительно и никому не нужно, а дольней лозы прозябанье всякий и без серафима мог заметить на берегу любой речки. Это все и так видели. Но самое худшее, против чего восставала вся душа, было трепетное сердце, замененное — чем же? — углем! Да, он пылал огнем. Я хорошо знала уголь, я уже имела с ним дело в разных обстоятельствах — и в костре, и в самоваре, и в печке. Но разве можно сравнить уголь и трепетное сердце!? Невозможно! Трепетное сердце лучше. Ужас и возмущение росли вместе с жалостью к пророку, который отдал лучшее за худшее.

Дальше — язык. Да, конечно, старый был «празднословный и лукавый» — это плохо. Но жало мудрых змей! Жало змей? Жалить — кого? Людей? Ведь пророк идет к людям! Идет без трепетного сердца и с жалом змей. Все внутри спорило с Пушкиным, кричало, протестовало... Но за Пушкина было органное, эпическое гуденье торжественного ритма, музыки, объемлющей весь образ, и страшная сила его убежденности в своей правоте. Я понимала, что не понимаю чего-то самого важного. И как вырвали его язык — с кровью! Бедный пророк! От него отняли хорошее, а дали такое плохое! И он весь в крови! Ведь он весь залит кровью! Как несправедливо, как жалко! Слезы подступали к горлу. Бесспорность

моей правды сминалась, таяла перед властной музыкой стихов и величием образов и вновь возникала, чтобы опять поколебаться,— как бы понять? Мир всколыхнувшихся конкретных образов и понятий незрелого сознания никак не ложился в русло пушкинского образа. Но оставался, как дар Пушкина, конфликт, зарождавшийся в смятенной душе, вопросы, им рожденные.

Если в этом случае понимание образа не легло в авторское русло по причине неподготовленности читателя, другое непонимание может быть более опасным. Оно возникает из социальной замкнутости опыта и самоуверенной подмены понятий.

Одну девицу, кончившую школу, в семье просили и умоляли прочесть, наконец, «Анну Каренину». С трудом прочла. Мнение? «Мелодрама». Не столько в засохшей на корню, сколько в омещавившейся душе, хотя и молодой, не было потребности прочесть. Можно, правда, допустить нарочитое желание сказать нечто дерзкое «в пику» матери и бабушке. Но, может быть, тут причиной и чтение в спешке, с топорной подстановкой современного содержания под исторические, но одинаково звучащие понятия: «развод», «семья». Может быть, тут непонимание исторических условий драмы. Душевный мир Анны Карениной и все богатство этических проблем романа остались для девушки за семью печатями.

Более ярок близкий к этому тип читательского непонимания, связанный также с грубой подменой понятий. Известно требование некоего читателя об общественной реабилитации сенатора Каренина, мужа Анны. Зачем его осуждать? Занимался серьезной государственной деятельностью, стоял на страже крепкой семьи, даже согласился воспитывать ребенка от другого человека... Чем не положительный тип?

Л. Н. Толстой не отвечает за все это. Такое непонимание — личный случай читателя, который, как хорошо известно, может быть разным. Один не понимает по низкому культурному развитию, необразованности, неподготовленности, другой — от подавленности классовой спесью или бюрократическим чванством. Третий просто врет, что не понимает.

Но личная беда непонимающего превращается в общественное бедствие, если он не оставляет свое непонимание при себе (так очень редко бывает). Она становится уже не личным несчастьем, если такой читатель входит в

класс как преподаватель, возвышается на университетской кафедре.

Конечно, в этом странном и тяжелом единоборстве победит в конечном счете Настоящий читатель, будь он даже школьник, студент или писатель. Но победит дорогой ценой и затратит на победу уйму времени.

Поскольку есть понятие друга-читателя, логически должно быть очевидно понятие и недруга-читателя. Он, конечно, есть. Поэтому так важно сейчас воспитывать молодых читателей. Одна из главных проблем — освоение родившимся поколением опыта минувшего, культурных сокровищ, скопленных предшествующими эпохами труда и борьбы.

Отсюда — и одна из важнейших проблем времени: учить молодое поколение читать художественную литературу, растить в подростковом возрасте потребность в ней, влюбить юношество в русскую литературу, в современную литературу народов СССР, в лучшие образы литературы всемирной. Учить читать, а не перечислять понаслышке положительные и отрицательные черты героя или его шаблонные «социальные характеристики».

Конечно, сказанным далеко не исчерпывается сложный вопрос о «плохом читателе». Но нашей целью было лишь наметить его в частных примерах.

Читатели как творцы истории

Малое число пушкинских читателей — всего тридцать строевых офицеров — стало во главе трех тысяч восставших солдат, пошедших за ними на Сенатскую площадь. В день 14 декабря 1825 г. их окружила густыми толпами петербургская «чернь», в которой современники насчитали десятки тысяч людей. Да, они не победили, тому были многие причины, но в основном они поняли друг друга, несмотря на все преграды. Это тоже «радиус» пушкинского действия.

Создавалась невидимая и как бы неуловимая в смысле «точных» измерителей «температура» эпохи. Она была в уровне культурного, морального понимания ею себя самой. Существовал в той эпохе властный, негласно принятый критерий оценки поступков. Его превосходно знает сторонник «свободной жизни» и противник крепостного права Чацкий, это критерий его поведения. Но его самым отчетливым образом знает и Фамусов, ожесточенно с ним

спорящий. Что же делает враг «свободной жизни» Фамусов в пьесе, как не спорит с ним денно и нощно, схваткой с ним определяя все свои поступки? Общественная среда времени уже захвачена, дифференцирована этим критерием.

Вдумываясь в эпоху, приходится внести поправки: нельзя, конечно, сказать, никак нельзя, что петербургская «чернь», двумя кольцами окружившая восставшие войска (в промежутке были зажаты правительственные военные отряды, стянутые Николаем I на площадь, это сыграло свою роль в том, что император и поспешил дать приказ стрелять картечью), состояла сплошь из пушкинских нечитателей! И читателей было немало. Пушкина читали и разночинцы, и грамотные дворовые. Среди тех тысяч человек, которые добровольно пришли к его гробу, их было множество — ученики, простолюдины, иные в тулупах, даже в лохмотьях. Историк никогда не сможет точно учесть число пушкинских читателей в толпе «простонародья», но они были.

Н. М. Карамзин что-то правильно почуял, когда писал свою «Историю» для «русских, для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметевых». Кстати, все экземпляры его первого издания — невиданное дело! — разошлись в двадцать пять дней. И. А. Крылов предпочитал форму басен, потому что их читают «и слуги и дети». Копий вольных сочинений Пушкина, свидетельствовали декабристы, было в армии столько, «что это нас самих удивляло».

«Ты ни в чем не замешан — это правда, — писал Жуковский Пушкину 12 апреля 1826 г. — Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством»⁴.

В тот самый день, когда приводили в исполнение приговор над декабристами-моряками, унтер-офицер морской артиллерии сказывал Бестужеву наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, утверждая, что нет у них канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных сего рода сочинений.

Московские студенты декламировали целые сцены из «Горя от ума», которое не было еще тогда напечатано. Оно разошлось по России в тысячах списков — современ-

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937, т. 13. Переписка 1815—1827, с. 271.

шки говорили о сорока тысячах копий, достигнувших самых глухих углов России.

«Любопытнее всего,— писал Гоголь Пушкину 21 августа 1831 г.,— было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, очень до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву*. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни»⁵.

Пушкин отлично понимал все это. Поэт читает свои стихи «в златом кругу вельмож», «меж тем за тяжкими дверями, теснясь у черного крыльца, народ, толкаемый слугами, поодаль слушает певца».

О самых разных общественных слоях зрителей в театре и о пестрой толпе на первых художественных выставках России существует множество свидетельств. Барин был поражен тем, что его кучер насвистывает модную арию из вчера прозвучавшей итальянской оперы. В чем дело? Ждавший его милость кучер вчера пробрался на галерку. «Бывало из оперы „Cosa rara“ певали в Петербурге извозчики»,— свидетельствует А. П. Ермолов. Лакей декабриста Николая Тургенева, сопровождавший барина за границу, имел свое личное мнение об итальянской живописи. Да, миллионные массы России тех лет были темны, забиты, неграмотны. Но влияние Пушкина все-таки не исчерпывалось простым подсчетом его непосредственных «образованных» читателей.

Дух времени сказывался еще и в том, что забитая и неграмотная Россия не умела читать, но уже в огромной массе своей *хотела уметь читать*. К этому уже пришло развитие общественного строя в России.

Могущественно участие читателя в творчестве. Оно продолжено читателем в активной работе над обобщением поэта, и тут лежит для историка особо важная сфера действия читателя в истории. Тут особо и специфично выражается работа художественного образа в сфере активности человека и в формировании его мировоззрения. И то и другое соединено, и лучше бы говорить не о том, как человек «зрит» мир (мировоззрение!), и даже не

⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1950, т. 6, с. 216.

только о том, как он понимает его (миропонимание!), а сразу о совокупности, о синтезе понимания мира и действия человека, участия его в историческом процессе.

Если жизненной потребностью поколения — даже не всего поколения, а лишь основного его живого ядра — явится чтение двигающей жизнь вперед, прогрессивной художественной литературы, овладение ее образами как своим богатством, то это окажется большою силой в историческом процессе. Общение в труде и социальной жизни с нечитавшими родит у последних желание прочесть, чтобы идти вместе, понимать время, не быть хуже, занять точку зрения в споре. Это окажется большою культурной силой, властью в событиях времени. Ядро это станет и распространителем лучей, пронизывающих историческую атмосферу эпохи. Это ляжет своей основой в связь поколений.

Но воздействие художественного образа не ограничивается кругом читателей, я даже хотела написать: «в этом-то все дело», но воздержалась. В этом лишь часть дела, но огромная. Да, Пушкина по неграмотности и темноте не прочли в пушкинское время миллионные массы людей в крепостной России. И тем не менее Пушкин тоже помог воспитать поколения, которые сыграли роль в истории. Рождался общественный критерий суждения о событиях и человеческих поступках — масса наблюдала и чувствовала на себе неуловимый тон эпохи, им выраженный. Солдаты Семеновского полка в малой доле читали Пушкина, в 1817—1820 гг. еще такого молодого и мало написавшего. Но Семеновский полк понял, кто отменил в полку телесные наказания и кто стал обращаться с солдатами на «Вы». Отменившие унижительное обращение с солдатами офицеры были будущими декабристами.

Простой, тысячеустно повторяемый вывод, что время «уже не то», что сдвинулось что-то и «нельзя жить по-старому», создается работой сознания миллионов людей. Художественная литература очень сильно причастна к этому процессу.

Встречные мужики толково и с сочувствием рассказали беглецу В. К. Кюхельбекеру о том, что произошло на Сенатской площади. Сотни простых людей с сердечной теплотой встречали декабристов на пути в Сибирь — откуда это взялось? Убеждение в правоте их дела волнами шло по эпохе, передаваясь от человека к человеку. Пер-

вые десять, образно говоря, были пушкинскими читателями, а следующие сто — нет. Но ведь передавали же и они настрой века! Петр Вяземский, рухнувший на пол придворной церкви перед гробом Пушкина, был виден малому числу людей. Но об этом, наверно, говорили не только в великосветском обществе — толковали о похоронах и церковные причетники, и городские дворовые на облучках карет, и из третьих уст — случайные прохожие. Существует какой-то молекулярный процесс движущихся и как бы неисторических событий. Он, несомненно, участвует в отложении годичного круга в стволе исторического дерева. Молва расходилась по кругам культурной эстафеты века: читателей было скажем, пятьсот, а разносителей духа времени почему-то пятьсот раз по пятьсот. Все это были живые «клеточки» событий, слагавшие историческое время.

Приближая микроскоп к этому молекулярному срезу, мы поражены удивительной картиной. В имении Анненковых не одна деревня обсуждала вопрос, за что сослали в Сибирь молодого барина. В церквях горели бесчисленные свечи за упокой души повешенных. В женское сознание ударились внезапно налетевшим прибойным валом весть о декабристских женах, поехавших в Сибирь за каторжными мужьями.

Учтем, что все это больше обдумывалось, нежели гласно обсуждалось; обсуждать было много опаснее. Но что же может быть ценнее обдумывания? Да, толпа теснилась поодаль у Кронверкской куртины в страшное утро 13 июля 1826 г., а вот то, что она думала и о чем шепталась, вихрем разнеслось по всей России и тоже приложило свою силу, когда заколебался и рухнул через девяносто лет престол Романовых.

Читатель стихов Н. А. Некрасова и М. И. Михайлова шел «в народ», в тот народ, который не читал стихов ни того, ни другого. Но сотни и тысячи людей, так и не узнавших, что собеседники их были читателями Некрасова и Михайлова, восприняли и их воздействие через активность их читателей.

Стало быть, распространение влияния передовой культуры, в том числе произведений искусства, рожденных духом времени, никак не исчерпывается вопросом о числе читателей, как бы ни было велико его значение. Читатели — посредники между литературным произведением и нечитателями. От них широкими кругами, через целую

вереницу посредствующих и сменяющих друг друга звеньев идет по исторической эстафете воздействие художественного образа на эпоху. Высокохудожественные образы литературы, наряду с другими силами общественного развития, участвуют в образовании огромной силы — духа времени, играют громадную роль в формировании передового морального критерия эпохи, в суде над отмирающими явлениями, создавая понятие уровня и нормы, в столкновениях и спорах о больших и малых событиях, участвуют в образовании и ведущего потока века, и его подземных ручьев, формирующих исторический процесс.

Таким образом, вопрос, поднятый в настоящей работе, вливается и в проблему творчества народных масс в истории. Повышение роли человеческого сознания в исторической деятельности поставлено эпохой. Обогащение и возвышение человеческого сознания и эмоциональной сферы человека — одна из сторон строительства коммунистического общества. Прямое отношение ко всему этому имеет великая работа художественного образа в историческом процессе.

II. ПИСАТЕЛИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

«В БУМАГАХ КАЖДОГО
ИЗ ДЕЙСТВОВАВШИХ
НАХОДЯТСЯ СТИХИ ТВОИ...»

(В. А. Жуковский — А. С. Пушкину)

«Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи».

(Приказ Николая I)

Надо признать, что Николай I имел некоторое представление о функции художественного образа в историческом процессе. Во-первых, надобно было сжечь то, что вдохновляло декабристов к вольнолюбию и к действию. Во-вторых, из следственных дел, допросов и последующих о них рассказов вольнолюбивые стихи уходили «в общество», заражали и народ. Они легко переписывались писцом, запоминались и наизусть десятками и сотнями людей, а от них размножались вновь. Их просто надо было стереть с лица земли, вырвать из памяти людей.

Заглавием настоящей работы стали слова В. А. Жуковского в письме от 12 апреля 1826 г. к А. С. Пушкину в Михайловское. Жуковский, близкий ко двору, следил за ходом допросов, имел о них сведения и верно информировал поэта. Выражение «*в бумагах*» относится, вероятно, как к тому, что взято при обыске, так и к тому, что писалось в камерах, как ответы на вопросы следственной комиссии. Поскольку приказ царя был варварски исполнен, огонь поглотил драгоценные записи стихотворений, и полным их комплексом, некогда существовавшим, мы, к великому сожалению, не располагаем. Но тем полнее хочется выявить хотя бы упоминания имени А. С. Пушкина в следственных делах и те случайные записи его стихов, которые там хотя бы случайно уцелели. Напомним и те свидетельства о распространении стихов Пушкина в армии, которые логически предшествуют следственным материалам.

Таким образом, задача данной работы двойная: привлечь неизвестные или малоизвестные материалы о Пушкине из разных декабристских источников и подчеркнуть в них в нужных случаях то, что свидетельствует о функции художественного образа в историческом процессе¹.

«Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло»², — показывает следствию член Южного общества М. П. Бестужев-Рюмин. То же находим мы в деле поэта-вольнодумца штабс-ротмистра М. Н. Паскевича, привлеченного по делу декабристов и слезно каявшегося перед следственным комитетом³: «Нащел того, кто имел у себя вольномысленные стихи из офицеров в 3-ей гусарской дивизии, — показывает М. Н. Паскевич, — скажу, что сочинения сего роду Пушкина, Рылеева и многих других были известны всем почти, кто только любил заниматься чтением стихов, и в это несчастное время ослепления умов оные были читаны без всякого опасения один другому».

Член Южного общества, декабрист Н. И. Лорер, друг П. И. Пестеля, в начале следствия с большой стойкостью отрицал свое участие в тайном обществе. Предатель Майборода, уличавший Лорера в его «запирательстве», показывал: Лорер «неоднократно твердил мне, что в Линцах есть от правительства шпион, что из опасения быть открытыми со стороны этого негодяя полковник Пестель бумаги свои спрятал в своей бане, а они, т. е. Лорер и Гориславский, сожгли сочинения Пушкина»⁴. Н. И. Лорер упорно отнекивался и всячески стремился снять с себя эту улику; защищаясь от нее, он прикидывался не знающим того, что стихи Пушкина «сомнительны», и указывал на их распространенность в армии: «Насчет же сочинений Пушкина я чистосердечно признаюсь, — я их не

¹ В данной работе частично использованы материалы моей статьи «О Пушкине, декабристах и их общих друзьях», опубликованной в журнале «Каторга и ссылка» (1930, № 4, с. 7—40).

² Дело М. П. Бестужева-Рюмина. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 396, л. 146. Ср.: Восстание декабристов. М., 1950, т. 9, с. 118. Характерно, что в подлиннике после слова «Пушкина» слова «и прочих» вписаны над строкой. Ср.: Щеголев П. Е. Император Николай I и Пушкин. — В кн.: Щеголев П. Е. Пушкин: Очерки. СПб., 1912, с. 234.

³ Дело штабс-ротмистра Гусарского принца Оранского полка Паскевича. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 94, л. 25. Не опубликовано.

⁴ Дело П. И. Пестеля. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 394, л. 23. Ср.: Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 4, с. 21.

жег, ибо я не полагал, что они сомнительны, знал, что почти в ⁵ каждого находятся, — и кто их не читал?» ⁶

На следствии декабристам обычно задавался вопрос о причинах «вольномыслия». Александра Бестужева, например, спрашивали: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли, или внушений других, или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно?» В ответе на вопрос этот А. Бестужев не смог скрыть влияния Пушкина, хотя всячески подчеркивал ничтожность всех русских влияний и главную роль западноевропейских впечатлений: «Свободный образ мыслей заимствовал из книг и, восходя постепенно от мнения к другому, пристрастился к чтению публицистов французских и английских до того, что речи в Палате депутатов и House of Commons ⁷ занимали меня, как француза или англичанина... Что же касается до рукописных русских сочинений, они слишком маловажны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления. Мне же не случилось читать из них ничего, кроме о необходимости законов покойного Фонвизина, двух писем Михаила Орлова ⁸ к Бутурлину и некоторых блесков А. Пушкина стихами» ⁹.

Следственные дела декабристов часто рисуют обстановку вступления нового члена в тайное общество. Этому вступлению предшествует осторожное разузнавание политических мыслей будущего члена, постепенная агитация и подготовка. После вступления члена в общество старшие члены продолжают вести пропаганду и все глубже вводить нового товарища в круг идей тайного общества. И на первом, и на втором этапе этой агитации и пропаганды мы встречаемся с именем Пушкина. Его стихи занимают определенное место во всей системе подготовки нового члена к вступлению в общество: ими, так сказать, эмоционально подготавливали новичка и затем переходили

⁵ Так в подлиннике. В русской речи Н. И. Лорера ясно чувствуется влияние украинского языка: Н. И. Лорер — житель Херсонской губ., воспитывался же в Полтавской — в имении П. В. Капниста.

⁶ Дело Н. И. Лорера. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 410, л. 35 об. Ср.: Восстание декабристов. М., 1969, т. 12, с. 47.

⁷ Палата общин. — М. Н.

⁸ Декабриста. — М. Н.

⁹ Дело А. А. Бестужева. — В кн.: Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 430.

к более серьезной теоретической литературе. И если в только что приведенном показании А. Бестужева имя Пушкина стоит в непосредственной близости с прениями в Палате депутатов, то есть еще такие показания, где оно стоит рядом с именами философов такой сокрушающей силы, как Вольтер.

Когда декабристы — братья А. И. и П. И. Борисовы принимали в 1823 г. в общество Соединенных Славян двадцатилетнего прапорщика В. А. Бечаснова, они «обрабатывали» его именно таким образом. Сам В. Бечаснов показывает об этом так:

«Зная же, что я охотно занимаюсь книгами и поэзией, советовали мне бросить романы, как не заслуживающие потери времени, предлагая читать хороших писателей, трагедии, стихи, сочинения Пушкина и других, постепенно разгорячавших пылкое воображение, потом — глубоко-мысленные рассуждения, как-то Эккартсгаузена, переводы некоторые из Вольтера, максимы Сегюра...»¹⁰.

Такие показания проливают особый свет на возможность использования стихов Пушкина как своеобразных прокламаций. Очевидно, были случаи разбрасывания их копий в лагерях, в местах расположения ротных квартир и т. д. Так поэзия Пушкина помогала оформлению идеологии декабристов, соответствующим образом организовывала сознание, была агитатором против правительства крепостников. 3 марта 1826 г. следственный комитет указывал в вопросе 22-летнему прапорщику И. Ф. Шимкову, члену общества Соединенных Славян:

«В бумагах ваших оказались: а) конституция Государственный Завет, б) отрывок в прозе вольнодумческого содержания и с) стихи под № 1 и 2 и две песни под № 3 и 4, наполненные мерзостным ругательством».

Комитет спрашивал, откуда Шимков достал все это, не он ли был сочинителем дерзких произведений и не давал ли их кому читать.

«Стихи же, — отвечал Шимков, — найдены мною в местечке Белой Церкви 1824 же года, в августе месяце, во время сбора 9-й пехотной и 3-й гусарской дивизий для маневров, у моей квартиры вечером на испачканной уже бумаге и которой часть была оторвана. Стихи сии я дол-

¹⁰ Дело В. А. Бечаснова. — В кн.: Восстание декабристов. М.; Л., 1926, т. 5, с. 277.

го держал, не показывая никому, наконец, бывши в жолнерной команде при корпусной квартире, я прочел их поручику Громницкому...¹¹ На первом и втором номере было написано П...ш...н, сие я почел за „Пушкин“. 3-й и 4-й номера были без всякой подписи, все они были на полулисте написаны, которого часть была оторвана. Впоследствии времени я списал их собственною моею рукою по причине той, что найденные мною были ветхи и испачканы, которые я тогда же сжег»¹².

Замечательное свидетельство об агитационной роли стихов А. С. Пушкина находится в следственном деле декабриста Ильи Иванова. Уже предыдущие свидетельства Бечаснова, братьев Борисовых, Шимкова увели нас от чиновной и обеспеченной дворянской среды. Оба упомянутых декабриста — представители дворянской служилой мелкоты, чаще всего не имеющей ни земли, ни крестьян и дворянской только по паспорту. Эта мелкота — близкая предшественница разночинцев предреформенной эпохи. Декабрист Илья Иванов — новый представитель того же слоя: он родом «из почтальонских детей» и сам «в службу вступил почтальоном», первым крупным продвижением по службе было получение унтер-офицерского чина. К моменту ареста он числился уже «провиантским чиновником X класса»; 15 обширных страниц в его следственном деле занято расследованием вопроса о вольнодумческих стихах, и имя Пушкина не раз повторяется на этих страницах. Самое количество исписанной бумаги, тревожность вопросов начальства и тщательность расследования показывают, какую агитационную силу чувствовал в Пушкине царизм и с каким ожесточением шел он на борьбу с подобными агитаторами. От дела Иванова тянутся нити в следственные дела многих других декабристов: комитет упорно доискивался, откуда достали стихи Пушкина, не от него ли самого, кто их списал первый, кто сочинил другие стихи, похожие на пушкинские, и т. д. В ответ на эти тревожные вопросы имя Пушкина прозвучало и в деле декабриста Пыхачева, в делах Паскевича, И. П. Жукова, Бестужева-Рюмина. Целый хор дел повторил имя Пушкина. Весь этот материал еще не был ни

¹¹ Также декабристу, члену общества Соединенных Славян. — М. Н.

¹² Дело прапорщика Саратовского пехотного полка Шимкова. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 445, л. 11 об. Ср.: Восстание декабристов. М., 1975, т. 13, с. 261—262.

исследован, ни опубликован¹³. Он свидетельствует еще об одном: через александровско-николаевскую армию шел целый поток агитационного вольнодумного творчества безвестных или забытых армейских поэтов. Возможно, что в этот поток вливалось и «гражданское» вольнодумное творчество городского мещанства. Эти безвестные поэты видели в Пушкине высокий образец, вдохновлялись им, подражали ему. А. С. Пушкин был в этом потоке лишь одной струей, конечно самой яркой и незабываемой. Вместе с его стихами распространялись стихи Рылеева, Дельвига, Дениса Давыдова. Но было бы неправильно представлять себе влияние Пушкина изолированно: оно должно быть понято лишь в общем творческом потоке, в агитационном содружестве крупнейших и безвестных поэтов.

«В бумагах, взятых при арестовании вашем,— допрашивал следственный комитет Иванова,— найдены стихи, рукою вашею написанные на лоскутке и по содержанию своему означающие дерзостнейшее вольномыслие. Ответьте с полным чистосердечием: 1) вашего ли сочинения стихи сии и что вас побуждало к излиянию на бумаге богопротивных и в трепет приводящих мыслей? 2) Сие сочинение есть ли плод собственных ваших мнений или следствие внушенных понятий от другого и от кого именно? 3) Если же означенные стихи были вами только списаны, то от кого и когда получили вы оные и кто именно был сочинитель их?»

На полях этой же бумаги с вопросами Иванов аккуратным, канцелярским почерком уместил свои ответы. На первые два вопроса он ответил отрицанием, на третий дал более пространственный ответ:

«Означенные же стихи взяты мною только для прочтения и без всякого намерения на квартире Пензенского пе-

¹³ Исключением является небольшой кусочек этого материала, цитированный в работе П. Е. Щеголева «Император Николай I и Пушкин». См. в кн.: *Щеголев П. Е. Пушкин: Очерки*, с. 230—236. Цитированный Щеголевым отрывок взят из дела декабриста М. П. Бестужева-Рюмина; там же приводится Щеголевым цитата из дела декабриста М. И. Пыхачева. В этом материале ценно указание на личное знакомство декабриста с Пушкиным в доме А. Н. Оленина. Но основной архивный материал из дел декабристов Иванова и Паскевича, видимо, оставался неизвестным исследователям, между тем именно этот материал наиболее ценен, так как позволяет установить, что пушкинский «Кинжал» в устах декабристов агитировал за *царевубийство*.

хотного полка поручика Громницкого в окончании сентября или в первой половине октября месяца прошлого 1825 года в гор. Житомире. Кто же их сочинял, мне неизвестно, ибо я не спрашивал; но полагаю, что вернее открыть можно сочинителя оных того ж полка чрез г. майора Спиридова и поручика Лисовского, которые неоднократно бывали у него, Громницкого, и им не безызвестно»¹⁴.

Все фамилии, упомянутые в этом ответе, принадлежат декабристам — членам общества Соединенных Славян. Указания Ивапова наметили путь, по которому пошел следственный комитет. Поручик Громницкий подтвердил, что экземпляр стихов, найденный у Иванова, получен последним от него, но он-то сам получил его от М. П. Бестужева-Рюмина.

Это имя сразу вводит нас в круг тех особых обстоятельств, которые окружали присоединение тайного общества Соединенных Славян к Южному обществу декабристов. Юный М. П. Бестужев-Рюмин, переведенный из гвардии в армию после восстания Семеновского полка в 1820 г., был одним из виднейших членов Южного общества. Напомним, что он был одним из пяти декабристов, казненных смертью. Талантливый организатор и выдающийся оратор, он стоял вместе со своим другом Сергеем Муравьевым-Апостолом во главе наиболее революционного отдела Южного общества — Васильковской управы. Одним из центральных вопросов, разрешение которых взяла на себя эта управа, был вопрос об организации царевубийства. Несмотря на принятие царевубийства в качестве известного программного пункта большинством членов Южного общества, среди них не находилось охотников *выполнить* это дело, не находилось будущих царевубийц. М. П. Бестужев-Рюмин, организовавший осенью 1825 г. присоединение к Южному обществу общества Соединенных Славян, рассчитывал на последних именно как на царевубийц. В его представлении это и была та «cohorte perdue» («обреченный отряд»), которая приведет в исполнение царевубийственные планы. По представлению крупночиновного Южного общества жалкая армейская мелкота, объединенная в общество Соединенных Славян, — разные там юнкера, прапорщики, поручики — охотно согласится за «честь» принятия в Южное общест-

¹⁴ Восстание декабристов. М., 1975, т. 13, с. 293.

во «замарать» руки в царской крови. Готовя Славян к роли царевубийц, пылкий и восторженный Бестужев-Рюмин и прибег к помощи этих таинственных стихов, список которых нашли у Иванова. Имени автора не выдали ни П. Ф. Громницкий, ни Н. Ф. Лисовский, ни М. М. Спиридов, показания которых вереницей идут в деле Иванова. Выдал имя автора декабрист А. И. Тютчев: «Бестужев говорил,— безграмотно доносит он,— что сии стихи написал Паскевич гусарского полка, но какова имена¹⁵ не знаю».

Следственная комиссия довольно быстро дозналась «какова имена» полка был автор стихов: это был штабс-ротмистр гусарского принца Оранского полка Михаил Николаевич Паскевич, 29 лет. По недостатку средств Паскевич не смог содержать себя в гвардии и перевелся в армию, где и стал «вольнодумцем». Влияние Пушкина — на первом плане среди причин его вольномыслия.

«Первые либеральные мысли,— показывает Паскевич,— заимствовал я прошлого 1825 г.¹⁶ частью от попавшихся мне книг и от встречи с людьми такого мнения, а более от чтения вольных стихов господина Пушкина»¹⁷.

Стихи Паскевича не дошли до нас: Николай I, как уже сказано, отдал общее приказание: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи», и приговор над массой «вольнодумческих» стихов был приведен в исполнение. Но сохранились некоторые указания на содержание стихов Паскевича. Автор всячески подчеркивал, что его стихи, собственно, лишь перевод с французского. Паскевич был обвинен, «что из стихов на смерть Дюка де Берри перевел с французского на русский два отрывка, исполненные ужаса, где убийца, собираясь на злодеяние, говорит для своего одобрения»¹⁸. В 1820 г. рабочий-седельщик Пьер Лувель ударом кинжала убил герцога Беррийского, на котором были сосредоточены все надежды роялистов, как на последнем продолжателе рода Бурбонов. Это убийство стало для декабристов своего рода прообразом будущего царевубийства. Понятно поэтому, почему стихи Паскевича сослужили агитационную службу Бестужеву-Рюмину, готовившему «обреченный отряд» царе-

¹⁵ Т. е. «именно». — М. Н.

¹⁶ Следствие происходило в 1826 г. — М. Н.

¹⁷ Дело М. Н. Паскевича. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 94, л. 3 об.

¹⁸ Там же, л. 30 об.

убийц. Паскевич в своих показаниях следственному комитету привел две строфы стихотворения по-французски, вот прозаический перевод их, дающий понятие о содержании стихов Паскевича:

Нет преступления в уничтожении тирана.
Убийство законно для освобождения от него!
Если я могу выполнить это благородное намерение,
То что значит для меня в конце концов имя убийцы ¹⁹.
(Перевод М. В. Нечкиной)

И другой отрывок:

Подозрение — может ли оно повредить нам?
В самой смерти нет для нас ничего ужасного.
И если мы погибнем под обломками трона,
Мы все же вновь оживем для бессмертия,
И потомство, охраняющее нашу славу,
Оплавав нас, сбережет нашу память ²⁰.
(Перевод М. В. Нечкиной)

Почему именно эти строки были переведены? Опять выступает на сцену вдохновитель — Пушкин.

«Читавши многие вольные стихотворения господина Пушкина,— показывает Паскевич,— я, признаюсь, был увлечен его вольнодумством и его дерзкими мыслями, но, не находя в самом себе подобных чувств, я по малодушию моему и без всякого ж к тому таланта хотел было подражать ему и перевел вышенаписанные стихи».

Вернемся теперь опять к делу Иванова и узнаем, какое пушкинское стихотворение шло рядом с вольнодумными «переводами с французского».

Поручик Громницкий, отвечая на вопрос комитета о дерзостных стихах М. Паскевича, найденных у Иванова, вспомнил и изложил еще одно обстоятельство, связанное с агитацией Бестужева-Рюмина за цареубийство:

¹⁹ Détruire un tyran ne fut jamais un crime
Pour s'en débarrasser le meurtre est légitime
Si je puis accomplir ce généreux dessein
Que m'importe après tout le titre d'assassin?

²⁰ Le soupçon — peut-il nous être nuisible?
La mort elle même pour nous n'a rien de terrible
Et si sous les débris du trône nous tomberons
Pour l'immortalité alors nous revivrons,
Et la postérité jalouse de notre gloire
En nous donnant des larmes, gardera la mémoire.

«Предложенные мне теперь высочайше утвержденным комитетом вопросы привели мне на память обстоятельство, о котором умолчать не желаю. В лагере же при Лещине²¹ Бестужев, случившись у Спиридова, где и я был с Тютчевым, в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно, приписывая оное ему, хотя менее дерзкое²², но не менее вольнодумное. Вот оно...».

Далее идет стихотворение, позже тщательно зачеркнутое чьей-то рукой. Через сетку зачеркивающих штрихов можно разобрать знакомые строки:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды...
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...

Речь идет о пушкинском «Кинжале». Его не удалось «вынуть и сжечь», согласно царскому повелению, потому что он расположился на двух внутренних страницах, обороты которых и не запятые стихами части содержали важные следствию показания. «Вынуть и сжечь» его можно было, только уничтожив заодно и текст важных показаний, комитет на это, конечно, не пошел. Но исполнить царское повеление было необходимо, и верный исполнитель царского повеления А. И. Татищев густо зачеркнул стихи, оставив замечательную надпись в начале и в конце пушкинского «Кинжала»:

С высочайшего соизволения
Помарал военный министр А. Татищев.

Это яркий символ агитационной роли пушкинских стихов и страха, который вызывали они у самодержавия. Пушкинский «Кинжал» был агитатором за *цареубийство*.

Громницкий и Спиридов — оба члены общества Соединенных Славян — отразили в своих показаниях живые черты этой агитации Бестужева пушкинскими стихами. Первый из них писал:

²¹ Там и произошло слияние общества Соединенных Славян с Южным обществом декабристов (вторая половина августа — начало сентября 1825 г.).

²² Менее дерзкое, чем упомянутые выше стихи М. Паскевича. — М. Н.

«Произнесши стихи сии, Бестужев спросил: „Не желает ли кто иметь их?“ — и, немедленно переписав, вручил их Спиридову, у которого я после брал с тем, чтоб переписать, но, носивши при себе их несколько дней, я потерял оные и теперь написал только то, что мог вспомнить. Но Бестужев должен знать их, ибо он очень твердо перечитывал их наизусть»²³.

Спиридов в своем показании вторит Громницкому: «Бестужев-Рюмин во время лагеря в бытность его у меня точно хвалил сочинения Пушкина, читал наизусть под названием „Кинжал“, написал оный собственною своею рукою, оставил у меня на столе в палатке и Громницкий брал для переписи. Тютчеву сие известно»²⁴.

У Пушкина — агитатора за вольность — был еще один известный нам спутник, кроме упомянутых стихов М. Н. Паскевича. Выше уже говорилось о найденных у прапорщика Шимкова стихах Пушкина и некоем «отрывке в прозе вольнодумческого содержания», найденном вместе с ними. Отрывок этот, показывает Шимков, «выписан мною из книги под заглавием „*Рыцари Лебедя*“, сочинителя сей книги я упомянул, которую продают свободно книгопродавцы, и она 1824 года, в сентябре месяце, брана была мною для прочету за внесение определенного числа денег продавщикам в городе Радомысле, чрез который они проезжали и несколько дней прожили в нем»²⁵. Мы видим, сколь разнообразны были пути проникновения в армию агитационной литературы и под какими различными и часто неожиданными формами она скрывалась.

Наконец, имя Пушкина прозвучало еще в одном следственном деле как ответ на вопрос о наиболее активном члене общества. «Кто из членов наиболее стремился к выполнению сего преступного предприятия советами, сочинениями и влиянием своим на других?» — спрашивал следственный комитет «Судя по перевозносимым от Бестужева каким-то стихам, кои он раздавал всякому и называл сочинителями их Пушкина и Дельвига, почему я и полагаю их членами к преступным предприятиям...» —

²³ Дело И. И. Иванова. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 447, л. 22. Ср.: Восстание декабристов. М., 1975, т. 13, с. 302.

²⁴ Там же.

²⁵ Восстание декабристов, т. 13, с. 261. Упомнил, т. е. забыл. Чувствуется влияние украинской речи. — М. Н.

ответил декабрист Матвей Иванович Пыхачев²⁶. Комитет вновь бросился допрашивать Бестужева-Рюмина, от самих ли Пушкина и Дельвига он получил стихи и не были ли Пушкин и Дельвиг членами тайного общества. Ответы Бестужева-Рюмина дают новый, чрезвычайно любопытный штрих: оказывается, этот пылкий и восторженный поклонник Пушкина был лично знаком с поэтом.

«Принадлежат ли сии сочинители обществу или нет — мне совершенно неизвестно, — отвечал Бестужев-Рюмин. — Я Дельвига никогда не видал, С. Муравьев²⁷ с ним не знаком. С Пушкиным я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина в 1819 году — но тогда еще был я ребенком. С. Муравьев с тех пор, что оставил Петербург, Пушкина не видал»²⁸.

Заметим, что Бестужеву-Рюмину во время знакомства с Пушкиным было 16 лет и понятие «ребенок» тут не подходит. Из этих же строк видно, что и С. И. Муравьев-Апостол был лично знаком с Пушкиным.

«Я часто читал наизусть стихи Пушкина, — сознается Бестужев-Рюмин, — но Пыхачев умалчивает, что большую часть вольнодумческих сочинений Пушкина, Вяземского и Дениса Давыдова нашел я у него еще прежде принятия его в общество».

На очной ставке Пыхачев отрицал это показание Бестужева, сознавшись лишь, что у него во время знакомства с Бестужевым были только одни стихи, начинающиеся словами «У Вас Нева — у нас Москва...».

Еще одна черточка. Разгромлено восстание Черниговского полка. Морозным днем 3 января поклонник Пушкина Бестужев-Рюмин схвачен на поле восстания с оружием в руках. На коротком перегоне от деревни Трилеса, близ которой был разбит восставший полк, до Белой Церкви арестованного Бестужева конвоировал офицер Мариупольского полка Ракшанин. Бестужев разговаривал с Ракшаниным. О чем же говорили они? О... «вольнодумческих» стихах Александра Пушкина. Невольно возникает вопрос: почему Бестужев-Рюмин, так горячо убежденный в агитационной силе пушкинских стихов, вдруг заговорил

²⁶ Дело М. И. Пыхачева и П. А. Нащокина, капитана и поручика конноартиллерийской № 5 роты. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 93, л. 23 об. Не опубликовано.

²⁷ Ближайший друг М. П. Бестужева-Рюмина. — М. Н.

²⁸ Дело М. П. Бестужева-Рюмина. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 396, л. 146 об. Ср.: Восстание декабристов, т. 9, с. 119.

о них именно в тот момент, когда его, арестованного, под конвоем, увозили с поля восстания в Белую Церковь? Уже не думал ли он и тут воспользоваться агитационной силой пушкинских строк и, добавив к ней собственные убеждения, добиться от своего стража какой-нибудь возможности освобождения?

Трудно дать какой-либо определенный ответ на этот вопрос. Но глухое показание (от 5 апреля 1826 г.) Бестужева-Рюмина по этому поводу невольно наводит на такие мысли. Бестужев-Рюмин «показал, что вольнодумческие стихи Пушкина в рукописях распространились по всей армии, а между прочим и в Мариупольском гусарском полку, о чем он узнал от конвоировавшего его от Трилес до Белой Церкви офицера сего полка Ракшанина»²⁹.

Восстание 14 декабря и Пушкин

В библиотеке Коммунистической Академии хранилась рукопись — два больших, в писчий лист, тома в зеленоватых, потертых переплетах с кожаным корешком^{29а}. По краям переплета — золотой ободок, а посредине цифры, нумерующие тома, — 1 и 2. Довольно аккуратно выписанная писцом рукопись испещрена карандашными заметками на полях. Это записки декабриста Н. И. Лорера, члена Южного общества, переписанные писцом и собственноручно исправленные и дополненные автором. На полях — заметки читателей, которым автор давал свое произведение, и следы довольно жесткой редакционной работы «Русского архива», подготовившего рукопись в целом к печати, но опубликовавшего лишь ее вторую часть. Впервые записки декабриста Н. И. Лорера были напечатаны, первая часть — «Русским богатством» в 1904 г., вторая, как сказано, «Русским архивом» в 1874 г. Обе публикации кишат отступлениями от подлинника, цензурными изъятиями и переделками. По моим подсчетам, число всех разночтений и купюр по сравнению с подлинной рукописью огромно — 1803 случая. Попадают купюры размером в страницу, в несколько страниц³⁰.

²⁹ Журналы следственной комиссии. — ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 345 (заседание ХСVII).

^{29а} В настоящее время находится в Московском отделении Архива Академии наук СССР.

³⁰ Позднее рукопись была опубликована мною. — См.: Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931.

Некоторые купюры записок Н. И. Лорера касаются Пушкина.

После того как декабрист Лорер отбыл срок каторги и пробыл несколько лет на поселении, ему была оказана царская «милость» — разрешено поступить рядовым в кавказские войска. На Кавказе Н. И. Лорер познакомился с братом А. С. Пушкина Львом и оставил в своих записках его живой характерный портрет. Лорер был большим поклонником А. С. Пушкина и передал со слов Льва в своих записках несколько рассказов о поэте. Заметим, что на каторге приветливый весельчак Лорер, любимый всеми его окружавшими, конечно, не раз мог слышать рассказы на те же темы от декабристов, лично знавших А. С. Пушкина. В числе этих последних был и дружный с Лорером И. И. Пущин — друг А. С. Пушкина. Легко можно предположить, что рассказы Льва Пушкина на Кавказе и ранее слышанные рассказы на каторге слились в восприятии Лорера и отразились в этом виде в его записках.

При публикации соответственной части записок в «Русском архиве» в рассказах Льва Пушкина о брате были сделаны крупные купюры. Одна из них касается известной попытки Пушкина поехать на свидание с Пушциным в Петербург в декабре 1825 г.

Попытка эта кончилась неудачей, но если бы она удалась, Пушкин попал бы прямо в восстание 14 декабря. В рассказе записок Лорера, наряду с хорошо известными деталями (например, рассказ о попе, попавшемся ему навстречу, и т. д.), есть несколько новых черточек, проливающих на весь этот крупный эпизод в жизни Пушкина новый и несколько неожиданный свет. Приводим полностью данное место из записок Н. И. Лорера:

«Однажды мы пошли с ним (Львом Сергеевичем Пушкиным.— *М. Н.*) бродить по Прочно-Окопской станице, расположенной на возвышенном берегу реки Кубани. Не помню как, Лев Сергеевич вспомнил о недавней кончине брата своего А[лександра] Сергеевича и рассказал мне одно обстоятельство из жизни поэта, не всем известное, которое и занотую в свои воспоминания. А[лександр] Сергеевич был очень дружен с Иван Ивановичем Пушциным, с которым вместе в один год вышли они из Царско-сельского лицея. Почтенный директор их и наставник Энгельгардт питал к ним самые отеческие чувства, и я в ссылке своей в Сибири читал у Пущина некоторые

[письма], в которых, несмотря на давность времени, всегда проглядывала теплота чувств старинного друга.

Александр Сергеевич был уже удален из Петербурга и жил в деревне родовой своей — Михайловском. Однажды он получает от Пущина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает Пушкина, что едет в Петербург и очень бы желал увидаться там с Александром Сергеевичем. Не долго думая, пылкий поэт мигом собрался и поскакал в столицу. Недалеко от Михайловского попался ему на дороге поп, и Пушкин, будучи суеверен, сказал при сем: „Не будет добра“ [— и] вернулся в свой мирный уединенный уголок.

Это было в 1825 году, и провидению угодно было осенить своим покровом нашего поэта. Он был спасен!»³¹.

Это место записок Н. И. Лорера особенно интересно: до сих пор в литературе ни разу не встречалось указания на то, что сосланный в Михайловское Пушкин хотел самовольно выехать в Петербург в декабре 1825 г. *по вызову И. Пущина*. Насколько правдоподобно это сообщение Лорера, окончательно будут судить пушкинисты. С точки зрения историка декабристов, оно не противоречит ни датам, ни детальной фактической истории восстания 14 декабря. В свете всех обстоятельств, предшествовавших восстанию, критически легко оценить сообщение Лорера и устранить все неправдоподобное.

Как известно, И. И. Пущин сознательно не вовлекал А. С. Пушкина в тайное общество, с одной стороны, щадя его талант, с другой — боясь его легкомыслия и рассеянной жизни, в результате которых тайны общества могли бы открыться правительству. В своих записках о Пушкине Пущин подробно говорит о своих колебаниях и внутренней борьбе по этому поводу и о «податливой готовности» Пушкина стать членом тайного общества³². В тайном обществе декабристов Пущин был одним из старейших и активнейших членов. В 1824 г. Пущин получил место

³¹ Записки декабриста Н. И. Лорера, с. 199. Еще ранее я сообщила об этом отрывке В. В. Вересаеву, и он с моего согласия использовал частично эту купюру в своей кн.: *Вересаев В. В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников*. 3-е изд., доп. М., 1928, вып. 2, с. 40.

³² Декабрист И. И. Пущин: Записки о Пушкине и письма из Сибири / Ред. С. Я. Штрайха. М., 1925, с. 133; ср. с. 117—119. То же см.: *Пущин И. И. Записки о Пушкине: Письма*, М., 1956, с. 87, 71—73.

надворного судьи, уехал в Москву, но не прерывал ни сношений с Петербургом, куда сходились все нити заговора, ни собственной деятельности по обществу. Известно, что Пущин был обвинен, между прочим, и в создании Московской управы общества. В том же 1824 г. Пущин узнал о ссылке Пушкина в Михайловское и, несмотря на опасность навлечь подозрение правительства, посетил в Михайловском своего ссыльного друга в январе 1825 г. Летом 1825 г. Пущин решил, что вновь поедет в отпуск в Петербург и писал об этом брату Михаилу из Москвы от 26 июля 1825 г.: «Я располагаю нынешний год месяца на два поехать в Петербург — кажется, можно сделать эту дебошу после беспрестанных занятий целый год»³³. В том, что предполагаемая поездка имела целью не только отдых и свидание с родителями, но и деятельность по тайному обществу, не приходится сомневаться. Это, кстати, видно и из письма его к брату из Москвы от 9 ноября 1825 г.: «В начале декабря непременно буду — в письме невозможно всего сказать: откровенно признаюсь тебе, что твое удаление из Петербурга для меня больше, чем когда-нибудь горестно...»³⁴.

В свете развернувшихся в то время событий отъезд Пущина в Петербург принимает особый смысл: с 17 ноября в Петербург из Таганрога стали приходить тревожные известия о болезни Александра I. Скакавшие из Таганрога в Петербург фельдъегеря рассказывали по дороге все, что знали по слухам, следовательно, многие важнейшие известия Москва получала раньше Петербурга. 25 ноября Петербург узнал о смертельной опасности заболевания императора, Москва же узнала об этом, вероятно, числа 23—24. В атмосфере всеобщих разговоров и предположений на эту тему Пущин 26 ноября подает просьбу по начальству об отпуске в Петербург³⁵. 19 ноября Александр I умирает в Таганроге, в Петербург эта весть доходит 27 ноября, следовательно Москва узнала о ней не позже 26 ноября — как раз день подачи И. Пущиным прошения об отпуске. Ясно, что из всех совершающихся событий И. Пущин делал определенный вывод: для тайного общества настало время решительных

³³ Пущин И. И. Записки о Пушкине: Письма, с. 96.

³⁴ Там же.

³⁵ См. дело И. И. Пущина. — В кн.: Восстание декабристов. М.; Л., 1926, т. 2, с. 227.

действий. Каких именно, может быть, И. Пущин и не представлял себе достаточно конкретно, но нет сомнений, что вопрос о неизбежности открытого выступления был ясен И. Пущину уже в это время. Начальство задержало отпуск, и выехать в Петербург удалось только 5 декабря, т. е. уже после присяги Константину, происшедшей в Москве 30 ноября. Перед отъездом Пущин виделся с членами тайного общества — М. А. Фонвизиним, С. М. Семеновым, М. Ф. Митьковым. К первому он заехал, уже выехав из Москвы (Фонвизин жил в подмосковном имении), как показал сам следствию³⁶. Картина совершенно ясная, и следственная комиссия справедливо спрашивала И. Пущина:

«С каким намерением вы приехали сюда (т. е. в Петербург.— М. Н.), ежели не с твердою решительностью воспользоваться вестью о болезни покойного государя и не сие ли самое известие родило в вас мысль покушения на возмущение, исполненное 14 декабря?»³⁷.

Конечно, И. Пущин отрицал это, указывая на то, что якобы Москва о болезни царя в то время не знала, формально он был прав, так как официальные вести Москва получала, конечно, позже Петербурга, но фактически, как показано выше, дело обстояло иначе. В Петербург Пущин приехал 8 декабря³⁸ и на следующий же день утром виделся с К. Ф. Рылеевым и Е. П. Оболенским. Он попал в самый разгар лихорадочных приготовлений к восстанию: следственное дело день за днем обрисовывает его кипучую деятельность по подготовке 14 декабря, его видели чуть не по нескольку раз в день на собраниях декабристов, за выработкой планов, выбором руководителей³⁹. Эта деятельность ясно показывает, что до вечера 13 декабря Пущин *вовсе не думал о неизбежном поражении*. Это необходимо подчеркнуть, так как некоторые исследователи рисуют И. Пущина разочарованным в Обществе задолго до восстания, придавая слишком много веры воспоминаниям его брата⁴⁰. Да и сам Пущин в показаниях следствию определенно и ясно говорит о сво-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 223.

³⁸ Там же, с. 217, 227, 211.

³⁹ Там же, с. 211, 212, 216, 217 и след.

⁴⁰ См.: *Штрайх С. Я.* Иван Иванович Пущин: Биографический очерк.— В кн.: Декабрист И. И. Пущин: Записки о Пушкине. М., 1925, с. 48.

ем убеждении в необходимости восстания⁴¹, хотя роль скептика, тормозящего дело, была бы очень выгодна для пего на следствии, и, без сомнения, смягчился бы суровый приговор суда.

Поддержание связи между восставшим Петербургом и сочувствующими заговору в других местах входит в планы И. Пущина — он пишет и рассылает письма с извещением о начале действий. Известно его письмо в Москву Семенову (ставшее известным Митькову, Фонвизину, М. Ф. Орлову) о начале восстания⁴². Веря в восстание во время его подготовки и считая, что оно одним ударом может все разрешить (например, фраза в письме Семенову: «Когда будете читать письмо, все будет кончено»), Пущин, возможно, и захотел, чтобы А. С. Пушкин не остался чужд делу общества в этот решительный момент, и вызвал его письмом в Петербург. Ясно, что речь шла не о простом свидании друзей (такое свидание состоялось в январе 1825 г.), а вызвать опального Пушкина из деревни — что небезопасно для поэта — просто для дружеской встречи Пущин, ясное дело, не мог. Если так, то, может быть, Пущин писал об этом Пушкину не из Москвы, а из Петербурга? На основании ряда свидетельств о попытке Пушкина поехать инкогнито в Петербург приходится приурочивать его отъезд приблизительно к 11—12 декабря, так как Пушкин рассказывал позже, что приехал бы поздно вечером и попал бы прямо на совещание 13 декабря к Рылееву⁴³. Если Пушкин действительно, как говорит Лорер, выехал «мигом» и «не долго думая» после получения письма Пущина, то вероятнее предполагать, что письмо было послано из Петербурга, а не из Москвы, которую Пущин покинул уже 5 декабря.

Добавим, что Пущин в записках о Пушкине совершенно пропускает момент восстания, даже вскользь не упоминая о нем: он закрывает занавес на свидании с Пушкиным в январе 1825 г. и вновь открывает его лишь на 1828 г., на Читинском периоде сибирской каторги.

⁴¹ Восстание декабристов, т. 2, с. 227.

⁴² Там же, с. 216, 217, 233; Ср. дело М. А. Фонвизина. — В кн.: Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 3, с. 64, 74, 75, 81.

⁴³ *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1875, с. 24. Позже этот рассказ подтвержден П. А. Вяземским. См.: *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1811, с. 107.

Как известно, подлинник знаменитого стихотворения Пушкина к декабристам доселе не разыскан и, может быть, не сохранился. Знакомые всем строки:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье

известны нам лишь по публикациям с позднейших копий.

Впервые это стихотворение было опубликовано А. И. Герценом в «Полярной звезде»⁴⁴. В России же его в первый раз опубликовал П. И. Бартенев⁴⁵. С текста Бартенева стихи Пушкина многократно перепечатывались. В условиях отсутствия пушкинского подлинника тот текст, с которого печатал стихи Бартенев, приобретает высокий интерес. До сих пор этот текст не был известен в подлиннике и вообще не подвергался исследованию. Теперь он в наших руках. Он тем интереснее, что имеет любопытные сопроводительные пояснения лица, его списавшего, и отличается от общепринятого текста.

Текст, по которому печатал стихи Пушкина Бартенев, находится опять-таки в рукописи записок декабриста Лорера, о которой уже шла речь выше. Как известно, Бартенев и опубликовал эти стихи в качестве приложения к запискам Н. И. Лорера⁴⁶ под заглавием «Прибавление к моим запискам». Действительно, в этой рукописи записок, о которой выше шла речь, в конце второго тома имеется обширное приложение под длинным заглавием: «*Прибавление к моим запискам: копии с писем и литературных произведений в прозе и стихах товарищей моего изгнания в Сибири*». Это «Прибавление» в отличие от текста записок писано в большей своей части собственноручно Н. И. Лорером. Открывается оно стихотворением Пушкина «Во глубине сибирских руд», тщательно выписанным рукою Лорера. Им же собственноручно написано перед пушкинским текстом: «Стихи эти были присланы Александром Сергеевичем Пушкиным в 1827 г. [же]

⁴⁴ Полярная звезда, 1856, кн. 2, с. 14 (2-е изд.).

⁴⁵ Русский архив, 1874, № 9.

⁴⁶ Там же, стб. 703.

Александре Григорьевне Муравьевой, рожденной графине Чернышевой в Сибирь (тайно) чрез неизвестного купца». Это свидетельство Н. И. Лорера, хорошо знакомого с А. Г. Муравьевой и общего приятеля всей каторжной колонии декабристов, заслуживает внимания, но противоречит имеющимся в литературе сведениям о способе получения этого стихотворения А. Г. Муравьевой: П. И. Бартенев, например, в примечании к публикации этого стихотворения в «Русском архиве» говорит другое:

«Стихи эти были припесены в Москве в начале 1827 г. самим Пушкиным Александре Григорьевне Муравьевой перед отъездом ее в Сибирь к ее супругу. Прощаясь с нею, Пушкин так крепко сжал ее руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда он к ней вошел»⁴⁷. Важно отметить, что комментарий, данный к этому стихотворению Пушкина в издании имп. Академии наук (Сочинения Пушкина. Пг. 1916, т. IV, с. 340—341), просто возмутителен по своей небрежности. Сличения текстов, опубликованных Герценом и Бартевым, не произведено, между тем отличия довольно существенны, заглавие стихотворения в публикации Бартева — «Послание А. С. Пушкина», у Герцена — «В Сибирь». У Бартева — «Возбудит радость и веселье», у Герцена — «Разбудит бодрость и веселье». Есть существенные различия в пунктуации. Но этого мало: комментатор академического издания без ссылки процитировал сообщение Бартева о передаче стихов Пушкиным лично А. Г. Муравьевой и... приписал Лореру бартевское примечание о том, что Пушкин «отнюдь не сочувствовал делу декабристов», в то время как это примечание целиком принадлежит Бартеву и даже подписано его инициалами в тексте «Русского архива»!

Пушкинисты решат, чье сообщение правильное, мы же обратимся сейчас к написанному Лорером тексту.

Н. И. Лорер обладал изумительной памятью, в частности стихотворной. Его память сохранила, например, большое (в 112 строк!) доселе неизвестное стихотворение поэта-декабриста А. П. Барятинского «Тюремные стансы» («*Stances dans un cachot*»), сочиненное в Алексеевском равелине⁴⁸. Может быть, пушкинский текст вос-

⁴⁷ Там же, стб. 703. Примечание подписано: «П. Б.»

⁴⁸ Оно включено в текст записок Н. И. Лорера. См.: Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931, с. 119—121. Там же, пер. на рус. яз. М. В. Нечкиной.

произведен Н. И. Лорером по памяти, но, может быть, и по копии, снятой с рукописи, так как можно предполагать, что в Сибири Н. И. Лорер, вероятно, не раз имел в руках пушкинский текст.

Интересна и заключительная строка лореровского текста. Последние четыре строки в общепринятом чтении таковы:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Между тем рукою Лорера ясно написано в последней строке:

И братья меч *ваш* отдадут.

Напомним, что возвращение *меча* имело особый смысл для разжалованных декабристов, лишенных оружия и ошельмованных приговором.

Добавим еще одно: в лореровской *скорописи* буква «м» с трудом отличима от буквы «ш», но в данном тексте мы имеем дело не со скорописью, а с тщательной выпиской. Возражая чтению «братья меч *ваш* отдадут», можно указать на то, что «ша» не подчеркнуто, но Лорер не всегда его подчеркивал: так, например, в подписи «Пушкин» — «ш» также не подчеркнуто.

Как бы ни относиться ко всем изложенным соображениям, факт остается фактом: тот текст, который был в руках П. И. Бартенева и с которого производилась первая в России публикация этого пушкинского стихотворения, имеет интересное разночтение с опубликованным Бартевым текстом, а вместе с тем и с общепринятым чтением этого текста.

Но это еще не все. Этот же собственноручный лореровский текст кем-то из читателей рукописи Лорера (не Бартевым ли?) «исправлен», и сумма этих исправлений дает еще один, правда, менее ценный и менее убедительный вариант чтения. Мы не знаем, чем руководствовался «справщик», внося свои изменения, может быть, в его руках была еще какая-либо копия. Так или иначе, пока не найден пушкинский подлинник, любопытен и этот вариант, хотя я лично склонна рассматривать его как плод чьей-то досужей фантазии в редакции «Русского архива».

Часть исправлений не вызывает возражений: Н. И. Ло-

рер был не силен в грамоте, делал ошибки в пунктуации; его орфография носила яркие следы особенностей южного произношения, поэтому и в тексте пушкинских стихов Н. И. Лорер написал «Не пропадет ваш скорбный труд», «Любов и дружество до вас», «Доходить мой свободный гласъ» и т. д. Ошибся он и в первой строке, написав «В глубине» вместо «Во глубине». «Справщик» исправил эти ошибки (хотя часть их оставил без исправления), но не ограничился этим, а пошел «дальше». Он сделал попытку поменять местами:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление,

поставив около них сбоку цифры 1 и 2; то же самое он пытался проделать со строчками:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы.

Вероятно, не удовлетворившись этим, он первые две цифры 1 и 2 зачеркнул, а вторые — стер. Внимание его остановилось на строках:

Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора.

Он отчеркнул эти строки на полях вертикальной чертой и исправил «Разбудит» на «Возбудит», а «бодрость» — на «радость», это исправление и попало в печатный текст «Русского архива». Во второй строке стихотворения

Храните гордое терпенье

«справщик» исправил текст так:

Храните, гордые, терпенье.

С записок Н. И. Лорера, значительно исправленных редакцией «Русского архива», была снята — очевидно, по заказу той же редакции — копия, дававшая уже не подлинный лореровский, а значительно исправленный текст. С этой копии и производился типографский набор. Об этом свидетельствует весь внешний вид этой копии, хранящейся в рукописном отделении Ленинской библиотеки: на страницах копии — следы пальцев наборщика, запачканных типографской краской, и т. д. Скопировано тут и «Прибавление к моим запискам», а стало быть, и пушкинский текст. Как показывает вся копия, переписчик

далеко не бережно относился к оригиналу и не раз допускал при переписке текста самих записок смысловые ошибки. При переписке пушкинского стихотворения он переписал в последней строчке «вам», а не «ваш».

В той же рукописи записок Н. И. Лорера имеется интересный рассказ, записанный им со слов Льва Пушкина, о «прощении» Пушкина Николаем I. Этот рассказ, так же как и рассказ о вызове Пушкина И. Пущиным в Петербург ко дню 14 декабря, не был опубликован «Русским архивом». Вот он:

«В 1826 г., в одно прекрасное утро, прискакал в Михайловское фельдъегерь с приказанием доставить Пушкина в Москву. Зная за собой несколько либеральных выходов, Пушкин убежден был, что увезут его прямо в Сибирь. В длиннополом сюртуке своем собрался он наскоро и быстро перелетел пространство, разделяющее Михайловское от Москвы.

Небритый, в пуху, измятый, был он представлен к дежурному генералу Потапову и с ним вместе поехал тотчас же во дворец и [был] введен в кабинет государя. К удивлению Александра Сергеевича, царь встретил поэта словами:

— Брат мой, покойный император сослал вас на житьельство в деревню. Я же освобождаю вас от этого наказания с условием ничего не писать против правительства.

— Ваше величество,— отвечал Пушкин,— я давно ничего не пишу противного правительству, а после „Кинжала“ и вообще ничего не писал.

— Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири,— продолжал государь.

— Правда, государь, я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства.

— Можно ли любить такого негодяя, как Кюхельбекер? — продолжал государь.

— Мы, знавшие его, считали [его] всегда за сумасшедшего, и теперь нас может удивлять одно только, что и его с другими, сознательно действовавшими и умными людьми сослали в Сибирь.

— Я позволяю вам жить, где хотите. Пиши и пиши, я буду твоим цензором,— кончил государь и, взяв его за руку, вывел в смежную комнату, наполненную царедворцами.

— Господа, вот ваш новый Пушкин, о старом забудем».

Здесь есть любопытные детали: «В длиннополом сюртуке своем собрался он наскоро», но интереснее всего своеобразное заступничество Пушкина перед Николаем за друга «Кюхлю» и отзыв Николая I о Кюхельбекере, как о «негодяе».

Этим отрывком заканчиваю мой беглый очерк. Он лишь раз показывает, что в материалах о декабристах есть кое-что новое о Пушкине.

НОВОЕ О ПУШКИНЕ И ДЕКАБРИСТАХ

Доселе известный пушкинистам комплекс документальных свидетельств о взаимоотношениях Пушкина и декабристов ныне обогащается еще двумя текстами первостепенного значения, разысканными редакцией «Литературного наследства».

Первое из них принадлежит декабристу Ивану Николаевичу Горсткому, не особенно известному декабристоведом¹. Объясняется это прежде всего ранним отходом Горсткого от дел Союза Благоденствия и малой изученностью внутренней жизни Северного общества и москов-

¹ Литература о И. Н. Горстком крайне немногочисленна. О нем имеются упоминания в «Записках» декабриста В. П. Зубкова и в комментариях к ним Б. Л. Модзалевского. Тут же опубликован групповой портрет Зубкова и его друзей, среди которых изображен и Горсткий — из стоящих он второй слева, находится в самом центре группы. См.: Записки Василия Петровича Зубкова о заключении в Петропавловскую крепость по делу 14 декабря 1825 г. / С предисл. и примеч. Б. Модзалевского, с портретами и рисунками. СПб., 1906, с. 6—7, 86. Небольшая заметка о Горстком имеется в книжке В. Арсеньева и И. Картавцова «Декабристы-туляки» (Тула, 1926 [1927]); здесь дается в основном материал «Алфавита декабристов» (Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8) с небольшими добавлениями. Горсткий как член Союза Благоденствия охарактеризован в статьях С. Чернова «Из работ над Зеленой книгой» и Н. Чулкова «Москва и декабристы» (В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, т. 2, с. 57, 299—306). Ценные данные о Горстком в период ссылки имеются в книге В. С. Нечаевой «В. Г. Белинский» (М., 1949, с. 146—152), мы узнаем отсюда, что и в это время он не порвал связи с декабристами. Часты упоминания о Горстком в переписке П. А. Вяземского с женой за 1831—1832 гг., они отражают безуспешные хлопоты Вяземского об устройстве Горсткого на службу. Вяземский опасается, как бы хлопоты за опального декабриста не повредили и его карьере. См.: Вяземский П. А. Письма к жене за 1831—1832 гг. — В кн.: Звенья. М., 1952, т. 9, с. 213—469. О Горстком см. по указателю имен.

ской группы декабристов, сконцентрировавшейся около И. И. Пущина, к которой примкнул Горсткий вновь в 1825 г. Он появляется, таким образом, и в начале и в конце декабристского движения, входя в него тогда, когда был создан Союз Благоденствия, и отходя в период основных программных споров и роста революционной идеологии в 1821—1824 гг., чтобы вновь примкнуть к нему в самый последний год его существования. Уже одна эта своеобразная эволюция делает фигуру Горсткого интересной. Отойдя от тайной организации в ее ранние годы, он, оказывается, сохранил в себе нечто такое, что вновь заставило его примкнуть к Практическому союзу, основанному И. И. Пущиным в Москве незадолго до восстания. Следовательно, интерес Горсткого к вопросам революционного преобразования России, подготовлявшегося дворянскими революционерами его поры, был довольно стойким.

Иван Николаевич Горсткий, сын тульского помещика Николая Петровича Горсткого, женатого на Елизавете Ивановне Озеровой², вступил в революционное движение, как и подавляющее большинство декабристов, будучи военным. Судя по его формуляру, военную карьеру он начал портупей-юнкером лейб-гвардии Егерского полка, а 24 января 1818 г., когда двор и гвардия еще находились в Москве по случаю торжества закладки храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в честь 1812 г., Горсткий был произведен в прапорщики. Из «дела» Горсткого мы можем заключить, что он был в это время с гвардией в Москве и, значит, входил в состав одного из двух пехотных сводных гвардейских полков (сформированных из первых батальонов шести гвардейских пехотных полков), которые и были двинуты на празднества из Петербурга в Москву пешим передвижением, выйдя из Петербурга 5 августа 1817 г. Это было не совсем обыкновенное «путешествие из Петербурга в Москву», и о нем стоит упомянуть. Кто читал Радищева (а кто из молодых передовых офицеров в то время не читал его?), тот, проходя мимо деревень, мелькавших на пути в той же последовательности, что и в радищевском взволнованном повествовании, не мог не вспомнить его книги, поднимающей на протест и борьбу. Блестящие пехотинцы останавливались на ночлег и квартировали в тех же местах, где жили за-

² Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 308.

давленные крепостническим гнетом герои книги Радищёва. Нет сомнений, что передовая гвардейская молодежь могла видеть то же, что и Радищев; разве что еще хуже стало во всех этих местах в александровские времена.

Среди направлявшихся в Москву пехотинцев двигался почти весь основной состав только что образовавшегося тайного общества. В Москву передовая военная молодежь вошла, обогащенная новыми мыслями и наблюдениями.

Дворянская Москва, подобострастно ожидавшая императора и его семью, предвкушала непрерывную вереницу невиданных балов и увеселений, а главное, дополнительный поток крестов, наград и назначений.

Гвардейцев в Москве встретили с восторгом, превышавшим все вообразимое. Именно этот момент с убийственным сарказмом запечатлел Грибоедов в «Горе от ума»: «Когда из гвардии, иные от двора сюда на время приезжали, кричали женщины „ура“ и в воздух чепчики бросали». Эта картина дворянского ликования вступала в резкий контраст с только что виденными ужасами крестьянской жизни в Любани, Спасской Полести, Зайцове Валдае, Едрове, Хотилове, Медном, Городне, Пешках, Черной Грязи...

Это путешествие, несомненно, способствовало формированию передового мировоззрения будущих декабристов.

Гвардия расположилась в Москве в Хамовнических казармах, у Девичьего поля. Тут-то, на квартире Александра Муравьева, основателя тайного общества, и происходили собрания декабристов. Александр Муравьев, немного позже принявший Горсткина в тайное общество, был обер-квартирмейстером гвардии, т. е. начальником штаба всего пришедшего в Москву гвардейского отряда. По должности он занимал в казармах хорошую квартиру, она-то и сделалась местом сборищ тайного общества.

Александр Муравьев в те годы пленял окружающих своим благородством и производил своими моральными качествами неотразимое впечатление. Под блестящим гвардейским мундиром у него билось сердце декабриста; в прошлом, 1816 г., именно он и пятеро его друзей — Пикита Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Иван Якушкин и Сергей Трубецкой — положили начало декабристской организации, основав общество Союз Спасения в Петербурге. Нечто от этого обаяния сохраняет характеристика Александра Муравьева, сделанная во вре-

мня следствия Горстким. А ведь она писалась в тюремных стенах Петропавловской крепости и по расчету ее автора должна была создать впечатление о его, Горсткина, «благонамеренности». Он показывает, что принявший его в общество Александр Муравьев «владел всеобщою доверенностью, был привлекателен и во всей гвардии имел репутацию отличнейшую, уважаем был не только равными и младшими, но и начальники некоторым образом всегда в нем видели (как мне казалось) образцового офицера. Одно знакомство такого человека уже восхищало. Мне все в нем правилось».

На квартире Александра Муравьева в Хамовнических казармах, а также в Староконюшенном переулке, в доме Фонвизиных, и развернулись все бурные события, следовавшие за гвардейским «путешествием из Петербурга в Москву»: московский заговор 1817 г., предложение Якушкина о цареубийстве, бурные споры о программе и, наконец, ликвидация Союза Спасения и основание Союза Благоденствия. Союз Благоденствия начал действовать, вербовать новых членов, проводить свои заседания («сходки» — называет их Пушкин в десятой главе «Евгения Онегина»). Горсткин и был одним из первых вступивших в Союз Благоденствия именно в Москве в наиболее ранний период деятельности Союза, в первой половине 1818 г. И. Н. Горсткин показывает на следствии, что он был на совещании у Александра Муравьева (т. е. на его квартире в Хамовнических казармах) еще до выступления гвардии из Москвы в Петербург. Это могло быть лишь в начале 1818 г. На следствии Горсткин, разумеется, из всех сил подчеркивает якобы «легальный» характер Союза Благоденствия, но нас это не должно вводить в заблуждение. Горсткин спешит даже передать слова Муравьева: если бы «государю императору о сем нашем Обществе и предполагаемой цели стало известно, то и его величество, верно, не запретил бы одного». Почему-то все-таки к его величеству предпочли не обращаться с просьбой о признании Союза Благоденствия...

Анализ документального материала и многочисленных свидетельств о программе Союза доказывает, что введение конституционного устройства (а стало быть, ликвидация абсолютизма) было его «сокровенной целью». «Зеленая книга» проектировала такое широкое участие всех членов Союза в подготовке передового общественного мнения к перевороту, такое глубокое внедрение в государст-

венные дела и учреждения членов тайного общества, что «легальной» нельзя назвать и первую часть «Зеленой книги», не говоря уже о ее написанной, но еще не утвержденной Обществом второй, «сокровенной» части. Горсткий, несомненно, знал и читал «Зеленую книгу». Он, несомненно, дал и расписку в верности Обществу и хранении тайны: это было обязательным при вступлении любого члена в Союз Благоденствия. Как известно из его дела, Горсткий примкнул к «отрасли» правосудия, которая должна была наблюдать за ходом судебных дел в царском суде, спасать невинных, разоблачать притеснителей народа, направлять дела в нужном смысле до последней верховной инстанции — Сената — и даже наблюдать за тюрьмами. Целью этой работы было установление в России передового общественного мнения в пользу переворота. Горсткий показывает: «Я принадлежал к отрасли правосудия, которая предписывала мне разыскивать злоупотребления разного рода, стараться выставлять их на вид начальства, дурных, пустых людей всячески унижать, пускать их в огласку при всяком случае, хороших же превозносить, дабы чрез то, сколько можно, способствовать к установлению общего мнения в России. Наблюдать, где случится быть, чтобы помещики крестьян своих не мучили, о таковых также доводить до сведения начальства». Тут же Горсткий пояснял, и в чем состояла цель Общества: «Настоящая цель Общества, мне объявленная: соединение нескольких молодых людей пообразованнее для единодушных занятий в пользу Отечества, что и должно было начать с своего собственного образования и усовершенствования; потом улучшение прав, распространение просвещения, чтоб каждый член подавал в своем кругу пример благочестия, кротости, благородства и строгого исполнения возложенных на него обязанностей, мог со временем склонить все в сторону справедливости, благоразумия, чести».

Праздники отшумели, двор возвращался в середине 1818 г. в Петербург, не подозревая, что в рядах гвардии направляется обратно в северную столицу вновь образовавшееся тайное общество — Союз Благоденствия.

В своих показаниях Горсткий утверждает, что по возвращении гвардии в Петербург в Обществе наступило некоторое затишье: «Прошло, может быть, полгода, об Обществе и слуху не было». Это неточно: собрания уже начались, но неравномерное стягивание полков в Петер-

бург и естественный период собирания сил вокруг нового Общества, налаживание и возобновление старых связей требовали времени. «Потом стали у некоторых собираться человек десять», — свидетельствует Горсткин, сообщая далее, что был «раза два-три» у кн. Ильи Долгорукова. Следуя его собственным хронологическим указаниям, мы должны отнести эти собрания скорее к началу 1819 г., нежели к более раннему времени.

Илья Долгоруков и есть тот «осторожный Илья», о котором говорится в десятой главе «Евгения Онегина». «Блюститель» Союза Благоденствия и в то время чрезвычайно активный его член, он, несмотря на всю свою отмеченную Пушкиным «осторожность», принял самое деятельное участие в том знаменитом совещании начала 1820 г. на петербургской квартире Ф. Н. Глинки, где П. И. Пестель читал доклад о том, какая форма правления желательна — конституционно-монархическая или республиканская. Пестель решил вопрос в пользу республики. Последовало поименное голосование, в котором все единогласно высказались за республику. Это было знаменитое в истории русского революционного движения совещание, на котором впервые было вынесено решение, что будущая Россия должна быть республиканской.

«Два-три» собрания у Ильи Долгорукова, о которых показывает Горсткин, и происходили, по-видимому, в 1819 г., т. е. незадолго до знаменитого совещания на квартире Ф. Н. Глинки. Решение в пользу республики еще не было принято на этих собраниях, но оно начало вызревать в сознании членов, и движение всего тайного общества к радикализации его взглядов не вызывает сомнений. Вопросы программы остро занимали Общество — о многих серьезных вещах, в первую очередь о крепостном праве и «зле существующего порядка вещей» (И. Пущин), и должна была идти в те дни речь на этих собраниях. Горсткин, прочно принявший на следствии позу равнодушного человека, случайно увлекшегося «модой» на тайные общества, всячески хочет снизить значение собраний у Ильи Долгорукова. Но все же его показания об этих собраниях свидетельствуют, что это были не случайные пирушки, а именно *собрания* тайного общества. Горсткину приходится признать, что Долгоруков («блюститель» Союза Благоденствия) был одним «из главных в то время» и что члены «съезжались как бы по должности», т. е. по обязанности членства в тайном об-

шестве. Следовательно, это были организованные Союзом Благоденствия собрания. Вот на этих-то собраниях тайного общества и встречал Горсткин Пушкина у «осторожного Ильи» — у Долгорукова.

Предоставим слово Горсткину. Не будем забывать, что оно произнесено за решеткой Петропавловской крепости. Приказ об аресте Горсткина был отдан 15 января 1826 г.; 19 января он был арестован в Москве и 23 января был заключен сначала на главной гауптвахте Генерального штаба (там же, куда был доставлен арестованный А. С. Грибоедов), а затем на следующий день, 24 января, Горсткин уже сидел в арестантском «покое» № 3 в Невской куртине Петропавловской крепости. Отсюда через день-два его с завязанными глазами, как и всех декабристов, привели на заседание следственного комитета, где учинили устный допрос всем торжественным синклитом следствия. После допроса его отправили обратно в «покой» № 3, где 28 января 1826 г. вручили точно сосчитанные листы бумаги, гусиное перо и чернила и предписали письменно повторить ответы на вопросы, дававшиеся в комитете в устной форме. От умения дать показание, сохранить видимость малой причастности к делу зависело если не все, то, во всяком случае, очень многое.

Комитет спрашивал (это был четвертый по порядку вопрос следственной анкеты): «4. Когда и у кого бывали вы на совещаниях общества? В чем заключались сии совещания? Кто разделял их и кто вообще были известные вам члены общества?»

В тюремной камере, за решеткой Петропавловской крепости, арестованный узник, всячески стремившийся скрыть суть происходившего в тайном обществе, все же написал 28 января следующие строки в ответ на приведенный вопрос:

«4. Одно совещание я помню у Александра Муравьева, когда мне предложено было вступить; тут было толковано о том, что я имел честь изложить выше, с таким прибавлением, что если б (уверял г[осподи]н Муравьев) государю императору доложили о сем нашем обществе и предполагаемой цели, то и его величество верно б не запретил оно. Вскоре потом гвардия выступила в С. П[етер]бург, где прошло, может быть, полгода, об обществе и слуху не было. Потом стали у некоторых собираться сначала охотно, потом с трудом соберется человек десять, я был раза два-три у к[нязя] Ильи Долгору-

кого, который был, кажется, один из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало; съезжались как бы по должности, под конец и вовсе не съезжались; бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частенько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу; скоро все это надоело и понемногу совсем свидания прекратились»³.

Приведенное показание дает материал для комментария к десятой главе «Евгения Онегина». Тут речь идет о «сходках» у «осторожного Ильи» и об участии Пушкина в этих собраниях. Напомним общеизвестные строки:

Витийством резким знамениты, Сбирались члены сей семьи У беспокойного Никиты, У осторожного Ильи. Друг Марса, Вакха и Венеры, Тут Луний дерзко предлагал Свои решительные меры И вдохновенно бормотал, Читал свои Ноэли Пушкин,	Меланхолический Якушкин, Казалось, молча обшажал Цареубийственный кинжал. Одну Россию в мире видя, Лаская в ней свой идеал, Хромой Тургенев им внимал, И, слово рабство ненавидя, Предвидел в сей толпе дворян Освободителей крестьян.
--	--

Из свидетельства Горсткина мы не только впервые узнаем о факте личного знакомства Пушкина с Ильей Долгоруковым, но и впервые получаем здесь достоверное и со стороны декабриста идущее свидетельство об участии Пушкина в собраниях Союза Благоденствия у Ильи Долгорукова. Ранее мы располагали лишь стихотворными строчками самого Пушкина. Их поэтическая форма и язык образов вызывали у ряда исследователей толкование условного характера: Пушкин якобы воссоздает не какую-либо реальную, а поэтически-условную картину своих встреч, он мог допустить художественный вымысел. Теперь подобное толкование начисто отпадает.

Существенно напомнить, что с Союзом Благоденствия Пушкин был связан организационно: он был, как известно, членом «Зеленой лампы», а последняя была, по свидетельству вполне осведомленного лица — доносчика Грибовского (члена Коренной управы Союза Благоденствия), побочной управой Союза Благоденствия.

³ Дело И. Н. Горсткина.— ЦГИА СССР, ф. 48, д. 68, л. 6 об.— 7.

Сопоставляя эти строки десятой главы «Евгения Онегина» с только что приведенным свидетельством Горсткина, мы можем задать себе вопрос: когда же и в какой обстановке «читал свои Ноэли Пушкин»? Поскольку свидетельство Горсткина явно относится к тому же, о чем говорят и строки Пушкина, можно с достаточным основанием ответить: Пушкин «читал свои Ноэли», по-видимому, зимою 1819—1820 гг. и читал их не на случайных пирушках, а на совещаниях Союза Благодетельства у «блюстителя» Союза Ильи Долгорукова — «осторожного Ильи». Комментируя это свидетельство самого Пушкина словами декабриста Горсткина, мы можем теперь с уверенностью добавить: Пушкин не просто «читал» — Пушкин «читывал» свои стихи, т. е. читал их часто, неоднократно, привычно. Эта замечательная русская глагольная форма многократного обычного действия сама по себе является в данном случае историческим свидетельством большой важности.

Предположение Н. Л. Бродского, что описанные «сходки» и чтение Пушкиным «Ноэлей» относятся к периоду Северного общества декабристов⁴, не может быть принято, поскольку в момент основания Северного общества Пушкина в Петербурге не было⁵. Вряд ли Пушкин рисует тут условную, лишь предполагаемую картину — он восстанавливает реальную обстановку 1819 — начала 1820 г., до своей южной ссылки.

Для комментария приведенного свидетельства Горсткина важно вспомнить также о пушкинском наброске «Русский Пелам», рукопись которого была обнаружена в Ульяновске среди бумаг П. В. Анненкова. Вот интересующая нас часть пушкинского текста, относящаяся к отделу «Характеры» и представляющая собою план будущего изложения: «Кн. Шаховск[ой]. Ежова-Истомина. Гриб[оедов]. Завад[овский]. Дом Всеволожских. Кот-

⁴ Это мнение высказал Н. Л. Бродский в третьем издании своего комментария к «Евгению Онегину». См.: *Бродский Н.* «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. 3-е изд., перераб. М., 1950, с. 373—374.

⁵ Н. Л. Бродский отмечает это обстоятельство, но считает все же, что описанная картина относится к жизни Северного общества. См.: Там же, с. 374. С этим нельзя согласиться. Вместе с тем основная мысль Бродского о том, что дошедшие до нас фрагменты десятой главы отражают не стабильное, а исторически развернутое представление Пушкина о существовании тайного общества на разных его этапах, несомненно правильна.

ляревский. Мордвинков, его общество. Хрущов. Общество умных: И[лья] Долг[орукий], С. Труб[ецкой], Ник[ита] Мур[авьев] etc.»⁶. «Общество умных» — это и есть декабристская организация эпохи Союза Спасения и начала деятельности Союза Благоденствия, т. е. 1817—1818 гг. (Пушкин познакомился с Грибоедовым по собственному свидетельству в 1817 г., а в 1818 г. Грибоедов уже уехал на Восток). На основании текста «Русского Пелама» при сопоставлении его с приведенным выше новым свидетельством Горсткина можно сделать вывод: Пушкин бывал в «обществе умных», связанном с тремя упомянутыми им же декабристскими именами: Долгоруковым, Трубецким, Никитой Муравьевым. Никита Муравьев, кстати говоря, упомянут и Горстким в его свидетельстве в непосредственной близости к описанию собраний Союза Благоденствия. Собрания происходили и у Долгорукова, и у Никиты Муравьева. С последним Пушкин был давно знаком, что засвидетельствовано перепиской декабриста с матерью во время заграничных походов 1814—1815 гг.; в одном из писем Никита Муравьев спрашивает мать, посещают ли их дом Пушкин.

В дальнейшей судьбе декабриста Горсткина интересен его переход в 1821 г. с военной службы на гражданскую, в этом отношении у него есть некоторое сходство с И. И. Пущиным, также оставившим военное поприще для скромной гражданской службы — должности судьи. Этот переход характерен для группы декабристов, к которой принадлежал и К. Ф. Рылеев: они искали способ служения Отечеству на гражданском поприще, осуществляя этим требования декабристского мировоззрения. Однако Горсткин сделал этот переход ранее Пущина, уволенного от военной службы «для определения к статским делам» лишь в январе 1823 г.

*

Перейдем теперь ко второму новому свидетельству о Пушкине и декабристах.

Если первое относится ко времени Союза Благоденствия, к 1819—1820 гг., то второе надо с несомненностью отнести к фактам, касающимся периода южной ссылки

⁶ Пушкин А. Русский Пелам: Вновь открытые автографы Пушкина / Транскрипция и комментарий М. Цявловского. — Тр. Публичной библиотеки СССР им. Ленина, 1934, вып. 3, с. 11, 13, 37.

Пушкина. Оно принадлежит сыну декабриста С. Г. Волконского и находится в письме его к академику Л. Н. Майкову. Письмо написано 8 июля 1899 г. в связи с присланными Волконскому Майковым первым томом сочинений Пушкина в издании Академии наук и сборником статей Л. Н. Майкова о Пушкине. Михаил Сергеевич Волконский, как известно, родился в Сибири в 1832 г. Там он провел в семье отца-декабриста детство и юность. Связь с отцом не прерывалась и в последующее время. Декабрист С. Г. Волконский умер в ноябре 1865 г. в с. Воронки; следовательно, период общения отца с сыном чрезвычайно длителен: около тридцати трех лет. Это дополнительное довод для оценки приводимого ниже свидетельства как вполне достоверного. Михаил Волконский действительно мог многократно слышать рассказы отца, вновь возвращаться к ним, задавать вопросы, спрашивать о подробностях. Живая форма передачи сохраняет непосредственность восприятия. Вот этот текст из письма М. С. Волконского Л. Н. Майкову:

«Пушкин, гений которого освещал в Сибири мое детство и юность, был мне близок по отношениям его к отцу и к Раевскому, так что я всю жизнь считал его близким себе человеком. Не знаю, говорил ли я Вам, что моему отцу было поручено принять его в Общество и что отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это,— говорил он мне не раз,— когда ему могла угрожать плаха, а теперь, что его убили, я жалею об этом. Он был бы жив, и в Сибири его поэзия стала бы на новый путь». И действительно, представьте себе Пушкина в рудниках, Чите, на Петровском заводе и на поселении — что бы он создал там»⁷.

Свидетельство М. С. Волконского чрезвычайно интересно. Сведения о сообщаемом тут факте уже были в декабристской литературе. Об этом «драгоценном предании» упоминал внук декабриста⁸. Теперь мы можем уве-

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1146, № 68, л. 1. Черновик.

⁸ О том, что С. Г. Волконскому было поручено принять Пушкина в тайное общество, впервые в печати сообщил в качестве «предания», сохранившегося в их «семействе», внук декабриста, С. М. Волконский, в книге «О декабристах: По семейным воспоминаниям» (Пг., 1922, с. 43). Вот это свидетельство: «Здесь уместно упомянуть подробность, которая, кажется, в литературу не проникла, но сохранилась в нашем семействе как драгоцен-

ренно заменить это воспоминание свидетельством сына, в котором в точной и ясной форме донесены до нас слова самого декабриста. Они говорят, по-видимому, о событиях, относящихся к периоду Каменки. Можно выдвинуть предположение, что замысел принять Пушкина в члены тайного общества мог возникнуть у декабристов после известного заседания в Каменке, описанного в «Записках» И. Д. Якушкина. Как известно, осенью 1820 г. совещание в Каменке совпало с приездом туда декабриста Якушкина, посланца из Москвы для созыва в начале 1821 г. московского съезда Союза Благоденствия: «Приехав в Каменку, я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие»⁹. Совещания декабристов возбуждали подозрение Н. Н. Раевского. Желая разуверить генерала в его подозрениях, декабристы, как известно, инсценировали при нем заседание тайного общества. Тут-то и выявилось горячее желание Пушкина вступить в Общество. Общеизвестный рассказ Якушкина невозможно читать без волнения:

«В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к тайному обществу или нет. Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и полуважным видом он управлял общим разговором. Когда начинали очень шуметь, он звонил в колокольчик; никто не имел права говорить, не просив у него на то дозволения и т. д. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке после многих рассуждений о разных предметах Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение тайного общества в России. Сам он высказал все, что можно было сказать за и против тайного общества. В. Л. Давыдов и Охотников были со-

ное предание. Деду моему Сергею Григорьевичу было поручено завербовать Пушкина в члены тайного общества, но он, угадав великий талант, предвидя славное его будущее и не желая подвергать его случайностям политической кары, воздержался от исполнения возложенного на него поручения».

⁹ Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина / Ред. и примеч. С. Я. Штрайха. М., 1951, с. 40.

гласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести тайное общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование тайного общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: „Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?“ — „Напротив, наверное бы присоединился“, — отвечал он. — «В таком случае давайте руку», — сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: „Разумеется, все это только одна шутка“. Другие также смеялись, кроме А. Л. Давыдова, роконоса величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед тем уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка“. В эту минуту он был, точно, прекрасен»¹⁰.

Комментируя свидетельство декабриста С. Г. Волконского о намерении декабристов принять Пушкина в члены общества, дошедшее до нас через его сына, надо прежде всего отметить, что оно может быть подтверждено рядом косвенных данных. Декабрист Волконский был действительно столь близок с семьей Раевских и с Пушкиным, что кому же как не ему было взять на себя такое поручение? Заметим, что речь идет не о личном замысле декабриста принять Пушкина в общество, а о данном ему *поручении* это сделать, которое по установленным на юге правилам могло исходить лишь от директории Общества. Сам Волконский был принят в Союз Благоденствия в 1819 или 1820 г. Если речь идет о Союзе Благоденствия, то такое поручение могла дать, по-видимому, лишь Тульчинская управа. Но Союз распадался — Московский съезд распустил тайную организацию, ликвидировал ее;

¹⁰ Там же, с. 42—43.

Южное общество декабристов организовалось в марте 1821 г. в Тульчине. И в Южном обществе по правилам приема член общества, задумавший принять новое лицо, не мог сделать этого самовольно. Он должен был сначала испросить разрешения у руководства, т. е. после образования Южного общества — у директории в лице П. И. Пестеля и А. П. Юшневского¹¹. Только получив разрешение, декабрист мог пригласить намеченное лицо ко вступлению в Общество. Нарушение этого порядка вызывало еще в Союзе Спасения, как известно по «Запискам» Якушкина, строгие замечания и недовольство руководителей¹². Поэтому допустимо предположение, что в обоих случаях — относится ли описанный замысел непосредственно к самому последнему периоду существования Союза Благоденствия или ко времени после марта 1821 г., т. е. ко времени возникновения Южного общества, — в обоих случаях надо предположить, что в поручении принять Пушкина в Общество не могли в какой-то мере не участвовать руководители Общества (в обоих случаях — Пестель и Юшневский). Равным образом и об отказе от замысла принять поэта в члены Общества, и о мотивировке отказа (опасение загубить Пушкина «плахой» или Сибирью) также должны были быть осведомлены руководители организации.

Свидетельство Волконского помогает правильно оценить и смущавшее многих пушкинистов показание члена общества Соединенных Славян — декабриста И. И. Горбачевского, утверждавшего в письме к Михаилу Бестужеву от 12 июня 1861 г. (из Петровского завода), что «славянам» будто бы даже было запрещено «от Верховной Думы» знакомиться с Пушкиным.

¹¹ П. И. Пестель и А. П. Юшневский занимали эти выборные в тайном обществе должности и в Южной управе Союза Благоденствия и в Южном обществе декабристов.

¹² Сравни у И. Д. Якушкина: «С первой почтой я известил Никиту Муравьева о важном приобретении, какое я сделал для нашего Общества в лице полковника Фонвизина и надеялся получить за это от них от всех благодарность; но, напротив, получил строгий выговор за то, что поступил против условий между нами, в силу которых никто не имел права принимать никого в тайное общество без предварительного на то согласия прочих членов; и я чувствовал, что по всей справедливости своей опрометчивостью я заслужил такой выговор». См.: Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 12.

Причиной запрета служило опасение, чтобы поэт случайно не выдал Общество. Горбачевский вместе с другими членами общества Соединенных Славян узнал о существовании Южной организации лишь осенью 1825 г., когда Славянское общество и присоединилось к южным декабристам. Пушкина в это время на юге не было. Для Горбачевского Бестужев-Рюмин представлял «Верховную Думу», поскольку имел полномочия на соединение обществ, но в директорию Южной организации он никогда не входил. Данное Волконскому *поручение* принять Пушкина в общество вносит ясность в вопрос о том, каково было действительное отношение к Пушкину руководителей Южного общества. Кишиневские беседы Пестеля с Пушкиным на политические темы еще раз подтверждают, что никакого запрета общаться с Пушкиным не было. О том же говорят многочисленные свидетельства о постоянном общении Пушкина с южными декабристами¹³.

Дружеское отношение декабриста С. Г. Волконского к Пушкину видно и из письма его к поэту от 18 октября 1824 г. Заметим, что упоминание о Волконском в пушкинском письме к Вяземскому от 8 марта 1824 г. свидетельствует вовсе не о *начале* знакомства: слова «С. Волконского здесь еще нет» скорее говорят о продолжающемся знакомстве.

Мы располагаем еще ценным неопубликованным свидетельством о знакомстве декабриста с Пушкиным. С. Г. Волконский пишет П. А. Вяземскому из Умани 3 апреля 1824 г.: «...Пушкин с нетерпением Вас ожидает...»¹⁴. Как видим, это также говорит о продолжающемся знакомстве, начало которого должно быть отнесено к более раннему времени. В другом письме к Вяземскому, которое было послано из Николаева 16 июня 1824 г., имеется свидетельство С. Г. Волконского о встречах его с поэтом в Одессе: «Пушкин пишет Онегина и занимает собою и стихами всех своих приятелей»¹⁵. Волконский, очевидно, виделся с поэтом в самое последнее время перед новой ссылкой Пушкина в Михайловское.

¹³ На мой взгляд, наиболее убедительное предположение о создавшейся ситуации высказал Н. Я. Эйдельман. См.: *Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы*. М., 1979, с. 148—162.

¹⁴ ЦГАЛИ СССР, ф. 195 (кн. Вяземские), д. 1648, л. 2. Неизданный автограф.

¹⁵ Там же, л. 4. Неизданный автограф.

Оба публикуемых свидетельства — показание декабриста И. Н. Горсткина и сообщение М. С. Волконского — являются значительным вкладом в дело дальнейшего исследования взаимоотношений Пушкина и декабристов.

РОЖДЕНИЕ «ГОРЯ ОТ УМА»

1

Можно сказать, что жизнь художественного образа делится на два периода. Первый — время творчества автора. Здесь создается художественный образ или совокупность художественных образов, слагающихся в художественное произведение и взаимодействующих в нем. Этот период начинается с возникновения авторского замысла и кончается его завершением. Второй период — это функция художественного образа в историческом процессе. Начинается он встречей образа с читателями. Можем ли мы закончить историю жизни художественного произведения завершением писательской работы? Конечно, нет! Ведь художественное произведение только-только завершило свое становление и еще не действовало, не функционировало! А ведь автор писал его для читателя. В жизни художественного произведения решающий момент — встреча его с читателем. Оно для этого и создавалось. Если оно не встретилось с читателем, оно погибло.

Читает произведение множество читателей. Реагируют они по-разному. Их миропонимание или обогащается и укрепляется этим чтением, или колеблется, надламывается, а иной раз и просто разрушается. Чаще оно видоизменяется, в чем-то заменяется новым. В других случаях оно остается старым, стабильным, вообще не реагирует, либо очень слабо отвечает на то новое, что принес художественный образ. Бывает, что затрагивается только эмоциональная сфера читателя, а не миропонимание. Но и это весомо. Вариантов тут множество. Художественные произведения могут повлиять и на поведение, а в иных случаях — даже на характер человека. Так как же нам кончить историю жизни художественного образа на моменте выхода книги в свет? Ведь она только начинает свою функцию в историческом процессе. Она, эта функция, и есть второй замечательный период в жизни художественного образа, без этого богатейшего и разнообраз-

ного периода мы и не узнаем его функции, т. е. того, для чего автор и писал свое произведение.

Заметим, что нельзя считать главным моментом всего этого оценку произведения читателем. Оценка — одна, а воздействие образа на читателя — другое. Они могут не совпадать. Читатель может проклинать и хулить произведение и вместе с тем оставаться им потрясенным. Воздействие художественного образа на душевный мир читателя — процесс очень сложный и тонкий. Передача воспринятого от одного поколения к другому входит в эту огромную проблему. Ясно, что период жизни образа может быть почти бесконечен для одних произведений и очень краток для других, не завоевавших души читателя. Развитие исторического процесса ставит жизненные задачи перед человечеством. Как решить их? Кому? Куда идти? Что делать? Писатель — сын времени, имеющий власть ответить на вопрос и быть услышанным. Никто не давал ему этой власти — он сам взял ее своим талантом и пониманием исторических задач, подлежащих решению. Его понимание задачи и — объективно — призыв к действию входят в функцию художественного образа в историческом процессе.

2

Схема биографии А. С. Грибоедова стала застывать и костенеть на рубеже XX в. и в первое его десятилетие. В основном стабилизировался скудный запас биографических документов, приток новых приостановился, крупных работ исследовательского характера не появлялось, грибоедовская тема уже обжила в школьном преподавании, находясь под мощным прессом реакционных правительственных требований, и постепенно сложился, а потом застыл убогий биографический трафарет, почти лишенный элементов истории. Грибоедовское время — это время «грозы двенадцатого года» и волнений Семёновского полка, время Пушкина и декабристов, эпоха великих событий и деятельности замечательных русских людей, но — удивительным образом — дыхание эпохи ушло из биографического трафарета, перед русским читателем оно лежало бездыханным. Слабость исторических элементов в застывшей схеме сделала ее особо незащитной перед лицом вторжения вульгарного социологизма. Последнему тем легче было «оккупировать» грибоедов-

скую биографию. Вульгарный социологизм ослабил великое произведение «самой барской» пьесой русской литературы, а великого писателя объявил «барином» и «денди», сторонником самого института крепостного права, возражающим лишь против его «злоупотреблений», равнодушным созерцателем политического кипения своего времени.

Любопытной особенностью схемы была полная оторванность пьесы «Горе от ума» от эпохи и от бытия самого писателя. Схема гласила, что родившийся в 1795 г. Александр Грибоедов после некоторого периода домашнего воспитания поступил в Московский университетский благородный пансион, а затем в Московский университет, обучался наукам словесным, затем юридическим, а потом математическим и естественным (именовался ряд профессоров — о студенческой среде ни слова). В перечне не обронено ни слова о том, чем же были тогда упомянутые учебные заведения, в какой атмосфере они жили, каким воздухом дышали. Ведь тут одновременно с Грибоедовым учатся чуть ли не три десятка будущих декабристов. Но об этом также нет ни слова. Далее рассказывается, что Грибоедов ушел в армию в 1812 г., но на войну не попал, участвуя в формировании кавалерийских резервов, совершал такие-то гусарские шалости и, оказавшись в 1815 г. в Петербурге, вышел в отставку и усиленно занялся «прожиганием жизни». Далее следует рассказ о кутежах, театральных увлечениях, об истории с балериной Истоминой, о секундантстве в дуэли гр. А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым, об отъезде на Восток и о собственной дуэли с А. И. Якубовичем около Тифлиса. Затем возникал Иран. И тут согласно схеме Грибоедов, совершенно неизвестно почему, вдруг начинает писать в 1820 г. «Горе от ума» и проявляет себя великим писателем. Поистине в этой схеме «Горе от ума» падает с неба, и почему отставной гусарский корнет после истории с балериной и бурного прожигания жизни вздумал вдруг написать самую политическую, самую общественную и насыщенную передовыми идеями времени пьесу — это остается загадкой. Живучесть этой искаленной до предела биографии можно объяснить лишь рутиной, «привычкой» и длительным периодом господства антинаучных тенденций.

Нельзя сказать, чтобы самая мысль создать *иную* биографию Грибоедова не высказывалась и раньше. Мысль

о связи Грибоедова с эпохой и с общественным движением его времени формулировали А. И. Герцен, Аполлон Григорьев, Д. А. Смирнов, А. Галахов, А. Н. Пыпин, И. А. Гончаров и др., ею интересовался Д. И. Писарев, ею был увлечен Алексей Веселовский, однако она не отлилась в законченную работу научного характера. Эту плодотворную мысль, восходившую, несомненно, к идейному наследству 60-х годов XIX в., отодвинула с пути и притушила реакция 80-х годов, а затем она тлела под пеплом до тех пор, пока не началось вторжение вульгарного социологизма, фактически пытавшегося совсем потушить ее.

Привлечем данные об эпохе, соберем по крупичкам пензученный материал, проверим привычные цитаты, еще раз вдумаемся в известные первоисточники, заглянем в неисследованные архивы грибоедовских современников и в фонды следственного дела декабристов — и общая картина рождения «Горя от ума» окажется совсем иной, нежели рисует ее окостеневшая биографическая схема. Многие документы не дошли до нас, многие голоса невозвратно умолкли, но все-таки элементы восстановленной действительности многое могут объяснить в творчестве писателя.

В Московский университет грибоедовского времени проникали передовые идеи. Русские профессора из разночинцев были причастны к передовой идеологии времени. «Законы должны быть для всех граждан одинаковыми», — учили студенты в руководстве проф. Л. А. Цветаева «Первые начала права естественного». «Когда власть монарха не подвергается никаким ограничениям, сие называется деспотизмом», — читали они там же. «Цветаев говорил о преступлениях разного рода и, между прочим, сказал, что нигде в иных случаях не оказывают более презрения к простому народу, как у нас в России (хотя мне и больно, очень больно было слушать это, однако должно согласиться, что бедные простолюдины нигде так не притесняемы, как у нас)», — записал в дневнике в 1808 г. студент Николай Тургенев, учившийся в университете в одни годы с Грибоедовым.

Грибоедов провел в Московском университете и университетском пансионе около десяти лет (примерно с 1802—1803 гг. до середины 1812 г.). Он кончил два факультета, имел степень кандидата словесных наук и права, готовился к докторскому экзамену. Самая атмосфера уни-

верситета и студенческая среда его времени не могли не оказать на него своего воздействия. Одновременно с Грибоедовым училось не менее 26 будущих декабристов. Мы встречаем тут П. Каховского, Никиту Муравьева, Николая Тургенева, А. Якубовича, С. Трубецкого, И. Якушкина, Артамона Муравьева, Н. Крюкова, Ф. Вадковского, Степана Семенова и др. Учатся тут и многие друзья будущих декабристов, имена которых постоянно вплетаются в историю общественного движения эпохи: братья Петр и Михаил Чаадаевы (первый из которых сам причастен к движению декабристов), кн. Иван Щербатов, пострадавший по делу о восстании Семеновского полка, братья Раевские — Николай и Александр (сыновья героя 1812 г. генерала Н. Н. Раевского-старшего) и др. Студенчество охвачено новыми идеями, с жадностью тянется к новой литературе, обсуждает политические темы. Студенты тайно читают запретные сочинения, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, запрещенную иностранную литературу. К лучшему другу Грибоедова, студенту Петру Чаадаеву, приехал на дом сам московский полицмейстер отбирать запрещенные брошюры. Студенчество оживленно спорило о Вольтере и Руссо, обсуждало преимущества республиканского правления перед монархическим, переживало острые религиозные кризисы. Герои Плутарха — образцы политического поведения. В центре внимания молодежи стояла Россия, родина. «Ежели ты, повеса, осмелишься еще разинуть рот для хулы русских, которым ты быть не достоин и чем я горжусь, то берегись: вызвать тебя на поединок будет для тебя много, и ты этого не стоишь, но вот взгляни на мою палку и знай, что она заставит тебя молчать, ежели слова мои на тебя не действуют», — так ответил студент Московского университета Николай Тургенев одному молодому человеку, посетителю кофейной, который осмелился с пренебрежением отозваться о России. Другой студент университета, Никита Муравьев, позже сам говорил о себе, что в студенческие времена «не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству».

Эта пламенная любовь к родине уже соединена у многих студентов с критической мыслью по отношению к крепостному праву и деспотическому строю самодержавия. Уже бродят смутные замыслы борьбы за лучшее. В этой идейной атмосфере рос и развивался умный, та-

лантливый, живой, «страстно учившийся» студент Грибоедов, в этой атмосфере написал он свою первую — не дошедшую до нас — комедию. Именно тут, в эти годы, закладываются основы его передового мировоззрения.

Патриотический порыв Грибоедова, который привел его прямо со студенческой скамьи в ряды армии в июле 1812 г., т. е. в самом начале войны, не был безотчетным юношеским увлечением, а имел сложную идейную подоплеку: на войну ушел не Петя Ростов из «Войны и мира», как думают некоторые исследователи, а студент Московского университета, кончивший два факультета, готовившийся к докторскому экзамену, юноша, изучавший труд Дежерандо по истории философских систем, друг Петра Чаадаева, молодой человек, в беседе с которым находили интерес выдающиеся политические деятели того времени.

Время пребывания Грибоедова в армии было полно незабываемых политических впечатлений. Молодые люди того времени, по словам декабриста Якушкина, «имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них». В том Иркутском гусарском полку, куда вступил Грибоедов вместе с гусарами Московского полка гр. П. И. Салтыкова, было около двухсот участников Бородинского сражения. Архив А. С. Кологривова рисует сложную жизнь штаба кавалерийских резервов в Бресте, где служил Грибоедов. Сюда, на границу, ранее других городов приходили вести о великих событиях времени — о Дрездене, о битве под Лейпцигом, о торжественном вступлении русских в Париж. Тут на глазах Грибоедова формировались новые полки, проходили в тыл партии пленных французов, совершались суды над дезертирами.

После заключения мира Грибоедов поехал в Петербург, в то же время, когда туда начала возвращаться русская гвардия из заграничных походов. Немало будущих декабристов, друзей Грибоедова, вернулись из-за границы. Они видели страны без крепостного права, побывали в Палате депутатов, слышали прения в английском парламенте; они были полны новых политических впечатлений. Теперь понятно, что заграничные впечатления отнюдь не «породили» декабризм: критика крепостного строя возникла много раньше, и заграничные впечатления были лишь катализатором, ускорившим ранее наметившийся процесс. А. С. Грибоедов прожил в

Петербурге, по-видимому, около четырех лет; вероятнее всего, он приехал туда вскоре после заключения мира в 1814 г., а уехал на Восток в августе 1818 г. Это было время, полное идейного кипения. Декабрист П. И. Пестель охарактеризовал свое время замечательными словами: «Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же... Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клочкотать». Именно в эту эпоху, столь ярко охарактеризованную Пестелем, и возникает самый замысел «Горя от ума», а затем и пишется вся пьеса. Она и не может быть понята вне характерных черт своей эпохи.

Именно в эти годы возникают и формируются предшественницы декабристских организаций — офицерские артели (офицеров Семеновского полка и офицеров Генерального штаба); зачинающееся движение таится некоторое время под формами масонских лож, и наконец в 1816 г. возникает и оформляется первая декабристская организация — Союз Спасения, или Общество истинных и верных сынов Отечества. В конце 1817 г. возникает вторая организация декабристов — Военное общество, промежуточное звено между ликвидированным самими декабристами Союзом Спасения и новой декабристской организацией — Союзом Благоденствия, который приступает к деятельности с 1818 г. Борьба против крепостного права и самодержавия стояла в центре слагающейся идеологии революционеров-дворян. Кипение этой идейной атмосферы возникающих декабристских обществ доходило до Грибоедова, имевшего многочисленные связи в декабристской среде. В окружении Грибоедова можно насчитать в это время не менее 43 имен декабристов и их друзей. Среди них — ближайший, душевный друг Грибоедова Степан Никитич Бегичев, принятый в тайное общество в 1817 г., т. е. ранее образования Союза Благоденствия; очевидно,

Бегичев был принят или в Союз Спасения на исходе его существования, или в Военное общество. Бегичева принял в тайную организацию Никита Муравьев; позже Бегичев вступает и в Союз Благоденствия; из архивных документов известно, что Бегичев имел «Зеленую книгу» — устав Союза Благоденствия и позже сам принял в члены этого союза декабриста В. П. Ивашева. Упомянем другого близкого друга Грибоедова — П. А. Катепппа, одного из инициаторов образования Военного общества, а также членов Союза Благоденствия Якова Толстого, П. А. Муханова, П. П. Каверина. Заметим, что среди этих связей — имена учредителей тайного общества — С. П. Трубецкого и Никиты Муравьева. Тут и близкие декабристам люди, которые через некоторое время сами окажутся в рядах тайного общества: В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский, И. Ю. Поливанов, А. Л. Кологривов. Тут такие близкие декабристам люди, как А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, И. Д. Щербатов, А. Г. Строганов, близкий друг Грибоедова А. А. Жандр, писательница В. С. Миклашевич. В эти годы Грибоедов является членом той же масонской ложи Соединенных друзей, куда входят П. И. Пестель, П. Я. Чаадаев, Илья Долгорукой, Ф. П. Шаховской. Через С. Н. Бегичева Грибоедов связан с кавалергардским гвардейским полком (Бегичев — кавалергард), в рядах которого числилось 24 декабриста.

Грибоедов сам был живым элементом в среде этой молодежи. Его волновали идеи времени.

«В Европе, даже и в тех народах, которые *еще не добились себе конституции*, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому», — записал Грибоедов в своем путевом дневнике 1819 г. Ясно, что Грибоедов уже в то время был убежден, что конституции *добывают себе народы* и что добывать конституцию — историческая закономерность: одни народы уже добыли ее, другие *еще нет*, т. е. когда-то добудут. Это типично декабристский круг идей. Именно тут, в декабристской среде, Грибоедов имел особенно легкую и частую возможность наблюдать основную коллизию своего времени — молодого человека, сторонника новых идей, в его столкновениях со старым, крепостническим миром. Коллизия эта, обобщенная в образе Чацкого и во всей ситуации «Горя от ума», наблюдалась в те годы Грибоедовым в разнообразных конкретных формах и в разпой обстановке, да и сам он, наверно, не раз попадал в аналогичные положения.

Для «Горя от ума» второй период жизни длится уже второе столетие. Пожелаем ему и следующих веков. Оба периода в жизни знаменитой комедии имеют свои особенности. Остановимся на одной из них: она встречается не так часто.

Особенность эта — очень раннее появление друга-читателя в жизни произведения. Друг-читатель в данном случае наделен силой *хранителя* творческого процесса автора, а также силой *ускорителя* его. Он не дает творчеству замереть, он могущественно содействует его дальнейшему движению.

По свидетельству лучшего друга Грибоедова — Степана Никитича Бегичева, «Горе от ума» было задумано в 1816 г., автор читал ему первые отрывки пьесы. Замысел этот долго вызревал, возникали герои, позже отброшенные автором (жена Фамусова), и наконец с 1820 г. работа вступила в период значительного оживления. На Востоке (по-видимому, более всего в Грузии, в Тифлисе) Грибоедов написал первые два акта комедии, позже несколько переделанные, а, вернувшись на родину, в 1823—1825 гг. закончил «Горе от ума» (последние авторские штрихи он наносил на текст еще в первой половине 1825 г.).

Мы, к сожалению, мало знаем о С. Н. Бегичеве, тем досаднее, что есть одна серьезная дата в его жизни, интересующая нас: в 1817 г., т. е., очевидно, на исходе существования Союза Спасения и накануне возникновения Союза Благоденствия, сам Бегичев вступает в тайное общество. Дух времени касается Грибоедова и его друга в самом начале творческой работы. Бегичев горячо сочувствует работе Грибоедова, он слушатель первых набросков пьесы: «Даже написаны были несколько сцен», — свидетельствует Бегичев¹. Тот же друг свидетельствует, что первые, очевидно, уже отработанные действия комедии писались на Востоке, а остальные — «в Ефремовской моей деревне, в селе Дмитровском»².

¹ Вопрос о дате начала работы Грибоедова над «Горем от ума» подробно рассмотрен в моей монографии: *Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы*. 3-е изд. М., 1977, с. 195—207, с. 664, примеч. 260.

Поскольку монография, содержащая большой аппарат ссылок и примечаний, уже трижды издана, в дальнейшем тексте настоящего сборника ссылки не повторяются.

² *Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы*. 3-е изд., с. 200.

В Грузии постоянный слушатель Грибоедова — В. К. Кюхельбекер, которому читается и с которым обсуждается буквально каждая строка пьесы. Может быть названо и много других имен. Грибоедов жаждет этих друзей-слушателей, он свой в их среде; когда они отсутствуют (например, в Иране), он тоскует, что «читать некому», и замедляет работу, она валится у него из рук. Его читатели горячо сочувствуют пьесе и ее герою.

Начав работу в 1816 г. и ведя ее с рядом тяжелых перерывов, Грибоедов, вновь оказавшись в сочувствующей среде, заканчивает «Горе от ума» в 1824—1825 гг. Любопытно, что крайние даты творческого процесса совпадают с годами существования тайного общества декабристов (1816—1825). Точное совпадение в конечном счете случайно, но одинаковые даты в данном случае очень выразительны.

Дружеский круг читателей непрерывно знакомится с текстом пьесы по мере его возникновения, бурно одобряет творимый текст, с нетерпением ждет завершения работы. А оно все не наступает, у Грибоедова возникают перерывы, он все еще не закончил писать. Это тревожит друзей-читателей. Они огорчены замедлением, они всячески торопят его, упрекают, что он стал «музам ленивый служитель». Любопытно, что «лень» Грибоедова — единственное объяснение, которое они давали.

Искренность, эмоциональность этого дружеского натиска вдохновляли Грибоедова. Он сам, как говорится, спал и видел — взяться за работу со всей энергией и поскорее завершить ее. Он даже во сне видел друзей, умоляющих его поторопиться с «Горем от ума».

Он сам записал свой сон, как только проснулся.

Во сне он видит, что пришел на праздничный вечер. Освещенные комнаты, много знакомых. Встречает друга (имя не названо), тот увлекает его к «широкому окну» в длинной боковой комнате, где мало народу. Спрашивает, написал ли Грибоедов обещанное «для нас». Вынуждает признаться, что нет, еще не написал... «отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет...» Друг взволнован, огорчен... говорит:

- Дайте мне обещание, что напишете.
- Что же вам угодно?
- Сами знаете.
- Когда же должно быть готово?
- Через год непременно.

— Обязываюсь.

— Через год, клятву дайте...

И я дал ее с трепетом».

В это мгновение какой-то другой человек, присутствовавший при клятве и которого Грибоедов, «давно слепой, не довидел», произносит слова:

«Лень губит всякий талант».

«Посмотрите, кто здесь», — говорит друг.

Тот поднял голову, ахнул, «бросился мне на шею... дружески меня *душит*... Катенин!.. Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном...»³.

В «Горе от ума» мы имеем почти парадоксальной силы пример, когда функция художественного образа начинает действовать еще тогда, когда текст произведения еще не дописан...

Цензурный запрет, наложенный на «Горе от ума», вызвал крайнее негодование декабристов. И в этой беде Грибоедов не был один — повсюду ему сопутствовали и помогали живым участием его друзья.

Цензурные мытарства Грибоедова описаны в литературе. В июне 1842 г. ему уже стала ясна невозможность пробить цензурные преграды. Но все-таки он не прекращает борьбы за ее опубликование. Последние его попытки относятся к октябрю 1824 г. Грибоедов пишет о них Н. И. Гречу около 20 октября: «Напрасно, брат, все напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощью негодования своего и Одоевского, изорвал в клочки не только эту статью, но даже всякий писанный листок моей руки, который под рукою случился». Как видим, негодование декабриста сливалось с авторским и также не знало границ.

Как же быть с распространением комедии? И тут, еще ранее посещения пензора М. Я. фон-Фока, на выручку приходят друзья. В их числе было немало декабристов, по всем данным, они положили почин переписыванию комедии под диктовку, от руки с рукописи Грибоедова. По-

³ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Пг., 1917, т. 3, с. 144—145. В тексте письма о сле Грибоедов, передавая живой разговор, отделяет текст собеседников, как и принято в прозе, знаком «тире» (—), означающим начало речи каждого из них. В условиях сжатого письма он, по-видимому, не имел места и не мог использовать для начала речи каждый раз красные строки, как это обычно принято сейчас. Я позволила себе внести в цитату живой речи красные строки.— М. Н.

лучалось сразу много копий. Декабрист Д. И. Завалишин свидетельствует, что «литературные деятели» (по контексту видно, что речь идет о К. Ф. Рылееве, А. А. Бестужеве и самом Грибоедове) «захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова „Горе от ума“, не надеясь никаким образом на дозволение напечатать ее. Несколько дней сряду собирались у Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтобы в несколько рук списывать комедию под диктовку»⁴. Любопытно, что этот факт остался неизвестен следствию: его не выдал на допросах никто.

Декабристы признали «Горе от ума» «своим», сделали пьесу агитатором за свое дело. На квартире Одоевского переписка под диктовку в несколько рук шла с подлинной рукописи Грибоедова. Возникало даже дружеское «сотворчество». Грибоедов сам был при диктовке, просил делать ему замечания, учитывал их, работал над большим приближением языка комедии к разговорному.

Рукописи возникали повсюду, расходились по России. Может быть, из того же гнезда получил свой экземпляр И. И. Пущин, поехавший в Михайловское к А. С. Пушкину. Рукопись «Горя от ума» была ему подарком. Многие экземпляры из разных точек копирования уходили в Москву, в Казань и во много других городов. Современники считали, что по России разошлись сотни экземпляров, некоторые говорили и о тысячах.

Таким образом совершилось замечательное дело — Россия узнала «Горе от ума» сначала без помощи печатного станка... Так великая комедия «вышла в свет»...

Открыто о сценических постановках, казалось, и думать нельзя. Но все-таки воспитанники Театральной школы в Петербурге решили поставить пьесу. Представление было назначено на 18 мая 1825 г., но вмешательство генерал-губернатора наложило запрет. И все-таки на репетициях пьесы побывал Грибоедов, опять вместе с декабристами (с А. А. Бестужевым и В. К. Кюхельбекером). Молодой П. А. Каратыгин (игравший тут роль Репетилова) помнил эту встречу и свидетельствовал, что автор и его товарищи «похваливали молодых актеров»...

⁴ Завалишин Д. И. Записки декабриста. 2-е рус. изд. СПб., [1910], с. 100; Он же. Воспоминания о Грибоедове. — В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 132.

Почему же так настойчиво требовали молодые читатели завершения «Горя от ума»?

Потому что оно было им *очень нужно*. Его вызывала к жизни эпоха. Пьеса была как бы их реальной жизнью и требовала своего воплощения. «Горе от ума» порождено требованием жизни с такой выразительностью и яркостью, как редко какая пьеса.

Здесь можно бы поставить точку. Но хочется идти дальше и опять спросить:

А почему же все-таки жизнь требовала своего воплощения в художественном образе? Почему человек не мог без этого обойтись?

Действительно, почему нужно было Грибоедову и его друзьям воплощение чего-то важного, главного в их жизни в художественном образе?

Почему друзья Грибоедова — декабристы и близкие к ним люди — так бурно и настойчиво хотели, чтобы комедия была поскорее написана? И напоминали, и теребили, и упрекали *автора*, корили за промедление, за «лень», даже «сроки» назначали? И даже во сне Грибоедов давал им клятву, что через год закончит «Горе от ума»! Еще если бы речь шла о создании программы тайного общества или о философском трактате без всяких образов, тогда с деловой точки зрения их можно было бы понять. А то речь шла всего-навсего о молодом, влюбленном в девушку герое, пошумевшем на балу в одном обычном дворянском доме! И уехал он с бала не стрелять на Сенатской площади, а поискать по свету, где найдется «уголок» для его оскорбленного чувства... Только-то! А сколько шума...

Да, друзья Грибоедова просили, умоляли, корили, требовали, брали клятвы, ставили сроки, потому что «Горе от ума» было им *очень нужно*. Нужно — и все тут.

Помилуйте! Для чего же нужно? Просто почитать? Посмеяться? Полиcedeйствовать в дружеском кружке? Поругать цензуру, зарезавшую пьесу и воспрепятствовавшую выходу полного текста в свет?

Да, конечно, и для всего этого. Но не только для этого. И не в этом суть.

Что же лежало в основе такого бурного натиска на автора?

Увы, все мы еще очень недостаточно знаем, зачем че-

ловеку пужно художественное произведение. А жить без него не можем.

Не в том ли дело, что талантливое художественное произведение всегда доводит до читателя в яркой форме не только свое *понимание* действительности, но и *утверждение* его. Оно с неведомой силой показывает *правоту* своего понимания. Так показать *правоту* дела не может больше никто. Друзья Грибоедова хотели завоевать эту правоту и доказать ее. Утвердить ее непоколебимой правдой художественного произведения. Оно было для них не только радостью, наслаждением, но и *утверждением* своей истины. Они показывали этим могущественным способом верность своего понимания действительности. Правдивый и талантливый художественный образ скликал единомышленников. Друзьям Грибоедова очень *нужно* было «Горе от ума», наполнявшее их уверенностью в правоте своей борьбы. Конечно, это не все. Но в этом — большая сила истинного самоутверждения.

«Горе от ума» доказывало правоту молодого поколения новаторов в борьбе против старого мира. Хотя нет, эта формулировка еще не вполне точна. Справедливость своих убеждений, мыслей, понимания жизни молодежь грибоедовского поколения *доказывала* множеством логических руссуждений и умела это делать превосходно и с большой эрудицией.

Но «Горе от ума» не только доказывало, оно *показывало*.

Оно показывало жизнь, предоставляя зрителю возможность *самому думать*. Самому вводить логику доказательств. Оно предоставляло ему полную свободу обдумывать жизнь самому — спорить, доказывать, возвращаться к вопросу, думать вновь. Шло *движение умов*, и «Горе от ума» принимало в этом активнейшее участие.

5

Обратим внимание на одно существенное обстоятельство, относящееся к психологии творчества Грибоедова, к самому рождению комедии. Периоду творческого оживления работы над «Горем от ума» (1820 г.) предшествует, а затем этой работе сопутствует сосредоточенный поток мыслей и образов, в сознании Грибоедова объединенный темой *исторического движения человечества*. Уехав из Петербурга на Восток в августе 1818 г. и уже неся в себе

неоформленный замысел «Горя от ума», Грибоедов воспринимает яркие впечатления Кавказа и Ирана. Эти впечатления влекут за собою исторические ассоциации. Скопище «Кавказских громад», на которые, по словам Ломоносова, «Россия локтем возлегла» (Грибоедов вспоминает эти слова), будят в Грибоедове мысли об античной древности, о старейших мифах человечества: «Отъезд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей», — записывает Грибоедов в путевых заметках 1818 г. «Округ меня неплодные скалы, пад головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя», — вновь возникает у него тот же образ в письме к издателю «Сына Отечества» в январе 1819 г. Древнейшие библейские образы осмыслены Грибоедовым как исторические, поняты им как начало жизни человечества. «А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, славой и любовью награждался в обширном своем семействе. С тех пор как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива дотудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами», — записывает Грибоедов 2 февраля 1819 г. Он остро, художнически перевоплощается в эти древние исторические образы: «Равниной едем до ущелья. Земля везде оголилась... Около горы сворачиваем вправо до Гаргар. Разнообразные группы моего племени, я — Авраам». Еще пример личного чувства, перевоплощения в образы страны: «В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлетел и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял, подобно Грееву барду, не доставало только бороды» (1819 г.).

Ощущение античности облекает у Грибоедова и возникающие ритмические состояния: «Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих: „Du centre des déserts de l'antique Arménie“», — помечено в «Путевых записках» 1819 г. Фантазия художника сталкивает античные образы с образами современности: «Мне пришло в голову, что кабы воскресить древних Спартанцев и послать к ним одного нынешнего персиянина велеречивого, — как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили?» (1819 г.).

Иран со всей остротой воскрешает образы Древней

Руси, и мысль от античности переходит к русскому прошлому Дмитрия Самозванца и царя Михаила Федоровича. И опять действительность осознается через острое художественное личное перевоплощение: «Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараши — его домочадцами, сам я — Олеарий. Крепкие напитки, сырые овощи и блюда с сахарными брашнами — все это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человек, который хотя и называется Англичанином, а право, нельзя ручаться, из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем, — я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитрии, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство». Картины древнего угнетения и бесправия населения идут в том же плане восприятий: «Рваные уши и батоги при мне», — записывает Грибоедов (1819 г.), употребляя древнерусский термин «батоги» для иранских палок.

«Рабы, мой любезный!.. Недавно одного областного начальника, невзирая на его 30-летнюю службу, седую голову и алкоран в руках, били по пятам, разумеется, без суда...»

В феврале 1820 г. Грибоедов пишет П. А. Катенину из Тавриза, вспоминая весну прошедшего 1819 г.: «Весною мы прибыли в Тейран... Жар выгнал нас в поле, на летнее кочевье, в Султанейскую равнину, с Шааен-Шаа, Царем-Царей и его Двором. Ах! Царь Государь! Не по длинной бороде, а в прочем во всем точь-в-точь Ломоносова Государыня Елисавет, Дщерь Петрова. Да вообще что за люди вокруг его! что за правы! Когда-нибудь от меня услышишь, коли не прочтешь... Начать их обрисовывать, хоть слегка, завело бы слишком далеко: в год чего не насмотришься!». Персия воспринималась как сгусток крепостничества, от этого вывода путь лежал к мыслям о России. Иранская обстановка напоминала русское средневековье. Он жил как бы в сгущенном прошлом своей страны, был отброшен в это крепостное прошлое, против которого в настоящем уже был пробужден его протест.

Наблюдение над упомянутой выше расправой, когда областного начальника, невзирая на его 30-летнюю службу и седую голову, били по пятам, «разумеется, без суда», непосредственно предшествует уже цитированной ранее мысли: «В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который всегда наряжают». Раздумье над деспотическим правлением рождалось в потоке мыслей о закономерной исторической смене одного социального строя другим: «в деспотическом правлении старшие всех подлее» (1819 г.).

Вдумаемся в тот политический и социальный критерий, который отбирает явления из массы льющихся в сознание новых впечатлений и дает им оценку. Это критерий передового человека своего времени, осуждающего деспотизм, критерий сторонника конституционного устройства страны, *добываемого* народами.

Деспотизм — постоянная тема размышлений Грибоедова: «И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглер-бега и каймакама, и таким образом выше и выше». «Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок».

Пользуясь тем же передовым критерием, Грибоедов давал оценку нравам и отношению к достоинству человека: будущий автор образа Максима Петровича, который сгибался вперегиб, когда надо было подслужиться, записывал в путевом дневнике наблюдения над «велеречивым персиянином»: «В Европе, которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно!» (1819 г.).

Эта, работающая над *историческим* осмыслением виденного, передовая мысль находит неожиданные критерии сравнения из жизни широкого мирового круга других стран. Грибоедов никогда не был в Америке, но у него, художника, было отчетливое *зрительное* представление об этой стране, достигнутое воображением; спускаясь к Арагве, Грибоедов отмечает «неожиданно веселую» картину: «Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз,... иные дики, как в *американских плантациях*».

Течение времени в веках, осознание исторического движения, поступательного хода исторического процесса были острейшими впечатлениями Востока. Это был именно целый поток мыслей, постоянное их сосредоточение на этих вопросах накануне творческой вспышки и оживления работы над «Горем от ума». Грибоедов прочно был включен в русло *исторического* размышления и сравнения, а русло это вело к еще более острому, чем раньше, осознанию крепостничества как *преходящей* исторической формы.

Таким образом среда высоких мыслей о положении родины, о течении мировой истории, о *развитии* социального, политического строя и культуры человечества была как бы питательной средой идей, окружавших замысел «Горя от ума». Постоянное сравнение виденного с Россией, соотнесение с ней новых наблюдений — эта особая подспудная работа сознания имеет несомненное отношение к творческому разгару 1820 г. В этом свете понятно, как обостренно и художественно-отчетливо стала восприниматься уже ранее наблюденная и положенная в основу замысла комедии коллизия — столкновение двух миров: старого — крепостнического, с новым, молодым — антикрепостническим.

6

Но изложенные выше соображения, конечно, не исчерпывают сложности той, условно говоря, питательной среды, в которой жил и развивался замысел «Горя от ума». Вдумываясь во всю совокупность обстоятельств жизни Грибоедова на Востоке в период оживления творчества над комедией, отметим важнейшую особенность времени, которую никак нельзя не учитывать, изучая обстоятельства рождения «Горя от ума». В Европе разворачиваются потрясающие народы события: европейская революционная ситуация 1818—1819 г., накануне которой и зародился у Грибоедова замысел «Горя от ума», переходит в революцию в том же 1820 г., в конце которого Грибоедов переживает яркую вспышку творчества. Революционные события в Испании, в Неаполе, в Португалии, а затем в 1821 г. в Пьемонте и Греции сотрясают Европу.

Доходит ли их отзвук до далекой Грузии? Может быть, она, столь отдаленная от театра европейских событий, вообще ничего не знала о происходящем в Европе или,

узнав после долгого времени, реагировала на события равнодушно и вяло? Фактические данные, частью почерпнутые из архивных источников, рисуют иную картину. То *историческое движение*, о котором так глубоко думал Грибоедов по пути на Восток и в первые годы своего там пребывания, вновь с огромной силой входит в его сознание уже в форме современных ему европейских событий. «Век нынешний» и «век минувший» во всем контрасте своего противостояния еще и еще раз предстают перед ним. А окружающая его в Грузии среда людей вновь охватывает его атмосферой идейного кипения, обмена мыслей о том же столкновении «века нынешнего» с «веком минувшим».

Грузия 1818—1823 гг., и прежде всего культурный центр страны — Тифлис, была в курсе европейских дел, и оживленный людской коллектив, в среде которого постоянно пребывал Грибоедов, волновался вестями с Запада и глубоко переживал их.

В центре этого человеческого коллектива высилась монументальная фигура А. П. Ермолова, «проконсула Кавказа» и, как говорит Грибоедов, «сфинкса новейших времен», старого вольнодумца еще екатерининской поры, суворовского ученика, участника антипрусского противоправительственного течения в армии при Павле I, издавшего в его же царствование Алексеевский равелин Петропавловской крепости, лишение чинов, ссылку. Грибоедов сразу влюбился в Ермолова, по собственному выражению, «пристал к нему вроде тени». Около Ермолова группировалась многочисленная и разнообразная по возрасту (хотя молодежь явно преобладала) группа единомышленников и приверженцев, которых душевный друг Грибоедова В. К. Кюхельбекер тепло объединил в одном слове — «ермоловцы». Он поставил «ермоловцев» в один ряд с самыми дорогими его сердцу воспоминаниями — с «лицейскими» (так называли себя лицеисты), самыми близкими друзьями. Позже в стихотворении на смерть декабриста А. И. Якубовича Кюхельбекер писал:

Лицейские, ермоловцы, поэты,
Товарищи! Вас подлинно ли нет?
А были же когда-то вы согреты
Такой живою жизнью...

Широкое содружество «ермоловцев» было объединено принципами свободолюбия и общими политическими на-

строениями. В числе «ермоловцев» — адъютанты Ермолова Н. П. Воейков и И. Д. Талызин (первый из которых был арестован по делу декабристов), Д. О. Бебутов, А. А. Вельяминов и др. Из декабристов, которые прошли через пребывание у Ермолова на Кавказе до декабрьских событий, надо указать на П. Г. Каховского, А. И. Якубовича, В. К. Кюхельбекера, П. Х. Граббе, М. А. Фонвизина, Г. И. Копылова, братьев Александра и Николая Раевских. К этому надо добавить, что Кавказ, по выражению Александра I, вообще был «теплой Сибирью», куда ссылались неблагонадежные элементы, большое их скопление было в корпусе Ермолова. К «ермоловцам» тесно примыкал ряд передовых грузин, из которых Д. О. Бебутов уже назван выше; сюда же надо добавить Е. О. Палавандова, а будущего тестя Грибоедова, замечательного грузинского поэта Александра Герсевановича Чавчавадзе надо отметить особо. Тесть, кстати сказать, был старше зятя всего лет на восемь (А. Г. Чавчавадзе родился в 1787 г.); между ним и Грибоедовым, в сущности, не было разницы поколений. А. Г. Чавчавадзе принимал участие в кампании 1812 г. и заграничных походах, побывал вместе с русской армией в Париже и вернулся в Россию в составе того же самого лейб-гвардии гусарского полка, где служили П. Я. Чаадаев, Н. Н. Раевский, П. П. Каверин.

Что особенно интересно, на Кавказе в грибоедовское время были люди, оказавшиеся живою связью с революционными событиями Запада. Николай Николаевич Квартано, сын русского консула в Испании, отпросился за границу навестить отца, там присоединился к революционному отряду генерала Мина, боролся против Фердинанда VII, после победы реакции бежал в Бразилию, потом скитался по Европе, вернулся в Россию, был разжалован и попал в ссылку на Кавказ, в ряды того же Нижегородского драгунского полка, с которым у Грибоедова через А. И. Якубовича и А. Г. Чавчавадзе были особые прочные связи. Особенно примечательна фигура испанского революционера дона Хуана Ван-Галена, личного друга Антонио Квируги. Ван-Гален бежал из инквизиционной тюрьмы Мадрида и в конце концов оказался в грибоедовское время офицером Нижегородского драгунского полка и другом декабриста А. И. Якубовича. Ван-Гален довольно длительное время проживал в Тифлисе одновременно с Грибоедовым. Сюда, на Кавказ, к Ван-

Галену приходили письма от революционных друзей, в частности от уже упомянутого генерала Мина. Узнав о победе революции в Испании, Ван-Гален уехал на родину и позже поддерживал переписку с друзьями в Тифлисе. Ван-Галену принадлежит интересный рассказ о дуэли Грибоедова с Якубовичем.

Но самым непосредственным вестником исторического движения времени, информатором о политических событиях Запада, конечно, был для Грибоедова Кюхельбекер, попавший в «теплую Сибирь» после своего путешествия по революционной Европе и спасенный Ермоловым от многих бед, ему грозивших. В. К. Кюхельбекер побывал в Германии, обсуждавшей только что совершившееся убийство доносчика Коцебу и чтившей память его убийцы Занда; он посетил Ниццу во время Пьемонтской революции и значительное время провел в Париже, где читал лекции по русской литературе, вызвавшие недовольство царского правительства.

Отметим вместе с тем, что газеты и новые книги постоянно приходили в Тифлис, в частности получали и иностранную прессу. Ермолов обладал богатой библиотекой, пользование которой он широко разрешал всем желающим. «Библиотека его была отборная, особенно что касается до военного дела, до политики и вообще новой истории. Он выписывал и получал тотчас все примечательное, преимущественно на французском языке. Значительная часть книг испещрена его примечаниями на полях», — пишет его биограф М. П. Погодин. Переписка с издателями новых книг сохранилась в его архиве. По инициативе Ермолова в Тифлисе открылся офицерский клуб с богатой библиотекой, которая выписывала не только русские, но и иностранные газеты (например, «Constitutionnel» — обычный источник информации о западноевропейских делах и для передовой молодежи Петербурга). Сохранилось письмо Р. И. Ховена к В. К. Кюхельбекеру, где сообщается о подписке на «Мнемозину» на 1824 г.: для «себя», т. е. для библиотеки и знакомых, выписано 10 экземпляров, 50 экземпляров выписано в полках и 13 — среди гражданских чиновников. Число по тем временам немалое — 73 экземпляра журнала только для Кавказского корпуса и Тифлиса. Это время несколько более позднее, нежели интересующее нас в данный момент, но линия тут проявлена та же, что и раньше.

Такова самая краткая характеристика той среды, которая окружала Грибоедова в годы работы над первыми двумя актами комедии⁵.

7

Историческое движение пронизывает «Горе от ума». Оно дано в самой основе замысла — в коллизии двух миров, в столкновении двух лагерей. В. Кюхельбекер, почти что в присутствии которого писал Грибоедов в Грузии «Горе от ума» и которому первому читал он написанное, глубоко объясняет композицию комедии: «В „Горе от ума“, точно, вся завязка состоит из противоположности Чацкого прочим лицам... Дан Чацкий — даны прочие характеры, они сведены вместе и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов — и только», — пишет В. К. Кюхельбекер. Есть основания думать, что Грибоедов не раз делился с ним мыслями и о композиции пьесы, может быть, эти слова друга доносят до нас и мнение самого автора (ср. письмо Грибоедова к Катенину от января 1825 г.).

Антагонизм двух лагерей и есть первый двигатель всего движения. Действующие лица пьесы отчетливо делятся на два лагеря. Молодой новатор стоит против лагеря старого мира, против защитников косности и отжившей старины и вызывает их на бой. За спиной героя, который один против многих — таков замысел пьесы — вышел на борьбу с крепостническим миром, чувствуется немало сторонников. Это не только князь Федор, племянник княгини Тугоуховской, который «чинов не хочет знать» и «в деревне книги стал читать», не только двоюродный брат Скалозуба, который «службу вдруг оставил», хотя ему следовал чин, но и множество упоминаемых и подразумеваемых лиц, которые уже давно тревожат лагерь Фамусовых и Скалозубов: тут и профессора Педагогического института, которые «упражняются в расколах и безверьи», и преподаватели лицеев и школ, и сторонники «ланкарточных взаимных обучений», и самое многочисленное число в восклицаниях Фамусова: «Все умудрились не по летам!», «Вот то-то, все вы гордецы!» и др.

⁵ В монографии разбор этой темы дан гораздо подробнее: тут он приведен в самом сокращенном виде.

В любой пьесе для обеспечения действия нужно не менее двух лагерей. Эти лагеря очень часто создаются воображением художника и вытекают лишь из его фантазии, из законного вымысла, даются авторским творчеством. Автор вправе «придумать» любое количество противостоящих и сталкивающихся групп. В пьесе Грибоедова и Катенина «Студент» также имеются два лагеря, делящиеся по признаку: один лагерь хочет, чтобы Варенька вышла замуж за Полюбина, другой — против этого. Но замечательной особенностью «Горя от ума» является то, что его лагеря не придуманы, а взяты из действительной жизни, имеют историческую реальность и значение. Пьеса родилась из глубочайшего осознания действительности.

Особое историческое качество этих лагерей состояло в том, что они были всемирно-историческим явлением. К моменту европейской революционной ситуации 1818—1819 гг. они создались в ряде европейских стран. Они стали образовываться ранее, нежели Грибоедов задумал «Горе от ума», и продолжали развиваться, стягивая общественные силы к двум полюсам, позже того, как комедия была написана. Грибоедов словом художника воссоздал схваченное им из жизни явление в процессе его развития. Он выделил как важное и основное именно то, что было основным и важным в реальной жизни и имело богатую судьбу дальнейшего развития. Этот выбор явления и есть один из признаков высокохудожественного творчества.

Как же образовались и проявились эти лагеря в реальной русской жизни и как были они осознаны современниками?

В России эпохи декабристов не создалось революционной ситуации, и в революцию она не перешла. В этом глубокая подоснова неудачи 14 декабря. Однако в России того времени были налицо те исторические процессы, которые готовят создание этой ситуации, и шли эти процессы в направлении к ее возникновению, убыстряясь и усиливаясь в своем развитии. Можно сказать, что революционная ситуация в России времен декабристов создавалась, но не создавалась. Она не вызрела, не завершилась, хотя и была в процессе становления.

Исходным моментом образования двух лагерей исторической жизни европейских стран явился в изучаемую эпоху период наполеоновских войн. Во время военных

действий против Наполеона *направление удара*, наносимого Наполеону народным движением и европейскими правительствами, было общим: внешне это совпадение могло быть принято за одну общую цель у народов и правительств — свергнуть иго Наполеона. Это совпадение скрадывало внешнее проявление различий. К одной цели были направлены военные действия союзных правительств: свалить Наполеона хотел и Александр I, и Веллингтон, и Блюхер, и Аракчеев, и Фридрих-Вильгельм прусский, и австрийский император, и жадно насторожившиеся по ту сторону Ламапша Бурбоны — гости английского правительства. Этого же — свержения Наполеона — хотели народные массы России, выгнавшие захватчика со своей родной земли в 1812 г. и давшие сигнал народам Европы начать борьбу за свое освобождение. Этого же хотели народные массы Испании, Италии, Пруссии, Австрии... Однако ближайшая общая цель не означала единства целей конечных: удар правительствами и удар народами наносился во имя *разных* конечных целей. Правительства воевали во имя восстановления старого и укрепления старого — народы шли в борьбу под лозунгами завоевания *нового*. Правительства боролись против Наполеона как против узурпатора «законных престолов» — народы шли на борьбу против тирана и угнетателя. «Вольнолюбивые видели в нем тирана, истребителя свободы, царелюбцы называли его хищником престола», — метко заметил Ф. Ф. Вигель. Сохранить феодально-крепостные устои, вернуть на престолы законных королей, укрепить господство дворянства и основать этот застой на дележе богатого наполеоновского наследства, напивавшись кровью народов, — такова была основная цель правительств. Свергнуть феодально-крепостное иго, ликвидировать абсолютистскую форму верховной власти, добыть себе купленную кровью политическую свободу, идти вперед по линии молодого, нового, прогрессивного строя, а не гнить в старой феодальной колее — таковы были цели народов. Правительства демагогически пользовались народными настроениями, и воззвания правительств, пока шла борьба, походили на революционные прокламации.

Русский Сенат даже запроектировал было медаль в память 1812 г. с надписью «Зарево Москвы освятило свободу и независимость», да, по-видимому, вовремя спохватился.

Наконец Наполеон был свергнут, цели разъяснились, народы увидели, что они обмануты правительствами. Отсюда растет конкретный процесс борьбы правительств и народов, на котором и воспитывались декабристы. Они остро и отчетливо сознавали его. «Скоро цель конгрессов открылась, скоро увидели народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали об удержании власти неограниченной, о поддержании распатавшихся тронов своих, о погублении последней искры свободы и просвещения. Оскорбленные народы потребовали обещанного, им принадлежащего,— и цепи и темницы стали их достоянием. Цари преступили клятвы свои...»,— писал декабрист П. Г. Каховский в письме к Николаю I.

Процесс был так отчетлив, что его прекрасно сознавали и люди другого лагеря. Ф. Ф. Вигель пишет, что после Венского конгресса началась «постоянная борьба народа с правительством», а Н. И. Греч, возвращавшийся тогда в декабристских кругах, писал, что после 1815 г. «не в одной России — во всех государствах Европы народ был разочарован и обманут. Тонули — топор сулили, вытаскивали — топорница жаль. Низвержение преобладания Наполеонова произошло при восклицаниях „Да здравствует независимость, свобода, благоденствие народов, владычество законов!“ Венский конгресс показал, что о народах и правах их никто не заботится».

Декабристы с замечательной ясностью понимали, что и русский народ не исключение, что и он обманут. Он боролся за родину, которая могла дать ему освобождение, он надеялся на это освобождение от крепостного права. «Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа»,— говорили вернувшиеся из похода русские солдаты. Эти слова записаны декабристом. Народ не хотел жить по-старому; об этом говорили учащающиеся крестьянские волнения, восстания в армии, что было *новым* для Александра I. Об этом говорили донские волнения 1820 г., волнения в военных поселениях. Тот русский ополченец, который был задуман Грибоедовым в пьесе «1812 год», тоже не хотел жить по-старому: он боролся за Отечество, надеясь на освобождение от крепостного гнета, но вынужден был вернуться на родину «под палки господина» и кончил жизнь самоубийством.

Правительство в России уже начало сознавать, что оно *не может* управлять по-старому. Сознвая надвигаю-

щуюся опасность, оно резко усиливает свою борьбу с нарастанием нового, усугубляет реакционную политику и в то же время мечется среди проектов реформ. Александр I, поддерживая А. А. Аракчеева, одновременно поручает Н. Н. Новосильцеву написать проект конституции: он сознаёт, что правительство *не может* управлять по-старому. Еще накануне 1812 г. Н. М. Карамзин убеждал царя, что полное спасение — в сохранении старого, что Россия может и должна жить, как при Екатерине, и что нет программы «преобразований» лучше, чем 50 хороших губернаторов; Карамзин уверял, что полное и неограниченное самодержавие — «палладиум России». Однако самодержец после 1812 г. видит объективную невозможность отстоять старое: она проистекает не от качеств его характера, не от степени его европейского образования и не от влияния воспитателя Лагарпа, эта невозможность рождается российской действительностью. Ее вызывает к жизни объективный ход развития России. И если реформы суть побочные продукты революционной борьбы, то проекты реформ тоже не могут быть ничем иным, как побочным продуктом того же процесса, только продуктом более незрелым, зеленым, недоразвившимся. Генезис их один. Они также результат объективно складывающегося процесса, независимого от воли отдельных людей.

Сознание близости надвигающегося кризиса возникает у самих представителей государственной власти; это также доказательство невозможности управлять по-старому. Сенатор П. Г. Дивов, первый советник иностранных дел, помощник гр. К. В. Нессельроде, так характеризовал общее состояние управления страной в ноябре 1825 г.: «Если проследить все события этого царствования, то мы увидим полное расстройство внутреннего управления... мы увидим, что во всех отраслях управления накопился огромный горючий материал, который может каждую минуту вспыхнуть. Исаакиевский собор в его нынешнем состоянии разрушения является верным подобием правительства. Его испортили потому, что хотели построить на старом фундаменте новый собор из массы нового материала и в то же время сохранить ничтожную часть старого мраморного здания... Точно так же обстоит дело и с государственными делами: нет твердого плана, все делается в виде опыта на пробу, все двигаются ощупью...». Секретарь имп. Марии Федоровны Н. М. Лонгинов в переписке с С. Р. Воронцовым полагал: «В порядке ве-

щей, что рано или поздно Россия не избегнет революции, так как вся Европа прошла через это. Пожар начнется у нас с этих пресловутых военных поселений, даже в настоящее время достаточно одной искры, чтобы все запылало». Близкий к русским правительственным кругам Жозеф де-Местр, посланник при русском дворе от лишнего владений Сардинского короля, приходил к выводу, что перед Россией стоят только две возможности: рабство или революция.

История классовой борьбы показывает, что в периоды революционной подготовки враждующие классы все отчетливее стягиваются к двум полюсам — к будущему лагерю революционного действия и к лагерю борьбы с революцией. Этот процесс мы можем наблюдать в ряде европейских стран.

Дальнейший ход событий показал, что в России того времени революционная ситуация еще не вызрела, революционный класс не оформился, массовые революционные действия оказались невозможными. Страшно далекие от народа декабристы, представители дворянской революционности, не имели нужной силы. Однако «лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ». «Но их дело не пропало»⁶.

Отсутствие революционной буржуазии в России — одна из существенных особенностей ее революционного движения. Не буржуазия, а дворяне-революционеры выступают в ее истории как деятели буржуазно-революционного переустройства страны, борцы против самодержавия и крепостного права. Происходит выделение из дворянской среды дворян-революционеров, идейная поляризация дворянства. На одном полюсе — сторонники борьбы со всем отжившим в социальном и политическом строе, сторонники боя за новое, за движение страны вперед. На другом полюсе группируются и консолидируются защитники старого. Грибоедов не выдумал двух лагерей, не изобрел их в своей поэтической фантазии, он увидел их в жизни, переработал в творческом сознании и, как защитник нового, воссоздал в комедии жизнь.

Таким образом, самый факт нарастающей дифференциации двух лагерей оказывается проявлением предпосылок революционной ситуации. С этой точки зрения «Горе от ума» отразило всемирно-исторический процесс. Вместе с

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 398; т. 21, с. 261.

тем оно художественно отобразило это всемирно-историческое явление в его своеобразной *русской* форме — идейной поляризации русского дворянства, формировании русского дворянско-революционного лагеря. Комедия дает этот процесс в его многообразии и глубине, отразив его в основном на рубеже 20-х годов XIX в., когда и наблюдал его Грибоедов. Герой действует более всего словом, такова и была в тот момент тактика ведущей организации передового лагеря — Союза Благоденствия. В. И. Ленин называл декабристов людьми, осуществляющими «руководство политическим движением» своего времени. Он писал о 1825 г.: «Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам»⁷.

А. С. Грибоедов, как мы видели, был кровно, теснейшим образом связан с этой средой и в идейном отношении.

8

Исторические документы декабристского времени многократно констатировали факт образования двух лагерей, лежащий в основе комедии Грибоедова. Один из ярких примеров имеется в архиве «Зеленой лампы» — побочной управы Союза Благоденствия: Грибоедов был в Иране, и работа над комедией еще не вступила в период творческого оживления, когда на заседаниях «Зеленой лампы» читался любопытный документ — «Письмо к другу в Германию», посвященное петербургскому «обществу»:

«Мой дорогой друг!

Вы спрашиваете у меня некоторые подробности о петербургском обществе. Я удовлетворю Вас с тем большим удовольствием, что лишен всякого авторского самолюбия и правдивость — единственное достоинство, на которое я претендую.

Посещая свет в этой столице, хотя бы совсем немного, можно заметить, что большой раскол существует тут в высшем классе общества. Первые, которых можно назвать правочерными (погасильцами), — сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые, еретики — защитники иноземных нравов и пионеры либеральных идей. Эти две партии находятся всегда в

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 318.

своего рода войне — кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света...

Все различия и видоизменения, которые чувствуются в тоне и манере здешних домов, могут быть сведены к этому главному различию».

Этот текст — прямой комментарий к «Горю от ума».

Факт возникновения двух лагерей в русском обществе засвидетельствован и в записках Н. И. Греча: «Офицеры делились на две неравные половины. Первые, либералы, состояли из образованных аристократов. Последние были служаки, люди простые и прямые (!), исполняли свою обязанность без всяких требований. Аристократы либеральные занимались тогдашними делами и кознями, особенно политическими, читали новые книги, толковали о конституции, мечтали о благе народа...». Никита Муравьев в рукописи «Мысли об „Истории Государства российского“ Н. М. Карамзина» полагал: «Не мир, но брань вечная должна существовать между злом и благом, добродетельные граждане должны быть в вечном союзе против заблуждений и пороков».

О тех же двух лагерях свидетельствует в своих «Записках» И. Д. Якушкин: «В 1814 году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выходяющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед». В этом замечательном тексте пропасть между двумя лагерями даже образно измерена временем: их разделяет целое столетие. Отсюда, из этого чувства исторического времени, протекшего между лагерями, возникает ироническое название «староверов» и даже «готтентотов», а у Николая Тургенева — «печенегов Английского клоба». Защитники косной старины столь же отдалены от молодого авангарда, как готтентоты или печенеги от настоящего времени. Грибоедов употребляет ту же терминологию. Он пишет С. Н. Бегичеву из Москвы в 1818 г.: «Здесь готтентоты ничему не аплодируют, как будто паперекор петербургским», или: «Ты жалуешься на домашних своих казарменных готтентотов». Декабрист Якушкин пишет: «То, что называлось высшим образованным обществом, большей частью состояло тогда из *староверцев*, для кото-

рых коснуться которого-нибудь из вопросов, нас занимавших, показалось бы ужасным преступлением». Там же у него мы встречаем: «По мнению тех же староверов, ничто не могло быть пагубнее, как приступить к образованию народа». Та же терминология в тексте «Горя от ума»: «Пускай меня объявят старовером...». Позже лагерь староверов и «погасильцев» прямо осознавался декабристами в грибоедовских образах. Якушкин пишет в «Записках»: «На каждом шагу встречались Скалозубы не только в армии, но и в гвардии, для которых было непонятно, что из русского человека возможно выправить годного солдата, не изломав на его спине несколько возов папок».

До восстания 14 декабря возбужденные сторонники нового преувеличивали численность передового лагеря, она стала преуменьшаться после, в эпоху написания ими своих мемуаров. Отголоском первого впечатления является показание Александра Бестужева на следствии: «Едва ли не треть русского дворянства мыслила почти подобно нам, но была нас осторожнее». Но Н. В. Басаргин в своих «Записках» пишет: «Конечно, малое число юных последователей новых идей сравнительно с защитниками старого порядка, между коими находилось, с одной стороны, закоснелое в невежестве большинство, а с другой — люди, предпочитавшие всему личные выгоды и занимавшие высшие должности в государстве, — было почти незаметно». Истиннее, по-видимому, молодые впечатления, очень важен их непосредственный контакт с реальной действительностью: его уже не было в той поре их жизни, когда писались воспоминания.

Молодой возраст Чацкого — историческое отражение факта молодости членов передового лагеря. Там, конечно, встречались и более пожилые люди (примеры — декабристы М. А. Фонвизин, П. П. Пассек). Однако молодость решительно преобладала — самому «старому» основателю Союза Спасения, Александру Муравьеву, было 24 года. Чацкий — сверстник декабристов. Молодой возраст, как черту передового лагеря, подметили, кажется, все мемуаристы эпохи. «Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции? Все тянули песню конституционную», — писал Н. И. Греч, называя, кстати, имя Грибоедова в качестве примера подобного молодого человека и помещая его в следующий ряд имен: Бестужев, Рылеев, Грибоедов. А Греч кое-что знал и понимал в

эпохе! Каясь в тюрьме и «оплакивая» свое вольнодумство, более «старый» по возрасту Матвей Муравьев-Апостол писал: «Первые вольнодумческие и либеральные мысли я получил во время пребывания нашего в Париже в 1814 году. По возвращении нашем в Отечество... видал только молодых людей — самое вредное общество».

Среда передового лагеря была, разумеется, неизмеримо шире, нежели среда членов тайного общества; последние были лишь его авангардом. Декабристы были лишь выразителями мнения передовой России. И. И. Пущин упоминает о том, что они лишь явно говорили между собою «о возможности изменения, желаемого многими втайне». И. Д. Якушкин оставил в «Записках» ряд имен не членов общества, действовавших в духе общества (молодые Н. В. и Е. Г. Левашовы, И. Н. Тютчев): «В это время таких людей... действующих в смысле Тайного общества и сами того не подозревая, было много в России».

Идейная дифференциация начинается в это время поляризовать многие ранее более или менее монолитные организации. Дифференцируется «Арзамас» — на активно-политическое и нейтральное течения. Характерно в этом отношении известное выступление в нем Михаила Орлова. Идет дифференциация в масонстве, отделяется политическое направление от светско-нейтрального, или копсервативно-аристократического. Процесс этот заметен на истории той же ложы «Соединенных друзей», к которой принадлежал Грибоедов: в ней постепенно обозначился раскол, часть членов отделилась, образовав ложу «Трех добродетелей». Процесс этой дифференциации коснулся даже Английского клуба: его членами были и декабристы (Николай Тургенев), и самые заядлые «староверы». «Ну, что ваш батюшка? Все Английского клуба старинный, верный член до гроба?» — спрашивает Чацкий Софью. А в третьем действии взволнованно восклицает: «Потом, подумайте, член Английского клуба, я там дни целые пожертвую молве про ум Молчалина, про душу Скалозуба». И Чацкий и Фамусов — члены Английского клуба.

Более того, дифференциация двух лагерей дошла до быта, до повседневности. За ней не надо ездить на квартиру к Никите Муравьеву или выискивать ее на сборищах у декабриста Ф. Н. Глинки. Нет, она в то время, в сущности, всюду, так глубоко захвачено ею дворянское общество. Топчайшая художественная черта «Горя от ума» —

именно в том, что общество делится на два лагеря, собственно, в первой попавшейся и самой обыкновенной дворянской гостиной. Никаких особых сборищ нет в доме Фамусова, это рядовой барский дом. Чацкий приезжает туда не сражаться со «староверами», а на свидание с любимой девушкой. И, приехав совсем для другого, он немедленно выявляет собою деление общества на два лагеря и бросается в борьбу.

Два лагеря стоят друг против друга *сознательно!* Это очень важно. Чуть заговорил по-настоящему Чацкий с Фамусовым, последний сейчас же нашел нужные обобщения и квалификации, с предельной ясностью определяющие, с точки зрения старого барина, позицию Чацкого: «Ах! Боже мой! он карбонарий!», «Опасный человек!», «Он вольность хочет проповедать!» Все эти категории отлично известны Фамусову, он не ищет их, не колеблется в определениях, он не раз, очевидно, оперировал ими, раз нашел их с такою легкостью. Даже княгиня Тугоуховская, мать шести княжен, немедленно находит для Чацкого определение: «Я думаю, он просто якобинец», — и полагает, что его «давно бы запретить пора». И даже глухая графиня-бабушка с беднейшим запасом слов и та, недослышав, все же что-то улавливает и вытаскивает нужное слово из арсенала пугающих ее понятий: «Ах, окаянный вольтерьянец!».

После всего сказанного выше ясны теснейшие связи, которые соединяют рождение пьесы в творческом *сознании* Грибоедова с бытием, его окружавшим. Грибоедов положил в основу пьесы не только важнейшее явление времени, не только существеннейший процесс в истории своей родины в годы своей жизни, он взял явление в его развитии и художественно обобщил и воссоздал его тогда, когда оно, возникнув не так уж задолго до этого, было полно потенций дальнейшего движения.

В 1811 г. двух лагерей в интересующей нас форме еще не было. И. Д. Якушкин вспоминает офицерство как более или менее однородную дворянскую среду — пили, курили, играли в карты. Лишь после 1812 г. и освобождения Европы появляются отчетливые признаки ясного формирования двух лагерей — офицерские «артели», серьезное времяпрепровождение, чтение газет, обсуждение политических новостей. Реакционер Ф. Ф. Вигель, привыкший к «свету» и дворянской среде еще до 1816 г., был поражен происшедшими переменами; вот его впечат-

ления 1816 г.: «Трудно мне изобразить, каким неприятным образом был я изумлен, оглушен новым, непонятным сперва для меня языком, которым всё вокруг меня заговорило. Молодость всегда легковерна и великодушна и первая вспыхнула от прикосновения электрического слова. Довольно скромно позволял я себе входить в суждения с молодыми воинами: куды тебе! Названия запоздалого, старовера, гасильника так и посыпались на меня и, никем не поддержанный, я умолк».

Вот один из доносов на передовой лагерь. Доносчик пишет: «Поселившись в Петербурге сперва для окончания процесса, а после по литературе, я в 1819 году уже имел обширный круг знакомства, составленный из знатных домов, которые я посещал прежде, служа здесь в полку, из бывших товарищей и совоспитанников, из коих все почти или служили отлично или отличались на литературном поприще. С удивлением заметил я, что в Петербурге все занимаются политикою, говорят чрезвычайно смело, рассуждают о конституции, о образе правления, свойственном для России, о особах царской фамилии и т. п. Этого прежде вовсе не бывало, когда я оставил Россию в 1809 году. Откуда взялось это, что молодые люди, которые прежде не помышляли о политике, вдруг сделались демагогами? Я видел ясно, что посещение Франции Русскою армиею и прокламации союзных противу Франции держав, исполненные обещаниями возвратить народам свободу, дать конституцию, произвели сей переворот в умах».

Кн. П. А. Вяземский хорошо подметил нараставшую динамику явления: «Ограниченное число *заговорщиков* ничего не доказывает,—единомышленников много, а в перспективе десяти или пятнадцати лет валит целое поколение к ним на секурс».

Дифференциация двух лагерей существовала и после «Горя от ума». Грибоедов обрисовал явление, за которым было будущее. Не был даже завершен тот обособленный и характерный этап существования и развития двух лагерей, который укладывался в период возникновения тайных обществ до восстания 1825 г. «Горе от ума» возникло среди этого периода, само став фактором дифференциации лагерей, силой, их разводящей, формирующей революционную идейность. В 1825 г., еще до восстания, самое обсуждение комедии после напечатания ее отрывков в «Русской Талии» (1824 г.) показало эту дифференциацию

лагерей: М. А. Дмитриев и А. И. Писарев говорили против пьесы как бы от «староверов», А. А. Бестужев, Н. А. Полевой, В. Ф. Одоевский, О. М. Сомов защищали ее от имени передового лагеря. И цензура, выйдя на сцену, как представитель господства и власти «староверов» не пропустила ее ни в театр, ни в печать.

Замечательное качество пьесы состоит именно в том, что она запечатлела развивающееся явление с большою судьбой.

Ничто так не оттеняет развития этого явления, как сопоставление самой комедии и взрыва 1825 г. Чацкий пока еще только держит гневные речи в гостиной, *разговаривает* со Скалозубом. Но пройдет пять-шесть лет, и они встретятся на Сепатской площади с оружием в руках.

9

Ко всему изложенному выше необходимо добавить еще одну существенную черту. Ни замысел комедии не смог бы зародиться, ни сама комедия не могла бы возникнуть без того, чтобы в сознании автора не определился бы предварительно характер самого критерия, отбирающего явления жизни и претворяющего их в художественный образ.

Никакое описание невозможно без определенного критерия. Это самым прямым образом отнесется и к художественному образу. Художественный критерий отбора характерного для создания образа — первое, что надо определить, анализируя его состав. Ничто не может быть зарисовано без определенной точки зрения. Где же, в каком лагере находится автор, описывающий образы старого мира в «Горе от ума»? Это и определит его критерий для отбора явлений. Автор, творчески отобравший все характерное для создаваемого им образа Фамусова или Хлестовой, находится в противоположном им лагере — в лагере Чацкого. В этом критерии — одна из тайн, раскрывающих образы «Горя от ума». Ни Фамусова, ни Хлестову нельзя нарисовать именно такими, как нарисовал их Грибоедов, если поместить себя в лагерь Фамусова и Хлестовой. Как опишет Фамусова князь Петр Ильич, играющий с ним в вист? Как обрисует Скалозуба господин N. или господин D., распространяющие слух о сумасшествии Чацкого? Весьма положительно — благодущны-

ми и симпатичными, но отнюдь не такими, какими нарисованы они в «Горе от ума». Чацкий иронически рисует Скалозуба в разговоре с Софьей именно в том виде, в каком он представляется старому миру: «Но Скалозуб? Вот загляденье, за армию стоит горой, и прямизною стана, лицом и голосом герой». Вот так его примерно и описали бы с точки зрения старого лагеря. Для Хлестовой Скалозуб прежде всего «трех сажень удалец». Лиза очень точно описывает Скалозуба с точки зрения Фамусова, когда относит его к сорту зятьев «с звездами да с чинами» да еще и с деньгами: «И золотой мешок и метит в генералы». Сам Фамусов характеризует Скалозуба довольно подробно. Для него это «известный человек, солидный, и знаков тьму отличий нахватал»; у него не по летам завидный чин — он «не нынче—завтра генерал». Если сложить все перечисленные приметы, подмеченные, выделенные самим старым лагерем, то получится нечто вроде следующего: «не жених — загляденье, удалец, станом стройный, голос громкий, звезды да чины, в генералы метит, человек солидный, известный и при деньгах — золотой мешок». Вот и все. В этом изображении нет ни грана грибоедовского Скалозуба. Чтобы подметить скалозубовские черты, надо смотреть на Скалозуба из лагеря Чацкого, только тогда получится «хрипун, подавленный, фэгот, созвездие маневров и мазурки», который вот-вот вам фельдфебеля в Вольтеры даст, «а пикните, так мигом успокоит». Следовательно, все образы старого мира, столь ярко выписанные мастерской кистью автора, только потому и могли быть созданы Грибоедовым, что критерий отбора характерных черт был рожден в лагере Чацкого. Автор сам находился именно там, потому-то он и увидел их такими. Замечательной особенностью этой занятой автором позиции наблюдения является то, что только с этого места и можно видеть движение идущей вперед жизни. Выше обрисованный в старом лагере образ Скалозуба лишен качеств какой бы то ни было точной эпохи. Это вообще выгодный военный жених. Так его могли бы охарактеризовать дочери и какая-нибудь заботливая мамаша из екатерининского царствования, и хлопотливая тетюшка накануне русско-японской войны. Но «хрипун» и «подавленный», дающий вам фельдфебеля в Вольтеры — точные исторические слова александровского царствования. Весь грибоедовский образ, содержа высокое обобщение тупого фрунтмана и врага всего нового, презирающего

просвещение и передовую мысль, вместе с тем является образом аракчеевского времени. Поэтому в пьесе Грибоедова и выявлено с такой силой огромное историческое движение.

Таким образом, «Горе от ума» родилось не только в результате общего осознания автором двух лагерей его времени, их борьбы и исторического движения; автор проник в явления действительности как художник, в его глубоком понимании закономерного движения действительности родился его поистине проникновенный — проникающий в существо — критерий отбора черт для художественного образа. Наличие двух лагерей — это и *архитектоника* пьесы, и *критерий* создания образов.

Итак, как уже указывалось, «Горе от ума» было задумано Грибоедовым тогда же, когда возникло первое декабристское тайное общество (1816 г.). «Дух времени», который, по словам П. И. Пестеля, заставлял везде «умы клекотать», канун европейской революционной ситуации 1818—1819 гг., дифференцирующаяся на два противоположных лагеря Россия, общение с членами тайного общества — это и есть общественная атмосфера возникновения замысла. Поскольку первый петербургский период жизни Грибоедова и есть время первоначального замысла комедии «Горе от ума», надо расстаться с представлением об этом времени как о периоде «прожигания жизни». Замысел комедии родился, рос и развивался в атмосфере рапного, вместе с ним родившегося декабризма. Идеи, которые влекли вперед развитие замысла, были в широком смысле слова декабристскими идеями. Коллизия двух миров, старого и нового, является сразу и основой, композиционным стержнем комедии, без которого рушится замысел, и критерием создания образов. Эта же коллизия является и основной исторической предпосылкой декабризма, реального общественного движения грибоедовского времени.

Надо расстаться и со старым, окостеневшим трафаретом грибоедовской биографии и творчества, надо понять автора и рождение великой русской национальной комедии в глубочайшей исторической связи с живым общественным движением времени. Кратко говоря, надо понять их связь с историей. А через это осознать и общечеловеческое значение комедии.

В скромной квартире директора училищ Тверской губ. кабинет, конечно, был завален книгами. Стояла зима 1833/34 г. Зимним вечером или днем в воскресенье мы могли бы увидеть в кабинете еще нестарого — сорокалетнего — человека, погруженного в работу, перебиравшего исписанные листы, склонившегося над историческими документами и книгами. Современникам бросались в глаза подвижные, «игривые» черты лица, выражавшие детское простосердечие и яркий юмор, живые, наблюдательные глаза и высоко взбитый кок пышных, уже седеющих волос. «Он располагает к себе с первого взгляда своею кротостью, мягкостью, благодушием», — писал позже в воспоминаниях один его петербургский знакомый¹. Работавший за столом человек имел уже к тому времени громкую славу «русского Вальтера Скотта». Сам он думал о себе скромнее, иногда говоря шутливо: «Дедушка наш Вальтер Скотт». Быть «внуком» знаменитого английского романиста казалось ему достаточным. Директор училищ Тверской губ. Иван Иванович Лажечников писал этой зимой роман «Ледяной дом».

Известный автор «Походных записок русского офицера» (1820) и на шумевшего романа «Последний Новик» (1831—1833) пытался воссоздать мрачную эпоху императрицы Анны Иоанновны и с увлечением работал над историческим материалом. Ему удалось достать и кое-какие документальные свидетельства о «деле Волынского», и воспоминания современников, носившие подчас длиннейшие названия. Так, привлечена была, например, «русским Вальтером Скоттом» одна довольно редкая «книжница» под пространным названием: «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге, в Генваре 1740 года, ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов, с приложенными при том гридированными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Европе жестокой стуже, сочиненное для охотников до натуральной истории чрез Георга Волфганга Крафта, С.-Петербургской импе-

¹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М.; Л., 1950, с. 262.

раторской Академии наук члена и физики профессора». Книжки и документы излагали факты, которые живо подхватывало и разрисовывало художественное воображение Ивана Ивановича Лажечникова. Но в ткань воссоздаваемых на основании документов картин буйно и неудержимо врывалась действительность начала 30-х годов XIX в. В картины далекого прошлого властно входили впечатления современника, уже разбуженного пачинающимся кризисом феодально-крепостной системы, хранящего свежие воспоминания и о войнах с Наполеоном, и о 14 декабря 1825 г. Это были впечатления о России, только что «успокоенной» после революционной вспышки декабристов самодержавием Николая I,— России, где начинал уже действовать молодой Герцен, вдохновленный громом пушек на Сенатской площади,— о России эпохи растущих крестьянских волнений, польского восстания 1830—1831 гг., планов царской интервенции в революционную Францию 1830 г.

Вся эта сложная, противоречивая, тревожная обстановка ставила перед автором «Ледяного дома» много вопросов, на которые он пытался посылно ответить, рисуя политический облик Волынского, создавая образы Бирона и Анны Иоанновны. В роман вторгались с вопросами и ответами и «друг-читатель» русского Вальтера Скотта, двойник автора, пылавший горячим патриотизмом, чувствовавший себя «русским с головы до пят». Вкусы, требования и политическая идеология «друга-читателя» были значительным рычагом, поворачивавшим исторический материал в сторону, ему нужную. Читатель находил ответы на злободневные политические вопросы 30-х годов и в резком осуждении временщика-злодея Бирона, и в патриотических речах Волынского.

Ясно поэтому, что образная ткань «Ледяного дома» не так уж проста. Это один из первых русских исторических романов, довольно близко воспроизводящий эпоху Анны Иоанновны. В то же время это и произведение, отразившее в себе черты 20—30-х годов XIX в. и в силу этого во многом далеко отступившее от исторической истины. Иначе, конечно, и быть не могло. А. С. Пушкин с большой проницательностью писал И. И. Лажечникову: «Может быть, в художественном отношении „Ледяной дом“ и выше „Последнего Новика“, но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит ваше-

му созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык»².

2

Иван Иванович Лажечников родился 14 сентября ст. ст. 1792 г. Он был сыном богатого коломенского купца, торговца хлебом и солью. Весь род Лажечниковых издавна занимался именно этой торговлей. Обычно бытовая обстановка богатой купеческой семьи конца XVIII в. представляла собой еще более страшное «темное царство», чем во времена А. Н. Островского.

Лажечников оставил нам несколько произведений автобиографического характера: «Беленькие, черненькие и серенькие», «Немного лет назад», в которых рисует тяжелый и мрачный быт коломенского купечества. Но семья Лажечниковых представляла собой любопытное исключение. Получив значительное наследство, отец Лажечникова построил себе богатый дом, который, как у дворян, «славился роскошью своего убранства... везде паркет из красного, черного, пальмового дерева, мрамор, штоф...— писал Лажечников.— В нем отец мой угощал великолепных сынов кончавшегося века

...из стаи славной

Екатерининских орлов...

и угощал великолепно, не ударяя лицом в грязь перед важными господами, не брезговавшими водить хлеб-соль с купцом. Он жил вообще как богатые дворяне того времени».

Несмотря на купеческое происхождение, в обход закона отец писателя приобрел поместье в 23 верстах от Коломны — «Красное сельцо». Куплено это имение было на имя дворянина — близкого приятеля семьи Лажечникова — московского губернатора Обрезкова. Дворяне всего уезда съезжались туда в гости к купцу-хлебосолу, чтобы пасться до отвала стерлядей (аршинных!), пойманных в собственных прудах хозяина, или двухфунтовых груш, выросших в его оранжереях. Вспоминали, что губернаторы, ездившие на ревизию губерний, делали по несколько верст крюку, чтобы заехать к гостеприимному

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, т. 16. Переписка 1835—1837, с. 62.

хозяину, имевшему к тому же хороший оркестр домашних музыкантов.

Но дело было не только в материальном довольстве и обеспеченности. Отец будущего писателя выделялся своей образованностью и любовью к книгам. В автобиографической повести «Беленькие, черненькие и серенькие» Лажечников вывел своего отца под именем Максима Ильича Пшеницына. «Максим Ильич,— пишет Лажечников,— имел врожденное стремление к образованию себя. Случай развил еще более эту склонность». И далее писатель сообщает очень важные сведения: его отец был знаком с Н. И. Новиковым, оказавшим на него значительное влияние. В одну из частых поездок своих в разные концы России, которые он всякий год совершал по торговым делам, познакомился он с Новиковым. Тот полюбил молодого человека, беседовал с ним часто «о благах», доставляемых просвещением, и снабдил его списком всех книг и журналов, какие только были изданы на русском языке. Максим Ильич не замедлил купить эти книги и читал их с жадностью.

В своем автобиографическом рассказе писатель говорил об отце, что тот «иной раз так смело выражался о разных важных предметах и лицах, что у трусливого человека, слушавшего его, волосы дыбом становились». Свидетельства об отце говорят, что он был и религиозным вольнодумцем.

Приглашенный к маленькому Лажечникову гувернер был рекомендован Новиковым. Выбор оказался удачным. Француз «был не какой-нибудь проходимец, а человек со значительным по тому времени образованием». Воспитатель Лажечникова Болье (Beaulieu) учился в Страсбургском университете, хорошо знал французский и немецкий языки. Лажечников писал о своем воспитателе: «Память о нем до сих пор с глубокою благодарностью сохраняется в сердце моем. Никогда не видал я над собою розог, и все наказание учебное ограничивалось у нас ставлением за обедом в угол, каковое наказание огорчало меня до обильных слез». Дядьку Ларивона, приставленного к Лажечникову, также вспоминал писатель с большою благодарностью и теплотой.

Одним из самых сильных впечатлений детства было воспоминание о той страшной ночи, когда во двор богатого купеческого дома ворвались три тройки, запряженные в рогожные кибитки, наполненные солдатами. В авто-

биографии Лажечникова рассказано, как он внезапно проснулся ночью от шума в доме: «Я увидел рыдающую мать мою, прощание ее с отцом, благословение его дрожащею рукою надо мною и братом моим». По приказу императора Павла I арестовали отца писателя, гувернера Болье и священника, преподававшего детям русский язык. Тройки унеслись с арестованными, все затихло. «Вслед затем слышны были только перешептывания, рыдания матери и причитание женской прислуги. В этом происшествии никто ничего не мог понять. Дядька мой Ларивон угрюмо молчал, нянька Домна усердно молилась и приказывала мне молиться».

В семье Лажечникова объясняли арест религиозным вольнодумством отца: однажды он резко и остроумно отозвался об одном высокопоставленном коломенском духовном лице. Поп, учивший детей Лажечникова русскому языку, передал слова тому, о ком они были сказаны. В Петербург полетел донос на купца как на якобинца и разрушителя основ. Дело было в последние годы царствования Павла I; шпионаж и сыск быстро сделали свое дело.

Лажечников пишет в автобиографии, как мать сейчас же вслед за арестом отца двинулась в Москву вместе с малыми детьми, собрав все деньги, какие могла достать. «По приезде в Москву мы отправились в Тайную канцелярию, находившуюся на углу Мясницкой и Лубянской площади... Здесь какой-то генерал дозволил нам свидание с пленником. Мы простились с ним, не зная, увидим ли его когда-нибудь...» Отца увезли в Петропавловскую крепость.

Неизвестно, что именно сыграло главную роль в довольно быстром последующем освобождении арестованного — он вернулся домой «в день Михаила Архангела, что в сентябре». Вероятно, всемогущая взятка богача-купца сыграла тут не последнюю роль, да и многочисленные дворянские связи Лажечниковых были пущены в ход. Все кончилось благополучно, только дела Лажечниковых после ареста пришли в совершенный упадок, усиленный еще одной неудачной торговой операцией. Богатству семьи пришел конец. Известный достаток еще остался, но писатель Лажечников должен был служить, чтобы жить на жалованье; никаких капиталов от отца он не унаследовал.

Лажечникову было только пятнадцать лет, когда он поместил в «Вестнике Европы» философские рассуждения в подражание Лабрюйеру под названием «Мои мысли». Любопытно, что здесь уже встречаются, хотя и туманные, высказывания, осуждающие тиранию.

На службу Лажечников поступил сначала в Московский архив Иностранной коллегии, потом в канцелярию московского генерал-губернатора. В то же время он не прекращал учиться: брал уроки риторики у профессора П. В. Победоносцева и слушал частные лекции известного профессора литературы — поэта А. Ф. Мерзлякова.

Отечественная война 1812 г. всколыхнула патристическое сознание юноши. Любовь к родине побудила его вступить в ряды войск, защищавших Отечество. «Я рвался в ряды военные и ждал на то разрешения,— пишет Лажечников в автобиографическом рассказе „Новобранец 12-го года“.— Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опояшусь мечом и крупно поговорю с неприятелем за обиды моему Отечеству. В войну 12-го года, истинно народную, патриотизм воспламенял и старцев и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображению зарево биваков, опасное участие в ночном пикете, к которому ветерок доносит жуткий говор неприятеля, жаркая схватка... Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментик с золотым украшением, и лихой конь, на котором буду гарцевать перед окнами девушки, любимой мною страстно... до первой новой любви».

Родители категорически запретили будущему писателю идти на войну, но он бежал из дому и сражался в рядах армии. Правда, вскоре после бегства получил он родительское прощение и «благословение» на военные подвиги.

Лажечников побывал за границей во время походов 1813—1815 гг., он участвовал в деле под Бриенном и во взятии Парижа. «Походные записки русского офицера» Лажечникова вышли в 1820 г.; он описывает в них свои впечатления, сочувственно отмечая явления передовой западной культуры и в слабой форме протестуя против крепостного права в России.

К военной поре жизни Лажечникова относится его встреча с А. С. Пушкиным в декабре 1819 г. Его шуточное письмо к Пушкину от 13 декабря 1831 г. из Твери осталось памятником этой встречи. «Волею или неволею займу несколько строк в истории вашей жизни»,— писал поэту Лажечников. Речь шла об одной из дуэльных исто-

рий Пушкина, в которой Лажечников сыграл роль умиротворителя.

«Вспомните малоросса Денисевича,— пишет Лажечников Пушкину,— с блестящими жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего вас в театре на честное слово и дело за неуважение к его высокоблагородию; вспомните утро в доме графа Остермана в Галерной, с вами двух молодцов гвардейцев, ростом и духом исполинов, бедную фигуру малоросса, который на вопрос ваш: „Приехали ли вы *вовремя?*“ — отвечал, нахохлившись, как индейский петух, что он звал вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать вам поучение, како подобает сидети в театре, и что майору неприлично меряться с ффрачным; вспомните крохотку-адъютанта, от души смеявшегося этой сцене и советовавшего вам не тратить благородного пороха на такой гад и шпор иронии на ослиной коже. Малютка-адъютант был ваш покорнейший слуга — и вот почему, говорю я, займу волею или неволею строчки две в вашей истории»³.

В 1819 г. Лажечников оставил военную службу и стал директором училищ Пензенской губ., потом визитатором саратовских училищ и, наконец, директором Казанской гимназии. В это время пришлось ему работать с М. А. Магницким, о котором он оставил любопытные воспоминания.

В ту пору, после наполеоновских войн и в годы бурного роста передового общественного движения, многие молодые люди бросали военную службу, где приходилось покоряться аракчеевским ставленникам и заниматься шагистикой, и переходили на гражданское поприще, где было, по их мнению, больше возможности принести пользу Отечеству.

Общее движение времени захватило и Лажечникова — он оставил военную службу, где ему могла быть обеспечена сытая, почетная и легкая жизнь, и перешел в начале 1821 г. на работу в области народного просвещения. Пензенская губерния, где он начал свою деятельность, входила в те годы в состав Казанского учебного округа, попечитель которого предупредил Лажечникова, что он найдет пензенскую гимназию «в жалком, запущенном состоянии»⁴. И действительно, едва новый директор пере-

³ Пушкин А. С. Полп. собр. соч. М; Л., 1941, т. 14. Переписка 1828—1831, с. 249—250.

⁴ Нечаева В. С. Иван Иванович Лажечников. Пенза, 1945, с. 12—13.

ступил порог ее, как увидел гимназистов, на руках выносивших из класса пьяного учителя словесности — «мышки кота погребали». Другие учителя просто не являлись в классы, ученики больше числились в списках, нежели посещали уроки. Энергичный директор нашел молодых, способных учителей, заинтересовал учеников, навел дисциплину — и гимназия стала жить новой жизнью.

Лажечников как директор уездных училищ энергично принялся за пасаждение образования в провинциальной глуши, благодаря его заботам в сентябре 1822 г. было открыто уездное училище в Чембаре. Именно в это новое училище поступил учиться мальчик Виссарион Белинский, будущий великий критик и деятель демократического движения. Лажечников сразу заметил одаренного подростка, поддержал его на первых же шагах. «Ястребок» — ласково звал он мальчика. «На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу», — позже писал Лажечников в «Заметках для биографии Белинского». Теплые отношения между Лажечниковым и Белинским сохранились на всю жизнь.

В 1826 г. Лажечников вышел в отставку, ездил в Лифляндию для сбора материалов к роману «Последний Новик». Книга вышла в 1831—1833 гг. и доставила Лажечникову славу одного из пионеров русского исторического романа. Отзыв о романе был дан Белинским в «Литературных мечтаниях». В. Г. Белинский писал о «Последнем Новике», что Лажечников «по справедливости может быть признан русским романистом...». «В самом деле, „Новик“ есть произведение необыкновенное, ознаменованное печатью высокого таланта».

В 1831 г. Лажечников вновь вынужден был поступить на службу в связи с затрудненными материальными обстоятельствами. Он был назначен директором училищ Тамбовской губ., где и встретились мы с ним в начале этой статьи, застав его над рукописью «Ледяного дома», опубликованного в 1835 г. В 1837 г. Лажечников вышел в отставку, поселился в деревне под Старицею и опять отдался литературной работе. Его новый роман «Басурман» был посвящен эпохе Ивана III.

В 1843 г. Лажечников написал драму «Опричник», которая не была пропущена цензурой. В 1870—1872 гг. эта драма послужила П. И. Чайковскому основой для его оперы «Опричник».

В 1842—1854 гг. Лажечников был вице-губернатором в Твери, затем в Витебске, а в 1856—1858 гг. служил цензором в Петербургском цензурном комитете. Работа цензора его очень тяготила; в роли цензора он, по словам близко знавших его людей, «был истинным страдальцем» и называл «счастливым» тот день своей жизни, когда, выслужив пенсию, смог оставить службу в цензуре⁵.

Крестьянскую реформу 1861 г. Лажечников встретил восторженно. Однако к концу жизни он отошел от своих прогрессивных устремлений; один из последних романов Лажечникова — «Внучка панцирного боярина» (1868) — пропитан великодержавным шовинизмом.

Умер Лажечников 26 июня ст. ст. 1869 г.

3

Центральными фигурами романа «Ледяной дом» являются Волынский и прекрасная Мариорица. Вокруг любви их заплетается причудливый, наивный и двойственный сюжет романа: любовная интрига переплетена со столкновением политического характера. Это столкновение — ожесточенная борьба смелого, благородного, подлинно русского патриота Волынского с мрачным злодеем и временщиком, немцем Бироном. Эта двусторонность сюжета так отчетлива, что почти возможно говорить прямо о двух сюжетах — любовном и политическом; они крайне слабо скреплены друг с другом; Бирон, узнавший о любви Волынского, пытается обратить ее в орудие разоблачения своего противника. Но основная характерная черта Волынского, на которой строится политическая интрига — его героический патриотизм, собственно, никакого отношения не имеет к любовной интриге самой по себе.

В этих сюжетных линиях интересны для нас прежде всего Волынский и Бирон как исторические лица. Мариорицу считать исторической личностью невозможно. Группа Волынского — Перокин (Ерошкин), Сумин-Купшин (Мусин-Пушкин), Щурхов (Хрущов), секретарь Зуда (де ля Суда), Эйхлер — также тесно связана с реальными историческими лицами, не говоря уж о фигуре Анны Иоанновны.

⁵ Панаев И. И. Указ. соч., с. 262.

В чем же состояли реальные исторические события, послужившие основой романа, и каковы были реальные исторические деятели, выведенные в «Ледяном доме»?

Царствование императрицы Анны Иоанновны (1730—1740) началось под знаком феодальной реакции. Политика глубокого переустройства феодальной России, проведенная Петром I, его кипучая деятельность по укреплению русского государства, его заботы о промышленном развитии страны — прогрессивная сторона его царствования. Петр I мобилизовал все что мог для того, чтобы отсталую крепостную Россию поднять на уровень передовых европейских государств. Россия сделала сильный рывок вперед, но замысел Петра все же полностью не увенчался успехом, технико-экономическая отсталость страны не была преодолена.

После смерти Петра I становящаяся на капиталистические рельсы Западная Европа стремилась использовать царскую Россию лишь как источник сырья. В русском вывозе доля сырья год от года возрастала, а доля готовых изделий падала.

Ввозила же Россия в первой половине XVIII в. главным образом предметы дворянского обихода. Большие заграничные корабли, свертывая паруса, подплывали к деревянным причалам санкт-петербургского или архангельского порта. Из трюмов выгружали дорогие иностранные вина, осторожно выносили туго запакованные тюки с тонкими заграничными сукнами для дворянских камзолов и свертками дорогих шелковых тканей для великолепных платьев дворянских жещ. Выгружали ящики с кофе, пряностями, привозили дорогие ювелирные изделия. Опустевшие трюмы кораблей наполнялись грубыми кипами пеньки, льна, еле обделанными кожами, свертками жесткого серого холста, сотканного на ручном станке, нередко в закоптелой курной избе крепостного крестьянина; иной раз попадала на корабли и пушнина, ясачный товар или выменянный за бесценок у сибирского «инородца», — соболи, куницы, белки, бобры. Возили такие товары и сухопутным путем.

После короткого царствования Екатерины I, отмеченного главенством Верховного тайного совета (1725—1727), на престоле оказался двенадцатилетний подросток — Петр II, игрушка в руках «верховных господ». В 1730 г., накануне своей свадьбы, Петр II внезапно заболел оспой и умер.

«Верховные господа» всполошились. Кто станет царем? Кучка крупных вельмож решила сохранить власть в своих руках; для этого ей была нужна такая же податливая и ничтожная фигура на царском престоле, какой была Екатерина I или Петр II. «Верховные господа» сочли подходящей фигурой курляндскую герцогиню Анну. Она была четвертой дочерью слабоумного царя Ивана, сводного брата Петра I. Анна родилась в 1694 г. Петр I самовластно распорядился судьбой семнадцатилетней племянницы, выдав ее из политических соображений замуж за курляндского герцога. Этим династия Романовых усиливала свою власть на берегах Балтийского моря. Анна овдовела через несколько месяцев после свадьбы; по из тех же политических соображений должна была оставаться в Митаве, столице Курляндии.

К этой курляндской герцогине «верховники» спешно послали гонцов с приглашением стать русской императрицей, конечно только при том условии, если она будет во всем послушна «верховным господам». Анна согласилась, наскоро собралась и приехала в Москву еще в то время, когда съехавшееся со всех сторон на коронацию и свадьбу Петра II провинциальное «шляхетство» наполняло все дворянские особняки старой столицы. Дворянство взволнованно обсуждало «затею верховников» и противопоставило этой «затейке» свой план действий.

Условия («кондиции»), которые были поставлены «верховными господами» императрице Анне Иоанновне, состояли в следующем: она не имела права без согласия Верховного тайного совета объявлять войну, заключать мир, налагать новые подати, давать чины выше полковника, жаловать вотчины дворянам, пазначать себе придворных и расходовать государственные доходы, должна была дать обещание не выходить замуж. В случае неисполнения принятых ею обязательств ей грозило лишение «короны российской». Ее роль сводилась к безгласной ширме для самодержавия «верховных господ». Узнав об этой «затейке», дворяне решили уничтожить власть «верховных господ», и в первую очередь уничтожить политическое основание этой власти — ограничительные пункты «кондиций». Дворянские возки, ныряя в ухабах московских улиц, носились из одного конца города в другой, конспираторы стучались в ворота друг к другу, сговаривались о своем плане. Они обратились к Анне Иоанновне с просьбой быть «самодержавной импе-

ратрицей» и уничтожить «кондиции верховников», правильно рассчитав, что новая императрица будет гораздо более полезна шляхетству, если получит всю полноту власти при помощи этого самого шляхетства. Когда фельдмаршал В. В. Долгорукий предложил было дворянскому Преображенскому полку принести присягу царице и Верховному тайному совету, то дворяне кратко, но выразительно ответили, что они переломают фельдмаршалу ноги, если он еще раз сунется к ним с подобным предложением.

Анна Иоанновна согласилась с требованиями шляхетства и торжественно «разодрала» предложенные ей верховниками «кондиции». В марте 1730 г. Верховный тайный совет был уничтожен, и Анна стала самодержавной императрицей.

Правительство Анны Иоанновны провело в жизнь немаловажные требования дворянства, осуществляя политику феодальной реакции после петровских реформ. Правительство сократило срок обязательной дворянской службы в войсках до 25 лет; если в семье было несколько сыновей, то одному из них разрешено было вовсе не служить на военной службе. В 1740 г. был основан «шляхетный корпус» — привилегированное учебное заведение для детей «благородного шляхетства». Дворянский сын, поступивший в этот корпус, обучался наукам и, еще сидя на школьной скамье, получал военные чины. Дворянство добилось установления и еще более удобного для себя порядка — оно записывало в военную службу своего ребенка прямо с рождения: какой-нибудь дворянский сын еще пил в пеленках на руках у кормилицы, а уже значился в каком-нибудь полку в военном чине. С ходом времени он все повышался в чинах, и, наконец, когда действительно «поспевал» в военную службу, то оказывался уже штабс-капитаном или майором. Все это сводило на нет жесткие требования петровской поры — дворянину лично служить в армии с солдатского чина и повышаться по служебному производству лишь в силу личных заслуг.

При Анне Иоанновне был отменен петровский закон о «единонаследии» и было разрешено отцу-дворянину делить свои имения по завещанию между всеми сыновьями. Вотчины и поместья были объявлены одинаковой недвижимой собственностью дворян.

Новым бюрократическим органом дворянской диктатуры явился при Анне Иоанновне кабинет министров. В него вошли гр. Г. И. Головкин, кн. А. М. Черкасский, А. П. Волынский, А. П. Бестужев-Рюмин и гр. А. И. Остерман; последний был главным лицом в кабинете министров и играл весьма значительную роль в правительстве. Лажечников пишет о нем: «Граф, умевший удержать за собою, как бы по наследству, доверие и милости двух императоров, двух императриц, одного правителя, одной правительницы и, что еще труднее, — трех временщиков».

Главную роль в государственном управлении играл немец — герцог Бирон, курляндский камергер и любовник императрицы. Он был фактическим повелителем государства из-за своей близости к императрице, как тогда говорили — «временщиком». Время его правления и кровавый режим, им установленный, носят по его имени название «бионовщина».

В марте 1731 г., на следующий же год после воцарения Анны Иоанновны, была учреждена Тайная канцелярия — центр политического розыска, одно из важнейших учреждений режима бионовщины. При малейшем подозрении в противоправительственных замыслах виновного хватили, вели на допрос, подвергали пыткам. Достаточно было только крикнуть условные слова — «Слово и дело!», чтобы по указанию крикнувшего был схвачен, допрошен, подвергнут пытке любой человек.

Жадный к личному благополучию, материальным благам и неограниченной власти, Бирон был лишен черт «государственного» деятеля. Его правление ни в малейшей степени не было освещено борьбой за какие-либо крупные политические цели. Личная нажива на разорении русского народа, продажа оптом и в розницу русских государственных интересов — вот основной рычаг политики Биропа.

Бирон получал большие доходы от взяток, которые давали ему английские капиталисты через своего посла. Правительство Бирона — Остермана поддерживало английскую буржуазию, которая стремилась уничтожить мешавшую английским купцам прусскую конкуренцию, а главное, захватить в свои руки торговлю шелком с Ираном. В Англии образовалась Персидская компания, которая прочно обосновалась на Волге и на Каспийском море; торговля шелком, которой так дорожила раньше царская казна, перешла в руки английских коммерсантов.

Положение трудящихся масс в России все ухудшалось. Возрастало разорение крестьянства. В 1736 г. правительство Анны издало указ о прикреплении рабочих к заводам; если на крепостном заводе работали ранее мастера по вольному найму, то теперь они были обращены в крепостных. В том же году правительство разрешило предпринимателям ссылать провинившихся рабочих в Сибирь. На заводы и мануфактуры по-прежнему насильно загоняли «гулящих» и «праздношатающихся» «подлых» людей.

Бирон был крутым крепостником. Он требовал беспощадного выколачивания податей и жестоко подавлял малейший протест крестьян против крепостнического строя.

Кучка немецких вельмож, любимцев Бирона, наживалась за государственный счет.

Вторую роль после Бирона играли братья Левенвольде. На крупнейшие должности определялись остзейские бароны. Было образовано два новых гвардейских полка — Измайловский и Конный, весь командный состав которых состоял из остзейских офицеров и генералов. Этим новые полки как бы противопоставлялись петровской гвардии — Преображенскому и Семеновскому полкам, состоявшим из русского дворянства. Режим крепостнической эксплуатации страны кучкой немецких выходцев, крепостников-феодалов, питал национальную идеологию русского дворянства. В своей борьбе против режима бироновщины русские дворяне противопоставляли себя немцам, выдвигали требования передачи всех крупных правительственных должностей российскому дворянству. Процесс консолидации русской нации, начавшийся еще в XVII в., выражался в этих требованиях, носивших для того времени прогрессивный характер. Правда, эти требования еще не сопровождались предложениями коренных социальных реформ, уничтожения феодально-крепостнического угнетения или ликвидации самодержавного строя. Национальная идеология дворян еще соединялась с охраной основных устоев старого строя. Однако она все же была одним из элементов возникавшего нового, выявлявшим развитие крупнейшего по значению процесса — консолидации русской нации. Одним из сторонников этого направления и был кабинет-министр императрицы — Артемий Петрович Волынский.

Тяжелое положение народа не тревожило российскую самодержицу. Во дворце императрицы Анны Иоанновны

придворные праздники и балы сменяли друг друга. В перерыве между ними растрепанная, толстая и рябая царица в шлафроке и чепце то слушала сказки, то возилась с заболевшей собачкой, то обсуждала вопрос о привозе новорожденной мартышки. Придворные вельможи в подражание Бирону одевались в камзолы из пестрых шелковых материй, наряжались в розовые, желтые и попугайно-зеленые цвета. Карлы, шуты и «дураки» вертелись и прыгали в залах дворца, потешая императрицу и придворных. Ежедневно в дворцовых залах шла крупная картежная игра.

В январе 1740 г. императрица дала большой «потешный праздник» по случаю свадьбы своего шута Голицына. Волынский был назначен организатором этого шутовского празднества. По приказу царицы в Петербурге на Неве был выстроен ледяной дом. Около него стояли ледяные пушки, огромный слон выбрасывал из хобота зажженную нефть. Все внутреннее убранство дома — столы, стулья, даже посуда и дрова в камине были сделаны из льда. Можно представить себе, сколько раз обмороживались согнанные сюда подневольные строители, возводившие ледяную постройку для царской забавы: стояла лютая зима 1740 г., какой не помнили старожилы.

Праздник в ледяном доме был обращен, кроме того, в издевательство над народами многонациональной страны. Со всех концов империи были свезены за сотни верст люди разных национальностей — башкиры, калмыки, казахи, евреи, татары, чуваша — в своих национальных нарядах. Их живописный вид, их песни и пляски в ледяном доме должны были потешить царицу и ее придворных. Над ними насмехались, их били и дразнили, как зверей.

Этот-то эпизод царствования Анны Иоанновны и явился сюжетом романа И. И. Лажечникова, а устроитель праздника — кабинет-министр А. П. Волынский — его главной фигурой.

4

Пушкин предсказал И. И. Лажечникову, что исследования будущих историков обнаружат несоответствие образов автора исторической истине. Это положение легче всего проверить на центральной фигуре романа — Артемии Петровиче Волынском⁶. Правда, исторический Во-

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М., 1963, Кн. 10 (Т. 19/20); Корсаков Д. А. А. П. Волынский и

лынский остается, как и в романе, жертвой режима Бирона. Даже императрица Екатерина II должна была признать, что Волынский казнен невинно.

Конечно, в идеологии исторического Волынского, несомненно, присутствовали националистические моменты. Правильно и то, что вокруг него сложился кружок одинаково с ним мыслящих дворян. Остается исторически правильным в романе и самый факт протеста против бироновщины, хотя для исторического Волынского на некоторых этапах характерно подобострастное отношение к Бирону и заигрывание с ним. Исторический Волынский в своем классовом существе не мог быть противопоставлен тогдашнему правительству. Он был все же дворянином-крепостником, и протест его не был направлен против основ существовавшего строя. Но это не меняет того, что планы Волынского были прогрессивными планами по сравнению с режимом бироновщины.

Вместе с тем исторический Волынский во многом не похож на Волынского из «Ледяного дома» И. И. Лажечникова.

Артемий Петрович Волынский родился в 1689 г. Он принадлежал к богатейшему шляхетскому (дворянскому) роду. После смерти матери пятилетний ребенок был отдан на воспитание к родственнику Семену Андреевичу Салтыкову, в доме которого он и провел свое детство. Дворянство петровского времени начинало службу очень рано. Пятнадцатилетний Волынский был уже зачислен солдатом в драгунский полк, в 1711 г. стал ротмистром, состоял при Шафирове во время Прутского похода, был вместе с ним в константинопольском плену. П. П. Шафиров послал Волынского курьером к Петру I с трактатом Адрианопольского мира. В 1715 г. подполковник Волынский был назначен в Персию «в характере посланника». Ему выпала на долю попытка провести в жизнь давнишние замыслы Петра I, мечтавшего открыть удобный торговый путь в Индию через Иран. Торговый договор, заключенный Волынским с шахом Гуссейном через его эхтимат-девлета (первого министра), был выгоден для России: русские купцы получали в Персии охрану и преимуще-

его конфидененты.— В кн.: *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891; *Шишкин И. И.* Артемий Петрович Волынский. Биограф. очерк.— *Отечественные записки*, 1860, № 2, 3, 5, 6; *Очерки по истории СССР: Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.* М., 1957.

ственные права. Довольный успехом Воынского, Петр I произвел его в полковники и генерал-адъютанты. Воынский был назначен астраханским губернатором — в первой, только что учрежденной тогда губернии... Деятельность Воынского как губернатора была тесно связана с политикой петровского времени. У всех еще было свежо в памяти знаменитое астраханское восстание 1705—1706 гг.: Воынскому предстояло провести в крае новое сложное административное устройство и окончательно сделать «покорными» местные коренные народности, калмыков в первую очередь. Реальный, исторический Воынский показал себя жестоким угнетателем нерусских народов, а как администратор не оказался безгрешным и по части взяток.

В 1722 г. Воынский женился на двоюродной сестре Петра I Александре Львовне Нарышкиной, чем окончательно было закреплено дружеское отношение к нему Петра.

В этом же году правительство Петра I предприняло военный поход в Персию, который кончился неудачей. Воынского обвиняли в сообщении неправильных сведений о кавказских горцах и этому приписывали провал русских военных замыслов. Кроме того, Петру I передали сведения и о попытке Воынского получить взятку с персидского правительства во время его посольства в Персии и о взяточничестве его на посту астраханского губернатора. Воынский в результате этого доноса хорошо познакомился с дубинкой Петра I: избиение было прекращено только благодаря будущей императрице Екатерине I, заступившейся за Воынского. Но отношения с Петром I после этого сильно испортились. В 1724 г. возникло новое дело против Воынского: он обвинялся — и совершенно основательно — в самоуправстве и истязаниях мичмана Мещерского. Но дело это не успели разрешить до смерти Петра I, а при Екатерине I оно было прекращено. После ее воцарения Воынский был произведен в генерал-майоры и назначен казанским губернатором.

И тут опять возник ряд серьезных дел в связи с обвинениями Воынского во взяточничестве, вымогательствах, произвольных незаконных поборах и насилиях над населением. Воынский снова проявил себя угнетателем нерусских народностей края — притеснителем татар и мари (черемисов).

История с «кондициями» Анны Иоанновны и все пе-

рипетии шляхетского движения против «верховников» были хорошо известны Волынскому, хотя он в то время и находился не в Москве, а в Казани. Тексты шляхетских проектов и «кондиций» Анны Иоанновны ему были пересланы в копиях. Найден даже один шляхетский проект с поправками Волынского. В начале царствования Анны Иоанновны Волынский повел себя с большой осторожностью. Немцы, утвердившиеся при дворе в крупных должностях, были пока что умело использованы им в целях укрепления собственной карьеры.

Миних был испльзован им в первую очередь: Волынский состоял как воинский инспектор под его непосредственным начальством. П. И. Ягужинский, один из давнишних врагов Волынского, был дискредитирован последним и устранен при помощи Миниха, к которому Волынский сумел войти в доверие. Сблизился Волынский и с крупным вельможей, влиятельным при дворе лицом — обершталмейстером гр. Карлом Левенвольде, в результате чего поступил на службу в конюшенное дворцовое ведомство, состоявшее в ведении последнего. При страстной любви Бирона и императрицы к лошадям эта должность была крупным шагом в служебной карьере Волынского. Известны слова ненавидевшего Бирона австрийского посланника гр. Остейна: он утверждал, что Бирон говорит как человек, когда ведет речь о лошадях или с лошадьми, а когда беседует о людях или с людьми, то говорит как лошадь.

Следующий шаг в своей карьере Волынский сделал в 1733—1734 гг., во время военных действий против Польши, состоя начальником одного из отрядов, осаждавших Данциг. Во главе армии стоял тот же Миних, и Волынский сумел повести тонкую игру и усыпить бдительность Бирона, усердно черня перед ним Миниха, которого Бирон не терпел, видя в нем своего политического соперника. Это обеспечило Волынскому дальнейшее продвижение по службе. Он получил крупное производство — стал генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом Анны Иоанновны. Им был получен подарок: участок для постройки дома в Петербурге на Мойке.

С этого момента Волынский уже близко подходит к работе кабинета министров. Он принимает участие в «генеральных собраниях министров», представляет свои отзывы на получаемые кабинетом проекты, заседает в комиссиях кабинета.

Смерть Карла Левенвольде в 1735 г. отнюдь не задержала карьеры Воынского: он уже давно упрочился в хорошем мнении Бирона. 3 февраля 1736 г. Воынский получил должность с очень значительным политическим влиянием, которая лишь с первого взгляда может показаться маловажной: он был назначен придворным обер-егермейстером — заведующим охотой. Страсть императрицы Анны Иоанновны к охоте общеизвестна, и заведение этой отрасли обеспечивало частый контакт с императрицей. Охота производилась в искусственной обстановке: дичь, олени и прочие объекты охоты заранее ловились, сгонялись в условленное место, нередко в парки императорских дворцов, где и разворачивалась затем «охота» царицы и ее приближенных.

Разумеется, обер-егермейстер был все время на виду у царицы, включался в круг участников ее любимейших забав, становился, так сказать, «своим человеком» при дворе. Этому «своему человеку» и было поручено в 1737 г. важнейшее политическое дело: он был назначен членом Вышнего суда над бывшим вождем верховников — кн. Дмитрием Михайловичем Голицыным, крупнейшей фигурой «затейки» верховников, желавших ограничить «кондициями» Анну Иоанновну при вступлении ее на престол. То направление, которое Воынский придал делу, свидетельствовало о том, что он был чужд намерениям данной олигархической дворянской группы. Д. М. Голицын был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Это соответствовало планам императрицы. Вскоре после этого Воынский был послан для заключения мира с Турцией в Немиров вместе с П. П. Шафировым и И. И. Неплюевым. Правда, на этот раз мирные переговоры не дали должных результатов, война с Турцией продолжалась, но об этом факте в биографии Воынского стоит упомянуть как о новом штрихе, характеризующем доверие к нему двора.

3 апреля 1738 г. было знаменательным днем в жизни Воынского. Он был назначен в этот день кабинет-министром «за особливые его превосходительства заслуги». По выражению близких, которое очень понравилось самому Воынскому, он «чрез великий порог перешагнул». Всесильный «кабинет», учрежденный императрицей Анной Иоанновной после ликвидации Верховного тайного совета, обладал огромнейшими полномочиями. Членами «кабинета» в момент назначения Воынского были

гр. А. И. Остерман и кн. А. М. Черкасский. Волинский постепенно сосредоточил в своих руках все кабинетские дела. Скоро он оказался единственным докладчиком у императрицы по делам «кабинета».

Развернувшаяся далее борьба за власть между Волинским и Бироном, конечно, в основном должна быть истолкована как борьба за власть дворянских группировок, смена которых у кормила государственного правления проходила в XVIII в. довольно легко и не означала ни перемены основ строя, ни вообще какого-либо существенного поворота исторического развития. «Возьмите старое крепостническое дворянское общество,— писал В. И. Ленин.— Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»⁷. Обычно реальной силой таких переворотов была гвардия, становившаяся на сторону то одного, то другого претендента. Гвардия возвела на престол Екатерину I и Елизавету Петровну, интересы гвардии сыграли свою роль и в уничтожении Анной Иоанновной ограничивших ее в пользу верховников «кондиций». Согласно «затейке» верховников императрица лишилась права распоряжаться гвардией. Задуманный Волинским переворот, конечно, не выходит в основном «из общего круга» дворцовых переворотов XVIII в. Следует, однако, учесть некоторые его второстепенные отличительные черты, придающие ему известную специфику.

В интересах гвардии, как сказано выше, было утверждение на русском престоле неограниченной властительницы Анны Иоанновны. Однако русская гвардия никогда не возводила «на престол» Бирона. Напротив, подавляющее большинство русского дворянства видело в Бироне узурпатора власти, случайного временщика, поднявшегося к правлению в силу личной близости к императрице.

В беседах «конфидентов» справедливо отмечалось, что «государыня сама государством не правит, а все-где правит герцог Курляндский, и от него может государство в разорение притти»⁸. Волинский противопоставил узур-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.

⁸ Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в., с. 262; Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Волинского.— Дела и дни, 1922, т. 3, с. 8.

патору свое понимание *государственных интересов* России. Это понимание не выходило за рамки феодальной идеологии, но глубоко отличалось от хищнической политики случайного человека, грабившего государство и терроризировавшего народ в интересах личного обогащения.

Став кабинет-министром, Волынский оказался на очень значительной высоте. Тут и обозначились первые признаки его открытого столкновения с Остерманом и Бироном, и тут впервые стала оформляться система его требований, его крамольная «программа», которой было суждено сыграть такую значительную роль в его «деле». Около Волынского создался кружок единомышленников: придворный архитектор Петр Михайлович Еропкин (в романе Перикин), морской офицер Федор Иванович Соймонов, горные инженеры — Андрей Федорович Хрущов (в романе Щурхов) и Василий Никитич Татищев — один из первых историков России. Позже к кружку примкнули Александр Львович Нарышкин (брат первой жены Волынского), русский посол в Лондоне, а позже в Париже — Антиох Дмитриевич Кантемир, генерал-лейтенант кн. Григорий Алексеевич Урусов, сенатор Василий Яковлевич Новосильцев и президент Коммерц-коллегии гр. Платон Иванович Мусин-Пушкин (в романе гр. Сумин-Купшин). Необходимо также отметить тайного кабинет-секретаря Эйхлера (выведен в романе под тем же именем) и секретаря Иностранной коллегии де ля Суда (в романе Зуда). Были также связаны с кружком Волынского несколько гвардейских офицеров, вологодский и псковский архиереи, врачи Поганкин и Белль д'Антермони, который ездил когда-то с Волынским в Персию, а также придворный врач цесаревны Елизаветы Петровны — Лесток. Надо особо подчеркнуть участие последнего. Известная ориентация кружка Волынского на «дочь Петрову», будущую императрицу Елизавету Петровну, была позже выяснена следствием.

В кружке Волынского не просто толковали о политике, но питали к ее проблемам и теоретический интерес, там были знакомы с новейшей политической литературой Запада, в библиотеках членов кружка имелось произведение Макиавелли «О государе», там читались комментарии на Тацита и политические трактаты голландского писателя Юста Липсия (1547—1616). Там знакомились с произведениями итальянского сатирика XVI в. Боккалини и немецкого правоведа XVII в. Бесселя.

В библиотеках Волынского и его кружка находились также списки русских летописей и хронографов.

Члены кружка Волынского хулили режим бироновщины, сравнивали царствование Анны с кануном «смутного времени». Волынский отзывался «с поношением о высокой фамилии ее императорского величества», восклицал: «Ой, система, система!»; жаловался, что житье пришло «хуже собачьего». «Государыня у нас дура,— говорил Волынский,— как докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься»⁹.

Компания Волынского принимала деятельные меры против предполагавшегося брака сына Бирона — Петра — с племянницей Анны Иоанновны, что крайне укрепило бы влияние Бирона при дворе. В исторических сочинениях Юста Липсия приятели находили характеристики, приложимые к их современности. Юст Липсий сравнивает неаполитанскую королеву XV в. Иоанну II с Клеопатрой и развратной Мессалиной. Против этого места Волынский написал на полях, явно намекая на Анну Иоанновну: «Она! Она! Это она!»

Волынский сам являлся автором ряда сочинений на философские и политические темы, дошедших до нас, к сожалению, только в своих заглавиях. Но и заглавия характерны, отражая его интересы: «О приключившихся вредах особых государю и всему государству и отчего приключились и происходят», «О гражданстве», «О дружбе человеческой», «Надлежит ли иметь мужским персонам дружбу с дамскими?», «Каким образом суд и милость государям иметь надобно». Особо значителен «Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел», составленный Волынским при помощи Еропкина и Хрущева. Надо отметить, что императрица знала об этом проекте, извлечение из него было ей представлено.

В подлиннике «Генеральный проект» не дошел до нас, так как Волынскому удалось сжечь рукопись перед арестом. Но находящиеся в деле Волынского извлечения из «Генерального проекта» могут дать известное представление о его содержании. Проект распадался на части: «об укреплении границ и об армии, о церковном чине, о шляхетстве, о правосудии, об экономии». По мнению Волынского, правление в Российской империи должно быть монархическим, с широким участием дворянства —

⁹ Готье Ю. В. Указ. соч.

шляхетства. Дворянство должно было считаться, по проекту Воынского, первенствующим сословием в государстве. Восстанавливалось то значение Сената, которое он имел при Петре I. «Нижнее правительство» должно было состоять из представителей низшего и среднего шляхетства. Проект Воынского высоко ставил грамотность и общее образование, предусматривал создание академии и университета. В нем доказывалась необходимость издания свода твердых судебных правил вместо многочисленных разрозненных и часто противоречивших друг другу царских указов. Проектировался ряд финансовых мер по улучшению сбора налогов. Все государственные должности предполагалось замещать исключительно русскими. Это была борьба за национальную Россию помещиков и купцов, которую так высоко вознес Петр I.

Воынский является сторонником просвещенного абсолютизма. Классовое существо его требований не выходит из круга дворянской, феодальной идеологии, но в рамках феодального развития XVIII в. его программа прогрессивна и нацелена на борьбу с реакционной политикой всеильного временщика Бирона и ничтожкой Анны Иоанновны, ни в какой степени не походивших на представителей «просвещенного абсолютизма». Защита «просвещенного абсолютизма» сочетается у Воынского с требованием широкого привлечения к участию в управлении представителей дворянства. Дворянство в целом должно было воспрепятствовать захвату власти отдельными кучками олигархов и узурпаторов. Все российское дворянство должно было, по мнению Воынского и его «конфидентов», участвовать в управлении страной. Сенат следовало «приумножать членами» и частью передать в его ведение дела кабинет-министра. Все должности в государственном аппарате должны были замещаться исключительно представителями «благородного сословия». Дворян надо посылать для обучения за границу и из этих образованных русских дворян и назначать в будущем министров, а не из числа иностранцев («чтоб свои природные министры со временем были»). Даже священники должны быть исключительно русскими дворянами, потому что вне дворянской среды нельзя найти образованных людей. Воынский выступал вместе с тем в защиту интересов купечества, полагая, что господствовавшая система причиняла торговому делу в России «немалые разорения». Требовал Воынский также «размножения фабрик и заво-

дов». Безумной роскоши двора Анны Иоанновны и Бирона Волынский противопоставлял требования строгой экономии и упорядоченного бюджета,— во всем необходимо было иметь «умеренность» и стремиться, «дабы расходы доходов не превосходили».

Эта программа, взятая в целом, не могла идти ни в какое сравнение с политикой Бирона, была *противопоставлена* бироновщине, прогрессивна для того времени и в ряде требований национальных отражала процесс консолидации русской нации.

Дворянский характер программы Волынского приходится особо подчеркивать в связи с теми значительными художественными преувеличениями, которым она подверглась в романе Лажечникова. Все говорит за то, что национализм реального, исторического Волынского был лишь частью его идеологии; ее существом была прежде всего защита русского дворянства и борьба сторонников более широкого и планомерного участия дворян в мероприятиях власти, а также ряд нововведений в пользу провинциального дворянства. Существа власти Волынский менять не собирался. Патриотизм Волынского не только преувеличен Лажечниковым, но и трактован им в духе передового дворянского патриотизма «посленаполеоповского» времени, из которого в дальнейшем вырастает дворянская революционность декабристов.

Подозрения гр. Остермана, видевшего в Волынском опасного соперника, дали свои результаты уже в 1739 г. Но на первых порах дело ограничилось сравнительно небольшими неприятностями — жалобами на Волынского по конюшенному ведомству. Волынскому удалось поправить дело и восстановить свое влияние при дворе. Имеппо к этому времени относится начало романа, застающее Волынского еще в момент значительного могущества, по приказанию царицы организующего увеселения, связанные с ледяным домом, где праздновалась «женитьба» придворного шута Голицына на калмычке Бужениновой. «Свадьба» состоялась 6 февраля 1740 г. Праздник очень поправился Анне Иоанновне, и Волынский опять вошел в милость, но ненадолго. Недруги Волынского довели до сведения императрицы дело об избиении в покоях Бирона поэта Тредьяковского. Это избиение Бирон счел за свое персональное оскорбление. Вместе с делом о Тредьяковском до сведения императрицы довели и противоположительные речи Волынского. Остерман и Бирон

требовали суда над крамольником, Бирон для усиления «вины» Волынского и для ускорения хода дела прибегнул к решительному способу, заявив Анне Иоанновне: «Либо мне быть, либо ему».

Волынскому запретили являться ко двору в первых числах апреля 1740 г. Враги обновили в памяти царицы старое дело (1737 г.) по обвинению Волынского в присвоении им семисот рублей казенных денег, которые взял из конюшенной канцелярии дворецкий Волынского Василий Кубанец якобы «на партикулярные нужды» своего господина. Эти старые вины были лишь предлогом. 12 апреля 1740 г. Волынского подвергли домашнему аресту, а через три дня началось следствие по его делу.

Главным материалом обвинения послужили доносы Василия Кубанца, сделанные, конечно, под пыткой. Кубанец донес о противоправительственных речах Волынского, о его словах о вреде немецкого правительства, о намерении убить Бирона и Остермана. Все это звучало куда важнее первоначальных обвинений в растратах и было как раз то, что нужно было Бирону. Под пыткой и «конфиденты» Волынского подтвердили самые страшные политические обвинения. Волынский был обвинен в попытке государственного переворота и даже в желании самому занять российский престол, что, конечно, не соответствовало действительности. Об этом желании показали под пыткой Хрущов, Еропкин и Соймонов. Но Волынский даже в застенке, под ударами кнута, под пыткой такого опытного заплочных дел мастера, как Ушаков, не подтвердил этого последнего обвинения.

Генеральное собрание суда над Волынским постановило 19 июня 1740 г.: 1) Волынского, яко начинателя всего того злого дела, живого посадить на кол, вырезав у него язык; 2) его «конфидентов» четвертовать, а затем отсечь им головы; 3) имения конфисковать; 4) сына и двух дочерей Волынского сослать на вечную ссылку.

Императрица «смягчила» приговор. На основании этого «смягчения» 27 июня 1740 г. и была произведена казнь Волынского. Опа произошла близ Петропавловской крепости, на Петербургской стороне, на Сытном рынке. Осужденных вывели в восьмом часу утра из Петропавловской крепости. Нижняя часть лица кабинет-министра была повязана окровавленной холщовой повязкой: в крепости у него вырвали язык. На дыбе во время пытки была вывихнута его правая рука — опа висела без движе-

ния. Над Волынским совершили мучительную казнь четвертования. Хрущову, затем Еропкину отрубили головы. Соймонова и Эйхлера наказали кнутом, а де ля Суда — плетью. Больного подагрой гр. Мусина-Пушкина не выводили на место казни, язык вырезали ему в Петропавловской крепости, в каземате. После этого Соймонов был отправлен в Охотск, Эйхлер — в Жиганский острог (за Якутском), де ля Суда — на Камчатку, а гр. Мусин-Пушкин — в Соловецкий монастырь. Тела казненных в течение часа пролежали на эшафоте, потом были похоронены без церковных обрядов в ограде церкви Самсония-странноприимца.

В. Г. Белинский в начале 1839 г. посвятил обширную статью-рецензию «Ледяному дому», который вышел в 1838 г. вторым изданием¹⁰. Он отметил достоинства и недостатки романа «Ледяной дом», справедливо указал на известную «двойственность» сюжета, некоторые неслаженности в ходе действий, неубедительность отдельных второстепенных персонажей (старой цыганки и др.) и в некоторых случаях на растянутость, а подчас и «цветистость» слога, но в целом отозвался о романе с высокой похвалой, считая Лажечникова «лучшим русским романистом». Написанная в тяжелую пору насильственного «примирения с действительностью», рецензия В. Г. Белинского сама по себе — документ довольно сложный. Он почти совсем уклонился от рассмотрения общественного содержания избранного сюжета, хотя и подчеркнул, что Волынский у Лажечникова «человек глубокий, могучий духом, пламенный патриот, душа чистая, благородная, но легкий, ветреный; тонкий политик и мальчик, не умеющий совладать с самим собою; государственный муж — и волокита, гуляка праздный. Соединение таких противоположностей очень возможно». Но от анализа исторического Волынского и от анализа художественного воплощения общественной тематики Белинский отказался и «самым лучшим лицом» в романе признал Мариорицу. Это «дитя пламенного Юга, дочь цыганки, питомица гарема, дивный цветок Востока, расцветший для неги, упоения чувств и перенесенный на холодный Север». Подчеркивая, что «поэт не судья, а свидетель», и считая, что «моральная точка зрения на жизнь и поэтический взгляд на нее — это вода и огонь, взаимно себя

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 3, с. 7—23.

уничтожающие», Белинский не захотел раскрыть связь романа с эпохой и выяснить отражение в нем социальных проблем, тревоживших современников. Но он все же отметил жарким словом сочувствия пламенный патриотизм невинно казненного самодержавием героя.

Для современного читателя не составит никакого труда знакомство с историей Волынского и вообще с историей царствования Анны Иоанновны. У нас под руками и солидные тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, работы И. И. Шишкина, Д. А. Корсакова, Ю. В. Готье и большое количество официальных и мемуарных источников, относящихся к эпохе. Любой общий курс истории России, захватывающий XVIII в., расскажет вам о царствовании Анны Иоанновны и о Волынском. Но не так обстояло дело во время И. И. Лажечникова. Общие исторические труды его времени по истории России доходили в лучшем случае лишь до таких «новых времен», как «смута», или даже до царствования Бориса Годунова, не далее. Это была, как правило, самая крайняя грань, до которой продвигалась «новейшая» история. Таким образом, Лажечников, с точки зрения своих современников, выбрал для своего романа сравнительно позднюю, так сказать «недавнюю» тему, которая еще не достигла в то время своего столетнего юбилея.

Малая изученность этой темы привела Лажечникова к большой работе над первоисточниками — он штудировал записки Манштейна, Корфа, Э. Миниха и работал над тем толкованием дела Волынского, которое сложилось в литературе ко времени написания его романа.

Лажечников далеко не случайно выбрал эту тему: она была для начала XIX в. злободневной и политически насыщенной. Говорить о деле Волынского значило говорить о самодержавии, и больше того — о преступлении, совершенном самодержавием, о казни невинного человека. Говоря о гнусности правления Анны Иоанновны и мрачной бироновщины, легко можно было напомнить читателю о самодержавном произволе николаевского царствования, о политическом сыске, о III отделении, о страшном возгласе «слово и дело», косившем любой живой росток. Первая половина 30-х годов XIX в., когда Лажечников работал над романом, была тяжелым временем: только что было подавлено польское восстание, залиты кровью «холерные бунты», разгромлены студенческие

кружки, исключен из университета В. Г. Белинский, сослан А. И. Герцен. В этих тяжелых условиях разгула самодержавной реакции Лажечников не побоялся взяться за тему о Волынском, более того — оказаться пропагандистом образа Волынского в его декабристской трактовке.

В ходе движения декабристов и родилась в 20-х годах XIX в. поэтическая трактовка образа Волынского, которая принадлежит К. Ф. Рылееву. Поэт-декабрист поднял образ Волынского до уровня высокого революционного символа эпохи декабристского движения. Волынский в его изображении — прежде всего образец «любви к Отечеству священной», борец против тирании, пламенный патриот, сын России, символ политического мученичества. Глубокий, приподнятый до пафоса патриотизм декабристов был воспет их поэтом в образе Волынского.

Рылееву принадлежат два больших стихотворения — «Волынский» и «Видение императрицы Анны». Последнее стихотворение в одном из списков имеет заглавие «Голова Волынского».

Стихотворение «Волынский» первоначально было напечатано в «Новостях литературы» за 1822 г.¹¹ (возможность опубликовать стихотворение в 1822 г. была, очевидно, облегчена тем обстоятельством, что императрица Екатерина II, признав, что Волынский казнен невинно, этим легализовала крайние высказывания о деле Волынского). В 1825 г. стихотворение было перепечатано в сборнике Рылеева «Думы». Оно, конечно, было хорошо известно И. И. Лажечникову. Возможно, что именно оно могло вдохновить его на этот роман, обусловить самый выбор сюжета. Эпиграф к «Эпилогу» «Ледяного дома» и взят как раз из этого стихотворения. Из цензурных соображений Лажечников не мог поместить под ним имени повешенного царем К. Ф. Рылеева, но все же надо удивляться смелости автора «Ледяного дома»: в то время когда поэзия Рылеева находилась под строжайшим запретом, он решился избрать его крамольные строки эпиграфом к завершающей части романа:

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнего Самсона!
Там, за оградой при вратах,
Почиет прах врага Бирона.

¹¹ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934, с. 595.

Отец семейства! приведи
К могиле мученика — сына:
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Стихотворение «Голова Волынского, или Видение императрицы Анны» написано Рылеевым осенью 1822 г. Оно не было напечатано при жизни Рылеева, очевидно, из-за цензурных условий. Но 16 декабря 1822 г. Рылеев читал это стихотворение в заседании «Вольного общества любителей российской словесности»¹². Оно распространялось в списках. Можно предположить, что такой список имелся и у Лажечникова.

Обрисовка Волынского как патриота, подлинного сына своей Родины, борца с тиранами, как народного героя, пошедшего на смерть за свои убеждения, насквозь пронизывает образ, данный Рылеевым, в стихотворении «Волынский»:

Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!..
Но тот, кто с гордыми в борьбе
Наград не ждет, и их не просит,
И, забывая о себе,
Все в жертву родине приносит.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни — правотою горд
И вечно в чувствах благороден..
Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках.

Важно отметить и в этом пламенном образе одну характерную черту, несколько умеряющую эту пламенность и позже вошедшую в роман Лажечникова. Волынский в этом произведении Рылеева борется не против тиранства самодержавия, а против тиранства слуг самодержавия. Царица неприкосновенна даже в этом стихотворении:

¹² Там же, с. 611.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнь и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном:
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Но в стихотворении «Видение императрицы Анны» возникают уже и иные мотивы. Здесь в центре — Анна, ее преступление, и упрек мертвой головы Волынского адресован непосредственно ей — носительнице самодержавия. Сравнение двух трактовок, цензурной и не прошедшей цензуры, ярко показывает, как строился образ вне цензурных стеснений и какие именно мотивы вводились из соображений цензуры. Царицу Анну мучит тоска, она уходит одна в тронный зал, опирается рукой о трон и видит внезапно перед собой отрубленную голову Волынского. Кровь каплет на помост, на котором стоит царский трон.

Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны...
Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:
«Что медлишь ты?.. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный,
Где каждый восприимет мзду:
Равны там раб и царь надменный!..»
Окончив грозные слова,
По-прежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Лажечников не мог пойти по идейному пути «Видения императрицы Анны» — он воспринял и развил трактовку стихотворения «Волынский», усилив в ней момент «неприкосновенности» императрицы, введенный Рылеевым из соображений цензуры.

Если сопоставить рылеевскую трактовку с историческим образом Волынского, бросится в глаза большое различие. Если сопоставить трактовку образа Волынского у Лажечникова и у Рылеева, несомненно разительное сходство. И тут и там Волынский — прежде всего пламен-

ный патриот, выше всего ставящий свою Родину и готовый все принести в жертву. У Лажечникова — тот же пафос в трактовке и то же упрощение исторического сюжета в угоду основному замыслу. Но в романе рылеевский образ Волынского все же прошел через две призмы: через призму собственного либерализма Лажечникова, далекого от каких бы то ни было революционных дерзаний, и через учет Лажечниковым цензурных требований. Поэтому великий патриот и сын Родины Волынский был резко противопоставлен не Анне Иоанновне и Бирону, а лишь одному последнему. Самодержавие нельзя было задевать решительно и резко. В романе Волынский считает своим патриотическим долгом «открыть глаза» государыне: все зло, причиняемое России Бироном, происходит якобы без ведома царицы. Этот мотив подчеркнут Лажечниковым: «Государыня необыкновенно тосковала во весь день. В ушах и сердце ее отзывались смелые истины, сказанные ее вельможами. Несчастья России, если и вполовину существовали, как ей изобразили, налегали на грудь ее, и без того растерзанную болезнями и привычкою к предмету недостойному. Освободиться, однако ж, от него не имела сил» (ч. IV, гл. II). Цели своей — сообщить царице о преступлении Бирона — в романе Волынский добился: «Вскоре потребовали Волынского во дворец. Тут имел он уж случай развернуть пред государыней со всем усердием верноподданного и горячностью истинного патриота картину ужасных зол, которыми Бирон отягчил Россию...» (ч. IV, гл. VI). Но дальнейший ход событий в романе говорит за себя: хотя Волынский и довел обо всем до сведения царицы, его казнят. Таким образом, проведенное Лажечниковым политическое смягчение рылеевской трактовки все же не изменило ее — образ по существу остался рылеевским.

«Как? — восклицает Волынский в разговоре с Зудой, — из того, что я могу навлечь на себя немилости, пожалуй — ссылку, казнь, что я могу себя погубить, смотреть мне равнодушно на раны моего Отечества, слышать без боли крик русского сердца, раздающийся от края России до другого!.. система доносов и шпионства, утонченная до того, что взгляд и движения имеют своих ученых толмачей, сделавшая из каждого дома Тайную канцелярию, из каждого человека — движущийся гроб, где заколочены его чувства, его помыслы; расторгнутые узы приязни, родства, до того, что брат видит в брате подслушника,

отец боится встретить в сыне оговорителя; народность, каждый день поруганная; Россия Петрова, широкая, державная, могучая — Россия, о боже мой! угнетенная ныне выходцем, — этого ли мало, чтобы стать ходатаем за нее пред престолом ее государыни?..» (ч. I, гл. V).

Важно отметить и то, что попытка противопоставить политическую деятельность Волынского его «преступной страсти» к Мариорице оканчивается сюжетно у Лажечникова победой линии политической. Мариорица гибнет, а Волынский идет на плаху. Его образ увенчан в романе чертами именно политического мученика, а не несчастного любовника, таков финал.

Трактовка Бирона у Лажечникова является рылеевской. Бирон выдержан в романе в духе мрачного, кровавого злодея. Бирон — немецкий феодал, временщик-иноземец, ненавидящий все русское. В его поступках личное коварство, жестокость и адская хитрость — на первом плане. Создавая образы Волынского и Бирона, Лажечников принял трактовку, данную Рылеевым и молодым Пушкиным, для которых Бирон был прежде всего ненавистный иноземец и временщик, презренный и мрачный злодей:

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота,
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

В 1822 г. Пушкин писал в «Заметках по русской истории XVIII века» об азиатском невежестве, которое обитало при российском дворе, и в примечании заметил: «Доказательство тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елизаветы».

И. И. Лажечников со всей страстностью отстаивал свою, «декабристскую» трактовку образов Бирона и Волынского. Волынский был и остался для него прежде всего русским патриотом. Важно отметить, что Лажечников оценил прогрессивную черту реального исторического Волынского — его борьбу против кучки немецких временщиков — и противопоставил патриотизм Волынского

корыстному самоуправству Бирона в чужой стране. Свое суждение он основывал на исторических фактах.

В ответном письме Пушкину в 1835 г., даже скорее не письме, а целом историческом трактате, Лажечников со всем жаром защищает старую — 20-х годов — рылеевскую традицию в трактовке образа Бирона. Пушкин, бросивший в письме к Лажечникову неосмотрительные слова об уме и «талантах» Бирона, встретил страстную отповедь «русского Вальтера Скотта»: «Кстати, пункт третий: сам Бирон. О! никакое перо, даже творца „Онегина“ и „Бориса Годунова“, не в состоянии снять с него позорное клеймо, которое история и ненависть народная, передаваемая от поколения к поколению, на нем выжгли... Если можно простить злодеяние за ум и таланты, я готов бы извинить за них злодейства Ришелье. Но какой ум и какие таланты правителя народного имел Бирон? То и другое должно доказываться делами. Что же славного и полезного для России сделал временщик?.. Разве то, что он подвинул назад границы наши с Китаем, до того зарубленные по Амур? Что отдал персам завоевания Петра?.. Быть может, какой-нибудь лихой наездник-историк велит нам снять шапку пред его памятью за то, что он, ничтожный выходец, умел согнуть Петрову Россию в бараний рог и душил нас, как овец? Или, может статься, велят нам увидеть его ум и великие таланты в мастерской его езде верхом на разные манеры, или в том, что он имел дерзость сесть не в свои сани?..»¹³. В этом споре историк, на мой взгляд, не может не присоединиться к Лажечникову.

Несомненно, что в романе «Ледяной дом» отблески идеологии декабризма значительно смягчены, переплетены с «верноподданнической лестью», с неопасным для цензуры умереннейшим либерализмом, но все же литературовед, исследующий роман Лажечникова, не сможет обойти молчанием эту сторону романа. Разбросанные то тут, то там эпитафии из произведений декабриста А. А. Бестужева-Марлинского, неподписанный эпитаф из «Волынского» Рылеева перед «Эпилогом» — все это еще раз напоминает о декабристах.

Одной из центральных фигур романа, изображение которой, по-видимому, особо трудно удалось автору, является императрица Анна Иоанновна. Ее образ у Лажечни-

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 16. Переписка 1835—1837, с. 65,

кова далеко не совпадает с исторической действительностью.

Мы уже выяснили, почему ее фигура не могла быть опорочена: порочить носительницу самодержавия, императрицу — это погубило бы роман в глазах цензуры. Поэтому Лажечников не поскупился на изъявление верноподданнических чувств, адресованных Анне Иоанновне. Даже при описании ее «смуглого и рябоватого» лица Лажечников добавляет эпитет «величавого». Невнимательность к государственным делам все время извиняется болезненностью и плохим состоянием здоровья царицы, предчувствием близкой смерти и т. п. Но как ни раскладывается Лажечников перед образом «самодержицы», он изобличает ее фактами. И «родины козы», и страсть к Бирону, и мимоходом упомянутая расправа с И. А. Балакиревым — все это факты, дискредитирующие, разоблачающие самодержицу. Казнь Волынского, конечно, последний и самый решительный пример этого разоблачения.

Трактовка образа В. Тредьяковского у Лажечникова — пример исторически неверного и тенденциозного подхода. Образ нарисован в романе одной черной краской. Тредьяковский у Лажечникова — педант, полнейшая бездарность, скопище самых отрицательных черт. Между тем этот трудолюбивейший и очень культурный для своего времени стихотворец и литературный теоретик усердно работал в обстановке мрачного феодального режима и при наличии неразработанности русского литературного языка. Его стихотворные произведения очень слабы, но заслуги его в изучении нового русского стихосложения несомненны. В его требовании писать «простым русским словом, каковым мы между собой говорим», было заложено зерно большой поэтической истины. Он положил основы нового русского стихосложения, изучив переход от силлабического к силлабо-тоническому стиху. Его произведение «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и ряд других теоретических работ правильно предугадали основную линию развития будущего русской поэзии. Избиение Тредьяковского Волынским вызвало жалобу поэта в Академию наук. Эта жалоба является одним из потрясающих человеческих документов, вызванных феодальным угнетением. Поэтому замечательны своей правдивостью строки Пушкина о Тредьяковском в письме к Лажечникову от 3 ноября 1835 г.: «За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить».

Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя».

Эпоха, в которую жил Лажечников, ворвалась в роман не только в трактовке основных образов, но и некоторыми второстепенными его деталями. Характерное свидетельство оставила Татьяна Пассек, познакомившаяся с И. И. Лажечниковым в Твери. Она рассказывает в своих воспоминаниях, чьи черты Лажечников присвоил облику тайного советника Щурхова (Хрущова), сообщника Волынского.

«С первого дня нашего знакомства с Иваном Ивановичем мы так сблизились, что в продолжение почти трех месяцев, проведенных нами в Твери, редкий день с ним не видались. В этот-то период времени Иван Иванович писал свой роман „Ледяной дом“ и читал нам из него отрывки в рукописи, входя так глубоко в роли героев и в события, что чувства и мысли их отражались в чертах его лица, в его голосе — и картины оживали. Лажечникова чрезвычайно забавляли наши рассказы о странностях, оригинальных капризах и выходках Ивана Алексеевича [Яковлева, отца Герцена]. Его уединенный образ жизни, три польские собачки, постоянно находившиеся при нем и с того времени, как Саша [А. И. Герцен] поступил в университет, а я вышла замуж, заменившие нас, его поношенный халат на мерлушках, красная шапочка с лиловой кисточкой, мешанье в печи дров — все это так нравилось Лажечникову, что он принарядил этими странностями своего добродушного чудака советника и при нас же вместил в свой „Ледяной дом“»^{13а}.

Но этим дело не ограничивается: вошли в «Ледяной дом» и пушкинские образы. Их встречаем мы в эпиграфах, они также входят в органическую ткань романа. «Где ж маменька ужасного честолобца?» — вопрошает Лажечников, описывая окружение Волынского и упомянув о молодом Подачкине. «Видите ли направо, у дверей буфета, эту пиковую даму, эту мумию, повязанную темно-коричневым платочком, в кофте и исподнице такого же цвета?» (ч. I, гл. I). Тот же образ настойчиво всплывает

^{13а} Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963, т. 2, с. 23—24.

и при описании той же барской барыни Подачкиной: «Тут наша пиковая дама с сердцем схватила муфту в одну руку и начала ею замахиваться» (ч. III, гл. II).

Пушкинская «Пиковая дама» написана в 1834 г. и была для Лажечникова в момент написания романа самой свежей литературной новинкой. Нельзя не заметить, кстати, что сравнение «барской барыни» Подачкиной с графиней «Пиковой дамой» крайне поверхностно и может быть понято лишь как не совсем удачное ироническое сравнение.

В отличие от позднейших исторических романистов Лажечников почти не пытается делать речь своих героев соответствующей эпохе. Его придворные и сама императрица говорят языком николаевского двора. Попытки ввести в роман моменты исторической перспективы крайне слабы у Лажечникова. Он отмечает, что во времена Анны Иоанновны «самоваров тогда еще не было» (ч. III, гл. V). Он пытается дать читателю почувствовать внешнюю разницу между Петербургом Анны Иоанновны и Петербургом николаевского времени: «Какой мороз! — сказал ее товарищ, нахлобучив плотнее свою шапку и подвязывая себе бороду платком. — Того и гляди, что оставишь нос и уши в этом чухонском городке, который ближе бы назвать городскими слободами. Там палаты, около них жмутся мазанки; здесь опять палаты, и опять около них мазанки, словно ребятишки в лохмотьях связались в игру с богатым мужиком. А между ними луга да площади, как будто нарочно, чтобы ветру ходить было разгульнее!» (ч. I, гл. II).

При описании маскарада Лажечников сообщает: «...тут был полный доморощенный маскарад, какой только младенческое искусство тогдашнего времени могло устроить. В затеях подобного рода наши предки не были изящны; зато они веселились не равнодушно, не жеманно» (ч. I, гл. VII). Ту же цель преследует мимоходом сделанное замечание о расположении комнат в доме Волынского: «В тогдашнее время не было в домах ни мужниной, ни жениной половины; все было между ними общее» (ч. IV, гл. III). Но эти внешние и случайные упоминания, конечно, не дают исторической перспективы, они лишь подчеркивают, что перед автором, собственно, и не стояло такой задачи.

В самой манере изложения Лажечникова и в направленности его мысли чувствуется ориентировка на читате-

ля, принадлежащего к «приличному» и «воспитанному» обществу: «...убегают русалки, с распущенными волосами, в одежде по моде русалок, какую они в подводном царстве употребляют», — шутит Лажечников специально для «прекрасного пола» своего времени, занятого модами (ч. II, гл. V).

Автор отчетливо представляет себе своих читателей и их реакцию на все «опасные» места его произведения. Он даже пускается в разговоры с этим предполагаемым читателем, вступает с ним в салонно-шутливые объяснения. Особо нагляден пример с описанием того, как отнеслась Мариорица к записке Волинского.

«...Мариорица ощупала роковую записку. Вынуть, прочесть ее, упиваться страстными выражениями, отметить малейшие оттенки любви, слить эти оттенки в одну радугу надежды, погоревать, даже поплакать, что бедный ее Артемий Петрович так страдает от любви; наконец, поцеловать раз, еще раз, нежно, страстно, роковое послание и потом спрятать его на груди, у сердца, — вот что делала Мариорица и что делает каждая влюбленная девушка, получив записку от предмета своей любви (пожалуй, если угодно, от жениха!)».

И Лажечников немедленно вступает в переговоры с читательницами:

«Несмотря на эту оговорку, предчувствую, что грозное ополчение девушек поднимется на меня войной, копьями своих булавок исковыряет эту печатную страницу и везде встретит меня криком: „Неправда! неправда! Стыд автору! Смерть политическая его сочинению!“»

Виноват, виноват: я пошутил; и если вы находите, что Мариорица сделала очень дурно, приняв послание, то вспомните, что она воспитывалась в гареме» (ч. I, гл. VIII).

Попытался Лажечников провести в романе и слабую, завуалированную проповедь свободы чувства. Исследователь творчества Лажечникова С. А. Венгеров даже сравнивает в этом отношении Лажечникова с Жорж Санд: «Разве не этот принцип сделал всемирно известным имя Жорж Санд»¹⁴. Конечно, подобное сравнение преувеличено и Лажечниковым не заслужено. Традиция сочувствия несчастным любовникам, которые в силу семейных,

¹⁴ Венгеров С. Иван Иванович Лажечников: Критико-библиографический очерк. — В кн.: Лажечников И. И. Собр. соч. СПб., М., 1901, т. 1, с. XCIV.

религиозных или каких-нибудь других причин не могут соединиться, была свойственна огромному числу литературных произведений, предшествовавших Лажечникову. Но верно то, что Лажечников проявил такую горячую симпатию к жертвам светских условностей, что она оказалась очень яркой и характерной чертой его романа. В. Г. Белинский обратил на это внимание и пришел к выводу, что Мариорица любила Волынского «как восточная женщина». С. Венгеров в этом случае, в общем, справедливо возражал Белинскому, что «Мариорица любила не как восточная женщина, а как европейская, и именно того фазиса европейской мысли, когда было осознано, что только сама же любовь может устанавливать для себя законы»¹⁵.

Вопрос об отношении цензуры к роману Лажечникова остался, к сожалению, до сих пор не исследованным. В единственной монографии, посвященной Лажечникову, — принадлежащей С. Венгерову — вопрос этот совершенно не затронут. Е. М. Шуб, впервые поднявшая архивные материалы цензурных дел о Лажечникове, освещает цензурную историю романа «Ледяной дом»¹⁶.

Надо добавить, что Лажечников ухитрился в романе об эпохе императрицы Анны Иоанновны вставить комплимент, прямо и непосредственно адресованный не кому иному, как... Николаю I. Описывая знаменитые «родины козы», Лажечников доходит до момента, когда дерзкие «взбунтовавшиеся» вельможи кружка Волынского не желают дать на зубок новорожденному. Шут Педрилло передает им требование царицы, но дерзкие недвижимы. Что это? Бунт? Что делать царице? «Петр, Екатерина и... (умолчим: он жив — живым хвала столько похожа на лесть) пошли бы навстречу беде. Так делают великие духом; но Анна Иоанновна была больная женщина, и любимец ее умел пользоваться ее немощами. Оторопев и бледнея, она шепотом просила его усилить свои предосторожности на случай худого намерения» (ч. III, гл. VII). Как видно, чрезвычайно прозрачный намек на Николая I позволил Лажечникову нелестно высказаться об императрице Анне Иоанновне.

Но было бы неправильно не отметить той общей черты романа, о которой уже говорилось в связи с частным

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. примеч. в кн.: *Лажечников И. И. Ледяной дом*. М., 1979.

случаем — обрисовкой в романе образа императрицы Анны Иоанновны: несмотря на общий тон «политической благонадежности» автора и комплиментов самодержавию, роман часто оперировал образами отнюдь не в пользу последнего. В этом легко убедиться на ряде примеров, показывающих социальную заостренность положений в романе Лажечникова. Чего стоит, например, одна замечательная сцена той страшной ночи, на которую была обречена шутовская свадебная пара, покинутая в ледяном доме. «Несколько минут утешает их огонь в ледяном камине, на ледяных свечах; но этот фосфорный огонь не греет — вот и он слабее перебегает по ледяным дровам, цепляется за них, бьется, умирая, исчезает... Холодно, мрачно, как под землею! Сердце замерло... Нет более сил выдерживать. Стучатся в дверь, стонут, умоляют часовых выпустить их, припадают заочно к их ногам, клянутся по гроб не забыть их благодеяний, обещаются озолотить их. Ничто не помогает. Отчаяние берет верх. От мольбы переходят к проклятиям; все проклинаят, что только носит имя человеческое; ломают и уничтожают все, что могут разломать и уничтожить, селятся разрыть стену... наконец, предавшись отчаянию, садятся на постель... Глаза слипаются, дремота одолевает их более и более; смерть уже протягивает на них руки, усыпляет их, убаюкивает сказками, сладкими видениями; еще одна минута... и они заснули бы навеки» (ч. IV, гл. V).

Эта картина страшного конца царицыной забавы говорила сама за себя.

Отвратительное пресмыкательство придворных кругов разоблачено в образе Подачкиной: «Ведь мой Петенька еле-еле не князь, ходит у ручки государыниной и при сучке ее величества, и коли задумает, так и самому Волынскому несдобровать» (ч. III, гл. II). В романе то встретим мы гайдука, танцующего на морозе и посылающего «проклятия всем барским затеям» (ч. I, гл. I), то описание конюшен, бироновских лошадей, житью-бытью которых завидуют люди.

В «Ледяном доме», как и в более ранних произведениях Лажечникова, имеет место протест против крепостного права. Подачкина — шпионка, личность гнусная и отвратительная — была «барской барыней» в доме Волынского. «Заметьте, — пишет Лажечников, — она — *барыня*, но только *барская*!.. Придумать это звание могла лишь феодальная спесь наших вельмож тогдашнего времени».

Эта «барская барыня» «...спала и видела, чтобы произвести своего сынка в офицеры, то есть в такие люди, которые могут иметь *своих* людей: высшая степень честолюбия подобного класса и образования женщин!» (ч. I, гл. I). Тот же характер носят мечты госпожи Кульковской, и эти «мечты» особенно ярко показывают отношение Лажечникова к крепостному праву: «... она уж столбовая дворянка, может покупать на свое имя крестьян и колотить их из своих рук... Осмелюсь кто из крестьян пискнуть перед ней: кликнула — заплечный мастер садится на облучок ее повозки — летят, приехали, и по ее мановению, без дальнего суда, расправа готова. Все дело нескольких целковых и власти боярской. Чудные времена, славные времена!..» (ч. IV, гл. V).

Произведение Лажечникова проникнуто чувством глубокого гуманизма. Замечательны страницы, рисующие яркие картины гнета и издевательства бироновских приспешников и самого Бирона над нерусскими народностями. Образ украинца Горденки, замороженного слугами Бирона, свидетельствует об этом сильнее всех. Помимо этого, в романе то тут, то там разбросаны отдельные штрихи, рисующие грубое издевательство над личностью человека: в описании шутовской свадьбы и процессии нерусских народов говорится о татарине и татарке верхом «на откормленных свиньях, на которых посадили их, чтобы доказать, как можно преодолеть натуру и обычаи» (ч. IV, гл. V). Интересна в том же отношении первая глава «Ледяного дома» — смотр согнанных со всех концов национальных пар. «Фаланга слуг, напудренная, в ливрейных кафтанах, в шелковых полосатых чулках, в башмаках с огромными пряжками, дает ей место. И вот бедная чета, волшебным жезлом могучей прихоти перенесенная из глуши России от богов и семейства своего, из хаты или юрты, в Петербург, в круг полутораста пар... перенесенная в новый мир через разные роды мытарств, не зная, для чего все это делается, засученная, обезумевшая, является, наконец, в зале вельможи перед судом его... в этом стаде, которое гонит бич прихоти, редко кто обнаруживает в себе человека» (ч. I, гл. I).

«Ледяной дом» И. И. Лажечникова — это один из первых русских исторических романов, обладающий живым и ярким историческим сюжетом, образы которого не лишены социальной остроты. В некоторых своих картинах роман верен исторической истине. Но в целом он все же

не является исторически точным. «Ледяной дом» органически связан с первой третью XIX в., с эпохой, в которую он написан, и своими основными образами тем-то особенно и интересен для нас, что продолжает литературную традицию декабристов.

В целом роман «Ледяной дом» — живой и волнующий памятник русской культуры. Он имеет все права на внимание советского читателя.

На примере «Ледяного дома» И. И. Лажечникова мы видим, сколь сложна и длительна функция системы художественных образов в историческом процессе. Произведение живет уже свыше полутора веков и все не расстается со сменяющимися друг друга поколениями читателей.

ТРЕТИЙ «ПРОРОК» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (Стихотворение Н. А. Некрасова о Н. Г. Чернышевском)

Стихотворение Н. А. Некрасова «Пророк», посвященное Н. Г. Чернышевскому («Не говори: Забыл он осторожность! Он будет сам судьбы своей виной!..»), давно стало знаменитым. Оно так же срослось с обликом Чернышевского, как лермонтовское «На смерть Пушкина» с памятью великого поэта.

Тема стихотворения была конспиративной. Заглавие «Пророк» и маскирующий подзаголовок «Из Ларры» или вскоре замепивший его — «Из Барбье» уводили цензуру от имени пророка. В сборнике Некрасова «Последние песни», вышедшем в 1877 г., поэт не мог по цензурным соображениям опубликовать ни истинного имени того, кому посвящалось стихотворение, ни последней, завершающей строфы:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог гнева и печали
Раbam земли напомнить о Христе ¹.

Заглавие и пропущенная завершающая строфа восстановлены личной правкой Н. А. Некрасова в дарственном

¹ Воспроизвожу текст по изданию, подготовленному Г. В. Красновым: Некрасов Н. А. Последние песни. М., 1974, с. 6. В Полном собрании сочинений и писем Н. А. Некрасова (М., 1948, т. 2, с. 381) последняя строка читается: «Царям земли напомнить о Христе». Такое чтение основано лишь на свидетельстве мемуарного характера и не имеет опоры в рукописях поэта.

экземпляре «Последних песен» (1877), подаренном автором художнику И. Н. Крамскому. Некрасов зачеркнул и название «Пророк», и подзаголовок «Из Барбье» и вместо этого написал было: «Памяти Чер[нышев]ского», но спохватился — Чернышевский в то время был еще жив, — зачеркнул эту поправку и заменил ее словами: «В воспоминание о Чер[нышев]ском». Строго говоря, эту правку и надо бы оставить как заглавие при воспроизведении текста в настоящее время². Однако некрасоведов, по-видимому, тревожит некая стилистическая неотделанность заглавия, трудность слитного чтения слов: «В воспоминание...» (слияние двух «в»). Эта быстро найденная Некрасовым поправка ошибочного выражения «Памяти Чер[нышев]ского» представляется текстологам недостаточно отработанной. Поэтому некоторых более привлекает заглавие из найденной в архиве П. А. Ефремова копии с не дошедшего до нас другого автографа того же стихотворения; озаглавлено оно иначе: «Н. Г. Ч.», что расписывается: «Н[иколай] Г[аврилович] Ч[ернышевский]». На рукописи внизу стоит помета: «(Списано с автографа) 27 мая 1875 года»³. Следовательно, существовал автограф с иным заглавием, видимо больше удовлетворяющим литературоведов. Но — увы! — мы им не обладаем, перед нами все же не автограф, а лишь копия с автографа. Помета наверху — «Н. Г. Ч.» — может оказаться как бы комментарием копииста к тексту, списываемому с подлинника. Это останавливает текстологов, хотя находятся и сторонники признания именно этого заглавия (А. М. Гаркави). Считая же равноценной подлинность обоих названий, исследователи приходят к выводу, что Некрасов колебался в выборе подзаголовка и к окончательному решению еще не пришел. Но самое важное в вопросе другое: *стихотворение посвящено Н. Г. Чернышевскому*. Это засвидетельствовано самим Некрасовым, и, по-видимому, дважды. Сомнений, которые ранее существовали, теперь уже быть не может.

Собственно говоря, вся правка Некрасова несет в себе смысл *оповещения об имени*. Он хочет, чтобы стало из-

² Факсимиле поэта Некрасова опубликовано в «Литературном наследстве» (М., 1946, т. 49/50, с. XXV). Пока это единственная, дошедшая до нас правка заглавия, сделанная рукою автора.

³ Дымов С., Холодова В. Новое о Некрасове из архивов Н. Г. Чернышевского и П. А. Ефремова. — В кн.: Литературное наследство. М., 1949, т. 53/54, с. 156.

вестно и бесспорно, что стихотворение посвящено именно ему — Чернышевскому. Ведь ни конспиративный подзаголовок «Из Ларры», ни сменивший его «Из Барбье» не только не вели к пониманию *имени* того, о ком говорится в стихотворении, но уничтожали даже пути к этому всему. А Некрасов в любом варианте своей правки, почти открыто, с полной возможностью понять, объявляет *имя*. Великолепно и точно название «Пророк», найденное им в самом начале, хотя один раз он и зачеркнул его, оставив только имя. Позднейшие публикаторы правы, сохраняя слово «Пророк» как общее заглавие, а имя — как подзаголовок, дающий читателю разгадку, о ком идет речь. Всем этим выявлен основной замысел изумительного стихотворения.

Таким образом, в русской литературе — три «Пророка»: Пушкинский, Лермонтовский и Некрасовский. И у всех трех, в сущности, одна тема — призвание пророка. Одна, но по-разному решаемая.

И пушкинский, и лермонтовский «Пророки» довольно подробно изучены и комментированы. Однако сказать это о некрасовском «Пророке» нельзя. В числе неясных, мало исследованных вопросов — датировка написания произведения. С нее мы и начнем. Ведь от датировки многое зависит.

В обстановке цензурных притеснений и невозможности опубликовать текст в печати полностью Некрасов в разное время дарил верным друзьям листки с полным текстом, написанные своею рукою. Так возник в литературном наследстве Некрасова особый вид документа — дарственный автограф. Некрасов, таким образом, содействовал распространению полного текста, изуродованного цензурой.

В текстологии необходимо отличать дарственные автографы уже написанных стихов от автографов непосредственного творческого процесса: черновиков, сопутствующих проб, вариантов, наконец, сложившегося авторского текста — первого полного автографа. Дарственный автограф, как правило, всегда является более поздним по дате, чем непосредственные первичные автографы творческого процесса. Датируются дарственные автографы днем, а иногда днем и местом дарственной записи. Нечто аналогичное — в обычной дарственной записи автора на вышедшей книге, брошюре, оттиске. Кому придет в голову, делая на книге такую дарственную авторскую над-

пись, датировать ее датой окончания вами данной работы? Так никогда не делается, вы ставите дату дня дарения. Дарственный автограф стихотворения — особый документ литературоведения, это не только подарок, он вместе с тем чаще всего и память о встрече, о каком-то разговоре — в нашем случае, вероятно, о пояснении причин цензурного запрета.

Известно, что дарственный автограф стихов о Чернышевском был, например, вручен Некрасовым П. А. Ефремову. По копии, снятой М. И. Семевским, автограф датирован с указанием места встречи: «[18]75, V, 27, Лиговск[ая] сторона» (Ефремов с 1875 г. жил на Лиговке)⁴. На мой взгляд, аналогичен по типу и дарственный автограф, подаренный Некрасовым годом раньше, по-видимому, какому-то товарищу по охоте или при встрече с кем-то на охоте. На нем значится: «В избе лесника на 125-й версте М[осковской] ж[елезной] д[ороги], ночь 8 авг[уста], 1874»⁵. Автограф носит белойой характер. Почему-то данные указания места и дата сразу и безоговорочно приняты многими исследователями за датировку конца творческого процесса, за указание даты и места написания стихотворения, хотя никаких указаний на это в данной записи нет. На мой взгляд, нет оснований считать этот дарственный автограф первичной авторской рукописью и принимать поставленную на нем дату за время создания произведения. Нельзя поэтому согласиться с высказанным в литературе мнением, будто бы «единственным документальным источником, в котором названа дата его написания (?)», является пометка Некрасова в автографе стихотворения», далее следуют цитированные выше строчки «В избе лесника» и т. д. Как раз доказательств главного — того, что эта надпись является «датой написания» стихотворения, нигде не приводится⁶. К. И. Чуковский в своем комментарии к стихотворению

⁴ Там же.

⁵ Цитируется во многих комментариях. См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем / Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948, т. 2, с. 726; Некрасов Н. А. Последние песни, с. 279, и др.

⁶ Гаркави А. М. К спорам о стихотворении Некрасова «Н. Г. Чернышевский». — В кн.: Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1965, вып. 4, с. 105 (Знак вопроса после слова «написания» принадлежит мне: я не вижу в тексте подобного обозначения. — М. Н.).

Некрасова о Чернышевском также оперирует словами того же значения, опираясь на цитированную запись⁷, но также не дает при этом никакой аргументации своих предположений.

Есть сведения и о другом дарственном автографе Некрасова. Стихотворение «Пророк» было записано Некрасовым по просьбе П. А. Ефремова 27 мая 1875 г. и с этого автографа списано М. И. Семевским, который надеялся опубликовать стихи в «Русской старине», но цензура не пропустила текста в мартовскую книгу. Зная аккуратность и опытность М. Семевского, мы не имеем оснований усомниться в точности его копии. Если сопоставить на равных основаниях дату, проставленную Некрасовым на дарственном автографе Ефремову, с датой записи «В избе лесника», то, взятые как «даты написания», они аннулировали бы друг друга, расходясь на десять месяцев; но все становится вполне понятным, если принять и ту и другую за дарственные автографы, которые могут быть даны в самое разное время. За то, что автограф «В избе лесника» был также дарственным автографом, говорит, как указано, и его беловой характер. Никто из авторов, писавших об интересующем нас стихотворении Некрасова, не доказал, как сказано выше, почему дату 1874 г. «В избе лесника» надо обязательно считать датой окончания творческой работы над стихотворением. Но дата эта закрепились в недоказанном виде и определяет теперь место стихотворения и в собраниях сочинений Некрасова, и в биографии поэта.

Перейдем теперь к данным исторического характера по существу темы стихотворения. Можно ли было написать такое стихотворение о Н. Г. Чернышевском в 1874 г.? Думаю, невозможно.

В это время Чернышевский находился в Сибири, в вилуйском заточении. Просьбы же Ольги Сократовны перевести его в более здоровую местность встретили отказ царя (помета Александра II на прошении: «Оставить»). Со дня ареста — 7 июля 1862 г. — Чернышевский томился в тюрьмах, считая и Петропавловскую крепость, уже *более 12 лет*. 19 мая 1864 г. Чернышевский пережил на Мытной площади в Петербурге еще одну форму своего

⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 2, с. 725—726. Ср. слова: «Когда Некрасов писал это стихотворение...» (там же, с. 725).

«распятия» — гражданскую казнь. И вот будто *после* всего этого поэт, близкий друг того, кто мучится уже тринадцатый год в заточении, возвещает узнику — своему же другу, что все это, мол, еще ничего, тебя еще не распяли, но час придет — ты будешь на кресте... И смерть тебе любезна... Противоречие это явно лишает смысла предложенную датировку, нарушает историческую перспективу. Чернышевский был уже «распят» царизмом, и «предсказывать» это через 12 лет не имело никакого смысла. При такой датировке и другая строка стихотворения — «Его судьба давно ему ясна» — приобретает почти пародийный характер; узник вправе ответить: «Еще бы не ясна! Сижу в тюрьме тринадцатый год и останусь сидеть — читай царскую резолюцию...». Употребить будущее время в 1874 г. Некрасов явно не мог.

Мы еще не рассмотрели другого предположения о дате написания стихотворения. Оно одно из наиболее ранних, опубликовано в 1912 г. и принадлежит Е. А. Ляцкому. Цитируют его всегда как-то небрежно, отмахиваясь, а не споря. В комментарии к Полному собранию сочинений Н. А. Некрасова мы читаем: поскольку имеется автограф поэта «В избе лесника» с датой «8 августа 1874 года», то «предположение Е. А. Ляцкого, что стихотворение написано в 1862 г., когда Чернышевский находился в Петропавловской крепости, неверно»⁸. Вот и все. Аргументов никаких. Разберем поэтому вопрос более подробно.

Е. А. Ляцкий высказал свои предположения о дате стихотворения в дореволюционном издании⁹ во вводной статье, которая открывала книгу. Тут он первым опубликовал в России стихотворение Н. А. Некрасова о Н. Г. Чернышевском в полном, не урезанном цензурой виде, с заключительной авторской строфой.

Книга «Н. Г. Чернышевский в Сибири: Переписка с родными» была в то же время первой фундаментальной публикацией материалов о сибирском периоде жизни Чернышевского. Сын Чернышевского — Михаил Николаевич подготовил к печати и впервые опубликовал здесь письма Н. Г. Чернышевского из Сибири к жене его Ольге Сократовне, в ту пору еще здравствовавшей (она умерла в 1918 г.), и письмо А. Н. Пыпина к Чернышевскому. Автор

⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 2, с. 726.

⁹ Ляцкий Е. А. [Вводная статья]. — В кн.: Н. Г. Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. СПб., 1912, с. VI—VII.

большой вводной статьи к сборнику Е. А. Ляцкий — зять А. Н. Пыпина, муж его старшей дочери Веры Александровны; он литератор, в свое время кончил историко-филологический факультет Петербургского университета, автор ряда литературных работ.

Мы видим, таким образом, перед собою семейный круг Чернышевских — Пыпиных, связанных достаточно близким знакомством с Н. А. Некрасовым, частым гостем Чернышевского. Все они знали множество событий его жизни, были потрясены его арестом и пребыванием в тюрьме, провожали в Сибирь, в сибирские тюрьмы, — все эти темы многократно обсуждались в кругу людей, создававших книгу. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к предложенной Ляцким датировке стихотворения Некрасова. Чаще всего в некрасоведческой литературе утверждается, что Ляцкий датирует стихотворение «1862 годом». Поэтому при знакомстве с текстом Ляцкого прежде всего удивляет *отсутствие у него этой даты*. Вот его формулировка: «По содержанию и по тону стихотворения ясно, что оно написано, когда Чернышевский был в Петропавловской крепости и когда относительно участи его ходили самые мрачные слухи»¹⁰. Чернышевский был заключен в Петропавловскую крепость 7 июля 1862 г. и был увезен оттуда в Сибирь 20 мая 1864 г., т. е. пробыл в крепости почти два года. Только так и можно интерпретировать датировку Ляцкого, не рискуя впасть в неточность.

Известен и автограф Некрасова, по которому Ляцкий воспроизвел стихотворение. Свидетельствует об этом Нина Михайловна Чернышевская: «В архиве семьи Чернышевского, — пишет она, — хранился и дошел до нас... автограф этого стихотворения — без заглавия и без подписи. В этой рукописи имеются все четыре строфы. Очевидно, она была получена от Некрасова через Пыпина (ЦГЛА). Опубликовано в кн[иге] „Чернышевский в Сибири“»¹¹. Это и есть известный некрасоведам неподписан-

¹⁰ Там же, с. VII.

¹¹ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 456 (в скобках указано место хранения). Ясно, что для Нины Михайловны Чернышевской, принимавшей во время работы над «Летописью жизни Н. Г. Чернышевского» датировку стихотворения Некрасова 70-ми годами XIX в., приведенное выше предположение было самым вероятным. В это время Чернышевский уже давно находился в Сибири и было, конечно, естественно предполагать, что Некрасов «че-

ный автограф стихотворения. Не является ли этот автограф наиболее ранним из трех сохранившихся? Характеризовать его тоже надо как *дарственный* автограф и, добавим, конспиративный. Понятна предосторожность Некрасова, не давшего ни заглавия, ни подписи, — это было, очевидно, способом сделать автограф наименее опасным при возможном обыске.

В опубликованном Ляцким тексте слова: «Забыл он осторожность, он будет сам судьбы своей виной» — взяты в кавычки как прямая речь воображаемого собеседника поэта. Также даны в кавычках слова, имеющие смысл прямой речи Чернышевского: «Жить для себя — возможно только в мире, но умереть возможно для других!» Разночтение содержится в 10-й строке: «Не скажет он, что жизнь ему нужна». Любопытной особенностью публикации Ляцкого являются отступы направо (красная строка) в первой строчке каждой из четырех строф стихотворения. Некоторые из этих особенностей являются правкой публикатора.

Комментируя стихотворение, Ляцкий справедливо писал: «Чернышевского не „распяли“, но отняли у него возможность служить человечеству так, как он понимал это... Это было хуже распятия — это была мучительная пытка, длившаяся 20 лет...». Заслугой Ляцкого является и перенос датировки написания стихотворения Некрасова о Чернышевском к началу 1860-х годов. Датировка эта, на мой взгляд, ближе к истине, чем предыдущие, но она нуждается в некоторых уточнениях и небольшой передвижке. Ляцкий правильно уловил в стихотворении тему смертной казни за революционное дело и связал с нею свою датировку: он относит ее, как сказано, ко времени пребывания Чернышевского в Петропавловской крепости, когда об его участии «ходили самые мрачные слухи»¹². Действительно, в это время иногда возникал, но очень скоро исчезал слух о высшей мере наказания, но всегда явно преобладали предположения лишь о тех или иных сроках каторги и ссылки, часто небольших — «нескольких годах», а не о смертном приговоре.

рез А. Н. Пыпина» передал написанное стихотворение «семье Чернышевского» (семья эта в указанные годы состояла только из жены Чернышевского Ольги Сократовны и ее сыновей). Далее мы вернемся к этому предположению.

¹² Ляцкий Е. А. Указ. соч., с. VII.

Между тем у Некрасова тема смерти проходит через все стихотворение («Смерть ему любезна...», «Умереть возможно для других...»). Некрасову было ясно, что Чернышевский задумал такое дело, которое в случае неудачи и победы царизма над восставшим народом неизбежно закончится гибелью его вождя в борьбе или смертным приговором царского суда. Но, как известно, предъявленное Чернышевскому обвинение не влекло за собою смертного приговора. Значит, у Некрасова речь шла не о времени пребывания Чернышевского в Петропавловской крепости, а о каком-то другом моменте развития задуманного Чернышевским дела. Такой момент был! Напрашивается вывод, что стихотворение Некрасова возникло, вероятнее всего, *до ареста* Чернышевского, когда он и его единомышленники ожидали общего восстания крестьян в связи с реформой и намерены были встать во главе восставших масс. Некрасов был свидетелем многих фактов, дающих возможность предполагать конспиративную деятельность Чернышевского и составить себе ясное представление о его роли будущего руководителя открытой борьбы. Мало того, у Некрасова не могло не быть ясного представления об общем нарастании событий. Есть все основания не только задать вопрос, догадывался ли Некрасов в какой-то степени еще до ареста Чернышевского о его конспиративной работе. Вопрос можно поставить шире: подозревал ли он, что формируются революционные организации (в 1861 г. возникает «Земля и Воля»)? Читал ли он в «Колоколе» письмо «Русского человека» с призывом: «К топору зовите Русь»? Читал ли прокламацию «К молодому поколению»? Были ли в его руках «Великорусс»? «Молодая Россия»? Конечно, знал, конечно, читал, никаких сомнений в этом быть не может. Письмо Н. А. Добролюбова к Некрасову из Италии (август 1860 г.) не попытка ли завербовать самого поэта в создаваемую революционную организацию? Добролюбов считал возможным обратиться с таким письмом к Некрасову, призывал его к «серьезной деятельности»: все идет, движется «к делу» (термин времени, означает — к революционному делу); вдохновлял его примером Гарибальди. Напряженное ожидание массового крестьянского восстания и начала революции после объявления реформы охватывает весь круг революционной демократии — многие еще надеются на общее восстание крестьян в 1861 г. Ничто так не свидетельствует об известной осведомленности Некра-

сова в конспиративных делах революционного подполья, как его лаконичный ответ на вопрос большого Добролюбова: в этом году «ничего не будет». Некрасов, следовательно, был в курсе некоторых важнейших конспиративных вопросов «Земли и Воли», хотя и не решился стать ее членом.

Вот это время — 1860—1862 гг. (до ареста Чернышевского) и было временем создания «Пророка». Тогда все вопросы находят свой ответ, все становится на свое место. Понятны и тема смерти в «Пророке», и неизбежность гибели вождя, если бы погибло восстание и восторжествовало самодержавие. Тогда становится понятной смертельная опасность, грозившая руководителю. Лишь в этом случае снимаются все противоречия и стихи получают полное звучание. Имеет все права и будущее время глаголов: «...он будет сам судьбы своей виной... но час придет» и др. Оправдывается и вся атмосфера подготовки общественного натиска, его нарастания, высокого значения борьбы героя и увеличивающаяся опасность его риска собою, уясняется значение его решения «умереть для других».

Теперь можно вернуться к предположению, что семья Чернышевского получила стихотворение Некрасова, ему посвященное, «через Пыпина». Коль скоро поздняя датировка стихотворения 70-ми годами отпадает, само собой исчезает и нужда в предположении, что Некрасов передал свое стихотворение семье Чернышевского через Пыпина. Если стихотворение было написано до ареста Чернышевского, то напрашивается простейшее предположение, что Некрасов передал свое стихотворение непосредственно самому Чернышевскому. А Ольга Сократовна, уезжая накануне ареста мужа в Саратов с детьми и с большим багажом, в котором были и книги и рукописи, увезла в родной город и этот драгоценный листок без авторской подписи и без заглавия. Она и сохранила его в архиве «семьи Чернышевского». В этом случае никаких других посредников и не было нужно.

Стихотворение было конспиративным не только в силу общего своего содержания. Попадись оно в руки III Отделения до или во время процесса, оно прямым образом угрожало бы двум лицам: самому Н. Г. Чернышевскому, о чьих планах оно свидетельствовало, и непосредственному автору — Н. А. Некрасову, полное сочувствие которого Чернышевскому оно выдавало. Его нужно было

хранить в строжайшей тайне. Некрасов, закрыв имя Чернышевского конспиративными ссылками, решил опубликовать его — и то не в полном виде по запретам цензуры — только накануне своей смерти в сборнике «Последние песни» в 1877 г.

«Последние песни» открываются лирическим циклом стихов умирающего Некрасова¹³. Стихотворение «Пророк [Из Барбье]» идет пятым, в самом начале. Но оно звучит в другом ключе, ему место не здесь. Некрасов «скрыл» среди предсмертной лирики ранее написанное конспиративное стихотворение от вражеских глаз — и оно прошло — правда, опять в искаженном цензурой виде, без последней, завершающей строфы. Органически же, по всей тематике, оно связано со стихами, посвященными революционной проблеме и созданными Некрасовым накануне или во время революционной ситуации, еще до ареста Чернышевского.

Удивительно, как рано заметил Некрасов формирование в России революционного лагеря. Его «Поэт и гражданин» (1856) написан накануне выхода первого номера «Колокола», в то время когда уже начала свою работу герценовская Вольная русская типография за границей, когда уже выходили «Полярная звезда» и «Голоса из России». Самая картина кануна революционной ситуации неполна без стихов Некрасова, они ее слагаемое. «Поэт и гражданин» — предисловие к первой книге стихов Некрасова — своеобразная, в форме диалога, декларация, поэма о роли поэта в такие необычные, только что наступившие времена. «Послушай: стыдно! Пора вставать! Ты знаешь сам, какое время наступило...» Сейчас еще «гроза молчит» и «с волной бездонной в сиянье спорят небеса», но буря близится, вот она приходит — «гром ударил; буря стонет...».

В стране усиливалось крестьянское движение. Александр II произнес в Московском дворянском собрании слова о том, что лучше освободить крестьян сверху, нежели ждать, когда они сами освободятся снизу.

Мы встречаем в поэзии Некрасова образы идейного расслоения общества на разные «станы»: один из них —

¹³ Эта особая лиричность цикла метко подмечена Г. В. Красновым в статье «Последняя книга поэта», помещенной перед комментарием «Последних песен» Некрасова в издании 1974 г. См.: Некрасов Н. А. Последние песни. М., 1974, с. 231 и след.

стан либеральных «мудрецов» («...их назначение — разговоры, свою особу ограда, они бездействуют, твердя: „Неисправимо наше племя; мы даром гибнуть не хотим, мы ждем: авось поможет время, и горды тем, что не вредим!“»). Некрасов страстно агитирует: «Не иди во стан безвредных, когда полезным можешь быть!» Правда, «наперечет сердца благие, которым родина свята», но именно в их стан идти призывает Некрасов. И далее знаменитые строки:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Тема противостоящих «станов» в творчестве Некрасова — особая. Она не может вписаться в рамки настоящей статьи. Но глубочайшее понимание поэтом возникновения *противостоящих* общественных лагерей и раннее осознание одного из них как революционного поражают. В 1860 г. в «Рыцаре на час», когда в России шло усиленное формирование революционного движения, когда страна была накануне революционного взрыва, возникают знаменитые строки Некрасова, обращенные к образу матери:

От ликующих, праздноболтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Стан этот уже начал активно формироваться и готовиться к открытой борьбе, и Некрасов заметил это. Реальный человек, ушедший «в стан погибающих за великое дело любви», — Николай Гаврилович Чернышевский. Тайное дело, которому он был предан, интуитивно угадывалось, понималось Некрасовым. Его судьба глубоко волновала поэта. В этой обстановке и рождаются стихи Некрасова о нем.

Напомним читателю эти стихи:

Не говори: «Забыл он осторожности!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе пет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна,
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте,
Его послал бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Стихотворение Некрасова о Чернышевском динамично, напряженно. Оно удивительно построено. В нем три действующих лица: спорящий с автором голос, голос самого Чернышевского (слова и одного, и другого заключены в кавычки, т. е. выделены). И третий — голос самого Некрасова — основа всего и в себе все несущий. Это он сам передает слова спорящего, как будто перебивая его: «Не говори!» Это он сам передает, уже в *своем* ключе, слова спорящего, чтобы отвергнуть их. Нет, не нужен упрек «забыл он осторожность», не прав говорящий о герое — «он будет сам судьбы своей виной!». Глубокая правда в ином: ведь герой сам видит «невозможность служить добру, не жертвуя собой». Тема — сознательная жертва собой «для других». За них надо умереть — и иначе нельзя, это высшее веление совести: «Так мыслит он — и смерть ему любезна». Некрасов говорит о еще *свободно* действующем, не повергнутом властью, неарестованном человеке. Угроза гибели еще перед ним, она возможна, но пророк действует еще *до* победы зла, он сам еще рассчитывает победить его, идя на предельный риск. «Его еще покамест не распяли...» Он действует. Но поэт уже видит, что опасность неминуема: «Но час придет — он будет на кресте...».

Реальные события проходили перед глазами Некрасова, отражались в его творчестве, питали его. Революционная ситуация рождала возможность создать образ Чернышевского — вождя революционной борьбы, ее «пророка». А возникнув под пером Некрасова, образ этот сам становился слагаемым борьбы, входил в нее, активно действовал в ней.

Невольно напрашивается сопоставление всех трех

великих «Пророков» русской литературы. Первый — пушкинский — только что преображен богом; шестикрылый серафим, явившийся ему на перепутье, глубоко перевос-создал его по велению божества. У него теперь глаза орлицы, язык — «жало мудрых змей», «уголь, пылающий огнем» вместо сердца. Ему приказано свыше: «и виждь и внемли». Он стоит в последних строках стихотворения на пороге великих деяний, он *будет* сейчас обходить «моря и земли» и «глаголом жечь сердца людей». Он *готов* к этому. Он будет действовать.

Лермонтовский «Пророк» попытался действовать — свершить все это. Ему уже было дано свыше «всеведение пророка». Он обходил людей, провозглашая учение «любви и правды». И что же? Люди не только остались глухи, они полны злобы, яростно безжалостны: «В меня все ближние мои бросали бешено камни». Не было другого выхода, как посыпать голову пеплом и нищим бежать из городов. Лишь живая природа приняла пророка — он живет в пустыне, питаясь «как птицы, даром божьей пищи...». По воле бога вся тварь земная любовно льнет к отверженному людьми пророку. Слушают его лишь звезды, «лучами радостно играя». А когда он торопливо пробирается «через шумный град», люди продолжают глумление, они показывают на него своим детям «с улыбкою самолюбивой» — смотрите: «Он горд был, не ужился с нами. Глупец, хотел уверить нас, что бог гласит его устами» (а ведь бог гласил! так и было! пророк говорил правду!). И детей учат *презирать* его!

Не таков «Пророк» Некрасова. Этот третий поворот загадочного образа поразителен: Пророк Некрасова — самый активный и самоотверженный. Он решил *отдать жизнь* за людей, отдать себя; потому он не скрывается в пустыне, он идет на смерть. Почему? «Он видит невозможность служить добру, *не жертвуя собой*». Его любовь к людям «возвышенней и шире» всех других — все «помыслы мирские» изгнаны из его души, он хочет *умереть* за других. За кого же? За «рабов земли» — их миллионы, этих угнетенных рабов. Огромны силы зла, борющиеся с ним: «Его еще покамест не распяли, но час придет — он будет на кресте». Так умер Христос во имя искупления людей. Вспомните об этом, «рабы земли».

Некрасов, как видим, тоже не может привести своего Пророка к победе. Но он показывает его борющимся и отдающим жизнь за народ во имя будущей победы.

Вопрос о М.-Ф. Вольтере и русском обществе чрезвычайно мало исследован. Можно назвать лишь две работы, которые вовлекают этот вопрос в орбиту ученого исследования. Тема эта затронута в работе профессора Киевской духовной академии Ф. Терновского «Русское вольнодумство при имп. Екатерине и эпоха реакции», опубликованной в 1868 г. в «Трудах Киевской духовной академии». Работа Терновского написана с отчетливо клерикальных позиций; автор приводит большой фактический материал, но преследует цель не всестороннего изучения и исторического объяснения такого явления, как вольтерьянство, а единственно его разоблачения. Его работа является любопытным свидетельством того, что еще в конце 60-х годов XIX в. вольтерьянство не ушло в историю, а ощущалось духовенством как живой и действительный враг. Киевская духовная академия испытывала нужду в разоблачении Вольтера пером своего (светского) профессора¹.

Много ценнее вторая специальная работа, принадлежащая перу В. Сиповского: «Из истории русской мысли XVIII—XIX вв.: Русское вольтерьянство», опубликованная в 1914 г. в «Голосе минувшего»². В ней собран обильный фактический материал, хотя опять-таки не дано исторического объяснения изучаемому явлению.

Небольшая брошюра Д. Д. Языкова «Вольтер в русской литературе», вышедшая в свет в 1879 г., небогата исследовательскими моментами; ее основную ценность составляет библиографический перечень изданий произведений Вольтера в России, занимающий более половины брошюры³. Работа А. И. Незеленова «Литературные направления в екатерининскую эпоху» (СПб., 1889) в главах, относящихся к русскому вольнодумству, собственно повторяет работу Терновского, лишь добавляя к ней ряд

¹ Терновский Ф. Русское вольнодумство при имп. Екатерине и эпоха реакции.—Тр. Киевской духовной академии, 1868, январь, март, июль. Автор — сын священника, но сам человек светский, доктор исторических наук.

² Сиповский В. Из истории русской мысли XVIII—XIX вв.: Русское вольтерьянство.—Голос минувшего, 1914, кн. 1, с. 105—131. Я не преследую цели дать полный обзор литературы вопроса и останавливаюсь лишь на основных работах.

³ Языков Д. Д. Вольтер в русской литературе: Историко-библиографический этюд. СПб., 1879. В брошюре 39 страниц малого формата.

реакционных «разоблачений» энциклопедистов. Необходимо отметить, что некоторые работы, по заглавию своему прямо относящиеся к данной теме, не имеют к ней отношения по существу. Так, Д. Кобеко в работе «Ученик Вольтера. Граф Андрей Петрович Шувалов (1744—1789)»^{3а} затрагивает самые разнообразные темы, рассказывая биографию А. П. Шувалова, но вольтерьянству последнего не уделяет никакого внимания, ограничиваясь лишь беглым упоминанием⁴. В царской России тема о Вольтере и русском обществе отнюдь не была поощряема, Вольтера можно было не столько изучать, сколько разоблачать.

Вопрос об отношении Вольтера к России является многосторонним. Россия была темой размышлений и специальных работ самого Вольтера. В течение семи лет он работал над книгой «История Российской империи при Петре Великом», заказанной ему дочерью Петра I имп. Елизаветой Петровной при посредстве гр. И. И. Шувалова. Вольтер прославлял в лице Петра «просвещенного государя» и возвеличивал его царствование как «чудо, единственное в своем роде». Он полагал, что, открывая Европе новую, недостаточно известную ей главу о царствовании великого русского государя, он сам, Вольтер, приобщается к делу Петра и вводит Россию в круг внимания западноевропейского культурного человека. В переписке со своими русскими корреспондентами Вольтер откликался на множество вопросов русской жизни, излагал свое мнение о внутренней и внешней политике России, оценивал текущие события. Широкий круг русских тем — от постановки образования в новом Институте для благородных девиц до побед русского оружия в войнах с Турцией — интересовал Вольтера. В ответ на заданную Вольным экономическим обществом тему о «поземельной собственности крестьян» Вольтер представил свое сочинение, предлагавшее проект частичного освобождения крестьян в России. Проект этот был разыскан в архиве Общества В. И. Семеvским. Вольтер считал необходимым освобождение крестьян в царских и церковных имениях⁵.

^{3а} Русский архив, 1881, кн. 3, вып. 2.

⁴ Там же, с. 240—290. Трудно установить, насколько в этом сыграла роль царская цензура, — возможно, соответствующие места были ею вычеркнуты.

⁵ См.: Отечественные записки, 1879, № 11, с. 205—208. См. также: Семеvский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888, т. 1, с. 61—63.

Таким образом, выделяется особый вопрос — Вольтер в работе над русской тематикой, Россия как тема размышлений Вольтера.

Второй круг вопросов — это личные связи Вольтера с русскими людьми. У Вольтера немало русских корреспондентов. В Ферне часто появляются русские гости. Вольтер высоко ценит этих русских людей. В числе знакомых и корреспондентов Вольтера — первый «куратор» Московского университета гр. И. И. Шувалов, вместе с М. В. Ломоносовым создавший первый университет в России; тут и выдающийся русский дипломат, позже русский посланник в Гааге Дм. Ал. Голицын, один из образованнейших и культурнейших русских людей своего времени, друг Дидро и Гельвеция, публикатор работ последнего и сам автор ряда научных и философских работ, опубликованных за границей, крупный минералог, председатель Иенского минералогического общества, лично знакомый Гете; тут и президент Российской Академии наук К. Г. Разумовский; тут «директор Российского театра» А. П. Сумароков; тут одна из образованнейших русских женщин — кн. Екатерина Романовна Дашкова, бывшая президентом Российской Академии и переводившая Вольтера на русский язык; тут молодой русский писатель кн. Ф. А. Козловский, переводчик на русский язык статей французской Энциклопедии, вместе с тем офицер-гвардеец Преображенского полка, погибший в знаменитом сражении при Чесме, и многие другие. В одном из писем Вольтер шутливо обещает, отправившись на тот свет, рассказать «Петру Великому о молодом князе Голицыне, препроводившем сию ночь в моей фернейской хижине». А. С. Пушкин в послании к кн. Н. Б. Юсупову («К вельможе»), посетившему старого Вольтера еще молодым дипломатом, писал:

Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты леств его вкусил, земных богов напиток.

У Вольтера постоянно были общие дела с его русскими знакомыми и корреспондентами. Именно через Вольтера гр. И. И. Шувалов передал Дидро предложение

Екатерины II издавать гонимую Энциклопедию не во Франции, а в России (в Риге) ⁶. Вольтер помогал Д. А. Голлицыну собирать художественные редкости и античные экспонаты для Царскосельского музея. Узнав о материальных затруднениях великого энциклопедиста Дидро, Екатерина II купила у него библиотеку, но не перевезла ее к себе, а оставила в пожизненном пользовании философа («было бы несправедливо лишать ученого его книг»), причем назначила его библиотекарем его же библиотеки и выплатила ему жалованье за 50 лет вперед. Вольтер был в восторге от покупки Екатериной II библиотеки философа и писал Дамилавиллю в апреле 1765 г.: «От всего сердца обнимаю Платона Дидро, а также и императрицу всероссийскую» ⁷. Русские люди апеллировали к имени Вольтера подчас даже в служебных делах: недовольный условиями своей отставки и своим чином, А. П. Сумароков, бывший «директор Российского театра», писал в официальном прошении: «Сколько я России по театру услуги сделал, и вся Европа ведает, а особливо Франция и Волтер» ⁸. Однажды Вольтер подписался в письме к Екатерине II: «Ваш старый фернейский россиянин». Шутливая подпись говорила о многом и прежде всего отражала многосторонние и живые связи философа с Россией.

Переписка Екатерины II с Вольтером — любопытный факт в культурной истории нашей страны. Она длилась с 1763 по 1778 г. — до смерти Вольтера. В ней затронуто огромное количество вопросов русской внутренней и внешней политики. Веря в идею «просвещенного монарха», Вольтер усиленно наставлял на этот путь русскую императрицу. Рассыпаясь в самых неумеренных комплиментах, что вообще было свойственно «галантному» XVIII в., Вольтер сравнивал императрицу с богородицей, в письмах припадал к ее ногам, восхваляя ее как «пресвятую владычицу Петербургскую». Стоит ли говорить о том, что в этих гиперболических похвалах сверкал вольтеровский сарказм? Ведь не думал же он в действительности, что никогда не бывавшая на полях сражений императрица

⁶ Осмнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. М., 1868, кн. 1, с. 260.

⁷ Там же, с. 265.

⁸ Исторические бумаги XVIII в. — Русская беседа, 1860, № 2, отд. 2, с. 233.

превосходит своим гением Александра Македонского... Ясно чувствуется веселое озорство, когда Вольтер обращается к «верной дочери» православной церкви — русской императрице — с восхищением по случаю побед над турками: «Te Catharina laudamus» (пародирование церковного песнопения «Тебе бога хвалим»). Императрица попадала в затруднительное положение: ей приходилось благодарить за кощунственный с официальной точки зрения комплимент. Интересно, что Екатерина II, обманывая Вольтера в вопросах внутреннего благополучия своей империи, отлично понимала, в какую сторону надо направлять свой обман, чтобы угодить Вольтеру. Она беззастенчиво писала: «В России подати столь умеренны, что нет у нас ни одного крестьянина, который, когда ему вздумается, не ел бы курицы, а в иных провинциях с некоторого времени предпочитают курицам индеек». Этому вранью не поверил бы и школьник, и, вероятно, френейский философ, смеясь над неуклюжей ложью своей корреспондентки, принимал подобную «информацию» о России лишь как свидетельство усвоения его уроков. Да и сама Екатерина, вероятно, могла вложить сюда условный смысл — стилизацию себя под доброго французского короля, желавшего видеть курицу в супе каждого крестьянина.

В переписке Екатерины II с Вольтером есть еще одна существенная сторона: Екатерина II в первое время не чувствовала себя прочно на престоле; она вступила на него через труп собственного мужа, царствовала затем при живом совершеннолетнем сыне — законном наследнике Павле Петровиче. Переписка со знаменитыми философами и покровительство их укрепляли ее международный престиж. Екатерина II старалась выиграть в общественном европейском мнении, оракулом которого был Вольтер. Однажды императрица в разговоре со своим секретарем А. В. Храповицким выразила удовлетворение, что через переписку с Вольтером ей удалось сменить французского министра Шуазеля. Она часто пользовалась перепиской с философами для распространения нужных ей политических новостей в западноевропейских государствах.

Но самым существенным кругом вопросов темы о Вольтере и России является третий: какова роль вольтеровских идей в русском общественном движении, каково историческое значение русского вольтерьянства? Эти

вопросы и являются центром настоящей работы. Рассмотрение их требует формулировки нескольких предпосылок теоретического характера. В дореволюционной литературе о русском общественном движении была в ходу теория «заимствования» идей в развитии русской общественной мысли. Русская мысль будто бы жила поверхностно понятым и позаимствованным чужим добром, будучи отсталой и несамостоятельной. Кое-где влияние этой ложной теории проскальзывает и в позднейших работах по истории русской общественной мысли и культуры.

В этом отношении нередко применяется и термин «европеизация» России. Однако наша страна всегда была частью Европы. Мы не «заимствователи» и не только «потребители» европейской культуры — мы сами вложили в нее огромную долю собственного творчества. Участвуя в ее создании, мы, естественно, кровно заинтересованы в ее судьбах. Когда мы ведем речь об истории такой самостоятельной и полной сил страны, как Россия, мы обычно ясно чувствуем всю негодность теории «заимствования» идей. Задача сокрушения феодально-крепостного строя выросла органически в процессе исторического развития нашей родины. Она была подготовлена глубокими экономическими процессами разложения крепостного хозяйства, явственно сказавшимися в XVIII в. Эта задача отчетливо проявилась и в социальной, и в политической, и в культурной жизни страны; она концентрировала на себе идейную работу передовых сил русского общества. Было бы признаком слабости и незрелости русской идейной жизни, если бы задача эта в сфере идей решалась какими-то доморощенными способами, без живой связи с сокровищницей мировой мысли. Великой силой русского передового идейного развития и его примечательной чертой является то, что русские деятели общественного движения всегда были, как правило, на высоком уровне общемирового идейного развития.

К этому надо присоединить соображения о существовании тех идейных явлений, которые были «заимствованы». Эти идейные явления сами были сложны по составу и возникли в результате сложного процесса многочисленных взаимодействий. Вольтер, француз по национальности, сам впитал в себя результаты не только французского, но и общемирового культурного развития. Разве можно понять Вольтера, например, без английской философии, науки и культуры? Сформировавшись в идейном отношении,

Вольтер принадлежал всему миру. На урне, где покоилось сердце Вольтера, были написаны слова: «Сердце мое здесь, а дух везде». Эти слова глубоко справедливы. Вольтер действительно принадлежал всему человечеству. Он отражал в своем идейном творчестве направление всемирно-исторического развития и служил всемирно-историческим задачам: своими идеями он ускорил сокрушение обветшавшего феодального строя не только во Франции, но и во многих других странах.

Проблема проникновения и усвоения передовой идейной системы в новой стране является особой научной проблемой. Русские передовые деятели не «заимствовали», не брали «взаймы» чужих идей. Они самостоятельно работали над сокровищем мировой мысли, применяя результаты этой работы к особенностям своей страны. Перед историком встает новая проблема — не «заимствования», а «второго рождения» идей, так сказать, их второго «генезиса» в истории данной страны.

Русское вольтерьянство возникло в России на своем корню и работало во имя задач, органически выросших в русском историческом процессе.

В этом отношении замечательно, что работа русских передовых людей над Вольтером идет в общем потоке изучения идеологии просветительной философии в целом: тут Дидро, д'Аламбер, Руссо, Гельвеций, Гольбах, весь круг энциклопедистов. Вольтер идет во главе потока, но вместе с тем является его органической частью. Но недаром именно от слова «Вольтер» возникло обобщенное понятие русского вольнодумца — «вольтерьянец». Уж на что отстала и глуха графиня-бабушка в «Горе от ума», но и она, узнав о «сумасшествии» Чацкого, полагает, что он — «шутка ли — переменял закон» и немедленно находит и общую квалификацию: «Ах, окаянный вольтерьянец!». Столь же обобщено, нарицательно по значению понятие «Вольтер» в словах Скалозуба:

Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам,—
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит.

А. С. Пушкин дал простую и глубоко верную формулировку, сказав, что Вольтер был «умов и моды вождь». Он уловил наличие двух существенно различных течений в русском вольтерьянстве: вольтерьянской «моды», с од-

ной стороны, и глубокого *умственного* движения — с другой. Аристократическая дворянская «мода» поверхностно охватывала блестящие формы в творчестве Вольтера, но уклонялась от усвоения основы — разрушительного значения вольтеровских идей как силы, направленной против старого мира.

Вопрос о том, почему дворянство — феодальное сословие — увлекалось антифеодальным вольтерьянством, может казаться загадочным и неразрешимым лишь тогда, когда он трактуется абстрактно. Поставленный на конкретную почву исторического изучения, он находит свое объяснение. Прежде всего учтем, что вольтеровы идеи, сокрушавшие самые устои феодально-крепостного строя, не лежали на поверхности вольтерьянства, а были глубоко скрыты внутри него. *Объективно* говоря, идеи Вольтера сокрушали весь феодальный строй и вместе с ним абсолютную монархию, но прямо *формулированной антимонархической* идеи в вольтерьянстве не было: сам Вольтер не раз заявлял себя сторонником монархии, только «просвещенной». Субъективно и внешне вольтерьянство было сосредоточено на борьбе с *католицизмом* и воспринималось в России не с этой специфической стороны, не имевшей для русских людей непосредственного интереса, а со стороны антиклерикальной вообще. В этом аспекте восприятие вольтерьянства имело серьезную и органическую *русскую* подготовку: русская церковь в XVIII в. уже давно не формировала воззрений русского дворянства. Пройдя суровую прогрессивную петровскую школу, русские дворяне вынуждены были немало думать над новым устройством жизни, которое и так порядком расшатывало старые устои. Лучшие представители русского духовенства (Феофан Прокопович) оказывались помощниками Петра и в своих ярких произведениях пропагандировали идею Разума еще до Вольтера. Своеобразие второй половины XVIII в. не усилило религиозных влияний: секуляризация церковных имений и законы, укреплявшие власть дворянина в своем имении (Манифест о вольности дворянства 1762 г. и Жалованная грамота дворянству 1785 г.), ни в какой мере не способствовали усилению религиозного мировоззрения. Отсюда легкое и органическое восприятие антиклерикальных идей, поданных притом Вольтером с несравненным блеском.

Несмотря на поверхностность модного вольтерьянства, нет оснований осудить это течение как незначительное и сбросить его со счетов русской культуры. Нет, и оно имело свое положительное значение. Оно прежде всего способствовало *пропаганде* идей просветительной философии, их чрезвычайно широкому распространению. Барин, увлекавшийся вольтерьянством как модой, вероятно, не раз сообщал о нем тому, для кого идеи Вольтера становились потом уже не «модой», а, по пушкинскому слову, представлялись плодом ума и воспринимались серьезно. «Мода» на Вольтера накопила его произведения в дворянских библиотеках, тех самых библиотеках, в которых позже жадно читали запретного Вольтера и будущие декабристы, и Пушкин, и Герцен. Наконец, несравненный блеск вольтеровской формы, конечно, способствовал развитию литературного вкуса русского дворянства.

Оценивая в общей форме истинное, не «модное», а подлинно «умственное» русское вольтерьянство, надо сказать, что оно, несомненно, ускоряло формирование ведущего мировоззрения передовых людей времени. Они даже оставили общие формулы, несомненно говорящие об этом интереснейшем и глубоком процессе. Мемуарист Г. И. Добрынин называет сочинения Вольтера и Монтескье «явлениями, отверзающими умственный глаз подобных им человек и оживотворяющими ощутительно душу мыслящего существа» — замечательная формулировка. Другой мемуарист, Г. С. Винский, признается: «Первый Вольтер заохотил меня рассуждать». А. С. Пушкин охватил одним взглядом то же значение Вольтера, но сосредоточил внимание лишь на одной стороне формирования мировоззрения, правда важнейшей: «Вольтер первый пошел по новой дороге и внес светильник философии в темные архивы истории»⁹. Такими чертами характеризуется *общее* значение русского вольтерьянства. Перейдем теперь к более детальному рассмотрению отдельных этапов и сторон его истории.

Русское вольтерьянство стало возникать еще в царствование Елизаветы Петровны и явственно оформилось при Екатерине II.

⁹ Письмо А. С. Пушкина к кн. П. А. Вяземскому от 5 июля 1824 г. из Одессы. — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937, т. 13, с. 102.

Отдали дань Вольтеру русские писатели: Г. Р. Державин, М. М. Щербатов, Д. И. Фонвизин, Д. П. Горчаков и многие другие. В стихах на смерть кн. Мещерского Державин писал: «Вот прах его. Он — здесь. Где дух? Он там. Где там? Не знаем. Мы только плачем и рыдаем». Произведение Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке» ставило вопрос: «На что сей создан свет?» — и давало на него вольнодумческие ответы слуг и самого господина:

Я мысль мою скажу, — вещает мне Петрушка:
Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка.
Создатель твари всей, себе на похвалу,
Пустить изволил нас, как кукол по столу.

Самый социальный строй и общественный порядок подвергались в этом послании критике:

Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга господа, а знатные бояре
Нередко обмануть хотят и государя.

Профессор Терновский писал, что встречал еще в середине XIX в. стариков, любителей этого стихотворения, знавших его наизусть, как басни И. А. Крылова, несмотря на значительный его объем.

Первые русские переводы Вольтера стали появляться на рубеже 60-х годов XVIII в. Только за годы царствования Екатерины II в России было переведено около 60 отдельных, преимущественно крупных произведений Вольтера, причем некоторые из них выдержали по несколько изданий. Только в новиковском издательстве за короткий срок (с 1771 по 1788 г.) вышло не менее 16 произведений Вольтера, в том числе трагедия «Брут» (1789) и «Трагедия „Смерть Цесарева“» (1787), а также сборное издание «Сатирические и философические сочинения господина Вольтера» (1784), «Человек с латынью» (1782), «Торжество немилосердия» (1782), «Нанина, или Побежденное предраассуждение» (1782) и ряд других¹⁰.

¹⁰ См.: Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографской компании. Пг., 1921. Привожу список изданий Вольтера:

^a Переписка г. Волтера с епископом А ***. СПб., типогр. Акад. наук, 1771.

Русские литературные деятели строго относились к переводам Вольтера и, ценя исключительный литературный блеск и силу его языка в подлиннике, требовали соответственных переводов.

Член Российской Академии Петр Матвеевич Карабанов перевел «Альзиру» Вольтера, и его перевод выдержал три издания, т. е. нашел своего читателя. Но И. А. Крылов был недоволен качеством этих переводов и заклеил переводчика эпиграммой:

-
- ^б Поэма о нынешних делах, или Увещание о восприятии против турок оружия. Соч. г. В[олтера].— В кн.: Переписка г. Волтера с епископом А ***. СПб., 1771.
- ^в [Вольтер]. Почерпнутые мысли из Екклезиаста, с присовокуплением первых трех глав из Премудростей Соломоновых. 2-е изд., вновь пересмотренное и по многим местам исправленное. М., 1779.
- ^г Тактика. Соч. г. Волтера, которое предложил в российские стихи имп. Московского университета бакалавр Ермил Костров. М., 1779.
- ^д [Вольтер]. Торжество немилосердия, или Повесть о жизни Амвросия Борели, умершего в Лондоне от рождения своего на 103 году... найденная между бумагами г. Волтера: Пер. с фр. в Володимире. М., 1782.
- ^е [Вольтер]. Человек с латынью, или Судьба ученых людей, небывалая история. М., 1782.
- ^ж Брут, трагедия, из сочинений г. Волтера: Пер. с фр. Васильем Иевлевым. М., 1783.
- ^з Сатирические и философические сочинения господина Волтера. М., 1784.
- ^и [Вольтер]. Почерпнутые мысли из Екклезиаста, с присовокуплением трех глав из Премудростей Соломоновых / [Пер. в стихах Хераскова]. 3-е изд. М., 1786.
- ^к [Вольтер]. Опыт исторический и критический о разгласиях церквей в Польше, сочинен Иосифом Бурдиллионом, профессором праса общенародного, а с фр. пер. В. Т[редиаковским]. М., 1787.
- ^л Переписка г. Волтера с епископом А ***. 2-е изд. М., 1787.
- ^м Поэма о нынешних делах, или Увещание о восприятии против турок оружия. Соч. г. В[олтера].— В кн.: Переписка г. Волтера с епископом А ***. 2-е изд. М., 1787.
- ^н Слово похвальное французским офицерам, умершим на войне в 1741 году. Сочиненное г. Волтером: Пер. Николая Неплюева. М., 1787.
- ^о [Вольтер]; Трагедия «Смерть Цесарева»: В 3-х действиях / С фр. на рос. яз. пер. артиллерии к[апитаном] В[асилием] И[евлевым]. 2-е изд. М., 1787.
- ^п [Вольтер]. Нанина, или Побужденное предрассуждение: Комедия. В 3-х действиях / Пер. с фр. [Ип. Ф. Богдановичем]. М., 1788.
- ^р [Вольтер]. Припцесса Вавилонская, сочинения г-на В *** / С фр. пер. Федор Полунин. 2-е изд. М., 1788.

Как Карабанов взял «Альзиру» перевесть,
И в аде слух о том промчался,
Тогда Вольтер, вздохнув, признался,
Что, точно, грешникам по смерти мука есть.

Дело не ограничивалось печатными переводами. Масса переводов ходила в рукописях, часто рукописный перевод распространял особо острые, запретные произведения Вольтера. Не только столицы — Петербург и Москва — были местом возникновения и распространения переводов Вольтера. «История Карла XII» вышла в Орле, «Торжество немилосердия» переведено «в Володимире» (а издано Новиковым в типографии Московского университета); убежденный вольтерьянец И. Г. Рахманинов издал в Козлове (собственно, в своем имении Казинке, близ Козлова) «Полное собрание всех донныне переводных на российский язык и в печать изданных сочинений г. Вольтера». «В нечестивой Пензе услышал я насмешки над религией, хулы на бога... толковали о Ноноте, о Фрероне, превозносили похвалами „Кандида“», — свидетельствует Ф. Ф. Вигель. Его слова тем более замечательны, что в них идет речь не только о знаменитом романе Вольтера «Кандид», но и о критиках и противниках Вольтера Ноноте и Фрероне, откуда явствует, что и они были известны в Пензе.

А. В. Никитенко свидетельствует, что в «Воронежских Афинах» — городе Острогожске — произведения Вольтера находились в библиотеках «даже купцов и мещан», причем в этих книжных собраниях хранились такие произведения Вольтера, «которых теперь не сыщешь ни в одной книжной лавке»¹¹.

Интересен состав переводчиков и почитателей Вольтера. Тут крупные русские литераторы: Я. Б. Княжнин (переводчик «Генриады»), В. И. Майков (переводчик «Метропы»), В. К. Тредиаковский (перевел «Опыт о несогласии церквей»); тут представители знати и крупного столичного дворянства — кн. В. П. Мещерский, Алексей Голицын, Иван Логгинович Голенищев-Кутузов (генерал-интендант флота и директор Морского корпуса); кн. Е. Р. Дашкова (перевела «Опыт о эпическом стихотворстве»); встречаем мы здесь и скромных рядовых дворян, очень часто военных: капитана артиллерии Василия

¹¹ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». СПб., 1904, т. 1, с. 67.

Трофимовича Иевлева (перевод «Брута» и «Смерти Цесаревой»), конногвардейца Рахманинова, о котором уже шла речь,— одного из замечательнейших русских вольтерьянцев; упомянем «о верейском воеводе» Федоре Афанасьевиче Полунине, а также об участнике «Уложенной комиссии» 1767 г. депутате от Переяславля-Залесского Ефиме Васильевиче Рознотовском. Даже некий «12-летний Николай Неплюев» издал свой «первый опыт» — перевод «Похвального слова французским офицерам, умершим на войне в 1741 г.»

Существенно, что некоторые переводчики Вольтера пользовались широкой известностью, но не печатали своих переводов — очевидно, они распространялись среди читателей в рукописном виде. Так, С. П. Жихарев в воспоминаниях пишет (запись относится к 1805 г.): «Кто в Москве не знает о Карцеве, переводчике стольких лучших сочинений Вольтера — „Генриады“, „Брута“, „Разрушения Лиссабона“ „Орлеанской девственницы“ и проч.». Однако ни в одной из библиографий русских печатных переводов Вольтера имени Карцева не зарегистрировано.

Но особенно интересны переводчики и почитатели Вольтера недворяне. Укажем на Ермила Ивановича Кострова, поэта и переводчика Вольтера, родом из экономических крестьян Вятской губернии, который с трудом выбился на литературное поприще при помощи куратора Московского университета гр. И. И. Шувалова, уже упомянутого выше. Семен Башилов, молодой русский ученый, разночинец, сын приказного Троицко-Сергиевской лавры, обучавшийся сначала в Троицкой семинарии, а потом в Московском университете, перевел «Кандида» Вольтера, а также статью д'Аламбера из Энциклопедии «О ласкательстве». Иван Иванович Виноградов, переводчик вольтеровой «Поэмы естественный закон» (1786) и произведения «Жизнь славнейшего Вольтера» (1780 и 1787), — сын священника, воспитывался в духовном училище, затем в учительской семинарии, где обратил на себя внимание выдающимися способностями. «За пьянство» он был отдан в солдаты в Семеновский полк, где дослужился до сержанта; в его лице перед нами неожиданный пример рядового Семеновского полка — переводчика Вольтера. Тайный советник у принятия прошений Г. Н. Теплов с ужасом свидетельствовал, что вольтерьянство проникло и в средний класс русского общества —

находятся, мол, «людишки», которые «вменяют себе в стыд не быть с Вольтером одного мнения»: два гвардейских унтер-офицера утверждали, что бога нет, причем ссылались на купцов Гостиного ряда. Можно не поверить, что увлечение Вольтером какими-то путями доходило до крепостных, однако вот перед нами несомненный пример: крепостной человек гр. Шереметева Василий Никитенко-Черевик (отец известного автора воспоминаний и профессора Петербургского университета А. В. Никитенко), с детства взятый в графские певчие и обученный при певческой капелле графа французскому языку; этот крепостной вольтерьянец, по свидетельству своего сына, «высоко ценил Вольтера и нимало не смущался его скептическими воззрениями... При всяком выдающемся событии в домашнем быту он непременно приглашал священника служить молебн... На молебнах он всегда с благоговением молился, а вслед затем опять от души смеялся антирелигиозным выходкам Вольтера, особенно его издевательствам над попами и монахами»¹². Надо при этом заметить, что мы более или менее знакомы с историей русского автора, но замечательная тема — «История русского читателя» — еще ждет своего исследователя и откроет перед нами много неожиданных страниц из истории культурной жизни нашей родины.

В воспоминаниях М. А. Дмитриева рассказывается: «Я помню (это было тоже в моем малолетстве, в деревне, в захолустье), приехавшая к нам из Сызрана женщина, безграмотная и простого звания, говорила о ком-то, что он держится *Вольтеровской веры*». М. Дмитриев поясняет от себя: «Она хотела назвать этим безверие»¹³. В. Сиповский считает этот случай «курьезным эпизодом»¹⁴. Однако сопоставление этого свидетельства с историей раскола заставляет прийти к другому предположению. Не связано ли это свидетельство с действительно существовавшим течением в секте федосеевского согласия? Секретный надзор за федосеевцами обратил внимание на своеобразное течение, о котором наблюдатель И. П. Сенявин писал начальству: «От прихожан Преображенского кладбища слышно,

¹² Там же, с. 11.

¹³ Дмитриев М. Мелочи из запаса моей памяти: 2-м тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. М., 1869, с. 49.

¹⁴ Сиповский В. Указ. соч., с. 112.

что даже к удивлению их возникает в Федосеевском согласии небывалая ересь,—живущий в 1-м квартале Лефортовской части федосеевец мещанин Федор Емельянов и последователи его мещане (того же согласия) Михайло Иванов Шабловский, живущий во 2-м квартале той же части в собственном доме, Яков Кортонщик, проживающий в 1-м квартале Лефортовской части, и Василий и Иван Осиповы, гончары той же части и квартала,—утверждают, что известный всей Европе Вольтер весьма достоверно доказал, как бесполезно соблюдать посты, почитать святых, как справедливо истреблять монахов. По его писаниям, говорят они, следует жить с женщинами без браков и как указывает воля. Стоит заметить, что означенные лица весьма много приводят цитат из сочинений Вольтера»¹⁵. Эти любопытнейшие данные еще раз говорят о более широком распространении знакомства с Вольтером, идущим в глубину, дальше, нежели предполагалось раньше. Указание на частое приведение цитат из сочинений Вольтера говорит о непосредственном знакомстве русского мещанства с самим первоисточником и исключает предположение, что именем Вольтера оперировали понаслышке.

Из этого перечня видно, как широко были восприняты идеи Вольтера разными общественными слоями. Это могло произойти лишь в том случае, если была готова историческая почва для его восприятия, если в идеях такого значения ощущалась историческая нужда. Самоочевидно, что они служили разрешению задач, органически выросших в истории России.

В этой беглой и по неизученности вопроса неполной картине, сложенной из осколков, случайно сохранных временем (а сколько подобных фактов пропало для исследования!), все же представлена вся Россия: от социальных верхов до низов.

Однако ясно, что историческая функция идеи была глубоко различна в разных общественных слоях. Социальные слои, бывшие носителями *нового* в историческом про-

¹⁵ Сообщение датировано 29 февраля 1848 г. См.: Отдел рукописей Музея в г. Ростове-Ярославском, собрание А. А. Титова, № 2296, л. 145 об. Это наблюдение И. П. Сениявина в числе других опубликовано А. А. Титовым в кн.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, 1892, кн. 2, отд. 1, с. 180, но сокращенно и неточно. Благодарю П. Г. Рындзюнского, любезно доставшего для меня архивный текст.

цессе, представители возникающей дворянской революционности, разночинцы, крестьяне впитывали новую идеологию, воспринимая ее основной смысл — сокрушение старого мира, феодально-крепостных устоев жизни. Но многочисленные представители аристократии, забавляясь блестящими игрушками вольтеровского остроумия, не подозревали, что эти игрушки стреляют. Их первые выстрелы прозвучали 14 июля 1789 г., в день взятия Бастилии. Французская революция объективно была идейно подготовлена работой Вольтера, энциклопедистов и других великих философов-просветителей XVIII в.

Большинство из них, в том числе и сам Вольтер, не предполагали возможности именно этого значения их идей, однако такова была их объективная роль.

Одновременно с «модным вольтерьянством», повторяем, существовало «вольтерьянство умственное», движение умов — глубокое идейное течение русской жизни, несшее в себе основную функцию данной идеологии — разрушительное воздействие на старый мир феодально-крепостных отношений. Это идейное течение боролось за продвижение своей родины вперед.

Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «Все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Virgilий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий»¹⁶.

До Французской революции оба вольтерьянства (они так различны, что можно говорить именно о *двух*, а не об одном вольтерьянстве) как бы смешивались. Французская революция размежевала их. Перепуганная аристократия отреклась от своего кумира и спешно вынесла бюст Вольтера из дворцовых зал и кабинетов на чердаки.

Отход некоторых аристократов от просветительной философии иногда обозначался еще до революции: так, И. В. Лопухин был сначала вольтерьянцем, но споткнулся на Гольбахе, ужаснулся его идей, переводя «Систему природы», — и обернулся вспять. Кн. В. С. Долгорукий под влиянием жизненных потрясений (смерть брата) также отвернулся от идей Вольтера. Но, так ска-

¹⁶ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790, с. 353,

зять, «массовый» откат русской аристократии от вольтерьянства начался именно с Французской революции. Придворный протоиерей Самборский с ужасом писал гр. Н. И. Салтыкову: «Вольноглаголанье о власти самодержавной почти всеобщее и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалившееся примером Франции, предвещает нашему любезнейшему отечеству наиужаснейшее кровопролитие». Аристократия трепетала от ужаса, узнав, что двое князей Голицыных с ружьями в руках участвовали во взятии Бастилии. Старая поклонница Вольтера Екатерина II отдала распоряжение: «Не печатать новое издание сочинений Вольтера без цензуры и апробации московского митрополита». Процесс Радищева (1790 г.) и процесс Новикова (1792 г.) — идейный водораздел общественного движения XVIII в. Самому Г. Р. Державину пришлось иметь неприятное объяснение с Екатериной за перевод 81-го псалма Давидова, где бог судит и карает царей. Была запрещена трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» за антицаристские тексты. На Рахманинова, печатавшего произведения Вольтера в своем имении Казинке, посыпались репрессии. Донос на Рахманинова сделал козловский городничий Сердюков, бывший в то же время единственным цензором в г. Козлове. В результате доноса на имя генерал-прокурора Самойлова было направлено предписание императрицы: «Конфисковать полное собрание Вольтеровских произведений как вредных и наполненных развращением». Генерал-прокурор Самойлов послал предписание тамбовскому губернатору Звереву, в котором значилось: «Ее величество указать соизволило к Вашему превосходительству отписать, чтобы вы как наискорее и без малейшего разглашения приказали помянутую типографию у Рахманинова запечатать, а книги все конфисковать и ко мне всем оным прислать реестр»¹⁷. В Казинку нагрянула полиция, и у Рахманинова было конфисковано 5205 экземпляров книг. Но эти книги являлись не казинскими, а прежними петербургскими изданиями. Надо полагать, что именно наиболее криминальные с точки зрения царской власти казинские издания Рахманинов сумел скрыть при обыске. Как сообщает В. Семенников, позднейшая владелица имения Казинки рассказы-

¹⁷ Семенников В. П. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий. — Русский библиофил, 1913, т. 7, с. 81.

вала, что «в подвалах, наглухо заложенных, которые она за негодностью велела разобрать, нашли целую массу полуистлевших, покрытых плесенью книг, которые были растащены на подтопку печей. По всей вероятности, здесь-то и находились [вольтерьянские] книги, изданные в Казинке»¹⁸.

Типография Рахманинова была закрыта, а сам он отдан под суд. Дело о нем тянулось с 1796 до 1797 г., когда пожар уничтожил его типографию.

Со времени Французской революции начинается в России полоса «разоблачений Вольтера». Некоторые из них возникли еще до революционных событий, накануне их, но все значение приобрели после. Издаются книжки «Вольтер обнаженный» (1787), «Вольтер изобличенный» (1792), «Вольтеровы заблуждения» (1793), «Предохранение от безверия и нечестия» (1794), «Оракул новых философ, или Кто таков господин Вольтер» (1803), «Основатели повой философии Вольтер, д'Аламбер и Дидерот — энциклопедисты без маски» (1809) и др. «Вольтеровы заблуждения» аббата Нопота были переведены студентами Воронежской духовной семинарии, причем из второй части книги цензура исключила перечень антирелигиозных воззрений Вольтера, подлежавших разоблачению, оставив только самые разоблачения.

Но правительственная попытка уничтожить работу русских людей над идеями Вольтера потерпела крах. Этим идеям была свойственна та *неодолимость*, которая присуща возникающей новой жизни. «От вольтеровской заразы предохранены только „книжные лавки“, — тревожно писал митрополит Евгений, — между тем как сокровенными путями повсюду разливается вся его зараза. Ибо письменный Вольтер становится у нас известен столько ж, как и печатный». Оставшееся в живых подлинное «умственное» вольтерьянство ушло в подполье. Новое мировоззрение жило и развивалось, его не оттолкнула Французская революция, не пугали ни Шлиссельбург, ни Петропавловская крепость. Особенно интересны для нас рядовые и малоизвестные вольтерьянцы, говорящие самим фактом своего существования о живучести и действительности гонимых вольтеровых идей.

Вот перед нами неопубликованный архивный документ — толстая, тщательно переписанная красивым по-

¹⁸ Там же.

черком XVIII в. тетрадь вольнодумных стихов. Здесь любовно собраны стихи разных авторов, все вместе составило своеобразную энциклопедию русского вольнодумства. Под стихами нередко проставлены даты: мы видим тут и 1792, и 1793 гг., и ряд последующих лет. Годы Конвента не спугнули, как видим, вольнодумных владельцев тетради: они все списывают и списывают сюда вольнодумные стихи. Тетрадью обладает молодой русский офицер, будущий известный полководец Алексей Петрович Ермолов, один из суворовских питомцев, получивший из рук А. В. Суворова георгиевский крест. А. П. Ермолов — участник оппозиционного кружка своего старшего брата, офицера А. М. Каховского. Ссылка Суворова Павлом I и насаждение в русской армии диких прусских порядков вызвали негодование молодых вольнодумцев. Очень часто в литературе ссылка Суворова дается как одинокий факт. Но, оказывается, она возбудила своеобразное общественное движение протеста в передовых кругах русской армии. Возникает переписка членов кружка; шпионы ловят письмо с насмешками над императором Павлом. В морозную декабрьскую ночь молодого вольнодумца Ермолова арестовывают, везут в Петербург и заключают в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Но вольнодумство его выдерживает испытание и Алексеевским равелином.

Вольтер — враг католичества и церкви. В России католичество не было проблемой, а церковь не имела того огромного и совершенно особого значения, которое было ей свойственно в предреволюционной Франции. Реформы Петра I и взятая им линия политики снижения государственного значения церкви существенно отличают ситуацию России от западноевропейской.

В русском вольтерьянстве на первом плане стоит признание человеческого Разума главным критерием общественной жизни человека.

Разум противопоставлен средневековой темноте и клерикальному мировоззрению. Идея равенства людей и борьба с сословностью очень ясны в идеологии Вольтера, однако они не стоят на самом первом плане, который занят борьбой с католичеством. Русское же вольтерьянство остро воспринимает и ставит в центр мировоззрения, наряду с превознесением Разума, равенство людей и разоблачение сословности.

Если «мода» охотно воспринимала острословие Вольтера насчет церкви, то более глубокое вольтерьянство сумело воспринять вольтеровскую антисословность, такие, например, максимы, которые изложены в первой песне Вольтера «Discours sur l'homme». Вольтер заявил тут, что тогда лишь поверит в божественное право дворян на владение крестьянами, когда увидит крестьянина, родившегося с седлом на спине, и дворянина, вышедшего из чрева матери со шпорами на ногах.

В тетради из архива А. П. Ермолова мы можем прочесть:

Сам[ойло]ва себе представим крайне бедство,
Что б был он, ежели б не дядино наследство?
И Раз[умовский] Петр, Рум[янцев] Михаил,
Которых мозг умом творец не отягчил,
Что б были бедные, когда бы не порода
И тысяч по сту в год им каждому дохода?

Острая эпиграмма на дураков подчеркивала идею ценности человека по истинным его заслугам:

Коль хочешь, чтоб карман был деньгами пабит,
Полезный мой совет на то тебя настроит:
Купи ты дурака за то, чего он стоит,
Продай за то, во что он сам себя ценит.

Через много лет престарелый А. П. Ермолов, возражая против собственной биографии, составленной каким-то угодливым льстецом, превознесшим его род («знатности» своего рода Ермолов не признавал), написал в ответ: «Алексей Петрович Ермолов не может иметь обширной родословной и разумеет происхождение свое ничего особенного в себе не заключающим». Ясно, что перед нами уже *мировоззрение*, а не случайное увлечение молодости, не наспех схваченные чужие идеи.

В той же тетради из архива Ермолова мы можем прочесть стихи об Истине, спустившейся с высот в сиянии лучей и обращающейся к человеку:

Не бойсь,— она сказала мне
С умильностью подавши руку,—
Забудь чертей и ад и муку,
Как будто видел их во сне.
Не мни, что четки и вериги
Любила я когда-нибудь,

Что спряталась в священные книги,
Стараясь смертных обмануть

.

И что одних нелепых врак
Умы людские тмящий мрак
Для всех единственное средство
Достать небесное наследство.
Сии природные кроты
Своей стыдятся слепоты,
Ругают тех, кто может видеть...

После смерти Павла I, в эпоху «дней александровых прекрасного начала», репрессии и надзор за русским вольнодумством оказались в значительной степени ослабленными. Это не замедлило дать свои результаты. Споры о Вольтере продолжались, но стали гласными.

В 1802 г. вышло, с разрешения царской цензуры, трехтомное Собрание сочинений Вольтера. Молодежь пополняла ряды вольтерьянцев, смешиваясь со старыми вольтерьянцами. Московский студент-театрал С. П. Жихарев, противник «отсталой» литературы XVIII в., записал в дневнике 1805 г., как поспорил с ветераном екатерининских войн, «израненным или, вернее, изрубленным в котлету майором Ф. А. Евреиновым, страстным охотником до книг и литературы, но литературы отсталой, то есть семидесятых годов. Он бредит Вольтером, Дидротом, Гельвецием и прочими энциклопедистами и вне их сочинений не находит ничего заслуживающего внимания и уважения. Пресмешной!»¹⁹

Но не все студенты думали так, как Жихарев. Студент Московского университета Николай Тургенев, будущий декабрист, испещрил свой дневник сочувственными записями о Вольтере: он постоянно работает над ним, постоянно вдумывается в его мысли, не выпускает из рук Вольтера и даже во время переезда из Москвы в Петербург читает его дорогой. Новую тетрадь дневника он украшает эпиграфом:

Закон природы есть святейший,
Который все должны хранить,
А Разум истинный, чистейший
Щитом Закона должен быть.

¹⁹ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л.. 1955, с. 76.

Чрезвычайно существенно, что темы, связанные с Вольтером, живо обсуждаются в студенческой среде. 5 марта 1805 г. Николай Тургенев дает в дневнике живую зарисовку этих споров: «Потом с Дашковым, Масленниковым, которые очень неглупы, с Булатовым и Поспеловым говорили о Вольтере. Булатов его очень не любит. Масленников, Дашков и аз грешный защищали его».

Таким образом, отпадает предположение, что интерес к Вольтеру был случаен и характеризовал лишь отдельного, выдающегося студента, каким был Николай Тургенев. Этот интерес был свойствен и более широкой студенческой среде.

В апреле 1807 г. студент Тургенев сочинил эпитафию Вольтеру и записал в своем дневнике: «Вольтер и Руссо были причинами Французской революции. Это очень может быть. Я заметил из сочинений Вольтера, что он много по крайней мере способствовал к сему»²⁰. Это уже было осознанием той исторической функции вольтерьянства, которая осталась неведомой самому Вольтеру.

Отец декабристов Бестужевых, старый вольтерьянец екатерининских времен, собрал всех энциклопедистов и Вольтера в своей богатой библиотеке, и ключ от библиотеки доверил лишь «прилежному Саше», будущему декабристу Александру Бестужеву, который приведет на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. первый восставший полк.

Идейное развитие друга декабристов — А. С. Пушкина неразрывно связано с глубокой работой над Вольтером. Замечательно, как богато и разносторонне понимание Вольтера у шестнадцатилетнего Пушкина; он воспринимает его в сложной системе всего мирового литературного развития, Вольтер для него — сын бога насмешки Мома и богини мудрости Минервы:

Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун.
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун.
Он Фебом был воспитан,
Издетства был пиит.
Всех больше перечитан,

Всех менее томит.
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук,
Скажу ль?.. Отец Кандида
Он всё; везде велик
Единственный старик!

²⁰ Тургенев Н. И. Дневники и письма за 1806—1811 гг. СПб., т. 1, с. 54,

Так пишет о Вольтере юный Пушкин в стихотворении «Городок» (1815).

И опять-таки восприятие Вольтера не обособлено, а связано с русской тематикой, и, хотя автору всего 16 лет, имя Вольтера стоит рядом с именем Радищева. В другом произведении (Бова, 1814) Пушкин пишет:

О, Вольтер, о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме — дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою.
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Вольтер, несомненно, был для юного Пушкина и образцом формы. Но талант ученика был таков, что давал ему возможность превзойти учителя. Не по заслугам выбранные во французскую Академию Сен Дидье, Даншэ и Нададь вызвали острую вольтеровскую эпиграмму:

Dépêchez-vous, monsieur Titon,
Enrichissez votre Hélicon:
Placez-y sur un piédestal
Saint-Didier, Danchet et Nadal;
Qu'on voit armés, d'un même archet
Saint-Didier et Nadal et Danchet;
Et couverts du même laurier
Danchet, Nadal et Saint-Didier.

Сопоставим с этим эпиграмму юного Пушкина на кн. П. А. Ширинского-Шихматова, А. А. Шаховского, А. С. Шишкова (1815 г.)²¹:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

²¹ На сходство эпиграмм обратил внимание Ю. Н. Тынянов. См.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929, с. 136,

Во-первых, бросается в глаза та же концепция эпиграммы, но — что важнее — та же *структура* уложилась в шесть строк вместо восьми — достигнута существенная экономия. Во-вторых, острота *заключения* эпиграммы¹ намного превысила вольтеровскую: Вольтер кончает тем же перевернутым перезвоном трех имен, что и составляет стержень иронии его эпиграммы. Пушкин же этим не ограничивается, а вводит в ответ иронию неожиданности: ответ на вопрос, кто глупей (естественно предполагающий лишь одно имя из трех), оказывается вновь состоящим из трех имен. Этого шахматного хода у Вольтера нет, а Пушкину было всего 16 лет!

Передовое мировоззрение Пушкина отправляется от мысли о Разуме, который противопоставлен средневековой темноте и предрассудкам. Никто лучше Пушкина не воспел освобождающее человечество «бессмертное солнце ума» — того Ума, который люди его времени писали с большой буквы и считали главной силой в борьбе за новую жизнь. Это был тот Разум, тот Ум, который Грибоедов включил в название своей бессмертной пьесы «Горе от ума» («Горе Уму» — с большой буквы; так записал сам Грибоедов первоначальное название пьесы в наиболее ранней из дошедших до нас рукописей).

Пушкин писал о всепобеждающей силе человеческого разума:

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори.
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Передовые современники понимали свою идейную работу как подготовку к революции. «Сделай милость, любезный Пушкин, не забывай, что тебе на Руси предназначено играть ролю Вольтера», — писал Пушкину в 1827 г. его приятель В. Туманский²².

Но у декабристов речь шла уже не о «просвещенном монархе»; они боролись за уничтожение не только крепостничества, но и абсолютизма: они составляли проекты

²² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 13, с. 327.

конституций для будущей революционной России, многие из них были республиканцами. Тем интереснее, что, уйдя вперед, они тем не менее числили великого просветителя Вольтера в том идейном наследии, из которого сами вырастали.

Вольтер находится в библиотеках декабристов, упомянем, например, богатейшую библиотеку декабриста Ф. П. Шаховского.

Декабрист П. И. Пестель советовал своим товарищам читать Вольтера и Гельвеция, так как без этого нельзя быть полезным «ни себе, ни обществу, ни отечеству».

Декабрист Степан Михайлович Семенов, республиканец по убеждениям, «всею душою был предан энциклопедистам». В стихотворениях К. Ф. Рылеева мы встречаем указания на чтение Вольтера и Руссо (например, в стихотворении «Пустыня»). Декабрист Вл. И. Штейнгель упоминает целый ряд имен энциклопедистов после указания на русских вольнодумных авторов: «Теперь трудно упомянуть все то, что читал, и какое сочинение наиболее способствовало развитию либеральных понятий; довольно сказать, что 27 лет я упражнялся и упражняюсь в беспрестанном чтении. Я читал Княжнина *Вадима* даже печатный экземпляр, Радищева *Поездку в Москву*, сочинения Фонвизина, Вольтера, Руссо, Гельвеция... из рукописных разные сочинения... Грибоедова и Пушкина». Этот текст хорошо передает общую культурную атмосферу времени и устанавливает значительную долю русских идеологов.

Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин (один из пяти повешенных) сделался вольнодумцем, по собственному признанию, еще в ранней юности: трагедии Вольтера «рано попались ему в руки», отсюда он почерпнул первые либеральные мысли. На чтение Вольтера как на источник вольнодумства указывают декабристы Н. С. Бобрищев-Пушкин, А. П. Беляев, Н. А. Крюков, основатель Славянского общества декабристов Петр Борисов и др. Декабрист Беляев показал на следствии, что Вольтер имел на него особенно сильное влияние, в частности прямо называл его статью о фанатизме, помещенную в Энциклопедии. Борисов давал товарищам читать свои переводы из Вольтера и Гельвеция. В записной книжке декабриста Н. Крюкова, друга Пестеля, дошедшей до нас в следственных делах, имеются выписки из сочинений Вольтера, Дидро, Гельвеция, Беккариа,

Вот перед нами толстое растрепанное архивное «дело» из следственного фонда декабристов; тут подшиты бумаги, отобранные при аресте у декабриста А. П. Барятинского, друга Пестеля, сменившего его на посту председателя Тульчинской управы Южного общества декабристов. Несколько сине-серых листов толстой, грубой бумаги заняты записью французского стихотворения Барятинского — обширной своеобразной философской поэмы о боге. Это полемика с Вольтером, сострившим, что «если бы бог не существовал, его надо было бы выдумать». Барятинский другого мнения: он критикует слова Вольтера и полагает, что бога надо отвергнуть, даже если бы он существовал. В мире столько зла, бед и страданий живых существ, что, очевидно, бог или не всемогущ, если не может уничтожить эту несправедливость, или не благ, если может, но не хочет этого сделать. В обоих случаях он не бог, ибо богу — Верховному существу надлежит быть благим и всемогущим. А. П. Барятинский пишет, обращаясь к богу:

Sur ses foudres assis, ce dieu plein de fureurs.
Du sang partout fumant aspire les vapeurs.

.
Lui même du lion aiguisa l'ongle immense
Et du noir sanglier allongea la défense.
Vois l'horrible serpent en spirale enlacé.
Sur sa langue un venin par toi fut amassé
Par toi la dent du chien de rage envenimée
Disperse au loin la mort dans la sang allumée...

.
C'est toi qui pour tromper la victime timide
Cacha l'ongle du chat sous un velour perfide.

.
Et quand la sombre nuit déroule ses longs voiles
Je lis ta majesté sur le front des étoiles.
Mais le cri de l'oiseau meurtri sous l'ongle aigu
Te repousse soudain de mon coeur abattu.

.
Ah, brisons un autel qu'il n'a pas mérité,
Il est bon sans puissance ou puissant sans bonté.
Consultez la nature, interrogez l'histoire,
Vous y verrez enfin que pour sa propre gloire
En voyant tant de mal couvrir le monde entier
Si dieu même existait, il faudrait le nier.

Русский прозаический перевод:

Восседающий на молниях, исполненный гнева
Этот бог вдыхает испарения дымящейся повсюду крови.

...
Это ты заострил огромный коготь льва
И выпустил клыки у черного вепря,
Видишь ужасную змею, свернувшуюся спиралью?
Это ты наполнил ядом ее жало!
Это ты зубами бешеного пса
Сеешь повсюду смерть, горящую в крови...

...
Это ты для обмана беззащитной жертвы
Вероломно спрятал в бархат кошачий коготь...

...
Когда темная ночь расстилает свой покров,
Я читаю твое величие на челе звезд,—
Но крик птицы, умирающей в острых когтях,
Внезапно отталкивает от тебя мое упавшее сердце...

...
О, разобьем алтарь, которого он не заслужил.
Или он благ, но не всемогущ, или всемогущ, но не благ.
Вникните в природу, спросите историю.
Вы поймете тогда наконец, что для собственной славы бога
При виде зла, покрывающего весь мир,
Если бы даже бог существовал, нужно его отвергнуть.

Это стихотворение уцелело, можно сказать, чудом. Николай I в конце следствия над декабристами отдал приказ: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Приказ был выполнен, но этого стихотворения не сожгли: его не заметили.

Оно было написано размашистыми, трудно читаемыми французскими строчками, вытянутыми почти во всю ширину листа. Внешне этот текст походил на прозу и уцелел²³.

²³ Приказ Николая I выполнили с варварской тщательностью; даже в тех случаях, где по условиям следствия стихи нельзя было вырвать из «дел» (когда они были, например, вплетены в текст важных показаний, заполнявших и оборот страницы), они зачеркивались. Так, лично военный министр А. И. Татищев «по высочайшему соизволению» «помарал» в одном из дел текст стихотворения А. С. Пушкина «Кинжал». Стихи А. П. Барятинского были не замечены в силу длинных строк, доходивших до края страниц и таким образом лишивших рукопись

Осмысляя русскую действительность, выражая протест против крепостнического угнетения, «первый декабрист» — Владимир Раевский выражал эти идеи и в стихотворной форме. Его произведения легко сопоставляются с Вольтером; антисословность и религиозное разоблачение выражены в них с большой силой:

Смотри,

Как знатный вертопрах, бездушный пустослов

Ивана à rebours * с Семеном гнет на двойку,

Иль бедных поселян, отнявши у отцов,

Меняет на скворца, на пудель или сойку!

И правом знатности везде уважен он!..

Как лицемер-ханжа, презрев святой закон,

В разврате посев, гарем по праву власти

Творит из слабых жертв его презренной страсти.

Когда невинных стон волнует грудь мою,

Я слезы лью!

*(Стихотворение «Смеюсь и плачу
(Подражание Вольтеру)»).*

Второе поколение русских дворянских революционеров, представленное Герценом, ушло вперед дальше декабристов. А. И. Герцен и его единомышленники понимали, что декабристам на Сенатской площади «не хватало народа». Они сами принадлежали к поколению, разбуженному «гро-

внешности стихотворной записи. Текст хранится в ЦГАОР СССР (ф. 48, оп. 1, д. 474). Начало текста — первая страница, по-видимому, уже перебелена автором, но все последующее представляет собой явный черновой текст с массой зачеркнутых строк, вставок и поправок. На обороте страниц находятся черновые наброски стихов к женщине, крупная латинская надпись «Sogomez» («Сестра моя») и беглые строчки каких-то арифметических вычислений, а также изложенное по-французски правило об умножении дроби на дробь. Все это убеждает нас в том, что перед нами авторский черновик, а не копия какого-нибудь чужого произведения. Нигде нет точного обозначения даты или хотя бы пометка на нее, сделанного рукою Барятинского, но водяной знак бумаги — 1824 — и обыск у Барятинского в декабре 1825 г., когда и были захвачены эти стихи, очерчивают два крайних предела, когда стихи могли возникнуть. Они найдены впервые Н. П. Павловым-Сильванским, составившим описание фондов следствия и суда над декабристами; он скупой процитировал несколько строк из конца и начала стихотворения в своей работе «Материалисты 20-х годов» (Былое, 1907, № 7, с. 103). Стихотворение в целом и комментарий к нему были подготовлены мною к печати в 1934 г. для «Литературного наследства» и не появились там по не зависящим от автора обстоятельствам.

* à rebours (фр.) — в обратном порядке, наоборот.

мом пушек па Сенатской площади». Но, хотя они и ушли дальше, они не отреклись от Вольтера: где-то в начале их идейной жизни именно он в числе других просветителей помогал им освобождаться от пут старого мира.

Маленький Саша Герцен — «незаконный» сын помещика Яковлева, полубарич, полуприемыш в доме собственного отца, бесконтрольно «упивался разумом» в огромной отцовской библиотеке и тут читался Вольтера. Парадоксальным образом православный катехизис попался ему в руки *после* Вольтера. Можно представить себе, как была «подготовлена» почва для восприятия катехизиса. Взрослый Герцен в своем дневнике 1842 г. пишет: «Продолжаю в свободное время лекции Вильмена. И это мне очень полезно: мы забыли XVIII век; тут он оживает, переносимся снова в те времена Вольтера, Бюффона,— и что ни говори, великие имена. Замечательно следить, как в начале своей карьеры Вольтер дивит, поражает смелостью своих религиозных мнений,— и через два десятка лет Гольбах, Дидро; он отстал, материализм распахнулся во всей силе... Тут видишь *das Werden* (становление.— *М. Н.*) 1793 года».

Герцен, как видим, измерил идейный путь от Вольтера до Конвента, участвовал в этом идейном продвижении человечества и замечал отставание Вольтера. Но глубокий историк и горячий гуманист, он воздавал Вольтеру должное и не отрекался от него. «Смех имеет в себе нечто революционное»,— писал Герцен. «В церкви и во дворце никогда не смеются, по крайней мере открыто. Крепостные люди лишены права улыбки в присутствии помещиков. Одни равные смеются между собой. Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо».

На смену дворянской революционности декабристов и Герцена нарождалась новая, более последовательная, демократическая революционность Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, революционеров-разночинцев. Их связь с народом стала, по словам В. И. Ленина, более близкой, нежели у Герцена: они «подхватили, расширили, укрепили, закалили» революционную агитацию²⁴.

Предтеча революционеров-разночинцев В. Г. Белинский глубоко работал над новым вопросом: для него социализм сделался «идеей идей, бытием бытия». Однако и он не отрекся от Вольтера, как ни далеко ушел его идейный путь к высшим задачам жизни человечества.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

Образ Вольтера служит повым людям для осознания роли самого Герцена — подготовителя революции. «Ты не поэт, — пишет Белинский Герцену, — об этом смешно и толковать. Но ведь и Вольтер не был поэт не только в „Генриаде“, но и в „Кандиде“, однако его „Кандид“ потягается в долговечности со многими великими художественными созданиями». Т. Н. Грановский, друг и Герцена, и Белинского, пишет Герцену после чтения его романа «Доктор Крупов»: «Не могу начитаться. Знаешь ли, что это просто гениальная вещь! Давно я не испытывал такого наслаждения, какое он мне дал. Так шутил Вольтер во время оно». Старик Малардые, бывший член французского Учредительного собрания 1848 г., во время похорон Герцена бросил на его гроб букет иммортелей с возгласом: «Au Voltaire du XIX siècle!» («Вольтеру XIX века!»)²⁵.

Сочинения Вольтера находились и в библиотеке петрашевцев, изучались ими. Через петрашевца А. В. Ханыкова из этой библиотеки получал книги молодой Н. Г. Чернышевский. Когда следственная комиссия спросила арестованного М. В. Петрашевского, что вкладывал он в понятие «стать в главе умственного движения», тот ответил примером: «Вольтер был во главе движения прошедшего века». Свое идейное развитие петрашвец Н. А. Момбелли начал «собственными переводами из Вольтера и энциклопедистов». Одна из многочисленных дерзостей арестованного Петрашевского по адресу следствия связана с именем Вольтера. Он заявил, что не желает более бездельничать в каземате, хочет заняться умственной работой — сделать письменный разбор русского Уголовного уложения, а «так как при таком труде необходимо иметь полную свежесть ума, то с сей целью прошу выдать мне какой-либо том сочинений Вольтера»²⁶.

Петрашевский и посетители его «пятниц» уже работали над новой, глубокой, неведомой Вольтеру тематикой: они были социалистами, говорили об эксплуатации человека человеком, анализировали систему Фурье, обсуждали возможность народного восстания в России. Но в формировании их мировоззрения все же участвуют идеи Вольтера; петрашевцы не отреклись от влияния великого просветителя XVIII в.

²⁵ *Вырубов Г. Н.* Революционные воспоминания. — Вестник Европы, 1913, № 1, с. 61.

²⁶ Дело петрашевцев. М.; Л., 1937, т. 1, с. 373.

Вольтер и энциклопедисты входили в состав изученной, впитанной юным Чернышевским освободительной литературы. Г. В. Плеханов сравнивал значение «Что делать?» Чернышевского со значением философских романов Вольтера. Но Чернышевский — великий русский революционер-демократ — сумел и в подцензурной печати ясно и спокойно определить, чем его время и его воззрения отличались от эпохи и воззрений Вольтера: трудящееся человечество уже размежевало свои интересы с интересами «третьего сословия» — буржуазии. История человечества сделала еще шаг вперед. В работе «Капитал и труд» Н. Г. Чернышевский писал:

«В те времена у сословия, которому принадлежит труд, не было, ни в Англии, ни во Франции, никаких стремлений к *самостоятельному* историческому действию, и оно было в тесном союзе с средним сословием... Это были времена, когда Вольтер и Даламбер покровительствовали Жан-Жаку Руссо...».

Французские энциклопедисты, продолжает Чернышевский, «воображали, что народу не нужно ничего иного, кроме тех вещей, которые были нужны для буржуазии, а народ сам еще не замечал тогда, что его потребности не во всем сходны с интересами среднего сословия, шедшего тогда на общую борьбу против феодалов»²⁷.

Так определялось и ограничивалось для Чернышевского историческое значение Вольтера.

Мы видим, таким образом, что Вольтер — своеобразный «участник» русского общественного движения, «сотрудник» русской передовой общественной мысли. Она глубоко и самостоятельно работала над разрешением исторических задач, органически выросших в процессе развития нашей родины. Она была на уровне всемирной идейной работы, решала свои задачи во всеоружии европейской культуры. Поэтому передовые русские люди расширили и приумножили славу Вольтера, сохранили его имя вечно живым для истории русской культуры и вместе с тем продемонстрировали высокую самостоятельность русской мысли в использовании наследия великого философа.

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 38. Исследователи Чернышевского сравнивали написанную им в Сибири во время ссылки записку по делу незаконно осужденных старообрядцев Чистоплюевых с защитой Вольтером Каласа (См.: Хоменковская А. И. Н. Г. Чернышевский и подпольная литература начала 60-х гг. — Исторический архив, 1919, кн. 1, с. 414).

III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ

О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ В РАБОТАХ К. МАРКСА *

1. Постановка вопроса

В два часа ночи 16 августа 1867 г. Маркс отложил в сторону выправленный корректурный лист первого тома «Капитала» и написал Энгельсу:

«Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру *последнего* (49-го) листа книги»¹.

Последние слова он подчеркнул. Был закончен труд, стоивший Марксу не менее четверти века упорной работы. Творческая история этого труда была и будет темой многих научных изысканий. Его содержание, диалектика исследования изучаются и будут изучаться, непрерывно питая марксистскую исследовательскую мысль. Но одна сторона «Капитала» до сих пор как будто не являлась предметом изучения — его литературное оформление, его художественная сторона.

Эта сторона отнюдь не случайна в «Капитале». Маркс, всегда настороженно требовательный к литературной стороне научных работ, уделял ей большое внимание. И когда той же знаменитой августовской ночью он со сдержанным волнением подчеркнул в письме к Энгельсу простую фразу «Итак, *этот том готов*», он подводил итоговую чер-

* Ссылки на произведения и переписку К. Маркса и Ф. Энгельса даны, как правило, по 2-му изданию их Сочинений. Т. I «Капитала» К. Маркса соответствует 23-му, т. II — 24-му, т. III — 25-му томам этого издания. В нескольких случаях сохранены ссылки на издание «Капитала», осуществленное в начале 1920-х годов (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч./Отдел под общей ред. И. [Скворцова]-Степанова. М., 1920—1922, т. 4—6), а также на 1-е изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 275.

ту под огромным этапом работы, в который входил составную часть и его заботы о литературной форме. Поэтому, как ни третьестепенна тема литературного оформления «Капитала» по сравнению с изучением его содержания по существу, все-таки и эта тема заслуживает внимания: без нее характеристика «Капитала» будет неполна. Кроме того, разве литературное оформление «Капитала» не связано органически с неотразимой убедительностью выводов исследования Маркса? Конечно, связано, а если так, то разве не вносит и оно своей лепты в значение этой книги? На эти вопросы ответ может быть только утвердительным. Поэтому «странная» на первый взгляд тема работы Маркса над стилем художественного образа в «Капитале» законна и заслуживает внимания.

Изучение художественного образа в науке также можно открыть этой темой. Проблема литературного оформления научного труда почти совсем не изучена. Ею не интересуется ни одна научная дисциплина, ни одна отрасль какой-либо смежной дисциплины. Между тем изучать ее необходимо. Должна возникнуть особая дисциплина, изучающая *научное творчество*. В этой дисциплине выделится особый небольшой сектор, изучающий литературное оформление научной работы. Не приходится доказывать важность такой проблемы. Изучение этой области творчества, помимо теоретического интереса, поможет начинающему ученому овладевать формой, а потому имеет и практическое значение.

Настоящая работа, конечно, не ставит своей задачей установить какие-то общие положения в этой новой, пока еще не существующей и лишь должествующей возникнуть дисциплине. Но думается, что попытка изучить со стороны литературного оформления такой классический труд, как «Капитал», может заготовить некоторое количество материала для этой будущей науки, добыть в предварительном, условном порядке какое-то «сырье», которое позже будет пущено в обработку. Да и вообще не явится ли изучение классических научных работ с этой точки зрения лучшим путем для начальной постановки вопроса?

Едва ли литературоведение может всецело претендовать на включение этих вопросов в область своей компетенции. Конечно, при исследовании их речь будет идти и о *художественных элементах* творчества. Но художественные элементы в литературном оформлении научной работы — подчиненный, а не самостоятельный момент,

и подчиняются они особенностям научного, а не художественного замысла.

Тема о «Капитале» как *художественном* целом поставлена самим Марксом. Он формулировал ее в письме к Энгельсу от 31 июля 1865 г., за два года до окончания работы над первым томом. Он писал, что не может отослать для печати *часть* рукописи, — для самого творческого процесса необходимо, чтобы работа была готова в целом: «Я не могу решиться что-нибудь отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной. Какие бы ни были недостатки в моих сочинениях, у них есть то достоинство, что они представляют собой художественное целое; а этого можно достигнуть только при моем методе — не отдавать их в печать, пока они не будут лежать передо мной *целиком*»². В слове *художественный* чувствуется оттенок шутки: говоря о своем произведении как о *художественном* целом, Маркс, конечно, ставил ударение на понятии *целого* и эпитету «художественный» придавал несколько условный смысл. Энгельс ответил какой-то веселой шуткой насчет нового художественного произведения, близящегося к своему завершению. К сожалению, письмо Энгельса с этой шуткой не дошло до нас, мы знаем о ней лишь из ответного письма Маркса (в то время больного): «Меня очень позабавила та часть твоего письма, в которой говорится о „произведении искусства“... принимая во внимание показания термометра, дело подвигалось вперед так быстро, как вряд ли могло бы пойти у другого, даже оставляя в стороне все художественные соображения»³.

Настоящая работа не претендует на *полное* и всестороннее изучение вопроса о литературном оформлении «Капитала». Мы остановимся преимущественно на вопросе о художественных элементах литературного оформления.

2. Работа Маркса над стилем

Образность речи свойственна Карлу Марксу. Приведем доказательства из текста «Капитала»⁴. Подчеркнем эту особенность раньше, чем перейти к вопросу собствен-

² Там же, с. 111—112.

³ Там же, с. 113—114.

⁴ Подробно я рассматривала этот вопрос в своей работе «Литературное оформление „Капитала“ Карла Маркса» (М., 1932. 80 с.). В настоящем издании я прибегаю к сокращенному изложению этой работы, — впрочем, с некоторыми добавлениями.

но о литературных образах. Маркс уделял большое внимание литературному оформлению «Капитала». Величайшая внимательность к стилю — его характерная черта. Конечно, Маркс уделял внимание стилю отнюдь не «самоу по себе», а как оружию политической борьбы. Не «эстетические» требования вообще заставляли его следить за литературной формой, а убеждение, что идеологическое оружие со *всех* сторон, в том числе даже и с литературной, должно быть хорошо отточено, чтобы лучше служить целям борьбы, чтобы легче быть понятым. Желая сделать сложный научный текст как можно более понятным, доходчивым для читателя, Маркс неустанно работал над стилем. В феврале 1866 г. он писал Энгельсу: «Хотя рукопись готова, но в ее теперешнем виде она имеет столь гигантские размеры, что никто, кроме меня, даже ты, не в состоянии ее издать. Я начал ее переписывать и *стилистически обрабатывать* как раз 1 января, и дело очень быстро подвигалось вперед, так как мне, конечно, приятно вылизывать дитя после столь длительных родовых мук»⁵. Слова «*стилистически обрабатывать*» подчеркнуты самим Марксом. Рукопись кончена, но работа над ней не кончена, *работа над стилем* занимает творческое внимание Маркса, ему приятно «вылизывать» свое «дитя»...

Маркс смог найти нужную форму изложения прежде всего потому, что писал свой труд не холодно, а с величайшей страстностью, и это не преувеличение. Отчетливость его построения, безупречная логика выводов не лишили его права на гнев.

3. Эмоциональная насыщенность «Капитала»

«Ira facit poetam», — обронил однажды Маркс в письме к Энгельсу⁶, эта великолепная истина приложима прежде всего к нему самому. Эмоциональная насыщенность — характерная черта «Капитала». В. И. Ленин высмеял попытку Н. К. Михайловского уколоть марксистов тем, что их научный объективизм якобы лишает их права на гнев.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 31, с. 150.

⁶ Там же, с. 348. Ira facit poetam (лат.) — «Гнев делает поэтом» (перефразированные слова из первой сатиры Ювенала).

«Что это такое?! Если люди требуют, чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ *действительности* и действительного развития,— так из этого следует, что им не полагается сердиться?! Да ведь это просто галиматья, сапоги всмятку! Не слыхали ли Вы, г. Михайловский, о том, что одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о „Капитале“?.. И, однако, в редком научном трактате вы найдете столько „сердца“, столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие»^{6а}.

«Капитал» высоко эмоционален. Поэтому так часто в этом якобы «холодном» теоретическом тексте звучит бичующая речь политического трибуна. В «спокойное» с виду теоретическое изложение то и дело врываются страстные восклицания, то негодующе-возмущенные, то иронически-презрительные. Иногда эта яркая эмоциональная окраска стиля сожмется лишь в одном слове внешне спокойной фразы, иногда прорвется метким восклицанием даже посреди цитаты, сжатая в скобках. Эмоциональность «Капитала», разумеется, отразилась и в его литературном оформлении, в его иронии, сарказмах, в образности речи.

Характерна для эмоциональной насыщенности «Капитала» встречающаяся в нем сатирическая речь-обращение, как бы превращающая знаменитую научную книгу в трибуну революционного выступления.

«Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый

^{6а} Ленин В. И., Полп. собр. соч., т. 2, с. 547.

из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бен-там! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес»⁷.

Критикуя буржуазных экономистов, Маркс нередко прерывает цитату ироническим замечанием или завершает свой критический анализ острым ироническим восклицанием, нередко носящим образный характер. Мы видим это в знаменитой главе «Триединая формула» отдела о доходах и их источниках («Капитал, земля, труд») — в ироническом замечании: «Они относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка»⁸.

Тот же прием во втором томе, в главе о простом воспроизводстве в связи с критикой теории Детю де Траси: «Таким образом оказывается, что капиталисты при своей сделке с рабочими должны обогащаться также благодаря тому, что они продают рабочим слишком дорого. Превосходно!»⁹ И заключительное восклицание этого отдела о Детю де Траси: «Voilà le crétinisme bourgeois dans toute sa béatitude!» («Вот буржуазный кретинизм во всей его красе!») — тем более ироническое, что оно, непосредственно следуя за французской цитатой, само написано на французском языке¹⁰. Тот же иронический прием разоблачения буржуа в главе о накоплении и расширенном производстве во втором томе: сказано, что при известных условиях деньги не могут быть извлечены из обращения, чтобы «образовать накапливаемый как сокровище потенциально новый денежный капитал», и тут же Маркс внезапно перебивает сам себя ироническим восклицанием: «Но постойте! Нельзя ли зашибить на этом какой-нибудь барышик?»¹¹

Цитируется Адам Смит, утверждающий, что не только рабочие-батраки фермера, «но и его рабочий скот являются производительными работниками», цитата продолжается дальше, но после слова «работниками» — ирониче-

⁷ Маркс К. Капитал, т. I, с. 187.

⁸ Маркс К. Капитал, т. III, ч. 2, с. 380.

⁹ Маркс К. Капитал, т. II, с. 548.

¹⁰ Там же, с. 555.

¹¹ Там же, с. 579.

ское восклицание в скобках: «Пприятный комплимент для рабочих!»¹²

В анализе теории «последнего часа» Сениора критика Маркса с известного момента теряет третье лицо, переходя на прямое обращение: «Мы подходим теперь к щекотливому пункту. Итак, внимание! Предпоследний рабочий час — такой же обыкновенный рабочий час, как и первый... А утверждение, что он (рабочий.— *М. Н.*) в первые $5\frac{3}{4}$ часа производит свою заработную плату, а в последние $5\frac{3}{4}$ часа — вашу чистую прибыль, означает только, что первые $5\frac{3}{4}$ часа вы оплачиваете, а последние $5\frac{3}{4}$ часа не оплачиваете. Я говорю об оплате труда, а не об оплате рабочей силы, просто пользуясь вашим жаргоном. Теперь, господа, если вы возьмете отношение рабочего времени, которое вы оплачиваете, к тому рабочему времени, которого вы не оплачиваете, то вы найдете, что оно равно отношению половины дня к половине дня, т. е. 100%, что, несомненно,— очень хороший процент. Не подлежит также никакому сомнению, что если вы заставите работать своих рабочих 13 часов вместо $11\frac{1}{2}$ и излишние $1\frac{1}{2}$ часа просто присоедините к прибавочному труду, что было бы совершенно в вашем духе, то последний возрастет с $5\frac{3}{4}$ часа до $7\frac{1}{4}$ часа, а потому норма прибавочной стоимости повысится с 100% до $126\frac{2}{23}\%$. Но вы слишком безумные сангвиники, если вы надеетесь, что вследствие присоединения $1\frac{1}{2}$ часов она увеличится с 100% до 200%... С другой стороны,— сердце человека — удивительная вещь, особенно, если человек носит сердце в своем кошельке,— вы слишком мрачные пессимисты, если вы опасаетесь, что с сокращением рабочего дня с $11\frac{1}{2}$ до $10\frac{1}{2}$ часов пойдет прахом вся ваша чистая прибыль... Когда действительно пробьет ваш „последний часочек“, вспомните оксфордского профессора (т. е. Сениора.— *М. Н.*). А пока до приятного свидания в лучшем мире. Аддио!...»¹³.

Много раз в предыдущих примерах нам бросались в глаза ирония, сарказм. Самый факт эмоциональной напряженности «Капитала» неразрывно слит с моментами иронии и сарказма, играющими в «Капитале» огромнейшую роль.

¹² Там же, с. 406.

¹³ Маркс К. Капитал, т. I, с. 237—240. Аддио! (Addio!) (итал.) — До свидания!

4. Ирония и сарказм

«Смешное убивает». Маркс, может быть, более, чем многие художники слова, знал о смертельной силе смешного. Крупнейшие художники — провозвестники новых эпох, всегда пользовались этой смертельной разрушительной силой в борьбе с отживающим старым миром. Боккачио, Рабле, Эразм Роттердамский, Шекспир, Сервантес — все пользовались этой силой смеха, и чаще всего не просто смеха, а гневного смеха — в схватке с дряхлой цепкостью обреченного прошлого. Книга Маркса — борьба с капиталистическим строем. Каждая ее строка, каждое отточенное положение — смертельное оружие этой борьбы. Но цель ее не только построение нового, цель ее вместе с тем и разрушение старого. Не только построить, но разрушить и построить. Здание буржуазной политической экономии — защитной идеологии капитализма — рушилось под ударами критики Маркса, содействуя своим крушением подготовке гибели всей системы.

Маркс никогда не доказывает «отвлеченно» ошибочности буржуазной экономии. «Капитал» имеет подзаголовок «Критика политической экономии», но это не какая-либо отвлеченная критика «академического» типа. Научно доказав ошибочность, неправильность системы, Маркс идет вглубь, до классового корня системы. Обнаженный буржуа вытаскивается из самых сложных и запутанных трущоб теоретического творчества вульгарной экономии. Но и тут не останавливается Маркс: вскрыв классовую ее природу, он резко противопоставляет два плана — только что данный, подлинный анализ явления и жалкие увертки буржуазного экономиста. Повторение «истин» последнего окружено контекстом только что данного правильного анализа, и саркастическая «серьезность» повторения заведомо ложного, апологетически-классового, опороченного дает впечатление убийственно-смешного. Классовая направленность — вот отличительная черта иронии и сарказма, пронизывающих страницы «Капитала». Характерно, что, ставя перед собою ряд серьезнейших теоретических задач, Маркс вместе с тем ставил особой задачей не только критику, но и *сатиру*. Ф. Энгельс пишет в предисловии к третьей книге «Капитала», что в одном из отделов, посвященном ходячим взглядам эпохи на отношение денег и капитала, «Маркс хотел критически и сатирически рассмотреть обнаруживающуюся при

этом „путаницу“ в вопросе о том, что является на денежном рынке деньгами и что — капиталом»¹⁴.

Этот сатирический подход характерен для литературного оформления труда Маркса.

Вскрыто превращение прибавочной стоимости в капитал, разоблачено эксплуататорское существо капиталиста. Маркс обращается к трактовке вопроса в классической и вульгарной политической экономии.

«Если пролетарий в глазах классической политической экономии представляет собой лишь машину для производства прибавочной стоимости, то и капиталист в ее глазах есть лишь машина для превращения этой прибавочной стоимости в добавочный капитал. Она относится к его исторической функции со всей серьезностью. Чтобы избавить сердце капиталиста от злополучного конфликта между жаждой наслаждений и страстью к обогащению, Мальтус в начале двадцатых годов текущего столетия защищал особый вид разделения труда, согласно которому дело накопления предназначалось капиталисту, действительно занимающемуся производством, а дело расточения — другим участникам в дележе прибавочной стоимости»¹⁵. Убийственно-саркастична и критика теории «воздержания» капиталиста от потребления и трактовка вульгарной экономией (Сениор) одного воздержания как источника накопления капитала. Выводы Сениора опять-таки приводятся к их логическому абсурду и обнаженной классовой тенденции: «Все условия процесса труда превращаются отныне в соответственное количество актов воздержания капиталиста. Что хлеб не только едят, но и сеют, этим мы обязаны воздержанию капиталиста! Если вино выдерживают известное время, чтобы оно перебродило, то опять-таки лишь благодаря воздержанию капиталиста! Капиталист грабит свою собственную плоть, когда он „ссужает (!) рабочему орудия производства“, — т. е., соединив их с рабочей силой, употребляет как капитал, — вместо того, чтобы пожирать паровые машины, хлопок, железные дороги, удобрения, рабочих лошадей и т. д., или, как по-детски представляет себе вульгарный экономист, прокутить „их стоимость“, обратив ее в предметы роскоши и другие средства потребления. Каким образом класс капиталистов в состоянии осуществить это, состав-

¹⁴ Маркс К. Капитал, т. III, ч. 1, с. 9.

¹⁵ Маркс К. Капитал, т. I, с. 609.

лжает тайну, строго сохраниваемую до сих пор вульгарной политической экономией. Как бы то ни было, мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста...»¹⁶. Раскрыв сущность накопления капитала, Маркс приходит к анализу момента его возникновения, к вопросу о так называемом первоначальном накоплении и на фоне только что проведенного анализа саркастически излагает взгляд на это буржуазной политической экономии: «Это первоначальное накопление играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как грехопадение в теологии: Адам вкусил от яблока, и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Его объясняют, рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в древности. В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было, и даже больше того... Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. Со времени этого грехопадения ведет свое происхождение бедность широкой массы, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и богатство немногих, которое постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать»¹⁷. И далее, в этом же плане: «Как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой,— одним словом, насилие. Но в кроткой политической экономии искони царствовала идиллия. Право и „труд“ были искони единственными средствами обогащения»¹⁸. То же саркастическое признание «справедливым» замечания Джемса Стюарта в связи с выброшенными на улицу в процессе первоначального накопления феодальными дружинами: «Масса свободных, как птицы, пролетариев была выброшена на рабочий рынок, благодаря уничтожению феодальных дружин, которые по справедливому замечанию сэра Джемса Стюарта „везде бесполезно переполняли дома и дворы“»¹⁹.

¹⁶ Там же, с. 610—611.

¹⁷ Там же, с. 725—726.

¹⁸ Там же, с. 726.

¹⁹ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 740. (в нем. тексте: «Eine Masse vogelfreier Proletarier»). Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 730.

Самое выражение «свободный, как птица, пролетарий», вошедшее в арсенал привычных марксистских экономических образов, полно острой и меткой иронии над тою же вульгарной политической экономией: назвать «свободным, как птица» человека, сжатого тисками экономической необходимости, поставленного перед единственной дилеммой: смерть от голода или «продажа собственной шкуры»!

Цитируя мещанина Годскина, с серьезной миной вопрошающего: «Какой же закон или какой ряд законов произвел эту революцию?», Маркс углубляет иронию своего ответа безупречной «вежливостью»: «Автору следовало бы знать, что законы вообще никогда не совершают революций»²⁰.

Ироническое пользование терминологией вульгарной политической экономии — один из насмешливых приемов Маркса. Бессодержательный и филистерский термин «l'argent des autres» («чужие деньги»), употреблявшийся ею в рассуждениях о банковском кредите, Маркс повторяет в своем «утешении» землевладельцам, стесненным длительностью своего годового оборота: «Чтобы вести производство по-капиталистически, требуется постоянное наличие капитала в форме денег, именно для выплаты заработной платы. Однако землевладельцы могут утешиться на сей счет. Все приходит в свое время, промышленный же капиталист уже располагает не только своими собственными деньгами, но и l'argent des autres»²¹.

Анализируя вопрос о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала, взятого в целом, Маркс останавливается на теории воспроизводства Детю де Траси, пытающегося рассмотреть потребление класса капиталистов как... источник их обогащения. Выяснив в предыдущем, что эксплуатация пролетариата является истинным источником этого обогащения, Маркс саркастически становится на точку зрения критикуемого автора и иронически подводит «итоги»: «Итак, капиталисты обогащаются, во-первых, обманывая друг друга при обмене той части прибавочной стоимости, которая предназначается ими для личного потребления... Товарная масса, в которой представлена прибыль, по мнению Дестюта, возникает потому, что капиталисты не только продают эту

²⁰ Маркс К. Капитал, т. I, с. 760.

²¹ Маркс К. Капитал, т. II, с. 40.

товарную массу друг другу, хотя уже и эта «мысль» очень хороша и глубока, но что все они продают друг другу дороже. Итак, мы знаем теперь один источник обогащения капиталистов. Он сводится к тайне „энтшпектора Бресига“, что большая бедность проистекает из большой *pauvreté*»²².

Основная классовая «миссия» вульгарной политической экономии — оправдывать и прикрывать ложными объяснениями эксплуататорскую сущность капиталистического строя, мешать понять эту сущность. Маркс, изучая рыночную цену, иронически напоминает об этом одним саркастическим «примером»: вповь указав, что «спрос для производительного потребления есть спрос со стороны капиталиста, истинная цель которого — производство прибавочной стоимости», и что капиталист, закупающий хлопок, «является представителем потребности в хлопке», Маркс замечает: «Точно так же для продавца хлопка ведь безразлично, превращает ли покупатель этот хлопок в ткань для рубашек, в пироксилин или же намерен затыкать им уши себе и всему миру»²³. Или еще пример: в высочайшей степени опоэтизированное итальянское «*in petto*»²⁴, на все лады повторяемое и в сонетах Петрарки, и в лирике Лорепцо Медичи, «*in petto*», тысячи раз петое в баркароллах, романах, вдруг издевательски появляется у Маркса в совершенно «неподходящем» месте — в рассуждении о разнице купеческого и промышленного капитала. Купеческий капитал между прочим замещает «тот денежный резерв, который должен иметь *in petto* этот отдельный промышленный капиталист»²⁵. Величайшая «нежность» промышленного капиталиста к оборотным средствам торгового порядка, выражающая его стремление к безграничному накоплению прибавочной стоимости, обрисована и разоблачена этим саркастическим термином нежнейших итальянских баркаролл.

Все приведенные выше примеры дают возможность сделать общий вывод: ирония и сарказм в «Капитале»

²² Там же, с. 546—547. *Paupreté* — по-французски опять-таки означает *бедность*, следовательно «тайна Бресига» решительно ничего не объясняет. — М. Н.

²³ Маркс К. Капитал, т. III, ч. 1, с. 206—207.

²⁴ *In petto* (итал.) — в груди. В переносном смысле: в душе, в сердце.

²⁵ Маркс К. Капитал, т. III, ч. 1, с. 303. Выражение «*in petto*» переведено здесь: «в наличности».

отнюдь не являются каким-либо «украшением» стиля, его «эстетической» деталью и отнюдь не играют какой-либо «самодовлеющей» роли. Они имеют яркую классовую направленность, они бьют и разоблачают буржуа и его слугу — вульгарного экономиста, они органически слиты со всем научным замыслом «Капитала» в целом и, как момент литературной *формы*, являются функцией *содержания* всего исследования.

Необходимо отметить еще одну особенность Маркса, весьма ярко проявившуюся в употребляемом им построении образов,— они строятся в ироническом плане мышления ограниченного буржуа, филистера, мещанина; для разоблачения всех их Маркс, как художник слова, насмешливо применяет привычную именно для филистера терминологию. Эта филистерская терминология дается в таком контексте, который разоблачает филистера и делает его смешным.

В одной из рукописей Маркса, использованных Энгельсом для второго тома, в примечаниях к анализу воспроизводства и обращения всего общественного капитала имеется, например, ироническое замечание по поводу «анализа» цены зерна у Адама Смита. Это замечание вскрывает, так сказать, механизм иронии Маркса: он доводит до логического конца цепь неправильных построений Адама Смита, который иронически-фамильярно именуется просто «Адамом». Ироническое настроение дается уже во вводной фразе соответствующего подотдела: «Посмотрим теперь, путем какого колдовства А. Смит пытается изгнать из товарной стоимости постоянную часть капитальной стоимости». В добавлении же, выделенном Энгельсом из рукописи II, сказано: «Адаму особенно не повезло с его примером. Стоимость зерна только потому и разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, что корм, съеденный рабочим скотом, представлен А. Смитом как заработная плата рабочего скота, а рабочий скот — как наемные рабочие, а потому и наемный рабочий, в свою очередь,— как рабочий скот»²⁶. Разбирая вопрос о простом воспроизводстве, Маркс показывает, до какой степени безразлично при простом товарном обмене, оплачен или не оплачен фактически труд, воплощенный в противостоящих товарных эквивалентах, а также является ли он средствами производства или средствами

²⁶ Маркс К. Капитал, т. II, с. 419.

потребления, «ведь в обоих случаях они стоят одинакового количества труда, затраченного на их производство». Адам Смит не понимает этого, и Маркс поясняет ему это: «Безразлично, является ли товар какого-нибудь лица *A* средством производства, а товар какого-нибудь лица *B* — предметом потребления, будет ли один товар после продажи функционировать как составная часть капитала, а другой, напротив — войдет в фонд потребления и, *secundum Adam**, будет потреблен как доход. Применение товара индивидуальным покупателем совершается не при товарообмене, не в сфере обращения и не касается стоимости товара»²⁷. Маркс бросает ироническое замечание о том, что «созидание прибавочной стоимости, являющееся единственной тайной, с капиталистической точки зрения само собой разумеется»²⁸. Разумеется, «само собой» понятны и «естественны» все явления, ведущие к обогащению капиталиста. Анализируя в первом томе вопрос о норме прибавочной стоимости, Маркс бросает ироническую реплику: прибавочная стоимость «прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего»²⁹. Разоблачив бессилие Прудона определить, что такое стоимость, Маркс иронически замечает: «Еще удобнее, конечно, не подразумевать под термином „стоимость“ совершенно ничего определенного. Тогда можно без стеснения подводить под эту категорию все, что угодно». Пример подобного «удобного» толкования стоимости Маркс находит у вульгарного экономиста Сэя. Понятие стоимости неразрывно с понятием труда. Выражение «стоимость земли» отнесено Марксом к категории мнимых, не соответствующих действительности понятий. Критикуя Сэя, Маркс сжимает его неправильные положения в отчетливейший диалог, приводящий Сэя к логическому банкротству. Диалог этот включен как примечание в отдел о заработной плате, в первый том, т. е. появляется в тот момент изложения Маркса, когда его читателю уже полностью разъяснена «единственная тайна» капиталистического производства — производство прибавочной стоимости, высасывание капиталистом из рабочего

* *Secundum Adam* (лат.) — согласно Адаму.

²⁷ Маркс К. Капитал, т. II, с. 461—462.

²⁸ Там же, с. 370.

²⁹ Маркс К. Капитал, т. I, с. 228.

неоплаченного труда. В этом контексте диалог Маркса с Сэем убийственно ироничен. Вот он:

- Что такое «стоимость»? (Это — вопрос Маркса.— *М. Н.*).
- То, чего стоит вещь. (Отвечает Сэй.— *М. Н.*)
- А что такое «цена»?
- Стоимость вещи, выраженная в деньгах.
- А почему имеет «стоимость... труд земли»?
- Потому что за него дают известную цену.

Путаница вскрыта. Маркс заключает, иронически пользуясь определением Сэя: «Итак, стоимость есть то, чего стоит вещь, а земля имеет „стоимость“, потому что стоимость ее „выражают в деньгах“. Это, во всяком случае, очень простой метод разрешать вопросы о причине и происхождении вещей»³⁰.

Еще одна форма иронии Маркса — это насмешливое утверждение самоочевидности, иногда саркастическая тавтология. Это также один из способов разоблачения буржуа и его теоретика-филистера, не желающих видеть очевидного и изобретающих «глубокомысленные» объяснения, затушевывающие кричащую реальность процесса высасывания прибавочной стоимости из рабочего. Маркс замечает об этой особенности вульгарной политической экономии: «Ни в одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места»³¹. Вот несколько примеров этого иронического приема у Маркса:

«Два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним — только одного»³². «У стоимости не написано на лбу, что она такое»³³. «Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться»³⁴. «Никто, даже мечтатель, созидающий „музыку будущего“, не может жить продуктами будущего, не может жить за счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено»³⁵. «Способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность пере-

³⁰ Там же, с. 547. В цитируемом тексте отсутствуют красные строки, введенные мною для ясности понимания вопросов и ответов.

³¹ Там же, с. 124.

³² Там же, с. 55.

³³ Там же, с. 84.

³⁴ Там же, с. 94.

³⁵ Там же, с. 179.

варивать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи»³⁶. «Нет, конечно, никакой возможности доставить на рынок пятилетнее животное раньше, чем ему исполнится пять лет»³⁷. «Сюртук является „носителем стоимости“, хотя это его свойство и не просвечивает сквозь его ткань, как бы тонка она ни была»³⁸.

Ирония и сарказм, пронизывающие страницы «Капитала», — яркая характерная черта, сама собою, так сказать, бросающаяся в глаза и совершенно бесспорная. Несколько сложнее обстоит дело с другой характерной чертой Маркса. Условно назовем эту особенность «художественной конкретизацией».

5. Художественная конкретизация.

Образность изложения

Всякий научный труд оперирует большим количеством обобщений. Значительная их доля в высокой степени отвлеченна и, следовательно, в высокой степени насыщена конкретным содержанием. В процессе усвоения прочитываемой читателем научной работы ему необходимо хотя бы бегло заполнить обобщение его конкретным содержанием, чтобы глубже его воспринять. Обобщения: «крупная буржуазия», «ростовщический капитал», «господствующие классы», «первоначальное накопление капитала» — должны в процессе усвоения читателем мгновенно заполниться конкретным содержанием. Если они не конкретизируются, они не будут отчетливо восприняты. Маркс помогает читателю в этой работе отдельными конкретными образами. Как ни прост с виду этот прием, он достигает значительных результатов в смысле живости восприятия читателем и правильного понимания обобщения.

Иногда эта конкретизация дается одновременно с обобщением: июньское восстание 1848 г. объединило «одним общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов: земельных собственников и капиталистов, биржевых волков и лавочников, протекционистов и фритредеров, правительство и оппозицию, попов и вольнодумцев, молодых

³⁶ Там же, с. 184.

³⁷ Маркс К. Капитал, т. II, с. 267.

³⁸ Маркс К. Капитал, т. I, с. 61.

блудниц и старых монахинь!»³⁹. Обобщение значительной емкости — «все фракции господствующих классов» — должно быть конкретизировано читателем. В смысле теоретической правильности и глубины мысль Маркса отнюдь не пострадала бы, если бы обобщение осталось без конкретной расшифровки. Но доступность текста, его усвояемость для читателя, возможность его сотворчества с автором — а к этому в конечном счете и сводится весь процесс усвоения — пострадали бы значительно, особенно у читателя, начинающего знакомиться со сложной теоретической литературой. Конкретизация же Маркса, как и всякая подобная конкретизация, носит в себе элементы художественности, ибо указывает отдельные, заполняющие понятие явления в порядке образа, а не прямого, непосредственного значения. Важны не попы и вольнодумцы, молодые блудницы и старые монахини, как таковые, — они важны лишь как представители *типов* различных, с виду даже противоположных группировок правящих классов. Их видимая противоположность — крупный биржевой делец-волк и вдруг какой-то лавочник, монахиня и блудница, поп и вольнодумец — лишь подчеркивает единство их классовой основы, сплочение в борьбе против революции за сохранение «священной собственности». Еще пример — высокая степень обобщения понятия «меновое отношение товаров» в понимании фритредеров таким же образом конкретизирована Марксом: предварительно Маркс напоминает, что в то время, как меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону стоимости, на денежный эквивалент товара, «современные ревнители свободной торговли» должны сбыть его за любую цену и сосредоточивают свое внимание на количественной стороне относительной формы стоимости. «Следовательно, для них и стоимость и величина стоимости товара существуют лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т. е. лишь на столбцах текущего прейскуранта товаров»⁴⁰. Столбцы текущего прейскуранта взяты опять-таки как образ, конкретизирующий обобщение, и важный не сам по себе, в своем прямом значении, а лишь как типовой представитель той конкретности, которая представляет собою содержание обобщения. Профессиональная

³⁹ Там же, с. 295.

⁴⁰ Там же, с. 71.

обязанность «шотландца Маклеода» заключается в том, «чтобы разукрашивать возможно бóльшей ученостью сумбурные представления банкиров Ломбард-стрита»⁴¹. Ломбард-стрит — улица Лондона, улица банков, местопребывание крупной буржуазии. Но ясно, что улица эта важна не сама по себе и что не только о населяющих ее банкирах в непосредственном и прямом смысле идет речь, а также обо всех подобных им крупных буржуа, банковых дельцах эпохи промышленного капитализма. Яркое упоминание о каких-то конкретных банкирах, конкретных до определения их адреса, дано в художественном порядке для заполнения обобщения — «крупная буржуазия». Характерно, что в отличие от приведенных выше случаев самое обобщение не дано параллельно его художественной конкретизации, но окружающий контекст таков, что обеспечивает читателю возможность сотворчества, указывает ему путь к обобщению. «Г-н профессор Рошер» сделал неправильный вывод относительно производительности труда; неправильность проистекла оттого, что процесс труда наблюдался не на капиталистическом предприятии, а в обстановке домашнего хозяйства. Маркс замечает: «Господину профессору следовало бы заниматься своими наблюдениями процесса капиталистического производства не в детской»⁴². Дело тут конечно не в «детской» самой по себе, она опять-таки взята как образное, конкретное замещение крупного обобщения — «некапиталистических условий». Эта «детская» поставлена в такой контекст, что читатель воспримет обобщение правильно, легко и конкретно, мысль его сразу направится по верному пути обобщения и придет к правильным выводам.

Капиталистическая фабрика стремится сделать рабочего безгласным придатком определенной машины. Развитие внутренних противоречий капиталистической формы производства толкает техническую мысль на путь изобретательства и разрушает «ремесленную мудрость», рекомендовавшую сапожнику «судить не выше сапога». «Эта *plus ultra* [вершина] ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, рабочий-ювелир Фултон — паро-

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 335.

ход»⁴³. Конкретные упоминания имен и профессий заполняют материальным содержанием обобщение, замещают его в художественном порядке как типовые моменты. Маркс мог бы сказать: «мелкий производитель, экспроприированный в процессе развития промышленного капитализма, вынужденный эмигрировать со своей родины, на новом месте своего жительства выступит как революционер». Но Маркс художественно конкретизирует это обобщение, говоря: «Ирландец, вытесненный овцами и быками, воскресает по ту сторону океана как фений»⁴⁴. Восстания ирландцев-сепаратистов — «фепиев» — вызывали горячее сочувствие Маркса, ярко сказывающееся в переписке с Энгельсом. Известно, что семья Маркса носила траур по фениям после кровавой расправы с ними и казни их вождей.

Точно так же в отдельных случаях Маркс как теоретик мог бы ограничиться простым упоминанием термина «вульгарные экономисты», читатель сам мог бы конкретизировать это понятие именами Рошеров и Сениоров. Но Маркс сам дает конкретное содержание *без обобщения*, но в таком контексте, что читатель в процессе сотворчества сам сделает это обобщение. Адам Смит — представитель классической экономики, несмотря на ряд ошибок, все-таки восставал против разложения товарной стоимости на заработную плату и доход капиталиста. «Оригинальные мыслители никогда не делают абсурдных выводов. Они предоставляют это Сэям и Мак-Куллохам»⁴⁵. В этом же плане любопытна такая, например, подача обобщения «ростовщический капитал»: «Повышение учетного процента с целью обеспечения размена банкнота на золото достигается принудительными мерами, диктуемыми законодательством, покоящимся на ложных теориях денег и навязанным нации интересами торговцев деньгами, Оверстонов и компании»⁴⁶.

Излюбленный прием буржуазной классической экономики, игнорирующей классовые отношения производства, — обрисовывать не реальную хозяйственную систему,

⁴³ Там же, с. 499.

⁴⁴ Там же, с. 724. В выражении Маркса можно видеть и неожиданную игру слов: вместо традиционного образа воскресающего из пепла «феникса» он употребляет созвучное — «фений».

⁴⁵ Маркс К. Капитал, т. II, с. 439.

⁴⁶ Маркс К. Капитал. М., 1922, т. III, ч. 2, с. 41. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 61.

а «светлый остров Робинзона», рисовать хозяйство оторванного от общественных отношений одинокого и предприимчивого Робинзона. Маркс в первой же главе «Капитала», посвященной товару, разоблачает капиталистическую суть этого Робинзона через простое ироническое перечисление ряда его конкретных признаков. Из предприимчивого «смельчака вообще» вдруг вылезает... капиталистический бухгалтер: «наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, пачинает вести учет самому себе»⁴⁷.

Говоря о художественной конкретизации, мы уже вплотную подошли к вопросу об образе. Поэтический образ нашел широчайшее применение в литературном оформлении «Капитала».

Образная речь часто встречается в «Капитале» и имеет разнообразные формы. Встречаются собственно-художественные образы и метафоры. Выделим прежде всего один вопрос, чтобы изъять его из темы этой главы, — о ходячем, установившемся образе. Есть образные обороты речи, всем известные, всюду применяемые, сросшиеся с обыденным словом и употребляемые уже без осознания их образности: «цепь умозаключений», «круг понятий», «умственный кругозор». Эти сросшиеся с привычной речью в любой научной работе образные выражения имеют, конечно, свою познавательную цену, экономят мыслительную энергию. Встречаются они, конечно, и у Маркса: «Цепь, звенья которой состоят из уравнений стоимости...», «капитал поет совсем другую песенку... когда задача состоит в понижении заработной платы», сельскохозяйственный рабочий «всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма», «возражения представляют собой холостой выстрел капиталистов», «рыцари кредита» и т. д.⁴⁸ Мы поведем речь не об этих образах, а о других, так сказать авторского порядка, придуманных самим автором, а не взятых из ходячих словесных выражений. Хотя, повторяем, и эти обычные образы имеют свое значение, облегчают восприятие текста читателям, экономят мыслительную энергию.

Образы авторского порядка в «Капитале», конечно, не самодовлеющи, а отчетливы по своей целеустановке —

⁴⁷ Маркс К. Капитал, т. I, с. 87.

⁴⁸ Там же, с. 73—74, 588, 657; т. II, с. 383; т. III, ч. 2, с. 61.

подчеркнуть классовый характер научного положения, увеличить яркость восприятия, оттенить переход к новой проблеме. Маркс очень заботлив в смысле подбора образов. Целый ряд образов, данных им в «Капитале», вошел в плоть и кровь марксистского мышления, сделался привычным и совершенно необходимым выразительным средством теории. Вспомним, например, знаменитый образ: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁴⁹, — или выражение, что история экспроприации самостоятельного производителя и превращения его в наемного рабочего «вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня»⁵⁰. Вспомним еще знаменитую «Джаггер-науту колесницу капитала», несколько раз возникающую на страницах работ Маркса и с огромной яркостью передающую неумолимую безжалостность капитала, высасывающего кровь рабочего и его детей, обреченность самостоятельного производителя на смерть под колесами этой колесницы, неизбежность капиталистического развития. Тяжелая колесница индийского божества Джаган-Натха — Джаггернаута⁵¹ в дни июльского праздника Ратхаятра выезжала из капища, и некоторые фанатики бросались под ее тяжелые колеса и погибали, надеясь снискать милость у божества. Этот образ со страниц «Капитала»⁵² перешел в десятки статей, монографий, популярных работ. Также широко использован иронический образ «зари капиталистического производства» для эпохи первоначального накопления капитала. Ироничность этого сугубо поэтического и нежного образа «зари», столь усердно воспевавшейся поэтами, ясна из контекста. Напомним его: «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»⁵³. Всякий изучавший теорию стоимости знает, как значителен образ

⁴⁹ Маркс К. Капитал, т. I, с. 761.

⁵⁰ Там же, с. 727.

⁵¹ Последнее — англизированное произношение имени Джаган-Натх. Джаган-Натх — одна из форм Кришны, который в свою очередь является земным воплощением Вишну.

⁵² Маркс К. Капитал, т. I, с. 290, 660.

⁵³ Там же, с. 760.

«кристалла», введенный Марксом в первую главу «Капитала», и как помогает он усвоить мысль Маркса о трудовой сущности стоимости: «Вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости»⁵⁴. И еще: «Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары». Сродни этому образу выражение «сгусток» труда, так же, как и «кристалл», вошедшее в широкий оборот: «Человеческий труд образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того, чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая «предметность», которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару»⁵⁵.

Пошел в оборот также меткий образ, взятый из истории революционного движения, — «капитал — левеллер»⁵⁶, «золото — левеллер», несколько раз встречающийся на страницах «Капитала»: «Подобно тому как в золоте стираются все качественные различия товаров, оно в свою очередь, как радикальный левеллер, стирает всяческие различия»⁵⁷ или: «Капитал по своей природе левеллер, т. е. требует как прирожденного права человека — равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства»⁵⁸. Эти образы откристаллизовали мысль Маркса, облегчили ее усвоение, увеличили ее отчетливость и яркость. В «Капитале» разбросано много образов и поэтических сравнений, достигающих той же цели: «...Загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша»⁵⁹.

⁵⁴ Там же, с. 46.

⁵⁵ Маркс К. Капитал, т. I, с. 60.

⁵⁶ Левеллеры (уравнители) — мелкобуржуазная радикальная политическая партия в эпоху Великой английской революции, представлятели городской и сельской мелкой буржуазии.

⁵⁷ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 103. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 142—143.

⁵⁸ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 390. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 409.

⁵⁹ Маркс К. Капитал, т. I, с. 103.

«Благодаря замещению одного товара другим, к рукам третьего лица прилипает денежный товар. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот»⁶⁰. Последний образ особо значителен: он подчеркивает то важное положение, что денежный фетиш произведен, сводим к товарному, что трудовая суть стоимости — основное в денежном обращении; образ денежного пота и подчеркивает эту производность, вторичность. Та же мысль передана еще другим образом — образом гусеницы и куколки: «В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем его потребительная плоть выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления. Ее место заступает плоть стоимости или денежная куколка»⁶¹. Этот образ также один из прочных образов «Капитала», он встречается не раз, напомним хотя бы такое место: «Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза, превращенную форму товара или его денежную куколку»⁶². Образны выражения «жизнь капитала»⁶³, «буржуазная кожа» классической политической экономии⁶⁴, «чрево рынка»⁶⁵, «снять жир с супа» капиталиста⁶⁶. Маркс прибегает к поясняющему образу в сложнейших теоретических вопросах, например при пояснении меновой стоимости: «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то ...продукт труда приобретает совершенно новый вид... Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем»⁶⁷. Меток образ «рысий глаз капитала» или образная характеристика вульгарных экономистов как Архимедов навыворот. Архимед — тот хоть искал точку опоры, для того чтобы перевернуть мир, все-таки

⁶⁰ Маркс К. Капитал, т. I, с. 123.

⁶¹ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 85—86. Во 2-м изд. вместо «денежной куколки» — «денежная маска» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 126). В нем. тексте: Geldlarve.

⁶² Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 102. Во 2-м изд. — «золотую куколку» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 141). В нем. тексте — Goldpuppe.

⁶³ Маркс К. Капитал, т. II, с. 174.

⁶⁴ Маркс К. Капитал, т. I, с. 552.

⁶⁵ Там же, с. 117.

⁶⁶ Там же, с. 609.

⁶⁷ Там же, с. 46.

переворот, — да еще какой! — одним словом, — *движение*, а вульгарные экономисты ищут точки, чтобы *остановить* мир, — покой, неподвижность, застой. Господа вульгарные экономисты как «архимеды наоборот, воображают, будто в определении рыночных цен труда спросом и предложением нашли точку опоры, — не для того, чтобы перевернуть мир, а для того, чтобы остановить его»⁶⁸. Еще образное сравнение: Мирабо — «лев революции»⁶⁹⁻⁷⁰. Яркая и проникнута гневным сарказмом критика образа рабочего-«машины»: «Под машинами г-н Поттер понимает человеческие машины; он уверяет, что не рассматривает их как безусловную собственность хозяина. Мы должны сознаться, что считаем „не стоящим труда“ и даже невозможным содержать человеческие машины в порядке, т. е. записывать их и смазывать, пока не появится в них надобность. Человеческие машины имеют свойство ржаветь от бездействия, сколько бы их ни смазывали и ни чистили. К тому же человеческие машины, как мы уже видели, способны самопроизвольно разводить пары и неистовствовать на улицах наших больших городов»⁷¹.

Рассмотренная группа образов у Маркса преследует главную цель — яркости, ясности восприятия, большей понятности текста, более легкой запечатляемости. Но есть еще одна группа, преследующая дополнительно к этой, основной, еще одну чрезвычайно тонкую художественную цель. Это группа образов, самой своей художественной структурой смеющаяся над филистером буржуа и его «домашними врачами» — буржуазными экономистами, группа, имеющая острую классовую направленность. Из бытовых атрибутов типичного плоского и самовлюбленного буржуа, уверенного в «естественности», «незыблемости» и «исконности» капиталистических законов, Маркс выбирает самые характерно-уродливые и смешные черты и иронически группирует их, рисуя портрет самодовольного буржуа или его приспешника — вульгарного экономиста. Полезно вспомнить сейчас данную Марксом характеристику вульгарной политической экономии, которая «толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической эконо-

⁶⁸ Там же, с. 314.

⁶⁹⁻⁷⁰ Там же, с. 758.

⁷¹ Там же, с. 589.

мией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами» ⁷².

Особой областью иронизирования Маркса над буржуа-филистером является область товарно-фетишистских его представлений и убежденности его в некоей мистичности товарных отношений. «Определенное общественное отношение самих людей... принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства» ⁷³.

И действительно, в целом ряде образов Маркс, насмехаясь над буржуазным филистером, дает сравнения, рисующие товары «самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью», причем соответствующий образ поставлен в такой контекст, что как раз разоблачает мистику товарного фетишизма, срывает с нее таинственный покров.

«Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей...» ⁷⁴ «Товары вступают в процесс обмена непозолоченными, неподсахаренными, в чем мать родила» ⁷⁵. Товар имеет «душу». «Послушаем теперь, как душа товара вещает устами экономиста: „Стоимость... есть свойство вещей, богатство... есть свойство человека...“» ⁷⁶. Товар наделяется не только «душой», но и пра-

⁷² Там же, с. 91.

⁷³ Там же, с. 82.

⁷⁴ Там же, с. 56.

⁷⁵ Там же, с. 114.

⁷⁶ Там же, с. 93.

вами гражданства. Вот перед нами сверток холста. «Как товар, он гражданин этого мира»⁷⁷. Чистейшая «мистика», полная «таинственности» стоимость «породила» прибавочную стоимость — стоимость «приносит живых детенышей или, по крайней мере, кладет золотые яйца»⁷⁸.

По линии дальнейших разоблачений филистерской «мистики» товарного обращения и процесса производства товаров идет целый ряд образов: «Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать»⁷⁹. В этом же сатирическом плане — образ «алхимической реторты» обращения товаров, той средневековой знаменитой реторты, в которой алхимики в черных плащах и остроконечных шапках варили всякую дрянь в уверенности получить чистое золото: «...тождество продажи и купли предполагает, что товар становится бесполезным, когда он, будучи брошен в алхимическую реторту обращения, не выходит из нее в виде денег, не продается товаро-владельцем, а следовательно, не покупается владельцем денег»⁸⁰. «Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых *res sacrosanctae*...»⁸¹. К этому же типу относятся образы «Капитала» из области мистики, религии, Библии: «Капиталист знает, что всякие товары, какими бы оборвышами они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, еврей внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег»⁸².

⁷⁷ Там же, с. 73.

⁷⁸ Там же, с. 165.

⁷⁹ Там же, с. 81.

⁸⁰ Там же, с. 123.

⁸¹ *Res sacrosanctae* (лат.) — священные предметы. См.: Маркс К. Капитал, т. I, с. 142.

⁸² Там же, с. 165.

Меновая стоимость «отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо»⁸³. «Как на челе избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала»⁸⁴. Анализ вопроса о накоплении капитала и о кругообороте простого воспроизводства сопровождается ироническим: «Это — старая история: Авраам родит Исаака, Исаак родит Иакова...». Капитал в роли праотца Авраама!

И не только Авраама, иронический Авраам превращается в другом месте в саркастического Ирода: «Англичане, которые склонны принимать первую внешнюю форму проявления за причину, часто считают причиной долгого рабочего времени на фабриках то огромное расхищение детей, которое капитал при зарождении фабричной системы производил, как Ирод, в приютах для бедных и сирот»⁸⁵. Наконец появляются и саркастические евангельские плевелы в вопросе о безработице английских батраков. Налаженное на капиталистический манер сельское хозяйство, с одной стороны, и избыточные рабочие руки батраков, сравниваемые капиталистом с сорной травой, но в то же время необходимые ему как резервная армия, понижающая зарплату батрака, — с другой: «Поле, очищенное от плевел, и человеческие плевелы Линкольншира... — вот противоположные полюсы капиталистического производства»⁸⁶.

И, наконец, уже не в плане «мистики» — иронические образные сравнения, взятые из области бытовых отношений буржуа или застольных, так сказать, по части буржуйского аппетита или по части «поэтической души» буржуа⁸⁷. Мак-Куллох и К° в минуту теоретического затруднения превращают капиталиста «в доброго бюргера, которому нужны только потребительные стоимости, кото-

⁸³ Там же, с. 165.

⁸⁴ Там же, с. 373.

⁸⁵ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 396. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 414.

⁸⁶ Маркс К. Капитал, т. I, с. 709.

⁸⁷ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 791. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 776.

рого мучит поистине волчий аппетит к сапогам, шляпам, яйцам, ситцу и другим потребительным стоимостям, имеющим весьма непосредственное отношение к семейному очагу»⁸⁸. Наконец, область иронических «поэтических» образных сравнений, подчеркивающих через свой контекст, что, собственно говоря, дело тут не поэтическое, а совсем даже наоборот... «Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег...»⁸⁹ «Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения...»⁹⁰ Ирония образа тем острее, что, как известно, невинная бабочка-капиталист извлечет свой доход, конечно, не из сферы обращения, как саркастически «обещает» Маркс, а из сферы производства, из выжимания прибавочной стоимости.

Образное сравнение, образ-иллюстрация и пояснение, вплетенные Марксом в текст «Капитала» как деталь, переходят часто в более значительное художественное образное обобщение, в известный момент перерастающее в научный прием исследовательского порядка. Речь идет о *персонификации капитала*. Капитал будет двигаться, говорить, пить портвейн, петь пьяные песни, нанимать, продавать, рассчитывать, одним словом — *действовать*.

6. Персонифицированный капитал

Капитал персонифицируется Марксом не случайно, а планомерно и обдуманно. Маркс не раз останавливается на этом моменте, как на приеме, и подробно его характеризует.

Маркс в «Капитале» дал общую схему капитализма и не преследовал цели дать конкретную характеристику какой-либо капиталистической системы. Доведя в своем исследовании характерные стороны капиталистического процесса до высшего, обобщенного типического выражения, он прибегал к приему персонификации капитала в

⁸⁸ Маркс К. Капитал, т. I, с. 164.

⁸⁹ Там же, с. 149.

⁹⁰ Там же, с. 176—177.

плане экономической абстракции. Эта задача выполнена им не только теоретически безупречно, но и художественно блестяще. Мы остановим внимание только на художественной стороне, преследующей те же цели, что и образность речи, разобранный в предыдущей главе. По существу, в разрезе нашей темы здесь речь идет опять-таки о художественном образе, но уже в прямом значении *поэтического образа*, в то время как предыдущая глава была сосредоточена главным образом на разборе образов-метафор. Мы рассматриваем здесь образы, ярко персонифицированные, образы живых действующих лиц.

Маркс несколько раз останавливается на этом приеме и дает его общую характеристику. Его капиталист функционирует «как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал»⁹¹. Капиталист «представляет собой лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала»⁹². Давая теоретическое изложение своего отношения к этому приему персонификации, Маркс рисует элементы образа. Его персонифицированный капитал — капиталист — не просто имеет связь с рынком, капиталист *рыщет* по рынку: «Время, в течение которого капиталист покупает и продает, когда он рыщет на рынке, составляет необходимую часть времени его функционирования в качестве капиталиста, т. е. в качестве персонифицированного капитала»⁹³.

Капитал действует как живое лицо, — этот прием, образно-художественный в своем существе, делает теоретический текст поразительно говорящим. Капитал говорит. Машина готова сделать «излишними» часть наемных рабочих: «Капитал громогласно и с обдуманым намерением возвещает о ней как о силе, враждебной рабочему, и пользуется ею как таковой»⁹⁴. В одном месте первого тома персонифицированный капитал обрисован в незабываемо сильном образе: речь идет в контексте об эксплуатации детей в стекольной промышленности. Даже фабричный отчет признает, что работа детей по количеству прямо баснословна. «А между тем, — восклицает Маркс, — „преисполненный самоотречения“ капитал стеклопромыш-

⁹¹ Там же, с. 164.

⁹² Там же, с. 244; ср. там же, т. II, с. 539.

⁹³ Маркс К. Капитал, т. II, с. 147.

⁹⁴ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 431. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 445.

ленности, пошатываясь от портвейна, возвращается поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: „Britons never, never shall be slaves!“»⁹⁵

Все эти примеры говорят именно о *художественной* стороне приема персонификации капитала. Он наделяется живыми — отталкивающими — человеческими чертами. Ненасытная жажда прибавочной стоимости, тупость, замкнутость идеологического кругозора класса-эксплуататора, обреченного на гибель,— все это дается во внешних, художественно конкретизированных чертах. Сосавший днем кровь эксплуатируемых рабов-детей, капитал вечером идет в клуб, пьянствует, поздно ночью возвращается домой...

Прием олицетворения в первом томе получил огромное развитие в главах о прибавочной стоимости: персонифицированный капитал будет возникать чуть ли не на каждой странице, переходить со своей художественной характеристикой из главы в главу, в нем будут раскрываться новые художественно конкретизированные характерные черты: он будет рыскать по рынку, опытным глазом высматривать рабочего, торговаться, вести с хищным видом свою жертву с рынка, разговаривать и ссориться со своим соседом, волноваться, расстраиваться и лечиться у домашнего врача Мак-Куллоха. Но все эти моменты персонификации отнесем лучше к последней главе, где будет рассмотрена художественность общей композиции «Капитала», — они тесно связаны именно с последней. Остановимся вообще на моменте персонификации как на приеме изложения «Капитала».

Этот прием встречается у Маркса как способ оживления речи, большей впечатляемости ее. Маркс иногда ведет изложение так, как будто сложные, обобщенные понятия или комплексы их были бы живыми действующими лицами. Обобщенное понятие олицетворяется. «Пока „просвещенная“ политическая экономия ex professo трактует „о капитале“, она с величайшим презрением взирает на золото и серебро как на форму капитала, которая фактически не представляет совершенно никакого интереса и является совершенно бесполезной. Как только она начинает говорить о банковском деле, то, наоборот, и зо-

⁹⁵ Britons never, never shall be slaves! (англ.) — Нет, никогда, никогда не будут британцы рабами! Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 245. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 274.

лото с серебром становятся капиталом *par excellence*, для удержания которого следует приносить в жертву все другие формы капитала и труд»⁹⁶. Вульгарной политической экономии приписаны в ироническом плане человеческие действия: она толкует о чем-то и вместе с тем бросает на это презрительные взгляды, как человек, искусственно принимающий на себя пренебрежительный вид. Серебро путешествует по делам — совсем завзятый английский бизнесмен, в кризисный 1847 г. оно тотчас же по прибытии в Англию «нашло себе дорогу на континент», а когда это стало невыгодным, часть этого же самого серебра совершила «обратное путешествие в Индию»⁹⁷. Поэтически олицетворяются средства производства: в первом томе мелькнули «плавильные печи и производственные здания, которые ночью отдыхают и не высасывают живой труд»⁹⁸. Нет, кажется, ничего «суше» и «алгебраичнее», чем условное наименование буквами А и В двух контрагентов товарного обмена. Но у Маркса умелый шуточный прием оживляет строгость текста: буквы А и В вдруг превращаются в «деловых друзей А и В», у которых покупает товар... капиталист Карл Маркс⁹⁹.

В главе «Деньги или обращение товаров», в первом томе, Маркс пользуется на ряде страниц примером ткача, и этот ткач не только теоретически обобщенное в целях экономического исследования понятие, этот ткач, кроме того, и художественно обобщенный тип. На предыдущих страницах Маркс не раз говорил о холсте и ткаче, производящем холст. Когда ему понадобится пример в главе о депьгах, он связывает предыдущее обобщение с последующим не только нитью логического анализа, но и художественным штрихом, внезапно оживляющим текст, делающим его несколько драматизированным, драматизация к тому же подчеркивается приглашением читателя к совместному действию: «Последуем теперь за каким-либо товаровладельцем, хотя бы за нашим старым знакомым, ткачом холста, на арену менового процесса, на товарный рынок»¹⁰⁰. Далее по ходу теоретической мысли Марксу

⁹⁶ Маркс К. Капитал, т. III, ч. 2, с. 120. *Ex professo* (лат.) — специально. *Par excellence* (фр.) — по преимуществу.

⁹⁷ Там же, с. 140—141.

⁹⁸ Маркс К. Капитал, т. I, с. 320.

⁹⁹ Там же, с. 167.

¹⁰⁰ Там же, с. 115. Дальнейшие примеры о ткаче на с. 115, 117, 120, 122, 123.

надо, чтобы ткач не только продавал свой товар, но и купил бы на эти деньги другой товар. С точки зрения чисто теоретической Марксу безразлично, о каком товаре идет речь: ткач мог бы купить хлеб, сахар, сукно, и *теоретическая* правильность и ясность изложения не пострадали бы ни на йоту. Но Маркс заставляет своего ткача совершать покупку, художественно его характеризующую как мелкого товаропроизводителя, кустаря, человека уходящей эпохи, которому грозит гибель от победного шествия машины. Ткач «обменивает холст на 2 ф[унта] ст[ерлингов] и, как человек старого закала, снова обменивает эти 2 ф[унта] ст[ерлингов] на семейную Библию той же цены. Холст — для него только товар, только носитель стоимости», Библия же «направится в дом ткача уже в качестве предмета потребления и будет удовлетворять там потребность в душевспасительном чтении». Далее, развивая мысль о взаимоотношениях потребительной и меновой стоимости, доказывая, что товар должен представлять собою потребительную стоимость для владельца денег, т. е. что затраченный на товар труд должен быть затрачен на него в общественно полезной форме, должен быть действительным звеном в системе общественного разделения труда, Маркс вновь переходит к «нашему ткачу», «человеку старого закала» и очень расчетливому по натуре, об этом новом характерном качестве мы узнаем из описания его настроения на рынке: «Если общественная потребность в холсте, которая, как и все прочее, имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт нашего приятеля окажется избыточным, излишним, а следовательно, и бесполезным. Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но наш ткач явился на рынок вовсе не для того, чтобы делать подарки...». Рынок с его новыми отношениями надвигается на нашего ветхозаветного приятеля, любящего почитать Библию в семейном кругу. Перелом в технике производства открывается перед ткачом именно на рынке через новые, более низкие цены, сваливается на него неожиданно-негаданно: «Без разрешения нашего ткача и за его спиной пришли в движение традиционные производственные условия ткачества холста. То, что вчера несомненно представляло рабочее время, общественно необходимое для производства аршина холста, сегодня перестало им быть, и владелец денег энергично демонстрирует нашему приятелю это обстоятельство, указывая ему на цены, назначенные различными

ми его конкурентами. К его несчастью, на свете много ткачей».

Дальнейший подбор примеров живого товарного оборота вскрывает пестрое различие личных требований к потребительным стоимостям.

Примеры эти опять-таки подобраны не случайно, каждый из них — отдельный штрих художественной характеристики лица, участвующего в товарообороте: «Для нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается Библией, в которую он превратил полученные им 2 фунта стерлингов. Но продавец Библии превращает полученные от ткача 2 ф[унта] ст[ерлингов] в водку». Продавец Библии предпочитает «горячительный напиток холодной святости», и тут же — ироническое замечание: «Винокур может продать свой горячительный напиток лишь потому, что другой продал напиток живота вечного» (т. е. Библию).

Группа примеров персонификации относится к иронизированию Маркса над товарно-фетишистским мышлением буржуа. До конца разоблачив мистику товарного фетишизма, Маркс иронически олицетворяет товары, заставляет их говорить и действовать, причем особая острота иронии в том, что товарам придаются характерные черты самих буржуазных филистеров: они чинно выступают, застегиваются на все пуговицы, жеманятся, бросают влюбленные взоры, узнают друг в друге долгожданную родственную «прекрасную душу».

«Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста без того, чтобы для последнего стоимость не приняла формы сюртука»¹⁰¹. Прекрасная душа сюртука подчеркнута его бескорыстным равнодушием к собственному использованию — сюртук в этом случае остается «живым человеком»; «для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного»¹⁰².

«Товар любит деньги», но «истинная любовь никогда не протекает гладко»¹⁰³. «Цены, эти влюбленные взоры, бросаемые товарами на деньги»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Там же, с. 61.

¹⁰² Там же, с. 51.

¹⁰³ Там же, с. 118, 794.

¹⁰⁴ Там же, с. 120.

Наконец, характерна и ирония «оживления» товара до того, что он начинает прыгать, и — в этой же фразе — насмешливое приведение вещей к действительности, напоминание о том, что товары, собственно говоря, не живые, что отношение товаров есть отношение владельцев: «Переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег есть... *salto mortale** товара. Если оно не удастся, то оказывается обманутым в своих надеждах если не сам товар, то его владелец^{105—106}.

Художественный образ в «Капитале» часто дается в виде олицетворения, персонификации, иронической по существу. Рассмотрением персонификации было бы возможно закончить характеристику типичных приемов Маркса — художника слова.

Но есть еще один прием исключительной силы. В ряде ответственных моментов теоретического изложения Маркс пользуется сокровищницей мировой литературы, включает в свое изложение такие огромные аккумуляторы познавательной энергии человечества, как образы Шекспира, Гете, Гейне, Софокла, Гомера...

Чтобы ярче запечатлеть острый теоретический вывод, Маркс призовет к участию в борьбе с буржуазией мировых художников слова — положения Маркса вам объяснят Шекспир, Сервантес, Гете, Софокл, Эсхил. Творчество мировых гениев дает свои образы «Капиталу» и этим в величайшей степени увеличивает воздействующую силу текста Маркса. Самую ответственную роль несет тут любимейший Марксом Шекспир, начнем поэтому с него, условно назвав его именем всю последующую главу.

7. Шекспир в «Капитале»

Шекспир появляется в «Капитале» не часто. Но сравнительная редкость его выступлений подчеркивает их значительность. Это не мелкие, случайные появления на сцене суетливо снующего статиста, — это крупное, значительное выступление большого героя.

Шекспир был одной из сильнейших литературных привязанностей Маркса. Он превосходно знал и много раз перечитывал его произведения. Столь же любим был Шекспир и в семье Маркса. «Дети постоянно перечиты-

* *Salto mortale* (итал.) — отчаянный прыжок.
^{105—106} Маркс К. Капитал, т. I, с. 116.

вают своего Шекспира»¹⁰⁷, — писал Маркс Энгельсу в письме от 10 апреля 1856 г. Образы героев Шекспира были так хорошо запечатлены, что легко возникали в памяти, являлись бытовыми ассоциациями: дочери Маркса давали прозвища знакомым, пользуясь именами шекспировских героев. Сам Маркс делал то же, преимущественно пользуясь именами героев комического типа. Чрезвычайно интересен образ Фальстафа в употреблении Маркса. Можно безошибочно сказать, что анализ этого образа в марксистском литературоведении много потеряет, если не использует соответствующих мест работ Маркса. Фальстаф для Маркса — своеобразный «персо-нифицированный капитал» эпохи «зари капитализма», рождающийся буржуа эпохи первоначального накопления. Беспардонный лгун, ограниченный, лишь о своей корысти думающий весельчак и забубенная голова, распутник, откровенно плюющий на всю феодально-религиозную поповскую кухню, грабитель с большой дороги и вместе с тем отчаянный трус, обманщик и веселый собутыльник, продающий все рыцарские добродетели за червонец, Фальстаф — яркий тип эпохи первоначального накопления. Обломки феодальных представлений — лишь строительный материал для его новой, буржуазной морали. Обманом спасая собственную шкуру в боевой схватке (Фальстаф, как известно, при первом нападении врага бросал меч на землю и притворялся мертвым), он рассуждает о том, что спасти собственную жизнь — первая рыцарская добродетель. Ограбить, отнять, украсть, взять в долг и не отдать и при этом клясться в противоположном, призывая всех феодальных святых и деву Марию, в обычаях Фальстафа. Шекспир, со скорбью смотревший на крушение старого феодального мира, насмешливой характеристикой Фальстафа отрицал грядущий буржуазный мир. Его виндзорские проказницы смеются над Фальстафом, зарывая его в корзину с грязным бельем. Фальстафа выкидывают в вонючий залив Темзы. Фальстафа бьют по морде, когда он переоделся в платье толстой кумы; Фальстаф толст, как бочка, — его живот мешает ему видеть собственные колени; наконец, в «Генрихе V» Фальстаф непристойно умирает на руках вдовы Куикли. Но, несмотря на все это, историческое будущее осталось за Фальстафом. Фальстафы промышленного ка-

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 30.

питала лишь слегка похудели, пустили награбленное в оборот, научились правильной считать и выжимать прибавочную стоимость. В переписке Маркс называет Фальстафом агента Наполеона III, «господина Фогта», разоблаченного и просмеянного в известном памфлете Маркса¹⁰⁸. Появится Фальстаф и в «Капитале» — об этом дальше. Есть образы Фальстафа не только в переписке Маркса и в «Капитале», но и в других работах Маркса. Так, в статье «Морализующая критика и критизирующая мораль», направленной против филистера Карла Гейнцена, Маркс смеется над утверждением последнего, что монархии являются «главной причиной горя и нищеты». Иронизируя над аргументами Гейнцена, он замечает, что рабство южных штатов Североамериканской республики, существующее благополучно без монархических форм, «могло бы воскликнуть словами Джона Фальстафа: „Ах, если бы аргументы были так же дешевы, как ежевика!“»¹⁰⁹. Нередки и другие шекспировские образы. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс говорит о своем «герое»: «Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости. Так, в походе на Страсбург прирученный швейцарский коршун играл роль наполеоновского орла. Во время своей высадки в Булони он на нескольких лондонских лакеев напялил французские мундиры; они представляли армию. В своем Обществе 10 декабря он собирает 10 000 бездельников, которые должны представлять народ, подобно тому как ткач Основа собирался представлять льва»¹¹⁰. Тот же лев — по другому поводу, но в том же смысле — приходит на память Марксу в работе «К критике гегелевской философии права». Критикуя понимание Гегелем правительственной власти, Маркс замечает: «Здесь приходит на память также и лев в шекспировской комедии „Сон в летнюю ночь“, восклицающий: „Я — лев, и я — не лев, а Снаг“. Точно так же и здесь

¹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 59.

¹⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 305.

¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 168.

каждая крайность является то львом противоположности, то Снагом опосредствования» ¹¹¹.

В работе «Морализующая критика и критицизирующая мораль» Маркс приглашает Гейнцена поближе приглядеться к типу Аякса, выведенному Шекспиром в «Троиле и Крессиде», и приводит длинный диалог Ахилла и Терсита ¹¹². Этот же диалог вспомнился Марксу в 1864 г., когда он изумился поведению Гарибальди, побратавшегося с Пальмерстоном, — и это в то время, как конгресс революционеров в Брюсселе в сентябре 1863 г. возлагал на Гарибальди надежды как на вождя революции. «Храброе» братание с «Памом» ¹¹³ возмутило Маркса, и он вспоминает по этому случаю восклицание шекспировского Терсита, которым кончается упомянутый выше диалог: «Я предпочел бы быть вошью в овечьей шерсти, чем таким отважным дураком» ¹¹⁴.

Интересно одно замечание Маркса о Шекспире как историке. В 1861 г. Маркс «отдыха ради» перечитывал в греческом подлиннике «Гражданские войны в Риме» древнего историка Аппиана и заметил в письме к Энгельсу от 27 февраля, что Аппиан «старается докопаться до материальной подкладки гражданских войн». Историк этот развенчивал Помпея как военного стратега, и Маркс, соглашаясь с этим мнением, замечает в письме: «Шекспир, когда писал комедию „Бесплодные усилия любви“, по-видимому, имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был в действительности» ¹¹⁵.

Заметим, что и Энгельс был большим поклонником и знатоком Шекспира. Еще в одном из ранних произведений — в статье «Ландшафты», помещенной в 1840 г. в «Telegraph für Deutschland», Энгельс пишет такие строки: «О, какая дивная поэзия заключена в провинциях Британии! Часто кажется, что ты находишься в golden days of merry England * и вот-вот увидишь Шекспира с ружьем за плечом, крадущимся в кустарни».

¹¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 320.

¹¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 293.

¹¹³ Насмешливая кличка Пальмерстона.

¹¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 320. У Маркса: «Лучше б мне быть вошью в овчине, чем проявлять такую отважную глупость».

¹¹⁵ Там же, с. 126.

* Golden days of merry England (англ.) — Золотые времена веселой Англии.

как за чужой дичью, или же удивляешься, что на этой зеленой лужайке не разыгрывается в действительности одна из его божественных комедий. Ибо где бы ни происходило в его пьесах действие — в Италии, Франции или Наварре, — по существу перед нами всегда — merry England*, родина его чудацких простолюдинов, его умничающих школьных учителей, его милых, странных женщин; на всем видишь, что действие может происходить только под английским небом. Только в некоторых комедиях, — как, например, „Сон в летнюю ночь“, — в характерах действующих лиц чувствуется влияние юга с его климатом так же сильно, как в „Ромео и Джульетте“»^{116—118}. А в письме от 26 октября 1847 г. Энгельс советует непременно прочесть статью О'Коннора, указывая на то, что она напоминает Шекспира¹¹⁹.

Умение пользоваться в научной работе художественными образами мировой литературы — большое дело. Если проследить, как и в каких случаях появляется Шекспир в «Капитале», мы увидим значение поясняющих шекспировских образов в окружающем экономическом контексте.

Первый образ Шекспира, появляющийся в «Капитале», комический. Вдова Куикли, подруга Фальстафа, появляется в первой главе, посвященной стоимости. Как известно, Куикли, содержательница таверны и любительница выпить, — чрезвычайно веселая вдова. Миссис Куикли — очень стойкий образ шекспировских произведений: она фигурирует в обеих частях «Генриха IV», в «Генрихе V» (1-я часть) и в «Виндзорских проказниках». Всюду она боевая баба, посредница, сводня, проныра, бойкая болтунья, отлично знающая цену деньгам и готовая на все ради золотого эку.

Миссис Куикли появляется в первой главе «Капитала», посвященной анализу товара. Маркс говорит о субстанции стоимости и подводит читателя к известному выводу: «В прямую противоположность чувственной грубой субстанции товарных тел ни один атом естественного вещества не входит в субстанцию их стоимости». Подводя к этому чрезвычайно важному и сложному выводу, Маркс смешит читателя замечанием: «Субстанция стоимости то-

* Merry England (англ.) — Веселая Англия.

^{116—118} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд., т. II, с. 59—60.

¹¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 97.

варов тем отличается от вдовицы Квикли, подруги Фальстафа, что неизвестно, где она находится»¹²⁰. Субстанция стоимости — сложная абстракция, и реальнейшая миссис Куикли — в контрастном столкновении! Подруга Фальстафа (а тот — постоянный образ капиталиста у Маркса!) находилась в Лондоне, в Истчипе, в харчевне «Свиная голова», пребывая в чрезвычайно прочных отношениях со своим возлюбленным. «Прощай, прощай! — кричит она ему после очередной попойки в „Свиной голове“ и добавляет: Когда зазеленеет горох, исполнится двадцать девять лет, как я с тобой знакома. Уж такой честный, верный человек...»¹²¹

Первая глава «Капитала», глава о товаре, кончает анализ товарной формы очень важным моментом — вопросом о взаимоотношении вещественных свойств товара, потребительной стоимости и стоимости меновой. В момент этого-то объяснения и появляется Шекспир. «До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости. Однако экономисты — изобретатели этого „химического“ вещества, обнаруживающие особое притяжение на критическую глубину мысли, находят, что потребительная стоимость вещей не зависит от их вещественных свойств, тогда как стоимость присуща им как вещам. Их укрепляет в этом убеждении то удивительное обстоятельство, что потребительная стоимость вещей реализуется для людей без обмена, т. е. в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как стоимость может быть реализована лишь в обмене, т. е. в известном общественном процессе. Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучает ночного сторожа Сиколья, что «приятная наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается природой»¹²². Раз-

¹²⁰ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 15. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 56. В своем тексте Маркс передает шутку о вдове Куикли острее, чем это сделано в русском переводе: «Die Wertgegenständlichkeit der Waren unterscheidet sich dadurch von der Wittib Hurtig, daß man nicht weiß, wo sie zu haben ist».

¹²¹ Шекспир У. Король Генрих IV, ч. 2, конец 2-го действия / Пер. Е. Бируковой. — В кн.: Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8-ми т. М., 1959, т. 4, с. 174.

¹²² Маркс К. Капитал, т. I, с. 93. В подлиннике у Шекспира так: «To be a well favoured man is the gift of fortune; but to write and read comes by nature» («Много шума из ничего», акт III, сцена 3). В наиболее распространенном русском переводе А. И. Кронеберга этого места почти нельзя узнать. Слова Дог-

говор сторожей в комедии «Много шума из ничего», кстати сказать, одна из удачнейших комических сцен у Шекспира. Он играет в пьесе значительную композиционную роль. Только что перед этим закончилась напряженно-трагическая сцена: Дон-Жуан приходит в комнату Леонато и сообщает Клавдио о неверности его невесты Геры. Как известно, это ложное сообщение — основной тематический узел в комедии. Клавдио — в отчаянии, Дон-Жуан берется ему доказать правильность страшного сообщения. Вслед за этим третья сцена третьего акта — срыв в комическое: добряк Догберри (Клюква) инструктирует ночных сторожей, советуя не связываться с ворами и поэтому не задерживать и не останавливать подозрительных лиц без их собственного на то разрешения, словом, дает понять своими объяснениями, что делать сторожам собственно нечего, и заканчивает многозначительными словами: «Вот и все ваши обязанности». В этом-то разговоре сторожей и находится приведенное Марксом изречение Догберри о приятной наружности и уменье читать и писать.

Дважды призвав Шекспира для пояснения теории стоимости, Маркс прибегает к нему и в главе третьей «Деньги, или обращение товаров». И тут Шекспир введен для пояснения очень важного положения, касающегося момента исторического развития значения денег: «С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности... Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла»¹²³.

Эту мысль поясняет знаменитая трагедия Шекспира «Тимон Афинский», одно из его философских по существу произведений. Трагедия посвящена власти золота над человеком. Ею увлекались Кольридж и Шиллер, считавшие необходимым приспособить ее к немецкой сцене. В третьей сцене четвертого акта в уста Тимону Афинскому Шекспир вкладывает знаменитый монолог о власти золота.

берри (Клюквы) переданы так: «Статный ты молодец, — твое счастье; а что грамотный, так уж это как кому па роду писано» (Шекспир. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1902, т. 2, с. 343.).

¹²³ Маркс К. Капитал, т. I, с. 142.

Драматическая обстановка такова: оставленный и осмеянный друзьями, которые были осыпаны благодеяниями во время богатства Тимона и которые предают его осмеянию, когда богатство это иссякло, Тимон проклинает Афины и удаляется в лес, в пещеру около моря. Чтобы утолить голод, он ищет коренья для пропитания и начинает копать землю. Вдруг он нападает на клад. Вот его монолог (в переводе П. Вейнберга), пропущенное Марксом взято при цитировании в квадратные скобки.

[Что вижу я? Как!] Золото! металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
[Нет, боги! Нет, я искренно молил
Кореньев мне, безоблачное небо!]
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее — белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым и свежим!
К чему же мне, о боги, это все?
Бессмертные, к чему — скажите? Это
От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет...
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко на скамьи
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,
Даст женихов; [раздушит, расцветит,
Как майский день, ту жертву язв поганых,
Которую и самый госпиталь
Из стен своих прочь гонит с отвращеньем!].
Ступай... проклятая земля,
Наложница всесветная...

Подлинник Шекспира, приведенный у Маркса («Капитал». М., 1920, т. II, с. 104), значительно сжатее и сильнее. Вот он:

[— What is here?]
Gold! yellow, glittering, precious gold! — [No gods,
I am no idle votarist. Roots, you clear heaven.]

Thus much of this, will make black white; foul — fair;
Wrong — right; base — noble; old — young; coward — valiant.
[Ha, you gods. Why this?] What this, you gods! Why this
Will lug your priests and servants from your sides;
Pluck stout men's pillows from below thier heads
This yellow slave
Will knit and break religions; bless the accurs'd;
Make the hoar leprosy ador'd; place thieves
And give them title, knee, and approbation,
With senators of the bench: this is it,
That makes the wappen'd widow wed again;
[She, whom the spital-house and ulcerous sores
Would cast the gorge at, this embalms and spices
To the April day again]. Come, damned earth,
Thou common whore of mankind...

Выяснено происхождение прибавочной стоимости, раскрыта грабительская суть заработной платы при капитализме, и в главе о рабочем дне, поясняя вопрос об эксплуатации детей, Маркс опять прибегает к Шекспиру. Пролетариат протестовал против эксплуататорского «закона», на основании которого 8—13-летние дети работали, надрываясь, наравне со взрослыми рабочими. Но «Капитал» отвечал:

На голову мою мои поступки
Пусть падают. Я требую суда
Законного — я требую уплаты
По векселю ¹²⁴.

Это слова Шейлока в «Венецианском купце» Шекспира. Купец Шейлок в случае неуплаты ему долга Антонио мог, как известно, вырезать из груди Антонио фунт мяса. Слова, приведенные Марксом, Шейлок говорит в ответ на напоминание судьи Порции о том, что займодавец, как человек должен быть милостивым.

Порция: Я говорю все это для того,
Чтоб чем-нибудь смягчить твой иск законный;
Но если ты настаиваешь в нем,
То строгий суд Венеции обязан
Постановить решение над купцом.

¹²⁴ Маркс К. Капитал, т. I, с. 296; ср. с. 297.

Шейлок: На голову мою мои поступки
Пусть падают. Я требую суда
Законного,— я требую уплаты
По векселю ¹²⁵.

Дальше в напряженной сцене суда, когда судьи убедились, что на Шейлока ничто не действует, Порция, переодетая судьей, изрекает приговор:

Порция:

Да будет
По-вашему. Приготовляйте грудь
Его ножу.

Шейлок: О, юноша прекрасный,
О, судия правдивый!

Порция: Потому,
Что дух и текст закона совершенно
Согласны с тем взысканием, что здесь,
В сем векселе, означено так ясно.

Шейлок: Так, точно так. О мудрый судия,
Правдивейший! На сколько же ты старше,
Чем кажешься!

Порция (к Антонио): Итак, раскройте груди!

Шейлок: Да, грудь его; так вексель говорит мой.

Не правда ли, почтеннейший судья?

Так сказано: как можно ближе к сердцу —

Не так ли? ¹²⁶

Маркс, продолжая речь об эксплуатации детей, вспоминает подчеркнутые в предыдущей цитате слова Шейлока. Маркс пишет: «Рысий глаз капитала открыл, что акт 1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося, по крайней мере, 30 минут, но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился удовольствия заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до 8½ часов вечера!

«Да, грудь его; так сказано в расписке!»

¹²⁵ Шекспир. Венецианский купец (действие 4-е, сцена I).— В кн.: Шекспир. Полн. собр. соч./Под ред. С. А. Венгерова. Пер. П. И. Вейнберга. СПб., 1902, т. 1, с. 471.

¹²⁶ Там же, с. 472.

Эта достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была, однако, просто подготовить открытый бунт против этого же самого закона...»¹²⁷.

Другой любимый Марксом поэт — Гете — также бывает гостем «Капитала». Он фигурирует уже в первой главе, посвященной товару. Но любопытно, что в то время, как у Шекспира Маркс берет яркий образ, у Гете он преимущественно пользуется философским обобщением, сжатым Гете в изречение — стих. Маркс критикует мелкобуржуазное стремление устранить «недостатки формы товаров, не обладающих непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм, который... не отличается даже оригинальностью, но лишь повторяет то, что гораздо раньше него и лучше него сказали Грау, Брау и др. Это не препятствует такой мудрости красоваться в известных кругах под именем „science“ — „наука“. Ни одна школа не носилась так с словом „наука“, как прудоновская, потому что:

Wo Begriffe fehlen,

Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein»¹²⁸.

Эти слова гетевского Фауста действительно метко характеризуют школу Прудона. Фауст фигурирует еще в главе о процессе обмена со своим восклицанием «Am Anfang war der That»¹²⁹. В главе о так называемом первоначальном накоплении Маркс говорит, критикуя нападки Тьера на социализм: «Раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития»¹³⁰. И ссылается далее на Гете: «Гете, раздраженный таким

¹²⁷ Маркс К. Капитал, т. I, с. 296—297.

¹²⁸ «Коль скоро недочет в понятиях случится, их можно словом заменить» (нем.). (Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 37; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 78).

¹²⁹ «Вначале было дело» (нем.) (Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 55; Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 96).

¹³⁰ Маркс К. Капитал, т. I, с. 726. Ср.: Маркс К. Капитал. М., 1920, с. 736.

фиглярством, высмеивает его в следующей „катехизации“:

Учитель: Подумай, дитя, откуда все эти блага. Сам по себе ты ничего не можешь получить.

Ребенок: Да, все я получил от папы.

Учитель: А папа, от кого получил папа?

Ребенок: От дедушки.

Учитель: Да нет же! От кого в таком случае получил дедушка?

Ребенок: Он взял все это».

Заметим, что та же цитата Гете встречается в одной из довольно ранних работ Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе»¹³¹. В русском переводе дан стихотворный текст этого любопытного разговора, приведем его:

Откуда у тебя, дитя, дары все эти?

Ведь без источника нет ничего на свете.—

Да что ж, я их от папы получил.—

А папа от кого?— От дедушки.— Но дал их

Кто ж деду твоему? — Он *взял* их.

Исследуя превращение прибавочной стоимости в капитал, Маркс замечает: «В то время как классический капиталист клеймит индивидуальное потребление как грех против своей функции и как „воздержание“ от накопления, модернизированный капиталист уже в состоянии рассматривать накопление как „отречение“ от потребления. „Ах, две души живут в его груди, и обе не в ладах друг с другом!“¹³². Последняя цитата взята опять-таки из «Фауста» Гете.

Примеров использования Марксом мировой художественной литературы в «Капитале» можно привести очень много. Маркс использует «Дон-Кихота» Сервантеса, «Божественную комедию» Данте, Мольера, своего любимца Гейне, а из древних писателей, которых Маркс знал в оригиналах,— Софокла, Гомера, Эсхила, Горация¹³³. Использует он и народное творчество: поговорки, легенды — например, знаменитую легенду о крысолове, уведшем из города всех детей пением своей волшебной флейты¹³⁴.

¹³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 234.

¹³² Маркс К. Капитал, т. I, с. 607, 807 (В подлиннике: «in meiner Brust», т. е. «в моей груди»).

¹³³ Там же. См. указатель имен.

¹³⁴ Там же, с. 707. Эта легенда подверглась художественной переработке отдельными поэтами.

Софокл, как и Шекспир, призван Марксом не только как литературный помощник, но и как свидетель своей эпохи. Его слова не только раскрывают, но и свидетельски поддерживают положение: «Деньги — сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни». К этому — свидетельство Софокла в «Антигоне»:

Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным ¹³⁵.

Трагический Эсхил дает главе о всеобщем законе капиталистического накопления — главе, в высочайшей степени насыщенной классовым гневом, — созданный им великий образ Прометея. Рабочий, прикованный к капиталу, — Прометей, прикованный к скале Гефестом: «Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе...» ¹³⁶.

Древний Гомер и его поэтические образы возникают на страницах главы о рабочем дне. Жертвы капиталистической эксплуатации встают перед Марксом как живые люди — они сходят со страниц только что прочтенных газет, из только что услышанных рассказов, из мрачных будней европейской капиталистической действительности 60-х годов. Образы их предстают перед Марксом, когда он пишет эту главу: они идут пред его взором, они держат подмышкой Синие книги, книги, где отражены законы

¹³⁵ Там же, с. 143.

¹³⁶ Там же, с. 660.

капитализма, приведшие их к смерти. «Вот пестрая толпа рабочих всех профессий, возрастов и полов,— пишет Маркс.— С большей настойчивостью преследуют они нас, чем тени убитых преследовали Одиссея. Чтобы судить об изнуряющем их чрезмерном труде, достаточно мельком взглянуть на них, не справляясь даже с Синими книгами, которые они держат подмышкой...»¹³⁷

Сталелитейные и железоделательные заводы «Циклоп»... Созвучие приводит на память известных чудовищ «Одиссей». Маркс пишет, играя словами: «Для этих господ циклопов восприятие ночного труда детей и подростков является „невозможною вещью...“»¹³⁸.

Последний пример. На страницах «Капитала» в сложных переплетениях теоретических выводов появляются знакомые фигуры: плетется поджарый Россинант, несущий длинного и тощего рыцаря Печального Образа, рядом — толстый Санчо Панса. Образ Дон-Кихота привлечен Марксом при объяснении важнейшего момента в теории научного социализма — в вопросе об *историчности* общественно-экономических формаций, о комплексе присущих именно данной формации идеологических надстроек, связанных с определенными социальными отношениями. «Еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества»¹³⁹. В другой раз преданность оруженосца Санчо Дон-Кихоту, взятая в ироническом плане, приводит Маркса к сравнению оруженосца с буржуазным экономистом, столь же преданным своему господину — капиталу. Если неблагоприятные обстоятельства, например, в колониях «препятствуют созданию промышленной резервной армии, а вместе с нею и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов, то капитал вкупе со своим тривиальным Санчо Панса восстает против „священного“ закона спроса и предложения и старается помешать его действию посредством принудительных мер»¹⁴⁰.

¹³⁷ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 233; Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 265.

¹³⁸ Маркс К. Капитал. М., 1920, т. I, с. 242; Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 272. Во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса эти слова по недоразумению присоединены к цитируемому Марксом извлечению из речи Дж. Эллиса.— М. Н.

¹³⁹ Маркс К. Капитал, т. I, с. 92.

¹⁴⁰ Там же, с. 655.

Основной вывод настоящей работы: Маркс уделял значительное внимание литературному оформлению, но оно интересовало его отнюдь не «само по себе», не по каким-либо отвлеченным «эстетическим» соображениям. Оно было подчинено основному содержанию «Капитала» и в этом подчинении было органически спаяно с содержанием, являлось функцией содержания. Маркс считал, что идеологическое оружие со всех сторон — в том числе даже и с литературной — должно быть прекрасно отточено, чтобы лучше служить целям пролетарской борьбы.

Литературные образы в «Капитале» органически слиты с существом его теоретических выводов. Они помогают читателю глубже понять и с яркостью воспринять величайший теоретический труд научного социализма. Художественные образы помогают в этом и Марксу, и его читателю.

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА

В. И. Ленин часто использует в своих произведениях образы мировой художественной литературы. Они служат В. И. Ленину и для разъяснения важных теоретических вопросов марксизма, и в практике ежедневной партийной работы. Они возникают под его пером и в страстной речи, обращенной к рабочим массам, и в острой полемической статье для очередного номера партийной газеты, и в глубоком научном исследовании сложных теоретических проблем. Всюду художественные образы служат В. И. Ленину для *пояснения* читателю сложной мысли, им излагаемой. Всюду у художественных образов значительная рабочая функция, они никогда не служат «украшательству», «красотам слога».

Художественные образы слетались в ленинский текст со всех концов мировой литературы. Мы встретим у В. И. Ленина Шекспира и Пушкина, Сервантеса и Гете, Салтыкова-Щедрина и Гейне, Гоголя и Беранже. Конечно, особенно богато привлечены образы литературы русской, которую Ленин так хорошо знал и любил с юных лет. В настоящей работе я остановлюсь на образах русской литературы в произведениях В. И. Ленина. Перед нами — область значительного интереса, особая пробле-

ма — жизнь художественных образов, сотворенных авторами в определенный исторический момент, напитанных соками породившего их времени, и жизнь этих образов в позднейшие эпохи.

Жизнь художественного образа в историческом процессе, его функция в новой идейной борьбе — интереснейшая проблема. Никак не преследуя цели исчерпать поставленную тему, я хотела бы на ряде примеров попытаться раскрыть своеобразие этой исследовательской задачи. Остановлюсь кратко на щедринских образах у В. И. Ленина, на гоголевских героях и на использовании В. И. Лениным некоторых пушкинских строк.

1. НЕСКОЛЬКО ОБРАЗОВ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА У В. И. ЛЕНИНА

Метаморфозы Иудушки Головлева

М. Е. Салтыков-Щедрин — один из любимейших писателей Ленина. Его образы, его выражения, иногда даже самая структура фразы, манера высказываний нередко встречаются на страницах ленинских работ.

Возьмем хотя бы Иудушку Головлева.

В галерее типов мировых лицемеров он имеет своеобразное лицо с резко выраженными характерными чертами. Из всей этой галереи он самый отвратительный и самый страшный. Краски, которыми Мольер писал Тартюфа, кажутся почти светлыми по сравнению с теми, которые понадобились Салтыкову-Щедрину для Иудушки Головлева. Реакция самого Мольера как автора на созданный им тип лицемера — иронический презрительный смех просто светел по сравнению с той тяжелой ненавистью и непереносимым отвращением, которыми горит Салтыков-Щедрин, рисуя своего лицемера. Поле деятельности Тартюфа ограничено в основном рамками одной семьи. Поле деятельности Иудушки Головлева тоже ограничено, но рамки его значительно шире — это помещичья усадьба, деревня, город, широта провинциального захолустья. Иудушка вырезан Салтыковым-Щедринным из такой мрачной гущи российских крепостнических отношений, которая насытила его в совершенно исключительной степени социальным содержанием. Это страшный хищник эпохи разворота «великих реформ», пореформенный эксплуататор, безжалостно и бесстыдно сосущий мужика, истяза-

тель и мучитель безответного человека; отвратительное нутро эксплуататора-хищника прикрито елейно-благочестивым говорком о любви к «ближнему» — к «мужику», омерзительно лживыми речами о благочестии, добродетелях и всяческом благородстве. Гораздо труднее победить в открытой борьбе Иудушку, чем, скажем, Собакевича. Последний по крайней мере грубо откровенен и прост. К первому же надо пробиться через густую сеть сложной маскировки. И вот Иудушка возникает на страницах ленинского текста. Это страшный классовый враг, искусно маскирующийся и потому особо опасный.

Девяностые годы XIX в. Подъем рабочего движения. Зарождение партии пролетариата. Борьба за соединение рабочего движения с марксизмом, рост стойкой, политически осознанной борьбы рабочего класса. Перед пролетариатом в качестве очередной задачи стоит борьба с самодержавием, борьба с крепостническими пережитками и с крепостническими учреждениями, тяжким ярмом лежащими на нем и задерживающими успех борьбы за революционную ликвидацию капиталистического строя.

1894 год. В. И. Ленин пишет «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин разъясняет причины, по которым пролетариат, чьей исторической миссией является ликвидация капитализма, должен в российских условиях ближайшей своей целью поставить борьбу с самодержавно-крепостным строем. Маскирующаяся фиговым листком народолюбия отечественная бюрократия — опаснейший враг, с которым надо умело бороться. «Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа. Это — иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом „охраны экономически слабого“ и „опеки“ над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение „подлой черни“, отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это — опаснейший лицемер, который умудрен опытом западноевропейских мастеров реакции и искусно прячет свои аракчеевские вожделения под фиговые листочки народолюбивых фраз»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 301.

В ленинском тексте 90-х годов образ Иудушки послу-жил обобщенным образом российской бюрократии в целом. Социальное содержание образа сильно заострилось и расширилось. Лицемерный захолустный помещик эпохи «великих реформ» вдруг, растворившись в своих второстепенных конкретных чертах, принял образ огромного коллективного врага рабочего класса.

Только что пронесся шквал героического девятьсот пятого года. Подавлено декабрьское вооруженное восстание в Москве. Лицемерная и бессильная Дума встает на пути революционного народа. Основная задача партии революционного пролетариата, основной лозунг, который надо довести до сознания борющегося рабочего класса, — это лозунг «борьба продолжается». Пусть сокрушены героические московские баррикады — это временная неудача, борьба идет, и разрешится она вне стен жалкой говорильни — Государственной Думы, которой объявлен большевиками бойкот. Дума будет кадетской. Лицемерная партия «народной свободы» будет выполнять свою миссию удушения революции, сведения ее на нет и прикрывать эту миссию елейными фразами об «излишней» в настоящий момент борьбе. «К чему борьба, зачем междоусобицы? говорит Иудушка-кадет, вознося очи горе и укоризненно поглядывая и на революционный народ, и на контрреволюционное правительство. Братия! Возлюбим друг друга! Пусть будут и волки сыты и овцы целы, и монархия с верхней палатой неприкосновенны и „народная свобода“ обеспечена»². Так, в апреле 1906 г. в работе В. И. Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» Иудушка Головлев становится образом трусливого либерала-предателя революции 1905 г. Острее классовое содержание образа, отчетливее классовая его суть предателя и врага трудящихся.

Еще сильнее тот же образ Иудушки-кадета, предателя революции, заострен В. И. Лениным в 1907 г. В статье «Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры» образ Иудушки Головлева — центр статьи. Тем интереснее это поднятие образа на высшую ступень социальной заостренности, что В. И. Ленин связывает его с проблемой нового Щедрина и «новых» щедринских глав к «Господам Головлевым». Этот образ в новой его трактовке, в обстановке побеждающей реакции после революции

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 287—288.

1905 г., дорисовывает сам В. И. Ленин не только «публицистическими», но и непосредственно художественными средствами. Иудушка рассуждает и действует, и В. И. Ленин со страстью говорит о своей ненависти к нему. «Жаль, что не дожил Щедрин до „великой“ российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к „Господам Головлевым“, он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и нагайке? Ты жалуешься на „отсутствие фактов“? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвали по-прежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о „поэзии борьбы“.

Черносотенцев трудно ненавидеть: чувство тут уже умерло, как умирает оно, говорят, на войне после длинного ряда сражений, после долгого опыта стрельбы в людей и пребывания среди рвущихся гранат и свистящих пуль. Война есть война,— и с черносотенцами идет открытая, повсеместная, *привычная* война.

Но кадетский Иудушка Головлев способен внушить самое жгучее чувство ненависти и презрения. Ведь этого „либерального“ помещика и буржуазного адвоката слушают, слушают даже крестьяне. Ведь он действительно засоряет глаза народу, действительно отупляет умы!..».

«Это ты, Иудушка! День, когда секомые вместо „дебатов“ будут молчать, теряя сознание, когда старая помещичья власть (*подкрепленная* „либеральными“ реформами) будет так же обеспечена помещикам, как обеспечен либеральным Иудушкам обед днем, а театр вечером,— этот день будет днем окончательного торжества „народной свободы“. День, когда контрреволюция восторжествует окончательно, будет днем окончательного торжества конституции...»³

Эпоха «Звезды» и «Правды». Борьба за партию. Борьба с ренегатством ликвидаторов, разоблачение примиренчества и отзовизма, борьба с соглашательскими попытками беспринципного «объединения» партии на почве

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 213, 214.

блока с ликвидаторами. Образ Иудушки Головлева вновь появляется у В. И. Ленина в 1911 г. в борьбе с Троцким.

«Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партийен. Получал субсидию (на редактируемую им якобы нефракционную газету „Правда“. — М. Н.)... Иудушка удалил из „Правды“ представителя ЦК и стал писать в „Vorwärts“ ликвидаторские статьи. Вопреки прямому решению назначенной пленумом Школьной комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот опубликован теперь группой „Вперед“ в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о свей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого»⁴.

Прошел уже год, как победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Впервые в мире пролетариат пришел к своей всемирно-исторической победе, к осуществлению исторической миссии рабочего класса — революционному разрушению старого капиталистического мира и начал созидать новое — социалистическое — общество. Октябрь—ноябрь 1918 г. Бушует гражданская война. Молодая диктатура пролетариата окружена мечущимися в бешенстве врагами. Один из них, злобный и ядовитый, норовящий смертельно ранить молодую Страну Советов, — международная ренегатская, предательская социал-демократия. Ее вождь Карл Каутский публикует позорный, лживый, брызжущий злобой памфлет «Диктатура пролетариата». В ответ на это В. И. Ленин пишет брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Вновь входит в ленинский текст образ Иудушки Головлева, но входит с еще более обостренным социальным содержанием классового врага пролетариата, предателя его интересов на крупнейшем всемирно-историческом этапе — в период первых шагов победившей пролетарской революции. Иудушка — это Каутский. Он возмущен, например, исключением правых эсеров и меньшевиков из состава Советов. Это ведь «не предусмотрено», это «произвол»!

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 96.

«Да, это в самом деле ужасно, это нестерпимое отступление от чистой демократии, по правилам которой будет делать революцию наш революционный Иудушка Каутский. Нам, русским большевикам, надо было сначала обещать неприкосновенность Савинковым и К°, Либерданам с Потресовыми („активистам“) и К°, потом написать уголовное уложение, объявляющее „наказуемым“ участие в чехословацкой контрреволюционной войне или союз на Украине или в Грузии с немецкими империалистами *против* рабочих своей страны, и только *потом*, на основании этого уголовного уложения, мы были бы вправе, согласно „чистой демократии“, исключать из Советов „определенных лиц“»⁵.

Мы бегло проследили жизнь образа Иудушки Головлева в текстах В. И. Ленина на этапах: 90-е годы, 1905—1907, 1911 и 1918 гг. Мы видим, как обостряется социальная сущность художественного образа в цитировании В. И. Ленина, как поднимается им образ каждый раз на новую ступень, как выявляет он в себе новые классовые черты.

«Севрюжина с хреном» и щедринское «Но!..»

Тот же процесс можно проследить, анализируя образы Балалайкина, Угрюм-Бурчеева, щедринского Молчалина и других героев в текстах В. И. Ленина.

И не только героев. Целый сонм острых щедринских выражений живет той же жизнью в ленинских текстах, заостряя свою социальную суть, свой классовый смысл. Проживает там, например, «севрюжина с хреном». Ее первой «квартирой» были «Культурные люди» Салтыкова-Щедрина. Уже там она играла роль разоблачения гаденького и трусливого российского либерала: «Я сидел дома и, по обыкновению, не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать»⁶. Но, несмотря на величайшую сатирическую насыщенность этого образа, его социальная функция в эпоху Салтыкова-Щедрина не была столь заостренной, как в ленинском тексте. В эпоху реакции, после подавления революции 1905 г., разоблаче-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 287.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1971, т. 12, с. 295.

ние помещика, добившегося «не столько конституции, сколько севрюжины с хреном...»⁷, было разоблачением более опасного врага, чем раньше.

В щедринскую эпоху помещичья «конституция», приравненная к севрюжине с хреном, была своего рода политической деталью, рисовавшейся лишь воображению помещика. В эпоху озверелой реакции после революции 1905 г. эта конституция была уже действительностью и являлась одним из средств подавления революции.

Изменилась эпоха, резко изменилась ситуация и расстановка классовых сил, и знакомый образ прозвучал иначе — звончей, острее, разительней — и выполнил роль оружия против врага, нападавшего с бóльшей силой и представлявшего собой более значительную, чем раньше, опасность.

Такой же полноправной жизнью отдельного «героя» живет маленькая и скромная часть речи, один союз — знаменитое щедринское «но!», означающее: «Уши выше лба не растут».

Оно встречается у В. И. Ленина именно в разоблачениях трусливой политики либералов, лицемерных «научных» рассуждений «друзей народа», всяческих соглашателей и ограниченных политиканов. «В „Капитале“ есть блестящие страницы исторического содержания, — цитирует В. И. Ленин Н. К. Михайловского, — и о (это замечательное „но“! Это даже не „но“, а то знаменитое „mais“, которое в переводе на русский язык значит: „уши выше лба не растут“) ...»⁸. Но... Михайловскому не нравится, что экономический анализ, анализ Маркса, относится только к одной эпохе капитализма. «Г. Михайловский, — иронически заключает В. И. Ленин, — хочет обнять все периоды и притом так обнять, чтобы не говорить в частности ни об одном»⁹.

Мы видим, что знаменитое щедринское «но!» привлечено в творческий, разоблачающий народников текст в качестве литературного оружия. На долю маленького «но!» выпала, таким образом, почетная роль — бороться в 90-е годы в ленинском тексте против фальшивых «друзей народа», разбить которых было необходимо для дальнейших побед пролетариата и его партии.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 53.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 147.

⁹ Там же, с. 147—148.

Итак, волей В. И. Ленина образы русской литературы привлечены к борьбе за дело пролетариата. Они агитируют, разоблачают, клеймят позором предателей, разъясняют классовую сущность врагов пролетариата.

2. ГОГОЛЬ У В. И. ЛЕНИНА

В произведениях В. И. Ленина живут многие гоголевские образы. Живут они совместно со многими другими писательскими образами, иногда встречаясь с ними в одной строке, иногда возникая отдельно. Есть особый смысл в этих встречах. Когда скромный обладатель новой шинели Акакий Акакиевич встречается с чеховским «человеком в футляре», приравненный к нему как тип, или «исторический» Ноздрев встречается сразу и с Тартюфом и с Иудушкой Головлевым, становится с ними в один ряд, приравнивается к ним в своем социальном значении, то даже не литературовед начинает испытывать волнение, безусловно, литературоведческого порядка — уж очень многозначительны эти литературные встречи.

Гоголевский, щедринский или мольеровский образ живет в тексте В. И. Ленина своей *особой* жизнью. Он хорошо и быстро узнается как давно известный мольеровский Тартюф или бесспорные старые знакомые — Манилов или Собакевич. Но, сохраняя старые черты, знакомые еще со школьной скамьи, он глубоко *нов*, он какой-то *другой* и наполнен *обновленным* содержанием. Нова и окружающая его атмосфера, нова его социальная позиция как образа. В нем возникло развитие новых потенций, которые раньше и не подозревались. Он приобрел новые, расширенные масштабы: из него извлечены новые могущественные силы обобщения. Если он встретится вновь в другом ленинском контексте, в другой статье В. И. Ленина, возникшей в иные годы, он будет еще раз другой, во второй раз и в новом смысле новый. Новая жизнь художественного образа в тексте В. И. Ленина, смысл и законы этой жизни и извлеченное из этого же образа социально новое его содержание — вот основные черты развития новых потенций литературного образа.

Гоголь — один из очень часто цитируемых В. И. Лениным писателей. Первенство в этом отношении, правда, принадлежит не ему, а Щедрину. Но на втором месте идет, по-видимому, все же Гоголь. Мы встретим на страницах В. И. Ленина двадцать четыре гоголевских типа — тут Манилов, Ноздрев, Хлестаков, Собакевич, Коробочка, Иван Ивасович и Иван Никифорович, Тряпичкин, Петрушка, Осип, Бобчинский и Добчинский, Иван Федорович Шпопья, Держиморда, Афанасий Иванович и Пульхерия Ивасовна, городничий, Чичиков, Акакий Акакиевич, сумасшедший Поприщин, Кифа Мокиевич, разборчивая невеста Агафья Тихоновна, унтер-офицерская вдова и даже дама, приятная во всех отношениях. Встречаются также общие высказывания о Гоголе, указание на письмо В. Г. Белинского к Гоголю и обобщенные упоминания о «гоголевских типах» и «чиновниках из гоголевских типов»¹⁰. Большинство упоминаний возникает непосредственно как исходящие от В. И. Ленина; в других случаях В. И. Ленин берет гоголевский тип из цитаты противника и дает образу в дальнейшем тексте свое толкование. Встречаются и гоголевские речения — различные меткие словечки городничего или «порох в пороховницах» Тараса Бульбы. Всего гоголевских цитат и упоминаний у В. И. Ленина свыше сотни. Характерно, что наибольшее число гоголевских упоминаний у В. И. Ленина (около 40) приходится на Манилова и «маниловщину». Кульминации упоминаний гоголевских образов у В. И. Ленина (с точки зрения частоты) приходится на годы революционного подъема. Это и понятно, если принять во внимание острую разоблачительную роль гоголевских образов в ленинском тексте. Замечательно, что, так сказать, хронологической осью цитирования является 1905 г. Именно период 1904—1906 гг. стягивает к себе основную массу гоголевских упоминаний у В. И. Ленина. Один Манилов в 1905 г. упоминается 12 раз.

Остановимся предварительно на тех общих характеристиках Гоголя, которые имеются у В. И. Ленина. Сопоставление их порождает один чрезвычайно сложный вопрос: высказывания эти с первого взгляда воспринимаются как противоречивые.

¹⁰ Ленин В. И. Подн. собр. соч., т. 8, с. 180; т. 35, с. 197,

Три раза Ленин говорит о знаменитом письме Белинского к Гоголю (1847 г.). Как известно, в этом письме Белинский — резкий антагонист Гоголя. Гоголь — автор «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь — обскурант и реакционер — резко разоблачается Белинским. Оба они стоят по разные стороны баррикады. Белинский — на стороне революционной, резко антиправительственной, Гоголь — на стороне правительства. Они — враги. Именно в смысле противопоставления этих двух сторон баррикады говорит В. И. Ленин о письме Белинского к Гоголю. В. И. Ленин дает глубокий классовый анализ позиции Белинского: письмо Белинского к Гоголю ставится им в обстановку нарастающего крестьянского движения 40-х годов, борьбы крепостного крестьянства против помещиков. Разоблачая реакционную сущность «Вех» в 1909 г., раскрывая всю низость и гнусность предательства революции либеральными буржуа, В. И. Ленин горячо и страстно опровергает «веховское» толкование письма Белинского к Гоголю, которое герои либерального предательства усердно тащили в свой арсенал. В. И. Ленин пишет:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают „Вехи“, есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения“... „История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар“...».

«Так, так, — иронически комментирует В. И. Ленин. — Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское“ настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, „сплошной кошмар“. Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

„Московские Ведомости“ всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только „интеллигентское настроение“».

«Программа „Вех“ и „Московских Ведомостей“, — продолжает В. И. Ленин, — одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ренегаты решились сказать всю правду, раскрыть *всю* свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического миросозерцания), а в публицистике они виляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с „интеллигентщиной“. Либеральная буржуазия решительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа. Но либеральные политики желают сохранить название „демократов“.

Тот же самый фокус, который проделали над письмом Белинского к Гоголю и над историей русской публицистики, проделывается над историей недавнего движения»¹¹.

Из этого ленинского текста ясно, что Белинский — представитель революционного демократизма, что он теснейшим образом связан с революционной борьбой крепостного крестьянства против помещиков. Поскольку Белинский в этом письме — антагонист Гоголя, последний как автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» оказывается на противоположной стороне баррикады. Сжато и отчетливо говорит В. И. Ленин о письме Белинского к Гоголю в статье «Из прошлого рабочей печати в России»: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое „Письмо к Гоголю“, подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»¹².

Здесь та же квалификация Белинского как представителя революционного демократизма и, следовательно, та же оценка Гоголя как автора реакционных «Выбранных мест...».

В резком противоречии с этими оценками оказывается с первого взгляда последнее общее высказывание

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 169—170.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

В. И. Ленина о Гоголе в статье «Еще один поход на демократию» (1912). Цитируя известные слова Н. А. Некрасова из «Кому на Руси жить хорошо» о «желанном времечке», когда народ «Белинского и Гоголя с базара понесет», В. И. Ленин пишет: «Желанное для одного из старых русских демократов „времечко“ пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература...

...Какое „беспокойство“! — воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела *на деле* этот „народ“, несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю»¹³.

Тут, бесспорно, утверждаются два положения: первое — революционность Белинского, опять-таки противопоставленная реакционности Гоголя периода «Выбранных мест...» — в указании на письмо Белинского к Гоголю, которое несет с базара народ; именно этот факт и вызывает беспокойство «ожиревшей, самодовольной либеральной свиньи»; второе положение — это не менее бесспорное приравнение «идей Белинского» идеям Гоголя, но уже как автора «Тараса Бульбы», «Шинели», «Мертвых душ», «Ревизора» — указание на то, что как идеи Белинского, так и идеи Гоголя должны быть дороги и Некрасову, и «всякому порядочному человеку на Руси», трактовка и Гоголя, и Белинского как бойцов, стоящих по одну сторону баррикады. Объективная антикрепостническая тенденция «Ревизора» и первого тома «Мертвых душ» позволила В. И. Ленину применить их в качестве острейшего идеологического оружия в революционной борьбе. Анализ вложенного В. И. Лениным нового политического содержания в гоголевские образы дает нам ответ и на этот — последний в ряду приведенных выше — вопрос: имеется ли противоречие в этом высказывании В. И. Ленина, в чем смысл противопоставления идей Белинского идеям Гоголя, с одной стороны, и оди-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 83.

наковой трактовки их как демократических и равноценных — с другой?

Анализ жизни гоголевских образов в произведениях Ленина поможет нам ответить на все эти вопросы.

Четыре превращения Манилова

Прекраснодушный, тихий, мягкий, приторно-сладкий, слегка заискивающий прожектер Манилов подан Гоголем в тонах более или менее мягкого юмора. Он вежлив, он чадолюбив, он мечтателен, он бездельник, он приторно-нежный супруг и сладко-гостеприимный хозяин. Он поставлен в круг таких явлений, которые проясняют и вызывают на поверхность характеристики именно эти его качества. Его окружают тихая крепостная провинциальная глушь, деревни, избы, сад, разбитый на английский манер, беседка с голубыми деревянными колоннами и надписью «Храм уединенного размышления». События вокруг него развиваются в чрезвычайно медленных, черепаших, крепостных темпах. Они, собственно, даже не развиваются, а топчутся на месте: бабы бредут в его пруде, влача изорванный бредень, где видны два запутавшихся рака, закладка два года лежит в книге на четырнадцатой странице, кресла, на которые не хватило материи, уже несколько лет стоят без обивки; тот же темп у хозяина и гостя, бесконечно пропускающих друг друга вперед и топчущихся перед дверями гостиной. Историческая обстановка провинциальной глуши 30-х годов XIX в. не выявляет вредных качеств Манилова. Он чуть ли не «симпатичнее» других в помещичьей портретной галерее «Мертвых душ».

Мы впервые встречаем Манилова у В. И. Ленина в обстановке идеологической борьбы эпохи промышленного подъема 90-х годов. Растет рабочее движение. Пролетариат — могильщик капиталистического общества — осознает себя как класс. Зарождается партия пролетариата — авангард класса, вождь и руководитель. Развернута огромная напряженная идеологическая работа под лозунгом вооружения рабочего движения марксизмом. Рабочее движение переходит на новую, более высокую ступень. Борьба за победу марксизма в рабочем движении, за выдержанную революционную идеологию — очередная задача. Утопический оппортунист и реакционный романтик-народник, который сменил в 90-е годы народника-революционера 80-х годов, — один из опаснейших врагов

на идеологическом, а стало быть, и революционном фронте. Этот народник — новый Манилов. Его интеллигентское прекраснодушие и утопическое прожектерство проявляются во всей своей вредности; они враждебны идеологической выдержанности, которой авангард класса должен обладать во всей полноте. Нарастает острая борьба. Уже чувствуется приближающееся дыхание революции пятого года.

Крупная дата истории партии — 1894 год. В. И. Ленин пишет свое историческое произведение: «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Именно на страницах этой работы впервые появляется у В. И. Ленина гоголевский Манилов.

Обстановка, в которой действует народник-Манилов, — это редакция «Русского богатства» или «Русских ведомостей». Сюда бежит со своей статьей господин Н. Левитский, который живет в деревне и имеет постоянное «общение с народом».

«Русские социалисты», сиречь народники, «не хотят понять, что мечтать о замирении вековой экономической борьбы антагонистических классов русского общества — значит впадать в маниловщину, не хотят понять, что следует стараться о придании организованности и сознательности этой борьбе и для этого взяться за социал-демократическую работу»¹⁴. Господин Левитский думает, что создание в деревне сберегательных касс и страхование мужичьей жизни — радикальнейшие средства для ликвидации тяжелого положения российского крестьянства. Недогадливые мужики и не соображают, что страхование жизни спасет от обнищания их семьи, когда они останутся без кормильца.

«„Высокий слог“, которым писана статейка г-на Н. Левитского, и обилие высоких слов заставляют уже наперед ожидать, что речь идет о каких-нибудь действительно важных, неотложных, насущных вопросах современной жизни. На самом же деле, предложения автора дают лишь еще один, и чрезвычайно рельефный, пример того поистине маниловского прожектерства, к которому приучили русскую публику публицисты народничества». И далее — обобщающий вывод: «Манилов сидит в каждом народнике»¹⁵.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 334—335.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 425, 431.

Заметим, что у Манилова-народника уже гораздо больше прожектов, пежели у Манилова из «Мертвых душ». Очевидно, обстановка промышленного подъема 90-х годов и бурно растущего рабочего движения более располагает к прожекам, чем тихое, дремотное усадебное бытие провинциальной глуши крепостной России. В одной из статей того же года мы встретимся еще с прожектом насаждения в деревне кредитных товариществ, которое, по мнению Манилова-народника, одно лишь может спасти «народное производство» от неприятностей надвигающегося капитализма. Эти кредитные мероприятия окажутся, по выражению В. И. Ленина, «мертворожденным детищем, которое могли породить только мечтательные интеллигенты-маниловы и благожелательные чиновники...»¹⁶. Разговоры о кустарном банке, который-де разовьет «народное производство», не что иное, как «маниловское празднословие предпринимателей, ходатайствующих о ссуде»¹⁷.

Прожекты гоголевского Манилова были сравнительно безвредны. Был бы выкопан ни с того ни с сего подземный ход вокруг помещичьего дома Манилова или не был бы выкопан, от этого во всяком случае никому не было бы ни тепло, ни холодно, кроме крепостных мужиков, которых он заставил бы копать этот ход. Но далеко не так «безвредны» прожекты Манилова-народника. Эти мечтательные прожекты активно реакционны, они тянут историю назад, они объявляют капитализм чем-то «оторванным от народного производства», они стремятся приглушить развивающуюся в стране классовую борьбу, они идеологически разоружают крестьянство, которое под руководством пролетариата поднимается навстречу приближающейся революционной буре. «Маниловские речи» народников-экономистов возводят в добродетель приниженность мелкого производителя, в то время как с нею необходимо решительно покончить — она тормоз революционной борьбы. Манилов-народник насыщен гораздо более острым социальным содержанием, чем Манилов из «Мертвых душ». Он намного вреднее своего крепостного родителя. Он и подан В. И. Лениным в плане сатирического разоблачения вредного реакционера, вставляющего палки в колеса революционному движению,

¹⁶ Там же, с. 422.

¹⁷ Там же, с. 405.

мешающего выполнению задачи колоссальной важности — задачи соединения рабочего движения с марксизмом.

Итак, Манилов 90-х — начала 900-х годов у В. И. Ленина — это народник. Можно даже точнее сказать: Манилов-народник разоблачается в ленинском тексте с 1894 по 1901 г.

Революция 1905 г. ведет за собой метаморфозу Манилова. Ленинские страницы, овеянные грозным дыханием этого года, дышащие первым натиском подлинно массовой бури, когда во главе восставших масс в России впервые стал пролетариат, дают нам нового Манилова, не похожего на мечтательного Манилова-народника. Самое любопытное — перед нами не один новый Манилов, а сразу два. Один Манилов — либеральный буржуа, сладкогласный адвокат интересов капитала. Второй же Манилов пролез в РСДРП. Это — социал-демократ, оппортунист, меньшевик. Эта двойная метаморфоза Манилова — глубочайшая диалектика маниловского существа, развернутая В. И. Лениным. Единство обоих Маниловых, слияние и либерального буржуа, и оппортуниста социал-демократа в едином художественном образе — вот замечательнейшая черта ленинской трактовки гоголевского образа.

Единство это, может быть, не сразу покажется заметным. Манилов — социал-демократ в 1904 г. — говорит сладкие речи о необходимости слияния партии и рабочего класса. Каждый рабочий — член партии.

Канун революции 1905 г. Борьба за слитную, единую, высокосознательную партию — авангард класса — очередная, важнейшая задача. «Мы — партия класса, — разоблачает Манилова В. И. Ленин, — и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы мапиловщиной и „хвостизмом“ думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии»¹⁸. «Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что *каждый* стачечник может быть социал-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 245.

демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями „необученных“, неквалифицированных рабочих»¹⁹. Так разоблачает В. И. Ленин социал-демократического Манилова в работе «Шаг вперед, два шага назад». Идет острая, напряженная борьба за сомкнутую, организованную, идеологически спаянную воедино, выдержанную, подлинную партию пролетариата.

Революция 1905 г., август. Еще недолго — и вспыхнет первая всероссийская всеобщая стачка. Еще несколько месяцев — и поднимутся декабрьские баррикады героической Красной Пресни. Социал-демократический Манилов не понял своей оппортунистической роли даже перед лицом таких событий. Царское правительство, напуганное массовым движением, думает отделаться жалкой подачкой — куцей Государственной Думой. Но основной путь революции — вооруженное восстание. Важнейшая идеологическая борьба — разоблачение буржуазного предательства и самодержавного существа куцей Думы. В этот момент лозунг бойкота Думы — большевистский лозунг. Меньшевики, и Мартов в том числе, не понимают революционной сути этого лозунга. Они тянут революцию назад, протаскивают идею соглашения с буржуазией. Статья Мартова на эту тему — образец «социал-демократической маниловщины»²⁰. Меньшевистские проекты выборов в Думу при отказе от борьбы с самодержавием выгодны буржуазии: «Маниловские планы „выборов“ при сохранении власти за самодержавием *всецело на руку либеральной буржуазии*, которая одна только способна произвести хоть нечто, приближающееся к таким выборам»²¹, — разоблачает В. И. Ленин планы меньшевика Манилова в статье «Самое ясное изложение самого путаного плана».

Если в предыдущих строках Манилов вполне мог носить двойную фамилию Манилов-Мартов, то через несколько десятков страниц он может называться Маниловым-Парвусом, что, впрочем, ничуть не меняет его оппортунистического меньшевистского существа. Попытка Парвуса соединить лозунг вооруженного восстания с лозунгом выборов в Думу разоблачена В. И. Лениным:

¹⁹ Там же, с. 246.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 198.

²¹ Там же, с. 210.

«Соединять лозунг восстания с „участием“ в выборах Фомы или Ивана значит под предлогом „широты“ и „разносторонности“ агитации, „гибкости“ и „чуткости“ лозунгов вносить одну путаницу, ибо на практике это соединение есть маниловщина»²². «Говорить о всенародных выборах при господстве Треповых, т. е. до победы восстания, до фактического свержения царской власти, есть величайшая маниловщина, способная лишь внести невероятный политический разврат в головы рабочих»²³.

Октябрь 1905 г., месяц всеобщей стачки. В. И. Ленин во главе партии борется за лозунг вооруженного восстания. И вновь в этот момент социал-демократический Манилов — враг этого лозунга. Он не хочет бороться за восстание, *организовать* восстание — он болтает о каком-то якобы «естественном переходе» к восстанию.

«Восстание — очень большое слово, — пишет В. И. Ленин. — ... С большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны. Но именно поэтому непростительно было бы отделяться от этих трудностей фразой, отмахиваться от серьезных задач маниловскими выдумками, надевать на глаза шоры сладеньких вымыслов о якобы „естественных переходах“ к этим трудным задачам»²⁴. «Почтеннейшие Маниловы»-меньшевики заняты сочинением каких-то никому не нужных «повых побудительных мотивов для восстания», в то время как дело не в этих «мотивах», а в *вооружении* пролетариата.

Ноябрь 1905 г. Еще несколько дней — и московские баррикады будут залиты кровью рабочих. Еще немного — и В. И. Ленин напишет слова: «Растет восстание», начиная статью «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти». Меньшевик Манилов не унимается. Он хлопочет и обо «всей полноте» власти Учредительному собранию, и об ... объединении «крайних» партий с умеренными: «Это маниловщина, почтенные демократы из буржуазии, — разоблачает их В. И. Ленин, — когда вы, с одной стороны, признаете желательность того, чтобы учредительное собрание имело всю „полноту“ власти, а с другой стороны, пытаетесь соединить крайние партии

²² Там же, с. 257.

²³ Там же, с. 363.

²⁴ Там же, с. 366.

с „умеренными“, т. е. желающих такой полноты с нежелательными»²⁵.

Восстание разгромлено. Революция подавлена. Но 1906 год — все же революционный год. Высоко вздымается волна крестьянского движения. Восстание — лозунг революционной социал-демократии. Столкновение масс с самодержавием в открытом бою, на улицах городов, в деревне, закабаленной крепостническими пережитками, — вот основная линия партии, вот ведущая форма массовой борьбы. Эта борьба будет разрешена вне Думы и помимо жалкой говорильни-Думы. Это ясно революционеру, но другого мнения социал-демократический Манилов. Он вновь поднимает свою вредную суетню вокруг Думы, болтает о ней как об органе власти. Между тем «все толки о Думе как „органе власти, который созывает учредительное собрание“, одна вредная маниловщина, один обман народа»²⁶. И, конечно же, социал-демократический Манилов — ликвидатор! Он за разрушение подпольных партийных организаций и за ликвидацию подлинной пролетарской партии. Зачем она? Нужна-де «открытая социалистическая партия». «О тех объективных исторических условиях, которые делают восстание *неизбежным*, — которые вопреки всем предрассудкам темной массы навязывают ей во имя ее насущных интересов борьбу именно с монархией, — которые превращают маниловские вздыхания об „открытой социалистической партии“ в воду на мельницу гг. Ушаковых (агентов Зубатова. — М. Н.), — об этих объективных исторических условиях гг. Пешехоновы не думают»²⁷.

Итак, меньшевик Манилов и накануне 1905 г., и в ходе его нарастающих революционных событий все время делал основное дело: тихонько лил воду на мельницу врагов революции, подпевал либеральным буржуа, подыгрывался к денежному мешку и его интересам. Он был как бы двойником своего родного брата — другого Манилова, буржуазного либерала. Его небольшие модификации, легкие отличия от этого брата-близнеца были подобны колебаниям отражения в воде. У него *в конце концов* было единое классовое существо со своим двойником. Глубоко показательно ленинское сопоставление терминов

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 122.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 357.

²⁷ Там же, с. 404.

«маниловщина либеральная и маниловщина революционная» — такой подзаголовок даст В. И. Ленин в плане статьи «Бойкот булыгинской Думы и восстание»²⁸. Недомыслие социал-демократических Маниловых выражало сокровенные мысли Маниловых-либералов — в этом суть.

Расшифровку этого наброска мы много раз найдем на страницах законченных ленинских работ. Если двойная фамилия первого близнеца слагалась из частей Манилов-Мартов или Манилов-Парвус, то второй близнец мог называться двойной фамилией Манилов-Петрункевич. Первый орудовал, например, в меньшевистской «Новой жизни», второй — в «Освобождении», органе либерально-монархической буржуазии. Первый боролся с идеей вооруженного восстания в тревожном августе пятого года. Второй, не представляя на этот раз даже таких незначительных отличий, как отличие в фамилии или в названии журнала, тоже боролся с идеей вооруженного восстания в том же тревожном августе пятого года.

«Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, как этого идеолога трусливой буржуазии, — пишет В. И. Ленин о Петрункевиче и его статье в „Освобождении“, — уверяющего, что проповедь восстания „деморализует“ и армию и народ! Это говорится в такое время, когда слепые видят, что только восстанием может русский обыватель и солдат спасти себя от окончательной деморализации и доказать свое право быть гражданами! Буржуазный Манилов рисует себе аркадскую идиллию, как под давлением одного только „общественного мнения“ „правительство будет вынуждено делать все новые и новые уступки, пока, наконец, ему некуда будет идти дальше...“»²⁹ Философия буржуазного Манилова характеризуется как «гениальная философия пресмыкающейся буржуазии». Увести массы от восстания, загородить для масс дорогу восстания для того, чтобы власть «мирно» перешла к буржуазии — вот классовый смысл этой философии. «Либеральная маниловщина выражает поэтому самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы»³⁰.

Итак, второе «поколение» Маниловых в ленинском тексте, внуки гоголевского Манилова, — это два близнеца:

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 397.

²⁹ Там же, с. 173.

³⁰ Там же, с. 174.

Манилов — буржуа и Манилов — социал-демократ меньшевик. Их буржуазное существо едино. Недомыслие второго выражает затаенные мысли первого. Командует в этой паре первый Манилов, Манилов-буржуа. Социальная насыщенность гоголевского образа стала глубоко иной. Острота образа невероятно возросла. Образ вознесен В. И. Лениным на новую историческую ступень — на ступень буржуазно-демократической революции, перерастающей в социалистическую. Социальная функция образа стала новой, центры резко переместились. Прекраснодушная мечтательность и прожектёрство, мягкость и вежливость — это ширмы буржуазного Манилова, не больше. Он хищен и кровожаден, он идеолог денежного мешка, против которого построились баррикады Красной Пресни. Его *эксплуататорская суть*, скрытая в образе Гоголя, с величайшей яркостью вскрыта в ленинской трактовке. Но мы узнаем именно *Манилова* и на этом этапе — в этом тайна художественного образа.

1912 год. Эпоха подъема революционного движения. Мировая империалистическая бойня вспыхнет всего через два года. Обостренность классовых противоречий эпохи империализма сказывается все резче. Классовые силы все отчетливее стягиваются к двум сторонам баррикады. Новый — уже третий — «правнук» Манилова возникает перед нами на этапе 1912—1914 гг. Любопытно, что он имеет одно весьма серьезное сходство с своим прадедом: у них общее социальное происхождение. Манилов этапа 1912—1914 гг. — дворянин, как и его прадед. Это новое качество Манилова сначала указывается В. И. Лениным в порядке исторической реминисценции. 1912 год был годом юбилея А. И. Герцена. Отнять Герцена у торжествующей либеральной клики, доказать, что, несмотря на все колебания между либерализмом и демократизмом, «демократ все же брал в нем верх», — важная задача. Разоблачение крепостнического существа либерального, «культурного» дворянства вообще — одна из острейших разоблачительных тем В. И. Ленина в эти годы. Единый фронт крепостнического дворянства и буржуазии, смыкающийся перед лицом растущего рабочего движения, вызвал к жизни эту разоблачительную ленинскую тему. Характерна поэтому та дворянская компания, куда попадает Манилов в 1912 г. в качестве равноправного члена: «Дворяне дали России Бирюков и Аракчеевых, бесчисленное количество „пьяных офицеров, забияк, картежных

игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, сержантов, да прекраснородных Маниловых»³¹. Сопоставление, как видим, чрезвычайно многозначительное: это единый дворянско-крепостнический эксплуататорский ряд.

В 1914 г. имя Манилова соединяется с громкой фамилией кн. Е. Н. Трубецкого, одного из идеологов русского буржуазного либерализма.

Столыпинская политика как оплот против народного массового движения 1905 г. — вот что объединяет в эти годы и крупного помещика-дворянина, и буржуа, и кадетского адвоката. «Один из таких самых серьезных вопросов — столыпинская аграрная политика», — говорит В. И. Ленин в статье «Сиятельный либеральный помещик о „новой земской России“» и цитирует кн. Евгения Трубецкого, считающего столыпинщину опорой против пугачевщины. «Уже словечком „пугачевщина“, — продолжает далее В. И. Ленин, — наш либерал обнаруживает свое полное согласие с Пуришкевичами. Разница только та, что Пуришкевичи произносят это слово свирепо и с угрозами, а Трубецкие по-маниловски, приторно, мягко, с фразами о культуре, с отвратительно-лицемерными возгласами о „новой крестьянской общественности“ и „демократизации деревни“, с умильными речами о божественном»³².

На этапе 1912—1914 гг. к новому Манилову — представителю единого контрреволюционного фронта — стягиваются все черты его предков Маниловых. Мы встретим на этом этапе вновь «Манилова-народника» и «Манилова-меньшевика», только еще более разоблаченных в своем классовом существе врагов складывающейся революционной ситуации. Крайне характерно, что именно на этом историческом этапе мы находим у В. И. Ленина развернутую характеристику маниловщины в целом как социального явления. Мы уже видели элементы этого определения в характеристике маниловской манеры кн. Трубецкого, где В. И. Ленин не ограничился краткой характеристикой — «маниловский», термином «по-маниловски» и т. п., как делал обычно раньше, а подробнее раскрыл качества маниловщины, перечислив их и сведя их к острому социальному итогу: дворянской боязни новой пугачевщины.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 255. В кавычках Ленин приводит цитату из статьи А. И. Герцена «Концы и начала».

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 316.

В 1913 г. в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» В. И. Ленин, разоблачая «народнический социализм», дает и общую характеристику маниловщины: «Марксисты издавна считали своей задачей, в борьбе с народничеством, разрушать маниловщину, слащавые фразы, сентиментальную надклассовую точку зрения, пошлый „народный“ социализм, достойный какого-нибудь французского, прожженного в деляческих подходах и аферах „радикала-социалиста“»³³. В ту же эпоху при разоблачении буржуазного существа экономических исследований одного из правых лидеров германской социал-демократии Э. Давида В. И. Ленин, конспектируя слащаво-«народническое» место, где восхваляется корова как идеальное, наиболее дешевое и рациональное животное, которое лишь необходимо правильно кормить, пишет на полях: «Маниловщина!»³⁴. Но не только «народнические» черты носит в себе Манилов этого этапа: он, кроме того, опять-таки оппортунист социал-демократ, сторонник «объединения» ликвидаторов с партией рабочего класса: «Совершенно естественно, что среди современной рабочей молодежи мечтания и фразы добродушных людей о „единстве“ ликвидаторов с рабочей партией вызывают только, смотря по настроению, или гомерический, совсем невежливый, хохот или взгляд недоумения и сострадания по адресу интеллигентских Маниловых»³⁵.

Этот третий Манилов, представитель контрреволюционного блока, Манилов кануна революции 1917 г. во много раз сложнее и острее своего далекого предка. Он обладает новыми социальными функциями. Новая расстановка классовых сил, новый исторический этап выявили в нем новые, гораздо более опасные классовые черты эксплуататора, защищающего свое «право» на эксплуатацию. Если попробовать подарить ему бисерный чехольчик на зубочистку, он едва ли будет этим умилен. Этот противно-слащавый дворянский «усадебный» подарок никак не характеризует его нового социального существа.

В последний раз Манилов появляется у В. И. Ленина в эпоху революции 1917 г., на подступах к Октябрю. Силы уже размежевались, обстановка определилась, через все классовые и политические группировки легла

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 368.

³⁴ Ленинский сборник, XIX, с. 324.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 124—125.

одна линия революционного фронта: или за революцию, или против, третьего не дано. На этом историческом этапе, в этой новой обстановке маниловщина приобрела новый — последний — наиболее острый смысл. Квалификацию «маниловщины» получают каутскианство и реформизм, предающие революцию, — опаснейший враг пролетариата на данном этапе:

«От буржуазных правительств можно и должно требовать самых различных реформ, но нельзя, не впадая в маниловщину, в реформизм, требовать от этих, тысячами нитей империалистского капитала опутанных людей и классов, *разрыва* этих нитей, а без такого разрыва все разговоры о войне против войны — пустые, обманчивые фразы.

„Каутскианцы“, „центр“ — революционеры на словах, реформисты на деле, — интернационалисты на словах, пособники социал-шовинизма на деле»³⁶.

Маниловщина — это псевдоним ведущего отряда всего огромного контрреволюционного фронта, маниловщина в этой обстановке — это все, что против революции: реформизм, социал-шовинизм, — все, противное подлинному интернационализму: «Добрые люди забывают часто жестокую, свирепую обстановку всемирной империалистической войны. Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными сладенькими пожеланиями.

Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же* борьбы, *такой же* линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах.

Все остальное обман и маниловщина»³⁷.

Маниловщина на данном историческом этапе выявлена в своем острейшем классовом — *предательском* — существе. Она дана как крупнейшая по социальному охвату характеристика лицемерного предательства и защиты интересов эксплуататоров. Этой новой трактовкой маниловщины, заполненной опять-таки новым социальным содержанием, В. И. Ленин как бы подводит итог истории развития маниловщины и ее диалектических метаморфоз,

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 175.

³⁷ Там же, с. 170.

вызванных своеобразием жизни России конца XIX и начала XX в.

Такова жизнь Манилова и историческая судьба маниловщины в произведениях В. И. Ленина.

Хлестаков и Поздрав

В отличие от Манилова образ Хлестакова взят В. И. Лениным не для характеристики всего явления в целом. Лишь одно из проявлений — правда, особо возмутительных и характерных — деятельность новой, меньшевистской «Искры», а не вся роль меньшевистской клики в революции 1905 г. получила название хлестаковщины. Но, несмотря на ограничительный смысл художественного термина, он характеризует такое проявление меньшевизма, социальная значимость которого в корне отличается от социальной значимости хлестаковщины в крепостной России.

Новая «Искра» выдавала за действующие и поддерживающие ее такие рабочие союзы, которые существовали лишь в ее воображении. Эти меньшевистские рабочие союзы «тоже существуют часто лишь на страницах хлестаковской новой „Искры“»³⁸. Меньшевистская новая «Искра» выступила перед международной социал-демократией с хлестаковской «статистикой» организованных рабочих России, в которой пыталась «доказать, что девять десятых организованного российского рабочего класса — сплошь меньшевики». Подобно Хлестакову, «Искра» захотела воспользоваться ситуацией: резолюции конференции меньшевистской «Искры» не публиковались никак — ни по-французски, ни по-немецки, а вот свою смехотворную «статистику» она обнародовала в западной социал-демократической печати, не решившись опубликовать в русской. Разоблачение этого факта проходит по ряду ленинских статей, прочно связанное с образом Хлестакова. Перевод хлестаковского сообщения новой «Искры», посланного во французскую социал-демократическую печать, В. И. Ленин публикует в «Пролетарии» от 26(13) июля 1905 г. под заглавием «Наши Хлестаковы» и приписывает в конце заключительные слова: «Курьеры скажут, 40 000 курьеров приглашают новоискровских Хлестаковых партией управлять!»³⁹.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 131.

³⁹ Ленинский сборник, XVI, с. 129.

Вредное очковитительство новой «Искры» разоблачено при помощи одной только цитаты из Гоголя, даже несколько усиленной (у Гоголя 35 тыс. курьеров). Тот же образ Хлестакова сохранен в «Осведомлении международной социал-демократии о наших партийных делах»: «Следует разоблачать при этом неуклонно все неприличие хлестаковской новой „Искры“ ..., „Искра“ рассылает теперь по всем заграничным колониям письмо за подписью редакции, которое содержит такие же забавные хлестаковские уверения в силе меньшинства, до сих пор стыдливо скрываемые от русских читателей наших социал-демократических газет»⁴⁰. Тот же образ — в письме В. И. Ленина к П. А. Красикову от 14 сентября 1905 г.: «Агент Мямлин заявил, что хлестаковская заметка „Искры“ справедлива»⁴¹.

В 1909 г. та же характеристика хлестаковщины прилагается В. И. Лениным к статье октябристской газеты «Голос Москвы». «Орган октябристской партии „Голос Москвы“ в передовой статье от 21 июня, носящей хлестаковское заглавие „Европа и обновленная Россия“, горячо приветствует выступление лидера кадетов...»⁴², — пишет В. И. Ленин о превознесении октябристским органом выступления П. Н. Милюкова в Лондоне за завтраком у лорда-мэра.

В 1912 г. В. И. Ленин пишет о «невероятной хлестаковщине Троцкого, Либера («Бунд») и ликвидаторов, провозгласивших лозунг „объединения“» и возящихся «с их пресловутой „Организационной комиссией“»⁴³.

В 1913 г. Хлестаков встречается в ленинском тексте с Ноздревым, художественно приравненным к нему. В момент подъема рабочего движения и величайшей важности вопроса о партийном руководстве движения газета меньшевиков-ликвидаторов «Луч» хвастливо заявила о статье одного из меньшевистских лидеров (Ф. Дана), что девять десятых передовых сознательных рабочих России — меньшевики. «Над этим Хлестаковым или Ноздревым сто́ит посмеяться, и „Правда“ уже сделала это, — пишет Ленин. — Но одной пасмешки мало. Рабочие должны научиться сами разбирать факты и проверять их, чтобы

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 213.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 66.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 55.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 358.

не давать в обман Ноздревым ни себя, ни своих малоразвитых товарищей». Нужны факты, которые должны «изобличить Ноздревых, которых так много в журналистике»⁴⁴. Сразу видно, что именно образ этого матерого лгуна и наглеца казался В. И. Ленину более подходящим к данной ситуации: упомянув один раз приравненного к Ноздреву Хлестакова, он в этой статье в дальнейшем предпочитает пользоваться образом только Ноздрева. То, что в 1905 г. воспринималось как чуть ли не «наивное» вранье, в 1913 г. приобрело несколько иной оттенок, квалифицируясь именем прожженного враля и наглеца.

Ноздрев — один из ближайших родственников Хлестакова. Типовое ядро, художественные центры их характеристики у Гоголя чрезвычайно близки. Но Хлестаков наивен и неопытен — качества, которых лишен Ноздрев. Ситуация глухого провинциального угла, сложившаяся помимо Хлестакова, навязывает ему роль «реvisора». Хотя у него нет «царя в голове», но какой-то остаток практической сметки заставляет его послушаться мудрого совета Осипа: «Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора». Его кратковременное пребывание в роли ревизора едва ли «напрактиковало» его, «опыта» он никак не приобрел, и можно с большой долей уверенности сказать, что, попробуй он сам разыграть ревизора в каком-нибудь другом медвежьем углу, он был бы наверняка бит и со срамом изобличен. В первый раз его вывели больше всего сами обстоятельства.

«Опытность» враля и наглеца Ноздрева просто несравнима с хлестаковской. Ноздревщина имеет отличительнейшее качество *привычки*: она постоянна, имеет прочность хорошего условного рефлекса. Хлестакова обыграл в карты пехотный капитан — «штосы удивительно, бестия, срезывает», а Ноздрев — сам шулер. Хлестакова вывозит ситуация — ему верят целых два дня (Осип говорит: «Погуляли здесь два денька — ну и довольно»), Ноздреву же никто не верит: даже когда смущенным и растревоженным чиновникам надо обязательно вызвать правду о Чичикове и призвать к допросу даже Ноздрева, то и тут ему не верят, хотя готовы поверить любой небылице.

И Ноздрев, и Хлестаков появляются у В. И. Ленина для характеристики аналогичных ситуаций. Разница

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 101.

только в оттенках. Иногда они просто художественно приравниваются друг к другу. Но образ Ноздрева применяется чаще и в случаях более острых, в ситуациях, политически более значимых: старый прожженный враль и наглец подходит к этим случаям больше малоопытного и несколько наивного Хлестакова. Эти оттенки В. И. Лениным сохранены.

Ноздрев появляется первым, в 1901—1902 гг., в произведении «Что делать?» и уходит с ленинских страниц лишь в 1918 г. (статья «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности»). Хлестаков приходит позже, встречаясь в первый раз лишь в 1905 г. в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и уходит в 1913 г. («Нечто об итогах и фактах»).

В 1901—1902 гг. Ленин разоблачает образом Ноздрева попытку лидера «экономизма», редактора журнала «Рабочее дело» Б. Кричевского взять под свою защиту оппортунизм в рабочем движении и потребовать для него полной свободы. Эти требования Кричевский пытался подтвердить ссылкой на особенности истории Франции. В. И. Ленин называет эту ссылку «исторической» в ноздревском смысле слова⁴⁵ (ведь с Ноздревым всегда происходили какие-нибудь «истории»...).

Более опасный и острый смысл ноздревщины по сравнению с хлестаковщиной оттенен Лениным в сопоставлении ноздревского образа с иными образами мировой литературы. Это одна из тех многозначительных литературных встреч, о которых говорилось выше. Образ ноздревщины несколько раз встречается в ленинской статье «Сорвалось!..», разоблачающей поведение эсеровской газеты «Революционная Россия» в связи с делом Балмашева. Сначала «Революционная Россия» гордо требовала третейского суда, а затем «с неописуемо обиженным видом благородного человека» заявила, что «„после всего происшедшего“ невозможны никакие соглашения о постановке вопросов для суда». «Комики вы, господа,— пишет В. И. Ленин.— После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с неподражаемо гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!» И далее — знаменательная литературная встреча: «Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 12.

с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу, требуя открытого выражения либо доверия, либо недоверия, и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется *urbi et orbi*, какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не ноздревщина? не революционное бреттерство? не заслужено было таким человеком название Тартюфа?»⁴⁶

Тартюф и Ноздрев! Основной момент, выявленный встречей, — лицемерие. Лицемерие не воспринимается при знакомстве с гоголевским Ноздревым как его отличительная черта. Между тем эта черта в данной политической ситуации имеет особое политическое звучание. Именно этот момент особенно разоблачает партию эсеров и занятую ею позицию.

Вторая значительная литературная встреча с Ноздревым происходит в 1914 г., в мае, накануне первой мировой войны. Ноздрев — это Троцкий, вносящий раскол в партию, нарушающий единство партии и прикрывающий в то же время свою деятельность криками о необходимости сохранения единства партии. И тут же, в одной строке, для характеристики той же деятельности Троцкого привлекается и второй литературный образ — Иудушки Головлева.

«Эти попытки (раскола. — М. Н.) бессильны, но надо же разоблачить зарвавшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группок, которые, производя раскол, кричат о расколе, которые, потерпев за два и более года *полное поражение* перед „передовыми рабочими“, с невероятной наглостью *плюют* на решения и на волю этих передовых рабочих, называя их „политически-растерянными“. Ведь это же целиком приемы Ноздрева или Иудушки Головлева»⁴⁷.

Ноздрев становится в ряд лицемеров мирового значения. Ноздрев — Тартюф — Иудушка Головлев. И опять-таки *политически* именно лицемерие подлежало в данный момент острейшему разоблачению перед рабочими массами. Художественные центры типа переместились, социальная функция изменилась, как изменился и сам исторический этап, на котором гоголевский образ сыграл в статье В. И. Ленина роль отточенного политического

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 340, 337, 339. *Urbi et orbi* (лат.) — городу и миру. В переносном смысле — всему миру.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 193.

оружия в революционной борьбе. Ноздрев — *этот* Ноздрев — нов по сравнению со своим гоголевским прародителем. Мы можем говорить о значительной метаморфозе Ноздрева.

В 1917 г., в период приближения революции к Октябрю (июнь!), мы вновь встречаем Ноздрева-эсера. Его отличает от Ноздрева-эсера 1905 г. прежде всего то, что он имеет министерский портфель. На этот раз Ноздрев — министр Временного правительства Чернов. Он показал «чудеса революционной энергии»: за короткий шестинедельный срок он обещал целых десять законопроектов. Правда, ни об одном законопроекте нельзя сказать «ничего ясного»: совершенно непонятно, о чем собственно идет в них речь. Министр земледелия Чернов — «либеральный чиновник». Он своему «начальству», т. е. господам Львову, Шингареву и К°, читает обширнейшие доклады о сотнях законопроектов, долженствующих облагодетельствовать человечество, а народу... народу он преподносит только краснбайство, обещания, ноздревские фразы...»⁴⁸.

На этом кончается дооктябрьская линия ноздревских метаморфоз: от рабочедельца Кричевского до эсеровского министра Чернова. Социальная функция образа непрерывно заостряется через все превращения.

Поктябрьские упоминания Ноздрева у В. И. Ленина разоблачают «левое ребячество», мелкобуржуазную распущенность, прикрытую «левыми» лозунгами, двусмысленно кивающую на Брестский мир и требующую «решительной классовой международной политики».

«„Своей“ политики у „левых“ нет; объявить отступление *сейчас* пенужным они *не смеют*. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о „непрерывном“ избегании боя, на место вопроса об избегании боя в *данный момент*. Они пускают мыльные пузыри: „международная революционная пропаганда делом“!! Что это значит?»

Это может значить только одно из двух: либо это поздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится „левым“ коммунистам спасаться от осмеяния их всяким

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 387—388.

сознательным пролетарием под сень громкозвучащих и пустейших фраз...»⁴⁹.

И тут опять-таки новый образ Ноздрева насыщен острейшим политическим разоблачительным содержанием.

Черносотенец Собакевич

Собакевич значительно менее сложен. Наиболее любопытна его метаморфоза в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», где он живет в одном примечании. Примечание подверглось ленинской правке во втором издании, и в этой правке — вся соль: в первом издании в примечании просто стояли рядом помещики Манилов и Собакевич. Дело было в конце 90-х годов: работа «Развитие капитализма в России» писалась в 1896—1899 гг., Манилов и Собакевич рассуждали о причинах бегства крестьян из «патриархальных» земледельческих окраин на южные и восточные окраины и в промышленные губернии. Развивался процесс пролетаризации крестьянства, пробиваясь сквозь сеть крепостнических пережитков, опутавших пореформенную экономику. Надел привязывал крестьянина к земле. Нищенский надел держал крестьянина у помещичьего имения, и этот факт представлял собой важный признак «прусского пути» развития капитализма: помещик имел дешевого батрака, который шел за нищенскую плату работать на барских полях, и дорогого арендатора помещичьей земли, «отрабатывавшего» со своей лошадейкой ту же старую барщину на помещика, только замаскированную «арендной» формой: «отработки» были пережитком барщины. Помещику нужно было держать крестьянина у своего имения, чтобы осуществлять эксплуатацию прусского типа.

В 1908 г., когда В. И. Ленин переиздавал «Развитие капитализма в России», он «уточнил» партийность Собакевича и Манилова: *кадет* Манилов и *черносотенец* Собакевич. Этим было художественно подчеркнуто их единое классовое существо собственников-эксплуататоров, кровно связанных с «прусским путем» развития капитализма. Весь отрывок драматизирован:

«Крестьяне массами бегут из местностей с наиболее патриархальными хозяйственными отношениями, с наи-

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 290.

более сохранившимися отработками и примитивными формами промышленности, в местности, отличающиеся полным разложением „устоев“. Они бегут от „народного производства“, не слушая несущегося им вдогонку хора голосов из „общества“. А в этом хоре явственно выделяются два голоса: „Мало привязаны!“ — угрожающе рычит черносотенец Собакевич. — „Недостаточно обеспечены наделом“, — вежливо поправляет его кадет Манилов»⁵⁰.

И кадет Манилов, и черносотенец Собакевич хлопочут вокруг одного и того же дела — охраны «прусского пути» развития капитализма. Угрожающее рычание одного и «вежливость» другого — внешние формы, скрывающие единую эксплуататорскую сущность.

В дальнейшем тексте образ Собакевича у В. И. Ленина имеет значительно менее «гоголевский», если так можно выразиться, смысл. Этот образ широко применялся во внутрипартийной борьбе 1903—1904 гг. В частности, его употреблял и Г. В. Плеханов. В ответной полемике В. И. Ленин использует этот образ, но тут нельзя говорить о метаморфозе образа. В 1904 г. в работе «Шаг вперед, два шага назад» иронически применяются к резкой, тупой и неуместной «прямолинейности» во внутрипартийной борьбе выражения «á la Собакевич-Parvus» и «Собакевич-Гайндман».

Выражение Плеханова о достойной Собакевича резкости по отношению к ревизионистам также иронически применено В. И. Лениным к ходу внутрипартийной борьбы. Наконец, в письме к Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме от 19 января 1905 г. В. И. Ленин применяет образ Собакевича уже просто в качестве бытового: с адвокатом, которого получают заключенные, надо правильно себя держать: не надо говорить с ним «по-собакевически», а можно мягко и умело дать ему понять: «Ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь...»⁵¹. Разумеется, все эти случаи выпадают из круга метаморфоз образа: в произведениях В. И. Ленина Собакевич пережил лишь одну метаморфозу черносотенца, причем эта метаморфоза имела свою историческую эволюцию — от конца 90-х годов, когда перед нами просто был беспартийный помещик Собакевич, к 1907 г.,

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 590.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 171,

году конца революции, когда Собакевич стал членом черной сотни и тем еще ярче выявил и подчеркнул свое классовое существо.

Дама, приятная во всех отношениях

Большое содержание вложено в метаморфозу «дамы, приятной во всех отношениях». В «Мертвых душах» эта дама не проявляет, в сущности, никаких вредных качеств. Правда, она — по-видимому, неосновательно — обвинила губернаторскую дочку в том, что та румянится и что румянец в палец толщиной отваливается, как штукатурка, кусками; она необоснованно обвинила Чичикова в том, что он хотел увезти губернаторскую дочку и что мертвые души — это выдуманно только для прикрытия. Вот и вся «вредность» дамы, приятной во всех отношениях.

В 1906 г., когда мы впервые встречаем в произведениях В. И. Ленина даму, приятную во всех отношениях, она поклонница Льва Толстого. В. И. Ленин анализирует вопрос о диктатуре вообще и диктатуре революционного народа в частности. Разоблачая позиции мещанства по вопросу о диктатуре, он напоминает о созданной идеологами мещанства теории непротивления злу насилием. «Г. Бердяев! гг. редакторы „Полярной Звезды“ или „Свободы и Культуры“! Вот вам еще тема для долгих воплей... то бишь долгих статей против „хулиганства“ революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином!! — кель оррер, как говорила дама, приятная во всех отношениях»⁵². Образ оттеняет мещанскую суть Бердяева и компании. Мещанская суть, классовое существо обывателя, проявляющееся при обсуждении таких вопросов, как вопрос о диктатуре, — именно это в данный момент олицетворяет дама, приятная во всех отношениях. К слову сказать, скомпонована она тут Лениным несколько «вольнo» — в ее уста вложены слова дамы просто приятной: «Оррер, оррер, оррер...» («кель» — это уже от В. И. Ленина).

Следующий раз мы встречаем даму, приятную во всех отношениях, в октябре 1917 г. в произведении В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» «Дама» — оппортунистическая газета «Новая жизнь».

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 320. Quelle horreur! (фр.) — Какой ужас!

Образ дамы, приятной во всех отношениях, видимо, крепко связался ассоциативными нитями с этой газетой: в двух разных местах В. И. Ленин прилагает к ней все тот же гоголевский образ. Основное, выявленное в тексте В. И. Ленина качество дамы довольно неожиданно по степени своей серьезности: дама, приятная во всех отношениях,— адвокат буржуазии. «Она выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно „шокирующей“ эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков»⁵³.

В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» дама, приятная во всех отношениях, из «нежного» создания гоголевского юмора превратилась в оружие разящей политической сатиры. «Новая жизнь» взялась говорить о гражданской войне — «тема как раз по плечу для дамы приятной во всех отношениях»,— пишет В. И. Ленин в скобках. Дама не понимает ни событий 3—5 июля, ни уроков гражданской войны, ни процесса большевизации масс: «„уроки“ получают опять совсем не те, совсем не те, какие желает видеть новожизненная дама приятная во всех отношениях»⁵⁴. Образ дамы художественно подтвержден В. И. Лениным даже передачей манеры «дамской» речи через характерное повторение: «совсем не те, совсем не те». Этот прием повторения проведен Гоголем через весь длиннейший разговор дамы, приятной во всех отношениях, с дамой просто приятной («Фестончики, все фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики... Вообразите: приходит ко мне сегодня протопопша — протопопша, отца Кирилы жена...»). Как будто и можно узнать в октябре 1917 г. эту даму, приятную во всех отношениях. Но социальный и политический смысл, вложенный В. И. Лениным в гоголевский образ, сообщил ему несравнимо большую заостренность по сравнению с первичным гоголевским типом.

Толстовка в 1906 г., не понимающая вопроса о диктатуре революционного народа, и меньшевичка накануне октября 1917 г., не понимающая и неспособная понять («адвокат буржуазии»!) значения совершающейся на ее глазах гражданской войны,— таковы две метаморфозы, переживаемые в тексте В. И. Ленина дамой, приятной во всех отношениях.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 296.

⁵⁴ Там же, с. 334, 337.

Держиморда

Держиморду можно встретить у В. И. Ленина шесть раз: он упоминается реже многих других гоголевских героев. Но и в «Ревизоре» упоминается он редко, и мы узнаем о нем немного. Во-первых, известно, что его не оказалось на месте, когда его потребовал к себе городничий: Пуговицын подчищал тротуар, Прохоров был пьян, а Держиморда поехал на пожарной трубе. При первом же появлении его с полицейским Свистуновым не успел Держиморда рывкнуть «Был по приказанию...» (на вопрос городничего: «Где вас черт таскает?»), как городничий в буквальном смысле слова затыкает ему рот. Известно также, что во время базарных скандалов Держиморда лупит и правого и виноватого. Но, охраняя дом городничего от ломящихся к Хлестакову купцов, Держиморда не сумел оказаться на высоте положения, и купцы все же прорвались к Хлестакову. Держиморда не сумел совладать даже с высеченной городничим унтер-офицерской вдовой, о которой широко распространилось в литературе клеветническое утверждение городничего, что она сама себя высекла. Вдова со слесаршей опять-таки пробилась к Хлестакову, хотя Держиморда их больно толкал. Вот собственно все, что известно о Держиморде. Гоголевскому Держиморде из «Ревизора», во всяком случае, удалось добиться немногого, и степень его могущества самым явным образом поставлена Гоголем под сомнение.

Но Держиморда пошел по свету с новым, невероятно расширенным и обостренным социальным содержанием. Именно в этом виде встречаем мы его у В. И. Ленина. В то же самое время это расширение содержания образа ставит очень серьезные границы исследования ленинского толкования. Держиморда стал маской, условным знаком самодержавия еще до ленинской трактовки. Он еще раньше ходил в живой речи, агитационной литературе, по газетным страницам именно в таком расширенном, условном толковании. Учитывая это, и должны мы приступить к изучению ленинской трактовки образа Держиморды.

Впервые встречаемся мы с ним в ленинском тексте в 1901 г. в работе «Случайные заметки», где В. И. Ленин обличает «полицейскую этику» самодержавия, «пер-

вую и последнюю заповедь русского Держиморды: „Бей, но не до смерти!“»⁵⁵.

1906 год. Держиморда находится в деревне и насаждает там столыпинскую политику укрепления кулака. Во всяком случае — функция более сложная, чем единоборство с высеченной унтер-офицерской вдовой.

Эта бóльшая сложность подчеркнута еще тем обстоятельством, что классовые цели, которые преследуют укрепляющие буржуазию правительственные чиновники, полностью совпадают с классовыми целями умных и осторожных Гучковых, а также тонких и ловких кадетов. Так сказать, стиль действий чиновничьего Держиморды — свой, держимордовский, грубый, а классовые цели все же одни и те же. «Правительство чувствует, что его единственное спасенье — укрепить деревенскую буржуазию из мужиков, внутри общины, чтобы опереться на них против крестьянской массы. Но к той цели, к которой Гучковы пошли бы умно и осторожно, к которой кадеты подкрадываются тонко и ловко, полицейские держиморды идут так грубо, глупо и неуклюже, что провал всей их „кампании“ представляется всего более вероятным. Элементы крестьянской буржуазии малочисленны, но очень сильны экономически в деревне. Выкуп помещичьих и других земель по типу кадетской аграрной реформы помазал бы по губам *все* крестьянство и великолепно достиг бы той цели, к которой по-медвежьи „ломит“ самодержавие, именно: укрепил бы страшно крестьянскую буржуазию, сделав из нее оплот „порядка“».

Но Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины слишком глупы, чтобы понять это»⁵⁶.

Итак, Держиморда невероятно повысился в чине, дойдя до полковника Николая Романова. Держиморда потерял конкретность своих первичных атрибутов: уже неуместно вспоминать ни о пожарной трубе, ни о борьбе с унтер-офицерской вдовой. Но Держиморда колоссально вырос и раскрылся в своем социальном значении: он символ всего самодержавия, укрепляющего в деревне кулака после революции 1905 г. из боязни новой «пугачевщины».

Второй раз мы встречаем Держиморду в 1909 г. На

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 404.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 386.

этот раз его фамилия — Пуришкевич. Речь идет о религии. Хотя в данном случае Пуришкевич — зубр и «дикий помещик», классовый смысл его действий полностью совпадает со смыслом действий культурного и тонкого кадета Караулова, разница опять-таки только в «стиле». «Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней, — говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, гг., возражает им устами Караулова контрреволюционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее...»⁵⁷ Замечательно это приравнение двух писательских образов — гоголевского Держиморды и щедринского «дикого помещика». Но это персонифицированное употребление образа Держиморды, приравненного к Пуришкевичу, хотя и чрезвычайно обобщенному («говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда»), встречается у В. И. Ленина еще лишь один раз. Во всех остальных случаях Держиморда дается как обобщенный символ самодержавия во всей его дикой, косной, застарелой крепостнической сути. В третий раз мы встречаем Держиморду уже после Февральской революции. И не где-нибудь в провинциальной глуши, куда он мог спрятаться с целью переждать события и скрыть свою профессию полицейского, а в самом Временном правительстве. Признание автономии Украины должно было бы явиться элементарнейшим демократическим долгом Временного правительства: «Отказ в этих скромнейших и законнейших требованиях со стороны Временного правительства был неслыханным бесстыдством, дикой наглостью контрреволюционеров, истинным проявлением политики великорусского „держиморды“...»⁵⁸.

Последние встречи с Держимордой происходят в 1919 г. В докладе В. И. Ленина «О современном положении и ближайших задачах Советской власти» (4 июля 1919 г.) Держиморда предстает в качестве широчайшего, обобщенного символа свергнутой российской монархии. Он даже меняет свой род на женский: «Старая русская монархия, старая держиморда...», — говорит Ленин⁵⁹. В том же

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 435—436.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 351.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 42.

смысле звучит Держиморда и в «Речи о продовольственном и военном положении» (30 июня 1919 г.): «Колчаковская власть принесла восстановление капитализма держиморд...»⁶⁰. Как видим, на этот раз Держиморда уже на стороне колчаковской контрреволюции.

Социальная функция первичного гоголевского Держиморды и его социальный объем как понятия почти несравнимы с лепипской трактовкой, хотя и сохранено какое-то основное художественное ядро, позволяющее нам все же воспринимать этот образ как гоголевский. Держиморда у В. И. Ленина — понятие широчайшего обобщения. Он грозен, огромен, насыщен острейшим классовым содержанием. Держиморда-самодержавие — это образ врага, с которым велась столетняя революционная борьба. В этом смысле Держиморда нов, силен и страшен. И все-таки он — Держиморда! И тем значительнее одержанная над ним победа.

Бобчинский и Добчинский

Характеризуя городских болтунов Бобчинского и Добчинского, Гоголь пишет в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы как следует играть „Ревизора“», что Бобчинский все же берет верх над Добчинским «по причине большой живости и даже несколько управляет его умом». Можно в шутку сказать, что в ленинском тексте Бобчинский в соответствии с гоголевским указанием взял верх над Добчинским по крайней мере в смысле частоты упоминаний.

Бобчинского «выручило» его знаменитое «петушком, петушком», которым собирается он побежать за дрожками городничего, где ему не хватило места. Базаров, Потресов и К°, говорит В. И. Ленин, петушком, петушком бегут за «всеми», кто обижен за Толстого, к которому осмелились прикоснуться оружием классового анализа. В октябре 1905 г. либералы петушком бежали за революцией и объявили «славную» ту забастовку, против которой еще вчера боролись. В 1916 г., во время мировой бойни, предатели Вандервельде, Плеханов и Каутский побегут петушком за патриотами и будут устраивать свой конгресс «социалистов» в том же городе, где будет заседать конгресс мира. В июне 1917 г., на подсту-

⁶⁰ Там же, с. 128—129.

пах к Октябрю, меньшевистская «Рабочая газета» петушком, петушком поспевает «за всей оравой социал-шовинистов». В эпоху Октября левые эсеры пытались одно время петушком, петушком бежать за большевиками. Такое употребление В. И. Лениным широко распространившегося речения Бобчинского, конечно, еще не несет в себе метаморфозы. Хотя оно очень крепко связано с Бобчинским в «Ревизоре», оно затем стало жить в живой речи довольно самостоятельной жизнью.

Как образ, претерпевающий метаморфозу, Бобчинский неотделим от Добчинского в ленинском тексте. В 1906 г. Бобчинский и Добчинский — Струве и Пешехонов, защищающие монархию. Способы защиты несколько отличны, но суть одна. Именно демонстрация этой единой классовой сути — основной художественный центр ленинской трактовки: «Неужели вы не видите, что г. Пешехонов отличается от г. Струве ничуть не больше, чем Бобчинский отличался от Добчинского?»⁶¹ Действительно, судя по тексту «Ревизора» и «Предупреждения», мы знаем, что отличия эти были не особо значительны. «Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского», Бобчинский был холост, Добчинский — женат и т. п.

Вторая трактовка Добчинского и Бобчинского у В. И. Ленина чрезвычайно неожиданная: Добчинский — эмпириомонист, в то время как Бобчинский — сторонник эмпириокритицизма. Образ подчеркивает тождество двух философско-обывательских школ: «Проиграно дело основателей новых философских школок, сочинителей новых гносеологических „измов“, — проиграно навсегда и безнадежно. Они могут барахтаться со своими „оригинальными“ системками, могут стараться занять нескольких поклонников интересным спором о том, сказал ли раньше „э!“ эмпириокритический Бобчинский или эмпириомонистический Добчинский, могут создавать даже обширную „специальную“ литературу подобно „имманентам“, — ход развития естествознания... отбрасывает прочь все системки и все ухищрения, выдвигая снова и снова „метафизику“ естественноисторического материализма»⁶².

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 403.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 372—373.

О городничем,
о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем,
о главной черте Ивана Федоровича Шпоньки
и о прочем...

Городничий оказывается примерно в положении Бобчинского и Добчинского, обладая, впрочем, лишь одной метаморфозой. Большинство упоминаний в тексте В. И. Ленина связано собственно не с самим образом городничего в целом и не с какой-либо характерной ситуацией «Ревизора», где участвует городничий, а главным образом с речениями городничего. «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!», «Три года скажи — не доскачешь» — вот речения городничего, перефразированные В. И. Лениным. Разумеется, все это никак не метаморфозы. Метаморфоза лишь одна: в 1911 г. в статье «„Сожаление“ и „стыд“» совет объединенного дворянства разговаривает с кадетом. Городничий, уполномоченный совета объединенного дворянства, разговаривает в Государственной Думе с «купчишкой» Маклаковым. «А либеральная буржуазия, точно купчишка, запуганный городничим, трусливо пятится и, пятясь, бормочет: я сожалею, мне стыдно... что вы меня так третируете!»⁶³. Развитие того же образа мы видим в статье «К итогам думской сессии», носящей характерный подзаголовок: *«Вместе делали»*. Городничий грабил вместе с купцами, ссориться им не след: кадеты и октябристы «вместе» душили революцию, у них даже нет повода для «ссоры», их разногласия в Думе кажущиеся.

В той же статье «„Сожаление“ и „стыд“» имеет место характернейшая литературная встреча, замечательно поясняющая, в каком именно смысле В. И. Ленин «противопоставляет» кадета-купчишку и дворянина-городничего. Встречается гоголевский образ с другим гоголевским образом, художественно приравненным к нему. Купчишка оказывается Иваном Ивановичем, а городничий — Иваном Никифоровичем. Иван Иванович — Маклаков, Иван Никифорович — Столыпин. Один стыдит другого.

«Повесть о том, как Иван Иванович стыдил Ивана Никифору́ча, а Иван Никифору́ч стыдил Ивана Ивановича. Стыдно не соблюдать обычных норм конституционализма, говорит Иван Иваныч Ивану Никифору́чу. Стыдно грозить революцией, которой сам боишься, в которую не

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 247.

веришь, которой не помогаешь,— говорит Иван Никифорович Ивану Иванычу.

Как вы думаете, читатель, который из двух спорящих больше „пристыдил“ другого?»⁶⁴.

Единое классовое существо купчишки и городничего вскрыто литературной встречей с Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем. Они, кстати, продолжают свой спор, начатый в той же статье. Поборник «гражданственности», «прогрессист» Львов 1-й обвиняет в демагогии людей, «стоящих у власти». Разумеется, Столыпин мог бы вернуть ему обвинение обратно.

«Повесть о том, как Иван Иваныч обвинял в демагогии Ивана Никифоровича, а Иван Никифорович Ивана Иваныча. Вы демагог, сказал Иван Иваныч Ивану Никифоровичу, ибо вы стоите у власти и пользуетесь этим для увеличения своего собственного влияния и своей власти, причем ссылаетесь на национальные интересы населения. Нет, вы — демагог, сказал Иван Никифорович Ивану Иванычу, ибо вы кричите громко в публичном месте, будто у нас только произвол и нет ни конституции, ни основных законов, причем намекаете довольно невежливо на какое-то принесение в жертву нашего достоинства.

Кто кого изобличил в конце концов в демагогии,— неизвестно. Но известно, что, когда два вора дерутся, от этого всегда бывает некоторая польза»⁶⁵.

Эта метаморфоза Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в 1911 г., в эпоху начала подъема рабочего движения и торжества столыпинской политики, не является единственной для этого образа, но она одна из самых значительных. Замечательно, что образ драматизирован В. И. Лениным: действующие лица разговаривают друг с другом.

В 1907 г., тот же образ взят В. И. Лениным для характеристики кадета и меньшевика. Вновь демонстрирует образ классовую близость одного к другому. Борьба за правильную, за большевистскую тактику борьбы, за резкое размежевание со всеми другими партиями, борьба за революционную линию — важнейшая задача момента. Меньшевики не понимают этого и болтают о «блоке всех левых партий». Этот блок будет на руку именно буржуазии. Именно на этом легко помирится она с когда-то

⁶⁴ Там же, с. 248.

⁶⁵ Там же, с. 250.

«ссорившимися» с ней оппортунистами из социал-демократии: «Чего уж там разбирать еще? И какая беда, если меньшевик Иван Иванович сказал когда-то гусака кадету Ивану Никифору?»⁶⁶.

Та же ситуация у образа в 1914 г., когда уже в разгаре мировая бойня. Социал-рenegаты, социал-шовинисты всех стран легко найдут общий язык, их «ссоры», их обывательские препирательства ни в малейшей мере не имеют серьезного значения. Их небольшие размолвки и примирения ничуть не изменяют того факта, что II Интернационал «сыграл свою историческую роль и умер, побежденный... оппортунизмом. Пусть теперь мертвые хоронят мертвых. Пусть пустые хлопотуны (если не интриганские лакеи шовинистов и оппортунистов) «трудятся» теперь над тем, чтобы свести Вандервельдов и Самба с Каутским и Гаазе, как будто б перед нами был Иван Иванович, сказавший „гусака“ Ивану Никифору и нуждающийся в приятельском „подталкивании“ к противнику»⁶⁷.

Все прочие упоминания Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича применены к той борьбе, какую приходилось вести В. И. Ленину с тормозившей партийную работу обывательщиной и склокой. В 1903 г. сплетни мартовцев о «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича и «кулаке» Ивана Никифоровича, разговоры о личных обидах, оскорблениях и т. п. подменяли вопрос о принципиальной линии внутрипартийных разногласий⁶⁸. В том же смысле говорится «о политических похоронах Ивана Ивановича, о разрушении репутации Ивана Никифоровича...» («Шаг вперед, два шага назад»)⁶⁹. Попытки построить словесный «мост» для примирения революционной социал-демократии с ликвидаторами — это «благие намерения» Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича⁷⁰.

Нельзя себе представить никого безвреднее, чем гоголевский Иван Федорович Шпонька. Робость — вот, кажется, основное качество гоголевского Шпоньки. Иван Федорович Шпонька боится учителей в школе, боится тетюшки Василисы Кашпоровны, боится соседа, зажулившего

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 282.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 103.

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 19.

⁶⁹ Там же, с. 266.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 350.

завещание, составленное в пользу его, Шпоньки, но больше всего — панически — боится жениться.

Но не Шпонькину робость воспринимает В. И. Ленин как центральную художественную черту образа. *Пассивность*, бездейственность, растворенные в благодушии, — вот основная черта Ивана Федоровича Шпоньки в восприятии В. И. Ленина. Но когда речь идет об уроках 1905 г., о разоблачении плехановского положения «не надо было браться за оружие», о разоблачении всех, отрицавших возможность организовать восстание, «благодушная» пассивность социал-демократа оказывается вреднейшей и опаснейшей чертой. Меншевик Ларин поддерживает «кадетскую сказку о пассивной (??) революции», но пассивность-то присуща отнюдь не революции, а самому Ларину. «Пассивность, это — качество мелкобуржуазной интеллигенции, а не революции, — пишет В. И. Ленин в работе „Кризис меньшевизма“. — Пассивны — те, кто признает заполнение армии элементами недовольной деревни, неизбежность постоянного брожения и мелкой борьбы, — и в то же время с благодушием Ивана Федоровича Шпоньки утешает рабочую партию: „русская революция не идет путем восстания“»⁷¹.

Шпонька — ликвидатор, меньшевик, агитирующий за лозунг «пассивной революции», «опровергающий» большевистскую идею организованного восстания, делающий все это в революционный 1906 г., это вреднейший тип, которого надо разоблачать. И разоблачение этого врага образом гоголевского Шпоньки придает всему образу новую сатирическую трактовку, новую социальную функцию.

То же получается с нерешительной невестой Агафьей Тихоновной и с глубокомысленным философом Кифой Мокиевичем, появляющимся в конце первого тома «Мертвых душ». «Г-н Мануилов рассуждает, должно быть, по знаменитому рецепту знаменитого г-на Михайловского: надо взять хорошее и оттуда и отсюда, — наподобие того, как гоголевская невеста хотела взять нос одного жениха и приставить к подбородку другого»⁷². Глубокомыслие Кифы Мокиевича унаследовал меньшевик Мартынов, рассуждавший в 1905 г. о невозможности руководства восстанием: «Приходится растолковывать, — пишет В. И. Ленин, — что глубокомысленные ссылки на переворот в

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 155.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 499.

общественных отношений при решении практического вопроса о способах свержения русского самодержавия достойны лишь Кифы Мокиевича»⁷³.

Не ставя целью освещение жизни всех гоголевских героев в работах В. И. Ленина, оставим без рассмотрения Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну, знаменитого Петрушку из «Мертвых душ» и способ чтения им книг, а также глубокомысленного Осипа, лакея Хлестакова.

Тряпичкина можно оставить без рассмотрения ввиду преобладания щедринских моментов в этом образе: «душа Тряпичкин», которому пишет Хлестаков письмо, не раскрыт Гоголем, и гоголевский образ заслонен у В. И. Ленина щедринским. Сумасшедший Поприщин случаен и не раскрыт у В. И. Ленина, упомянутый как тип (по-видимому, в чужой цитации). Замечания Поприщина, что «луну делают в Гамбурге прескверно»⁷⁴, конечно, не позволяет говорить о метаморфозе образа у В. И. Ленина.

Два слова о Коробочке и Акакии Акакиевиче. У них, собственно, также нет «метаморфозы»: слушающая г. Южакова Коробочка («даже сама Коробочка согласится теперь с г. Южаковым»⁷⁵), сохраняет типично гоголевские черты ограниченной скопидомки-помещицы и дуры; это последнее качество, пожалуй, основное в ленинской трактовке.

Акакий Акакиевич тоже не переживает метаморфозы. Но он имеет одну замечательную литературную встречу. Реакционеры, и в том числе высшая бюрократия, обладали правильным классовым чутьем: «Прекрасно впитав в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, они подозрительно относятся ко всем, кто не похож на гоголевского Акакия Акакиевича или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре»⁷⁶. Встреча Акакия Акакиевича с чеховским человеком в футляре чрезвычайно многозначительна. С восприятием гоголевского образа Акакия Акакиевича связано чувство острой жалости. Его возглас «оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?», потеря шинели и смерть вос-

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 258.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 232—233.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 489.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 327.

принимаются обычно как центральные моменты его характеристики. По-видимому, тупая ограниченность мелкого чиновника-служаки, полная покорность начальству и сильным мира сего — основные черты Акакия Акакиевича в ленинском восприятии. Объективная роль Акакия Акакиевича — участие в чиновничьей системе, на которую опиралась монархия, есть его позиция в классовой борьбе. Правда, умирая, Акакий Акакиевич «сквернохульничал» в бреду, произнося хульные слова непосредственно вслед за словом «ваше превосходительство». Правда, мистический призрак Акакия Акакиевича появился после его смерти и содрал шинель с того самого его превосходительства. Но все эти черты гоголевского образа не выявлены как существенные в восприятии В. И. Ленина.

В ленинских работах перед нами наглядно раскрылась новая жизнь гоголевских образов. Эпоха, в которую гоголевский образ служил В. И. Ленину оружием идеологической борьбы, расстановка сил на соответственном этапе борьбы давали образу в каждом конкретном случае своеобразную трактовку, выявляя в нем новые, затененные ранее черты. Каждый гоголевский образ звучал по-иному, получал новое классовое содержание и новую социальную функцию. И вместе с тем — в этом тайна художественного творчества — образ воспринимался как гоголевский, как старый знакомый. Образ узнавался. Это замечательно!

Именно это претворение юмора в сатиру объясняет нам, почему на образах Гоголя легче, чем на примерах многих других авторов, проследить особенности ленинской трактовки художественных образов. Если речь идет, например, об образах Салтыкова-Щедрина, то они сами по себе являются политически заостренными. В. И. Ленин еще более заостряет их, поднимает их на высшую ступень, но сравнение с его трактовкой исходного щедринского образа, насыщенного ярким и гневным сарказмом, не так показательное. Пример Гоголя в этом случае позволяет в более отчетливом виде рассмотреть все те процессы, которые приводят к новой жизни художественных образов в работах В. И. Ленина.

Если взять в целом все этапы жизни социально заостренного образа в произведениях В. И. Ленина, то бросится в глаза еще одна особенность. Трактовка образа у В. И. Ленина все острее, и враг, разоблачаемый художественным образом, оказывается все более и более опасным

на каждом следующем историческом этапе. Политическая идеология образа эволюционирует в ходе исторических событий все более и более «вправо», если можно так выразиться. Народник 90-х годов, кадет и меньшевик в 1905 г., наконец, каутскианец в эпоху первой мировой войны — эта эволюция Манилова чрезвычайно характерна. В самом типе этой эволюции, в насыщении образа все более и более острыми чертами все более и более опасного классового врага отражается общая линия революционного развития: все более и более напряженная революционность сменяющих друг друга ситуаций, концентрирование врагов в двух лагерях, стягивание их к двум полюсам. Процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и победа пролетарской революции отражаются в этой особенности, как солнце в малой капле воды.

В самом начале нами был поставлен вопрос о видимом «противоречии» ленинских оценок Гоголя: то он трактовался как антагонист Белинского и реакционер, то «идеи Белинского и Гоголя» ставились в один революционный ряд. Данная выше расшифровка этого видимого противоречия подтверждается и на основании приведенного здесь разбора новой жизни гоголевских образов. В первом случае идет речь о Гоголе — авторе «Выбранных мест из переписки с друзьями», во втором о Гоголе — авторе художественных образов, носивших в себе — *объективно* — антикрепостническую тенденцию и работавших — *объективно* — на расшатывание и сокрушение крепостнического строя. Аполлогетика умирающего дворянства, присущая ряду гоголевских образов, преодолевалась основным для этих образов противоречием: гоголевский образ таил в себе, в своем юморе, огромную художественную разоблачительную потенцию. В. И. Ленин выявил эту потенцию и превратил ее в живую силу острейшей революционной борьбы.

3. ПУШКИНСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕЧЕНИЯ В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА

В числе любимых поэтов В. И. Ленина был А. С. Пушкин.

В. И. Ленин постоянно читал и перечитывал Пушкина. Н. К. Крупская вспоминает, как в сибирской ссылке В. И. Ленин находил отдых в чтении Пушкина, Лермон-

това, Некрасова, причем Пушкин стоит в этом ряду на первом месте. «Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина»⁷⁷, — пишет Н. К. Крупская. О том же говорит в своих воспоминаниях и П. Н. Лепешинский: «Он [Ленин] никогда не прочь, в очень редкие минуты своего отдыха, заглянуть в какой-нибудь томик Шекспира, Шиллера, Байрона, Пушкина...»⁷⁸.

Свидетельство о таком же отношении к Пушкину сохранилось и в воспоминаниях Н. Л. Мещерякова: «Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием...»⁷⁹.

В произведениях В. И. Ленина встречаются многие образы, созданные мировой литературой. Чаще всего В. И. Ленин пользуется ими для острых сатирических разоблачений. Образы Иудушки Головлева, Тартюфа, Ноздрева, Хлестакова, Обломова помогают Ленину разоблачить предателей, двурушников, трусов, ренегатов, обывателей. Понятно поэтому, что наиболее часто Ленин цитирует Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Гончарова (образ Обломова). Образы Пушкина встречаются реже. На первый взгляд кажется даже, что в цитировании В. И. Лениным пушкинских образов и речений нет ничего особо своеобразного, никакой темы для историко-литературного исследования. Но если присмотреться внимательнее, обнаруживается очень интересная тема — новая жизнь пушкинского образа в тексте В. И. Ленина.

**Взрыв сатирического ядра
некоторых пушкинских образов
в работах В. И. Ленина**

В. И. Ленин чаще всего вводит в свою речь те пушкинские образы, в которых имеется сатирическая потенция. Таков, например, образ «дьяка, в приказах поседелого» в «Борисе Годунове», хотя образ этот и дан Пушкиным не в плане сатиры, а для характеристики величавости и

⁷⁷ Крупская Н. К. О Ленине: Сб. статей и выступлений. М., 1965, с. 92.

⁷⁸ В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1967, с. 649.

⁷⁹ Там же, с. 652.

смирения, бесстрастия и спокойствия летописца Пимена. Спокойствие его нравится Григорию:

Как я люблю его спокойный вид...

.

Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева⁸⁰.

Но все же в образе дьяка, поседелого в приказах, затаилась сатирическая, разоблачительная потенция, раскрытая В. И. Лениным. Не такой уж это признак «величавости» или «смиренности», если человек «спокойно зрит на правых и виновных». Впрочем, так думает Гришка Отрепьев...

В январе 1901 г. четыре полицейских служителя убили крестьянина Тимофея Воздухова. Воздухов подъехал к губернаторскому дому и хотел заявить какую-то жалобу, его отправили «в часть» под предлогом «вытрезвления», там избили до потери сознания, изломали ребра, и на следующий день он умер. Убийц судили «сословные представители», которые приняли все меры, чтобы как можно более «смягчить» кару, «уладить» неприятное дело. В. И. Ленин посвящает этому случаю взволнованную, разоблачающую статью: «Бей, но не до смерти». Разве могли бы жалкие «сословные представители» разоблачить на этом суде всю мерзость самодержавного произвола, издевающегося над человеком? В. И. Ленин рисует образы этих «представителей», противопоставляя им образы опытных судей-крючкотворов царского суда: «Вот волостной старшина... конфузящийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами.

⁸⁰ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1960, т. 4, с. 217.

А рядом — судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки в приказах поседы, полные сознания важности выпавшей им задачи: судить представителей власти, которых недостойно судить суд улицы»⁸¹. Классовое содержание хлынуло в пушкинский образ. Сатирическая потенция образа, сконцентрированная у Пушкина в каком-то не сразу даже заметном углу этого художественного обобщения, маленькое сатирическое ядрышко, пребывающее в покое, пока говорит речь Григорий, вдруг взрывается в ленинском тексте. И около этого образа у В. И. Ленина сконцентрированы не термины, не простые упоминания социальных категорий — кулак, купец, а образы этих категорий, созданные самим В. И. Лениным в живой форме художественного обобщения.

Слова летописца Пимена «не мудрствуя лукаво» давно получили широчайшее хождение. И в самом тексте «Бориса Годунова», и в обыденной речи они имеют прежде всего положительный характер. Это хорошо, это правильно, описывать «не мудрствуя лукаво». Это путь, который указывает Пимен Григорию как своему преемнику по летописанию.

...В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь...⁸²

И в живой речи совет действовать попросту, «не мудрствуя лукаво», чаще всего воспринимается как положительный — «мудрить», мол, нечего. Но пушкинское речение включает в себе ядро сатирической потенции. И опять оно буквально взрывается у В. И. Ленина при разоблачении народнической экономии в работе «Развитие капитализма в России». «Отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям» связано с процессами пролетаризации. А для мудрецов от народнической экономической «науки» крестьянин, ушедший на «подсобный заработок» в отхожий неземледельческий промысел, остается крестьянином-земледельцем! «С официальной точки зрения, эти „промышленники“ — крестьяне-земле-

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 409.

⁸² Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т., т. 4, с. 221. Разрядка моя.— М. Н.

дельцы, имеющие лишь „подсобные заработки“, и большинство представителей народнической экономики усвоило, не мудрствуя лукаво, эту точку зрения. Несостоятельность ее, после всего изложенного выше, нет надобности доказывать подробнее⁸³, — пишет В. И. Ленин. Простота «не мудрствующих лукаво» народников, действительно, оказывается хуже воровства!

«Еще одно, последнее сказанье» — эпически-торжественно звучит у летописца Пимена. Эту эпическую торжественность В. И. Ленин в своей цитации сохраняет, по присваивает этой эпичности сатирическую, разоблачительную функцию.

Речь идет о меньшевике Неведомском, фальсифицирующем истинный образ Льва Толстого. Перед этим в ленинском тексте только что разоблачена фальсификация образа Толстого, произведенная Базаровым. Далее разоблачается празднословие Неведомского: «Еще одно, последнее сказанье», — пишет В. И. Ленин. Неведомский не видит всей сложной противоречивости Льва Толстого, утверждает, что он весь вылит из единого чистого металла. В. И. Ленин пишет: «Уф! Говорит красно — и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И „все эти“ буржуазные поклонники *как раз* не за „цельность“, как раз за отступление от цельности „почтили вставанием“ его память»⁸⁴.

«Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», — эти слова Пушкина в ленинском тексте выполняют острейшую разоблачительную функцию. Трижды — на самых различных этапах борьбы привлекает В. И. Ленин эти пушкинские слова. Первый случай относится к работе В. И. Ленина, разоблачающей народническую экономику и экономическую теорию Сисмонди, — «К характеристике экономического романтизма» (1897). В. И. Ленин пишет: «Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тот с беспощадной откровенностью делал все выводы из наблюдения и изучения буржуазного общества: он формулировал открыто и существование производства ради производства, и превращение рабочей силы в товар, на который смотрят так же, как на всякий другой товар, — и то, что для „общества“ важен только чистый доход, т. е. только величина прибыли. Но Рикар-

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 569.

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 94.

до говорил совершенную правду: *на деле все обстоит именно так*. Если эта истина казалась Сисмонди „низкой истиной“, то он должен бы был искать причин этой низости совсем не в теории Рикардо и нападать совсем не на „абстракций“; его восклицания по адресу Рикардо относятся целиком к области „нас возвышающего обмана“»⁸⁵.

Работа В. И. Ленина «К вопросу о национальной политике» написана в 1914 г. В это время царская Россия задыхалась в погромной атмосфере.

«Эта атмосфера,— пишет В. И. Ленин,— чувствуется ежедневно всяким сколько-нибудь сознательным и внимательным человеком в нашей стране. Но не все имеют достаточно мужества, чтобы дать себе ясный отчет *в значении* этой погромной атмосферы. Почему царит у нас такая атмосфера? Почему *может* она царить? Только потому, что страна переживает на деле состояние плохо прикрытой *гражданской войны*. Кое для кого очень неприятно сознаться в этой истине, кое-кому хочется надеть на это явление покрывало. Наши либералы, и прогрессисты и кадеты, особенно любят сшивать такое покрывало из лоскутков совсем почти „конституционных“ теорий. Но я позволяю себе думать, что нет более вредной, более преступной для народных представителей вещи, как распространение с трибуны Государственной думы „нас возвышающего обмана“»⁸⁶.

Наконец, тот же пушкинский образ возникает на страницах знаменитой ленинской работы «О продовольственном налоге» (1921). «Мы боимся посмотреть прямо в лицо „низкой истине“ и слишком часто отдаем себя во власть „нас возвышающему обману“. Мы постоянно сбиваемся на то, что „мы“ переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это „мы“. Перечень всех — непременно всех без изъятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5 мая 1918 года, необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. „Мы“, авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, по передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариа-

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 198—199.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 65,

та, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы „мы“ могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь»⁸⁷.

«Услышишь суд глупца...» — эти известные слова из пушкинского сонета «Поэту» взяты В. И. Лениным как заглавие работы, изданной в 1907 г. и преследовавшей цель разоблачения неправильной оценки политического положения перед выборами во II Государственную Думу. Нельзя прикрывать стремление столкнуться с предающей революцию буржуазией разговорами о том, что в Петербурге-де существует «только одна» черносотенная опасность. «Опасность черносотенного *исхода* выборов в Петербурге есть *обман народа*, распространяемый кадетами, „радикалами“ и всякими оппортунистами и служащий интересам *обывательщины* в политике. Сказка об этой черносотенной опасности служит на деле интересам кадетов, — которых она помогает ограждать от *опасности слева*, — служит *отуплению* масс, которых не заставляют в самом акте голосования отличить „законодательствующего“ кадета-буржуа от социалиста, ведущего народ на борьбу»⁸⁸.

Эта ленинская брошюра с пушкинским заглавием была доставлена в цензуру, и цензор нашел, что брошюра, «помимо чисто политического материала, содержит явные призывы к учипению преступных деяний». На брошюру с пушкинским названием был наложен арест — было постановлено ее уничтожить.

Глубоко лирические слова Татьяны в «Евгении Онегине» — «А счастье было так возможно, так близко!..» — несут в тексте В. И. Ленина также сатирическую, разоблачительную функцию. В. И. Ленин привлекает их для разоблачения предательской роли кадетов, победивших на выборах в I Государственную Думу. В работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) В. И. Ленин пишет: «Если восстание будет подавлено, — истощенный борьбой победитель, может быть, окажется вынужденным поделиться доброй половиной власти с кадетской Думой,

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 227—228.

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 283—284.

которая усядется за пирог и примет резолюцию сожаления по поводу „безумства“ вооруженного восстания в такой момент, когда действительное конституционное устройство было, дескать, так возможно, так близко... Были бы трупы, а черви всегда найдутся»⁸⁹.

Лиричность пушкинских слов лишь подчеркивает эту сатирическую гневно-разоблачительную функцию, которую придал этим словам В. И. Ленин.

Те сатирические образы Пушкина, где уже в авторской трактовке вскрыта их разоблачительная потенция, так и переходят в текст В. И. Ленина как разоблачительные, сатирические. В известной эпиграмме на анонимного критика «*Ex ungue leonem*» Пушкин пишет, что узнал его «по ушам»:

Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз⁹⁰.

В 1903 г. в немецкой социал-демократической печати нет-нет, да и проявлялись группки немецких литераторов, интриговавших в пользу ликвидаторов. «В немецкой с.-д. печати очень часто пишут члены таких группок... но узнать „по ушам“ подобную публику совсем не трудно», — заканчивает В. И. Ленин свою статью «Заграничные группки и русские ликвидаторы»⁹¹. Я не останавливаюсь на Г. В. Плеханове — «льстивом царедворце», этот образ (опять из «Бориса Годунова») приведен Лениным как цитата чужого текста и поэтому не имеет авторского момента в интерпретации. Но «разбитое корыто», у которого осталось царское правительство со своей переселенческой политикой, конечно, должно быть отмечено. Обратный переселенческий поток, по свидетельству правительственного же агента, составлял не одну сотню тысяч душ. Речь шла о 1911 г. «Не ясно ли, что всего через шесть лет после революции правительство снова возвращается к *разбитому корыту*?», — спрашивает Ленин и выделяет курсивом сатирический образ пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»⁹²⁻⁹³.

В работе «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) В. И. Ленин разоблачает бундовца

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 311—312.

⁹⁰ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т., т. 2, с. 131.

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 181.

⁹²⁻⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 266.

Медема, противопоставляющего «с ученым видом знатока» автономию и земство⁹⁴. Это замечание и в пушкинском, и в ленинском текстах носит одинаково иронический характер.

Заметим заодно, что Ленин очень любил лермонтовское выражение «Намеки тонкие на то, чего не ведает никто» (из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, писатель и читатель», 1840 г.) Три раза встречается оно в текстах В. И. Ленина в острые моменты политической борьбы. В 1904 г. меньшевистская редакция новой «Искры» выдвинула вопрос о разногласиях с большевиками по организационным вопросам. «К сожалению, в чем именно состоят эти разногласия, редакция не спешит указать определенно, ограничиваясь по большей части намеками на то, чего не ведает никто», — пишет В. И. Ленин в предисловии к брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»⁹⁵. Двойственная политика Плеханова по вопросу о предании гласности партийных разногласий (1904 г.) разоблачается тем же лермонтовским изречением, сопровождаемым — такой же случай уже был отмечен выше — образной ленинской речью; Плеханов, с одной стороны, якобы не хочет выносить «дрязги» на суд улицы, а с другой — сам же публикует статьи с намеками на эти же «дрязги»! В. И. Ленин разоблачает Плеханова, прибегая к помощи художественного образа: «Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распахивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись злорадствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выражая желание рассказать дело толково с самого начала и без намеков па то, чего не ведает никто. Тогда окно захлопывается: не стоит-де, говорить о дрязгах...»⁹⁶.

Через семь лет, в 1911 г., те же лермонтовские строки появляются в ленинской работе «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве». В. И. Ленин пишет: «Социальная структура общества и власти

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148.

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 5—6.

⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 361.

характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития, — те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля»⁹⁷.

Трагические пушкинские образы у В. И. Ленина

Замечательна жизнь некоторых высоко трагических пушкинских образов в тексте В. И. Ленина. Их трагичность глубочайше раскрывается В. И. Лениным, заполняется новым историческим содержанием. Много споров велось и ведется вокруг знаменитых пушкинских слов «народ безмолвствует» в «Борисе Годунове». Угроза власти, грозный народный гнев, могучая народная сила, еще не проявившиеся, но могущие проявиться, пронизывают этот пушкинский образ. Народ может восстать — народ восстанет. Этот пушкинский образ глубочайше продуман и прочувствован В. И. Лениным. Из обстановки отдаленного исторического прошлого, с московской площади начала XVII в. образ этот перенесен В. И. Лениным в историческое настоящее — в январь 1905 г. Этот образ встречается в короткой, насыщенной величайшим революционным пафосом статье «Революционные дни». Всего несколько дней назад узнал В. И. Ленин о «кровавом воскресеньи» — 9 января. Еще нет ни одного нового события развивающейся революции — только одно 9 января. Но В. И. Ленин спрашивает: «Бунт или революция?» — и отвечает: «Революция!» Еще в стране видимый «покой» — все «молчит», но молчание это уже говорит громким голосом приближающегося восстания. История учит: ее сегодняшние уроки «пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще „безмолвствует народ“ и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар», — пишет В. И. Ленин⁹⁸.

⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 186.

⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

Пушкинский образ насытился содержанием великого 1905 г. И в то же время широчайше раскрыто его огромное, затаенное содержание — раскрыто в прямых, ясных, отчетливейших словах: в ближайшем будущем «вспыхнет революционный пожар». Сразу ясно, в каком направлении продумывал В. И. Ленин и как именно понимал он этот пушкинский образ.

Другой трагический пушкинский образ, раскрытый В. И. Лениным, тоже взят из «Бориса Годунова». Образ мучащего Бориса кошмара — «мальчики кровавые в глазах» — прозвучал, может быть, неожиданно, в политическом отчете ЦК, сделанном В. И. Лениным 7 марта 1918 г. на VII съезде партии. В. И. Ленин говорит о необходимости заключения мира. «Мир есть средство для накопления сил», — говорит В. И. Ленин. «Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать-сорок раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что создало, подняло Советскую власть на три ступени своего развития, — только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба»⁹⁹. Этого не может понять газета «Коммунист», орган группы «левых коммунистов», говорящая о «позоре» мира. Газете этой следует «носить кличку „Шляхтич“, ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: „мир — это позор, война — это честь“, — говорит в своем докладе В. И. Ленин. Но решение о мире надо принять — как бы тяжело это ни было, — здесь нечего апеллировать к чувству. «Когда товарищи из „Коммуниста“ рассуждают о войне, они апеллируют к чувству, — пишет В. И. Ленин, — позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами»¹⁰⁰. Здесь пушкинский образ выступает в совершенно новом качестве, становясь обобщенным образом страшных злодеяний, которые несла с собой мировая империалистическая война.

Наконец, еще одно пушкинское обобщение, также трагическое по существу. Речь идет об известном пушкинском высказывании о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Употребление этого обобщения у Ленина

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 22.

¹⁰⁰ Там же.

должно вызвать особое внимание историков и пушкинистов. Чтобы разобраться в этом, необходимо помнить об особенностях отношения Пушкина к массовому движению.

А. С. Пушкин боялся «пугачевщины», боялся крестьянского восстания. Эта же боязнь характеризует дворянских революционеров, декабристов, к идеологии которых тесно примыкали политические взгляды Пушкина. В. И. Ленин отмечал классовую ограниченность дворянской революции, но в то же время дал декабристам почетное название революционеров.

Пушкин был противником «пугачевщины». Но как далеко отношение Пушкина к массовому движению от дворянских проклятий «пугачевщине», от языка озверелых врагов массового движения! Пушкин пристальнейшим образом, с глубочайшим и спокойным вниманием историка изучал и самого Пугачева, его восстание и художественно воспроизводил их. С 1823 г., может быть даже несколько раньше, Пушкин ставит под сомнение тактику военной революции декабристов и глубочайшим образом задумывается над проблемой народного движения. Разумеется, ничто в эпоху Пушкина не могло подсказать ему правильного решения: эпоха после поражения декабристов — это уже начало той «всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела»¹⁰¹. Глубоким раздумьем над массовым народным движением проникнуты и «Борис Годунов», и «Капитанская дочка», и «Дубровский», и «История Пугачева», волею Николая I превратившаяся в «Историю Пугачевского бунта». Как бы ни оценивать отношение Пушкина к Пугачеву, ясно одно: в пушкинском образе Пугачева нет классовой дворянской ненависти и животного страха перед массами. Но эта ненависть и животный страх перед массовым движением с невероятной силой вспыхнули у российских помещиков и буржуазии в эпоху революции 1905 г. и в последующие годы. Дворянско-буржуазная печать этого времени без каких бы то ни было «прав» на это потащила в арсенал своего омерзительного оружия и знаменитую пушкинскую формулировку о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Именно ненавистью,

¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

омерзением и животным страхом заполнила она эти задумчивые пушкинские слова, истрепала их в лохмотья, вывесила их на своем контрреволюционном знамени. Заметим, между прочим, что не раз и в литературоведении возникала эта формулировка как упрек Пушкину, как доказательство его «нереволюционности», причем авторы упрека не давали себе труда вернуть пушкинской формулировке ее авторский первоначальный смысл, очистить ее от налипшей на нее грязи Союза Михаила-архангела и кадетско-октябристских толкований.

Крестьянское движение, взятое изолированно от борьбы рабочего класса, не носит в себе возможности победы. Стихийные, разрозненные, не освещенные политическим сознанием, лишённые руководства, крестьянские восстания обречены на неудачу.

В 1899 г. В. И. Ленин написал «Проект программы нашей партии», в котором поставил вопрос об отношении революционного пролетариата к крестьянскому движению. В тексте, определяющем это отношение, В. И. Ленин применил пушкинскую формулировку о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Он наполнил ее совершенно новым содержанием, сконцентрировав в ней образное определение крестьянской политической неразвитости и темноты, того, что отличает крестьянское движение от сознательной революционной борьбы. «Наличие революционных элементов в крестьянстве,— пишет В. И. Ленин,— не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между „русским бунтом, бессмысленным и беспощадным“, и революционной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надуть и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять носителем революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая обусловила бы революционность своего движения революционным настроением крестьянства»¹⁰². В. И. Ленин употребил пушкинское речение в точном пушкинском смысле.

Мы видим, как своеобразна жизнь пушкинских образов в текстах В. И. Ленина.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228—229.

Настоящая работа не преследовала цели исчерпать тему. Но из сказанного ясно, что тема эта заслуживает внимания и представляет интерес не только для литературоведа и историка, но и для всех, кто задумывается над функцией художественного образа в историческом процессе.

*

Частота применения литературных образов, причем, как правило, при постановке и решении трудных, острых, сложных тем и проблем, показывает, каким высоким доверием пользовалась подлинная художественная литература у В. И. Ленина, как любил он ее, как высоко ценил ее функцию. И вместе с тем видно, как легко мобилизовался нужный образ, всегда «наготове» лежавший в ленинской памяти.

Видим мы и индивидуальное, своеобразное понимание В. И. Лениным ряда художественных образов, подчас отличающееся от общепринятого, традиционного (например, понимания образа Шпоньки, Держиморды, ряда пушкинских образов и речений).

Раскрытие образа на *новой* социальной и временной основе, обогащение его *новым* историческим содержанием, *новая жизнь* художественного образа в *новой эпохе* — для размышлений обо всем этом богатый материал представляют нам работы В. И. Ленина.

Над ними стоит подумать и поработать. А работа о функции художественного образа в историческом процессе только начинается...

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК РАБОТ
АКАДЕМИКА М. В. НЕЧКИНОЙ,
ВКЛЮЧЕННЫХ В СБОРНИК
«ФУНКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ»**

- Функция художественного образа в историческом процессе.**— В кн.: Содружество наук и тайны творчества. М., 1968, с. 61—98. Отд. изд.: Загадка художественного образа: (Художественный образ в историческом процессе). М.: Знание, 1972. 32 с. В настоящий сборник работа вошла в измененном и дополненном виде.
- О Пушкине, декабристах и их общих друзьях:** (По неисследованным архивным материалам).— Каторга и ссылка, 1930, кн. 4, с. 7—40. В настоящий сборник статья вошла в сокращенном виде, под названием: «В бумагах каждого из действовавших на ходятся стихи твои...».
- Рождение «Горя от ума».**— Октябрь, 1945, № 1/2, с. 141—151. В настоящий сборник статья вошла в расширенном виде.
- «Ледяной дом» И. И. Лажечникова.**— В кн.: Лажечников И. И. Ледяной дом. М., 1936, с. 5—40. Статья многократно перепечатывалась вместе с романом. Последнее из вышедших изданий относится к 1979 г.
- Стихотворение Н. А. Некрасова о Н. Г. Чернышевском.**— В кн.: Чернышевский и его эпоха: (Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1979, [Сб. 8], с. 5—12. То же в кн.: Встреча двух поколений: Из истории русского революционного движения конца 50-х — начала 60-х годов. Сб. статей. М., 1980, с. 519—527. В настоящий сборник статья вошла под названием «Третий „Пророк“ в русской литературе».
- Вольтер и русское общество.**— В кн.: Вольтер: Статьи и материалы. М.; Л., 1948, с. 57—93.
- Литературное оформление «Капитала» К. Маркса.** М.: Партиздат, 1932. 80 с. В настоящий сборник текст брошюры вошел в сильно сокращенном виде под названием «О художественных образах в работах К. Маркса».
- Художественные образы русской литературы в произведениях В. И. Ленина.** М., 1969. 63 с. В настоящий сборник работа вошла под названием «Образы русской литературы в произведениях В. И. Ленина».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Александр I, имп. 51, 61, 71—72, 76, 103, 107—109, 118, 194
 Александр II, имп. 164, 170
 Александр Македонский, царь 178
 Анна Иоанновна, имп. 120—121, 128—134, 136—139, 141—144, 146—150, 152—153, 155, 157—158
 Анна Леопольдовна, принцесса 141
 Анненков И. А. 44
 Анненков П. В. 77
 Анненковы, семья 44
 Аппиан, римский историк 241
 Аракчеев А. А., гр. 107, 109, 119, 126, 254, 273
 Ариосто Л. 195
 Аркрайт Р. 222
 Арсеньев В. 69
 Архимед 227—228
- Базаров (Руднев) В. А. 290
 Байрон Д.-Н., лорд 299
 Балакирев И. А. 153
 Балмашев С. В. 280
 Барбье А. О. 160—162, 170
 Баргенов П. И. 64—66, 177
 Барятинский А. П., кн. 65, 199—201
 Басаргин Н. В. 113
 Башилов С. 186
 Бебутов Д. О., кн. 103
 Бегичев С. Н. 90—92, 112
 Беккариа Ч. 198
 Белинский В. Г. 69, 127, 145—147, 157, 202—203, 261—264, 298
 Белль д'Антермони, врач 140
 Беляев А. П. 198
 Бентам И. 209—210
 Беранже П. Ж. 252
 Бердяев Н. А. 285
 Беррийский (де Берри) Ш. Ф., герцог 53
 Бессель И. Г. 140
 Бестужев (Марлинский) А. А. 48—49, 95, 113, 117, 152, 195
 Бестужев А. Ф. 195
 Бестужев М. А. 82
 Бестужев Н. А. 41
 Бестужев-Рюмин А. П. 132
 Бестужев-Рюмин М. П. 47, 50—58, 198
 Бестужевы, семья 195
 Бечаснов В. А. 49—50
 Бирон П., герцог 141
- Бирон Э., герцог 121, 128, 132—135, 137—144, 147, 149—153, 159, 273
 Бирукова Е. 243
 Блюхер Г. Л. фон, кн. 107
 Бобринцев-Пушкин Н. С. 198
 Богданович И. Ф. 184
 Боккалини Т. 140
 Боккаччо (Боккачио) Д. 212
 Болье, учитель 123—124
 Бомарше П.-О., де 28
 Бонапарт Л.-Н. см. Наполеон III
 Бонапарт, имп.
 Борис Федорович Годунов, царь 146, 152, 299, 301, 305, 307—309
 Борисов А. И. 49—50
 Борисов П. И. 49—50, 198
 Брей Д. Ф. 248
 Бродский Н. Л. 77
 Брут М. Юний 183
 Брюллов К. П. 4
 Буженинова А. И. 143, 158
 Булатов, студент 195
 Булыгин А. Г. 272
 Бурбоны, династия 53, 107
 Бутурлин Д. П., гр. 48
 Бюффон Ж. Л., де, гр. 202
- Вадковский Ф. Ф. 88
 Ван-Гален Х. 103—104
 Вандервельде Э. 290, 294
 Ванька, слуга Д. И. Фонвизина 183
 Вейнберг П. 245, 247
 Веллингтон А.-Р., герцог 107
 Вельяминов А. А. 103
 Венгеров С. А. 156—157, 244, 247
 Вергилий Маррон П. 189
 Вересаев В. В. 60
 Веселовский А. Н. 87
 Вигель Ф. Ф. 107—108, 115, 185
 Виктор Эммануил I, сардинский король 110
 Вильмен А. Ф. 202
 Виноградов И. И. 186
 Винский Г. С. 182
 Воейков Н. П. 103
 Воздухов Т. В. 300
 Волконский М. С., кн. 79, 81, 84
 Волконский С. Г., кн. 79—83
 Волконский С. М., кн. 79
 Вольтер (Аруэ) М.-Ф. 49, 88, 115, 118, 174—199, 201—204

Волынская А. Л. 136, 140
 Волыньские, дети Артемия Петрови-
 ча 144
 Волынский А. П. 120—121, 128,
 132—158
 Воронцов С. Р., гр. 109
 Всеволожские, семья 77
 Вырубов Г. Н. 203
 Вяземская В. Ф., кн. 69
 Вяземские, кн., семья 83
 Вяземский П. А., кн. 44, 57, 63, 69,
 83, 116, 182
 Гаазе Г. 294
 Гайндман Г. М. 284
 Галахов А. 87
 Гарибальди Д. 168, 241
 Гаркави А. М. 161, 163
 Гаршин В. М. 13
 Гегель Г.-В.-Ф. 240, 299
 Гейне Г. 31, 238, 249, 252
 Гейнцен К. 241
 Гельвеций К.-А. 176, 180, 194, 198
 Генрих IV, английский король 242—
 243
 Генрих V, английский король 239,
 242
 Герцен А. И. 64—65, 87, 121, 147,
 154, 170, 182, 201—203, 273—274
 Гёте И.-В. 176, 238, 248—249, 252
 Глинка М. И. 4
 Глинка Ф. Н. 74, 114
 Гоголь Н. В. 9—10, 23, 42, 252—253,
 260—268, 272—273, 278—279, 281,
 282, 284, 286—287, 289, 290, 296—
 299
 Годскин Т. 215
 Годунов Б. Ф. см. Борис Федорович
 Годунов, царь
 Голенищев-Кутузов И. Л. 185
 Голицын А. И., кн. 185
 Голицын Д. А., кн. 176—177
 Голицын Д. М., кн. 138
 Голицын М. А., кн. 134, 143, 158
 Голицын, кн., гость Вольтера 176
 Голицыны, кн. 190
 Головкин Г. И., гр. 132
 Гольбах П.-А., бар. 180, 189, 202
 Гомер 189, 238, 249—250
 Гончаров И. А. 23, 87, 299
 Горащий Флакк К. 249
 Горбачевский И. И. 82—83
 Гориславский, подпоручик 47
 Горсткин И. Н. 69—70, 72—78, 84
 Горсткин Н. П. 70
 Горсткина Е. И. 70
 Горчаков Д. П., кн. 183
 Готье Ю. В. 139, 141, 146
 Граббе П. X. 103
 Грановский Т. Н. 203
 Грей Д. 248
 Грей Т. 98
 Греч Н. И. 94, 108, 112—113
 Грибовский М. К. 76
 Грибоедов А. С. 3, 71, 75, 77—78,
 85—106, 108, 110—119, 197—198
 Григорьев А. А. 87
 Громницкий (Громнитский) П. Ф.
 50, 52—56
 Грот К. Я. 63
 Гуссейн, персидский шах 135
 Гучков А. И. 288

Давид Э. 275
 Давыдов А. Л. 81
 Давыдов В. Л. 80
 Давыдов Д. В. 51, 57
 Даламбер (Д'Аламбер) Ж.-Л. 180,
 186, 191, 204
 Дамилавиль Э. Н. 177
 Дан (Гурвич) Ф. И. 258, 278
 Данте Алигьери 249
 Дашиз, академик 196
 Дашков, студент 195
 Дашкова Е. Р., кн. 176, 185
 Дежерандо Ж. М. 89
 Дельвиг А. А., бар. 51, 56—57
 Денисевич, офицер 100
 Державин Г. Р. 183, 190
 Детю-де-Траси (Дестют) А.-Л.-К.
 гр. 210, 215
 Дивов П. Г. 109
 Дидро Д. 176—177, 180, 191, 194, 198,
 202
 Диккенс Ч. 13
 Дмитриев М. А. 117, 187
 Дмитрий Самозванец см. Лжедмит-
 рий, царь
 Добролюбов Н. А. 168—169, 202
 Добрынин Г. И. 182
 Долгоруков (Долгорукий) В. В., кн.
 131
 Долгоруков (Долгорукий) В. С., кн.
 189
 Долгоруков И. А., кн. 74—78, 91
 Домна, нянька 124
 Достоевский Ф. М. 4
 Дымов С. 161

Ебгений, митрополит 191
 Евгеньев-Максимов В. Е. 163
 Евреинов Ф. А. 194
 Еголин А. М. 163
 Екатерина I, имп. 129—130, 136, 139,
 151
 Екатерина II, имп. 102, 109, 118,
 122, 135, 147, 157, 174, 177—178,
 182—183, 190, 194—195
 Елизавета Петровна, имп. 99, 139—
 140, 151, 175, 182
 Емельянов Ф. 188
 Ермолов А. П. 42, 102—104, 192—
 193
 Еропкин П. М. 128, 140—141, 144—
 145
 Ефремов П. А. 161, 163—164

Жандр А. А. 91
 Жихарев С. П. 186, 194
 Жуков И. П. 50
 Жуковский В. А. 41, 46

Завадовский А. П., гр. 77, 86
 Завалишин Д. И. 95
 Занд К. Л. 104
 Зверев, губернатор 190
 Зубатов С. В. 271
 Зубков В. П. 69

Иван III, вел. кн. 127
 Иван IV, царь 17
 Иван V Алексеевич, царь 130
 Иван Иванович, царевич 17
 Иванов И. И. 50—54, 56

Ивашев В. П. 91
Игнатъев А. П., гр. 288
Иевлев В. Т. 184—186
Иоанна II, неаполитанская королева 141
Истомина (Ежова) Е. И. 77, 86

Каверин П. П. 91, 103
Калас Ж. 204
Кантемир А. Д., кн. 140
Капнист П. В. 48
Карабанов П. М. 184—185
Каразмн Н. М. 41, 109, 112
Каратыгин П. А. 95
Караулов В. А. 289
Карл XII, шведский король 185
Карташов И. 69
Карцев, переводчик Вольтера 186
Катенин П. А. 91, 94, 105—106
Каутский К. 257, 276, 290, 294, 298
Каховский А. М. 192
Каховский П. Г. 88, 103, 108
Квартано Н. Н. 103
Квирига А. 103
Клеопатра 141
Ключевский В. О. 8
Княжнин Я. Б. 185, 190, 198
Кобеко Д. Ф. 175
Козловский Ф. А., кн. 176
Кологривов А. Л. 91
Кологривов А. С. 89
Колчак А. В. 290
Кольридж С. Т. 244
Константин Павлович, цесаревич 62
Копылов Г. И. 103
Корсаков Д. А. 134—135, 146
Кортонщик Я. 188
Корф И. А., бар. 146
Костров Е. И. 184, 186
Котляревский И. П. 77—78
Коцебу А.-Ф.-Ф., фон 104
Крамской И. Н. 161
Красиков П. А. 278
Краснов Г. В. 160, 170
Крафт Г. В. 120
Кричевский Б. Н. 280, 282
Кронеберг А. И. 243
Крупская Н. К. 298—299
Крылов И. А. 41, 183—184
Крюков Н. А. 88, 198
Кубанец В. 144
Кюхельбекер В. К. 43, 68—69, 91, 93, 95, 102—105

Лабрюйер Ж. 125
Лагарп Ф.-С. де 109
Лажечников И. (отец) 122—124
Лажечников И. И. 3, 120—128, 134—135, 143, 145—160
Лажечниковы, семья 122, 124—125
Ларпон (Ларивон), слуга Лажечниковых 123—124
Ларин Ю. (Лурье М. А.) 295
Ларра-и-Санчес де Кастро М. Х., де 160, 162
Левашов Е. Г. 114
Левашов Н. В. 114
Левенвольде К. Г., гр. 132, 137—138
Левенвольде Р. Г., гр. 132

Левитский Н. 266
Ленин В. И. 3, 20, 110—111, 139, 202, 208—209, 252—311
Лепешинский П. Н. 299
Лермонтов М. Ю. 19, 162, 173, 298—299, 306
Лесток И. Г. 140
Лжедмитрий (Самозванец), царь 99, 300
Либер (Гольдман) М. И. 258, 278
Либердан см. Либер М. И., Дан Ф. И.
Липсий Ю. 140—141
Лисовский Н. Ф. 52—53
Ломоносов М. В. 98—99, 176
Лонгинов Н. М. 109
Лопухин И. В. 189
Лорер Н. И. 47—48, 58—60, 63—68
Лувель Л. П. 53
Лунин М. С. 76
Львов Г. Е., кн. 282
Львов Н. Н. 293
Лядкая В. А. 165
Лядцкий Е. А. 165—167

Магницкий М. А. 126
Мазепа И. С. 10, 15, 24—25
Майборода А. И. 47
Майков В. И. 185
Майков Л. Н. 79
Макиавелли Н. 140
Маклаков Н. А. 292—293
Мак-Куллох Д.-Р. 223, 231, 234
Маклеод Г.-Д. 222
Малардье, депутат 203
Мальтус Т.-Р. 213
Мануилов А. А. 295
Манштейн Х.-Г. 146
Маржерет Ж. 99
Мария Федоровна, имп. 109
Маркс К. 3, 205—208, 210—252, 259
Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) 269, 272, 294
Мартынов А. С. 295
Масленников, студент 195
Маяковский В. В. 13—14, 25
Медем (Гринберг) В. Д. 306
Медичи Л. 216
Мерзляков А. Ф. 125
Мессалина, римская имп. 141
Местр Ж. М., де, гр. 110
Мещерский А. И., кн. 183
Мещерский В. П., кн. 185
Мещерский, мичман 136
Мещеряков Н. Л. 299
Миклашевич В. С. 91
Мильтон Д. 189
Миллюков П. Н. 278
Мин, генерал 103—104
Миних Б. Х., гр. 137
Миних Э. Х., гр. 146
Мирабо О.-Г., де, гр. 228
Митьков М. Ф. 62—63
Михаил Федорович, царь 99
Михайлов М. И. 44
Михайловский Н. К. 208—209, 259, 295
Модзалевский Б. Л. 69
Мольер (Поклен) Ж.-Б. 249, 253, 260

Момбелли Н. А. 203
Монтескье Ш.-Л., де, гр. 182
Мордвинов Н. С. 78
Муравьев А. З. 88
Муравьев А. Н. 71—72, 75, 113
Муравьев Н. М. 65, 71, 76, 78, 88, 91, 112, 114
Муравьев-Апостол М. И. 71, 114
Муравьев-Апостол С. И. 52, 57, 71
Муравьева А. Г. 65
Муравьева Е. Ф. 78
Мусин-Пушкин П. И., гр. 128, 140, 145
Муханов П. А. 91
Мямлин см. Эссен А. М.

Надаль А. 196
Наполеон I Бонапарт, имп. 12, 15, 28, 106—108, 121, 143, 240
Наполеон II Бонапарт, принц 12
Наполеон III Бонапарт, имп. 240
Нарышкин А. Л. 140
Нарышкина А. Л. 138
Нащокин П. А. 57
Неведомский М. (Миклашевский М. П.) 302
Нейгауз Г. Г. 10
Незеленов А. И. 174
Некрасов Н. А. 3, 11—12, 44, 160—173, 264, 299
Неплюев И. И. 138
Неплюев Н. 184, 186
Нессельроде К. В., гр. 109
Нечаева В. С. 69, 126
Никитенко А. В. 185, 187
Никитенко-Черевик В. М. 187
Николай I. имп. 41, 46—47, 51, 53, 68—69, 108, 121, 146—147, 155, 157, 200, 309
Николай II, имп. 288
Новиков Н. И. 123, 183, 185, 190
Новосильцев В. Я. 140
Новосильцев Н. Н. 109
Нонот, аббат 185, 191

Оболенский Е. П., кн. 62
Обрезков, губернатор 122
Оверстон (Лойд С.-Д.) 223
Одоевский А. И., кн. 91. 94—95
Одоевский В. Ф., кн. 117
Озерова Е. И. см. Горсткина Е. И.
О'Коннор А. 242
Олеарий А. 99
Оленин А. Н. 51, 57
Омир см. Гомер
Оранский В.-Ф.-Г.-Л., принц 47, 53
Орлов М. Ф. 48, 63, 80—81, 114
Осипов В. 188
Осипов И. 188
Остейн гр., австрийский посланник 137
Остерман А. И., гр. 132, 139—140, 143—144
Остерман-Толстой А. И., гр. 126
Островский А. Н. 23, 122
Отрепьев Г. см. Лжедмитрий
Охотников К. А. 80

Павел I, имп. 102, 124, 178, 192, 194
Павлов-Сильванский Н. П. 201

Палавандов Е. О. 103
Пальмерстон Г.-Д.-Т., гр. 241
Панаев И. И. 120, 128
Парвус (Гельфанд) А. Л. 269, 272, 284
Паскевич М. Н. 47, 50—51, 53—56
Пассек П. П. 113
Пассек Т. П. 154
Пестель П. И. 47, 74, 82—83, 90—91, 119, 198—199
Петр I, имп. 99, 129—131, 133, 135—136, 140, 142, 151—152, 157, 175—176, 181, 192
Петр II, имп. 129—130
Петр III, имп. 178
Петрарка Ф. 216
Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) М. В. 203
Петрункевич И. И. 272
Петрушка, слуга Д. И. Фонвизина 183
Пешехонов А. В. 271, 291
Писарев А. И. 117
Писарев Д. И. 87
Плеханов Г. В. 204, 284, 290, 305—306
Плутарх 88
Победоносцев П. В. 125
Поганкин, врач 140
Погодин М. П. 104
Полевой Н. А. 117
Поливанов И. Ю. 91
Полунин Ф. А. 184—185
Помпей Магнус Г. 241
Поспелов, студент 195
Потапов, генерал 68
Потресов А. Н. 258, 290
Поттер Э. 228
Прокопович Ф. 181
Прудон П.-Ж. 218, 248
Пугачев Е. И. 274, 288, 309
Пуришкевич В. М. 274, 289
Пушкин А. С. 3—4, 9—11, 13, 15—16, 20, 24—25, 30, 37—44, 46—51, 53—69, 72, 75—85, 91, 95, 121—122, 125—126, 151—155, 162, 173, 176, 180, 182, 195—198, 200, 252—253, 298—311
Пушкин Л. С. 59, 68
Пуцин И. И. 59—63, 68, 70, 74, 78, 95, 114
Пуцин М. И. 61—62
Пыпин А. Н. 87, 165—167, 169
Пыпина В. А. см. Ляцкая В. А.
Пыхачев М. И. 50—51, 57

Рабле Ф. 212
Радищев А. Н. 70—71, 88, 189—190, 196, 198
Раевские, семья 79, 81
Раевский А. Н. 88, 103
Раевский В. Ф. 201
Раевский Н. Н. (отец) 80—81, 88
Раевский Н. Н. (сын) 88, 103
Разумовский К. Г., гр. 176
Разумовский П. К., гр. 193
Ракшанин, офицер 57—58
Расин Ж. 189
Рахманинов И. Г. 185—186, 190—191

Рембрандт Харменс ван Рейн 35—36
 Репин И. Е. 4
 Рикардо Д. 302
 Римский-Корсаков Н. А. 4
 Ричард III, английский король 27
 Ришелье А. дю Плесси, де, кардинал 152
 Рознотовский Е. В. 186
 Романовы, династия 44, 130, 288
 Рошер В.-Г.-Ф. 222—223
 Румянцев М. П., гр. 193
 Руссо Ж.-Ж. 88, 180, 195, 198, 202, 204
 Рылеев К. Ф. 41, 47, 51, 62—63, 78, 95, 113, 147—152, 198
 Рындзюнский П. Г. 188

Савинков Б. В. 258
 Салтыков Н. И., гр. 190
 Салтыков П. И., гр. 89
 Салтыков С. А. 135
 Салтыков-Щедрин М. Е. 252—253, 255—256, 258—260, 289, 297, 299
 Самба М. 294
 Самборский А. А. 190
 Самойлов А. Б. 193
 Самойлов А. Н., гр. 190, 193
 Санд Ж. (Дюпен А.) 156
 Сегюр Л.-Ф., де, гр. 49
 Сей Ж.-Б. 218—219
 Семевский В. И. 163—164, 175
 Семенников В. П. 183, 190
 Семенов С. М. 62—63, 88, 198
 Сен Дидье, академик 196
 Сениор Н.-У. 211, 213, 223
 Сениявин И. П. 187—188
 Сервантес де Сааведра М. 212, 238, 249, 252
 Сердюков, городничий 190
 Сиповский В. 174, 187
 Сисмонди Ж.-Ш.-Л., де. 302
 Скворцов-Степанов И. И. 205
 Скотт В. 120—121, 152
 Смирнов Д. А. 87
 Смит А. 210, 217—218, 223
 Соймонов Ф. И. 140, 144—145
 Соловьев С. М. 134, 146
 Сомов О. М. 117
 Софокл 238, 250
 Спиридов М. М. 52—53, 55—56
 Стасова Е. Д. 284
 Столыпин П. А. 274, 288
 Строганов А. Г., гр. 91
 Струве П. Б. 291
 Стюарт Д. 214
 Суворов А. В., кн. 192
 Суда, де ля 128, 140, 145
 Сумароков А. П. 176—177

Талызин И. Д. 103
 Тассо Т. 189, 195
 Татищев А. И. 55, 200
 Татищев В. Н. 140
 Тацит П. Корнелий 140
 Твардовский А. Т. 36
 Теплов Г. Н. 186
 Терновский Ф. 174, 183
 Титов А. А. 188
 Толстой Л. Н., гр. 9—10, 23, 29, 39, 285, 290, 302

Толстой Я. Н. 91
 Тредьяковский В. К. 143, 153, 184—185
 Трепов Д. Ф. 270, 288
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 257, 278, 281
 Трубецкой Е. Н., кн. 274
 Трубецкой С. П., кн. 71, 78, 88, 91
 Туманский В. 197
 Тургенев И. С. 13, 23
 Тургенев Н. И. 42, 76, 87—88, 112, 114, 194—195
 Тьер А. 248
 Тынянов Ю. Н. 196
 Тютчев А. И. 53, 55—56
 Тютчев И. Н. 114
 Тютчев Ф. И. 22

Уатт Д. 222
 Урусов Г. А., кн. 140
 Ушаков А. И., гр. 144
 Ушаков М. А. 271

Фердинанд VII, испанский король 103
 Фогт К. 240
 Фок М. Я. фон 94
 Фолвизин Д. И. 48, 183, 198
 Фонвизин И. А. 72
 Фонвизин М. А. 62—63, 72, 103, 113
 Франц I, австрийский имп. 107
 Фрерон Э. К. 185
 Фридрих Вильгельм, курляндский герцог 130
 Фридрих-Вильгельм III, прусский король 107
 Фултон Р. 222
 Фурье Ш. 203

Ханыков А. В. 203
 Херасков М. М. 184
 Ховен Р. И., фон дер 104
 Холодова В. 161
 Храповицкий А. В. 178
 Хрущов А. П. 78
 Хрущов А. Ф. 128, 140—141, 144—145, 154

Цветаев Л. А. 87
 Цезарь Г. Юлий 183
 Цявловский М. А. 78

Чаадаев М. Я. 88
 Чаадаев П. Я. 88—89, 91, 103
 Чавчавадзе А. Г., кн. 103
 Чайковский П. И. 127
 Черкасский А. М., кн. 132, 139
 Чернов В. М. 282
 Чернов С. Н. 69
 Чернышева А. Г. см. Муравьева А. Г.
 Чернышевская Н. М. 166
 Чернышевская О. С. 164—165, 167, 169
 Чернышевские, семья 166—167, 169
 Чернышевский М. Н. 165, 167
 Чернышевский Н. Г. 20, 160—172, 202—204
 Чехов А. П. 260, 296

Чистоплюевы, старообрядцы 204
Чуковский К. И. 163
Чулков Н. П. 69

Шабловский М. И. 188
Шафиров П. П., бар. 135, 138
Шаховской А. А., кн. 77, 196
Шаховской Ф. П., кн. 91, 198
Шекспир В. 20, 28, 30, 189, 212,
238—247, 250, 252, 299
Шереметев В. В. 86
Шереметев Н. П., гр. 187
Шереметевы, семья 41
Шиллер И.-К.-Ф. 244, 299
Шкляревский И. И. 19
Шимков И. Ф. 49—50, 56
Шингарев А. И. 282
Ширинский-Шихматов А. А., кн.
196
Шишкин И. И. 135, 146
Шишков А. С. 196
Штейнгель В. И., бар. 198
Штрайх С. Я. 60, 62, 80
Шуазель Э. Ф., де, герцог д'Амбуаз
178
Шуб Е. М. 157
Шувалов А. П., гр. 175
Шувалов И. И., гр. 175—176, 186
Шумилов М. 183

Щеголев П. Е. 47, 51
Щербатов И. Д., кн. 91
Щербатов М. М., кн. 183

Эврипид 195
Эйдельман Н. Я. 83
Эйхлер И. 128, 140, 145
Эккартсгаузен К., фон 49
Эллис Д. 251
Энгельгардт Е. А. 59
Энгельс Ф. 205, 207—208, 214, 217,
223, 226—227, 231, 233—234, 239,
241—243, 248—249, 251
Эразм Роттердамский 212
Эссен А. М. (Мямлин) 278
Эсхил 238, 249

Ювенал Д. Юний 208
Южаков С. Н. 296
Юсупов Н. Б., кн. 176
Юшневский А. П. 82

Ягужинский П. И., гр. 137
Языков Д. Д. 174
Яковлев И. А. 154, 202
Якубович А. И. 86, 88, 102—104
Якушкин И. Д. 71—72, 76, 80, 82,
88—89, 112—115

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
I. О ТЕМЕ	
Функция художественного образа в историческом процессе	4
II. ПИСАТЕЛИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ	
«В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твой...»	46
Новое о Пушкине и декабристах	69
Рождение «Горя от ума»	84
«Ледяной дом» И. И. Лажечникова	120
Третий «Пророк» русской литературы	160
Вольтер и русское общество	174
III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ	
О художественных образах в работах К. Маркса . . .	205
Образы русской литературы в произведениях В. И. Ленина	252
IV. ПРИЛОЖЕНИЕ	
Библиографический список работ академика М. В. Нечкиной, включенных в сборник «Функция художественного образа в историческом процессе»	312
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	313

Академик
Милица Васильевна
НЕЧКИНА

**ФУНКЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОБРАЗА
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Сборник работ

✱

Утверждено к печати
Отделением истории
АН СССР

✱

Редактор издательства М. М. Медведев
Художник М. Р. Ибрагимов
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры М. В. Борткова, Л. Д. Собко

ИБ № 25202

Сдано в набор 14.01.82
Подписано к печати 2.04.82
Т-03272. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 16,8
Уч.-изд. л. 18,3. Тираж 16800 экз. Тип. зак. 1266
Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10